

**ПРБЖОК
ЛЕГЕНДУ**

Николай Гнидюк

**ПРѢЖОК
В
ЛЕГЕНДУ**

Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь»
Київ 1966

Живет в народе память о легендарном разведчике Николае Кузнецове и его боевых соратниках.

«Прыжок в легенду» — это волнующая повесть участника многих боевых операций группы разведчиков-медведевцев, действовавших в Ровно под руководством Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова. Яркая боевая жизнь Н. Кузнецова, Н. Приходько и других советских патриотов напомнит нашей молодежи о тех, кто в годину тяжелых испытаний не пожалел жизни во имя свободы и счастья любимой Отчизны.

Перевод с украинского автора,

7—3—3

Т. П. пов. № 128, 1966 г.

КИЕВСКАЯ
КНИЖНАЯ
ФАБРИКА

ДО СВИДАНИЯ, МОСКВА!

По Москворецкому мосту на предельной скорости мчался закрытый, выкрашенный в маскировочный цвет автобус. Ему преградил дорогу милиционер-регулирующий.

— Прошу предъявить документы, вы нарушили правила уличного движения,— обратился он к водителю.

— Прошу прощения, товарищ начальник,— виновато оправдывался водитель,— опаздываю, понимаю — спешу, но больше никакой вины за собой не чувствую...

Но блюститель порядка был неумолим.

— Повторяю еще раз: вы нарушили правила уличного движения, превысили скорость на мосту... Предъявите права и маршрутный лист.

Водитель подал документы. Милиционер не спеша принялся составлять протокол, не переставая отчитывать нарушителя.

— Товарищ начальник, — взмолился водитель, — запишите мой номер, но отпустите побыстрее...

— Что везете? — грозно спросил милиционер.

— Там в путевке все написано.

— «Спецгруз», — медленно прочитал регулировщик.

А что именно?

Для московского регулировщика это был обыкновенный автобус, каких сотни бороздили улицы столицы.

Если бы он знал, какой «спецгруз» везет автобус, вероятно, не задерживал бы водителя. Но регулировщик ничего не знал. Да и самому водителю известно было только, что к точно установленному времени он должен доставить на подмосковный аэродром одиннадцать парней в комбинезонах и шлемах. Он мог только догадываться, для какой цели предназначен этот «спецгруз».

Это были мы, парашютисты-разведчики, отправлявшиеся на оккупированную гитлеровцами территорию.

Кто входил в нашу группу? Опытные чекисты? Разведчики-профессионалы? Нет, обычные советские люди, которые незадолго перед этим распрощались со своими гражданскими профессиями, чтобы добровольно стать в ряды народных мстителей.

Двадцатилетний Коля Приходько, уроженец города Эдолбунова на Ровенщине, до войны работал на железной дороге. Эвакуировался в Пензу и снова пошел на транспорт. Петя Голубь был на год моложе Коли. Его детство прошло на Волыни, под Ковелем. На этой железнодорожной станции он стал помощником машиниста паровоза. Харьковчанин Саша Середенко был диспетчером службы движения, а Саша Яцюк-Павлеев — слесарем железнодорожных мастерских. Я тоже был железнодорожником, месяца четыре до этого еще работал помощником машиниста в депо Пенза-1, куда пришлось эвакуироваться в первые дни войны. Борис Сухенко представлял морской транспорт, он прибыл к нам из Заполярья. Возглавлял нашу группу москвич Иван Яковлевич Соколов, который до этого служил в интендантских войсках. Его заместителем был старший лейтенант Григорий Волков — кадровый офицер, пехотинец. Никто из этих товарищей раньше к десантному делу никакого отношения не имел.

Если кого и можно было считать «профессионалом-де-

сантником», то разве только Володю Скворцова. Самый младший в группе, он перед войной окончил десятилетку, потом курсы радистов. В качестве радиста и летел в отряд. Вместе с нами готовился к высадке во вражеском тылу Николай Васильевич Грачев. Никому из нас тогда даже в голову не приходило, что этот человек через некоторое время оденет форму немецкого офицера и будет выполнять самые ответственные и опасные задания; никто и не подозревал, что на самом деле этого человека звали Николаем Ивановичем Кузнецовым¹.

Почти четыре месяца проходили мы специальную подготовку под руководством опытных чекистов. Готовились напряженно. Иногда казалось, что сдадут силы, не выдержат нервы. Но каждый понимал, что это необходимо, во вражеском тылу будет еще труднее.

Вот и аэродром.

Около двухмоторного военно-транспортного самолета сутились люди в замасленных комбинезонах, вспотевшие от летней жары и напряженной работы. По их ловким, умелым движениям можно было догадаться, что заниматься этим делом им приходится не впервые.

Вскоре прибыл экипаж самолета, потом — несколько военнослужащих. Наконец, почти под самое крыло подъехал наш автобус.

Слышим, как прибывший на аэродром полковник строго предупреждает экипаж самолета:

— Смотрите не перепутайте координат и сигналов наших в тылу врага. Этих товарищей полковник Медведев ждет с нетерпением.

Командир самолета, внимательно выслушав полковника, ответил:

— Слушаюсь, товарищ полковник! Приказ будет выполнен!

Полковник подходит к нам, здоровается и под его контролем нас начинают снаряжать в путь.

Прежде чем пустить нас в самолет, инструкторы придирчиво проверили, правильно ли одет парашют, крепко ли держится десантная сумка, осмотрели каждую лямку и пряжку, каждую пуговицу. Но и этого оказывается недостаточно. Когда уже все, казалось, было готово, каждому из нас предложили в полном боевом снаряжении взвеситься. И тут случилось непредвиденное.

¹ В книжке он везде выступает под своей настоящей фамилией. (Прим. автора).

Мы не были предупреждены, что вес парашютиста вместе со снаряжением не должен превышать ста двадцати килограммов. Поэтому каждый из нас старался взять со склада побольше патронов и гранат. Особенно «отличились» Коля Приходько и Борис Сухенко, они набили патронами все карманы. Коля заполнил ими даже десантную сумку, предназначавшуюся исключительно для продуктов, а за пазуху спрятал две противотанковые гранаты.

И вот теперь оказалось, что вес Бориса Сухенко и Николая Приходько превышает десантную норму. Борису пришлось вывернуть карманы, а вот «разгрузить» Колю было сложнее. Не обошлось без смеха и шуток:

— Тебе бы, Коля, с грузовым парашютом прыгать..

— Или сразу с двумя. Тогда и оружия можно бы взять побольше. Скажем, танковый пулемет...

Полковник тоже не выдержал:

— Вероятно, придется отложить полет Приходько до тех пор, пока не изготовят парашют грузоподъемностью килограммов на двести...

Милый Коля Приходько! С ним всегда что-нибудь случалось. Высокий, широкоплечий, богатырского телосложения, с длинными крепкими руками и большими ногами, он напоминал мифического героя — Геркулеса. Сколько хлопот причинял он интендантам! Попробуй найти для него сапоги сорок шестого размера и пиджак с длинными рукавами!

— И откуда ты такой «нестандартный» взялся? — спрашивали они у Коли.

А он в ответ только улыбался.

Правда, иногда Геркулес нас здорово выручал. В свободное от тренировок время нам разрешали ходить по Москве. Это были тревожные для Родины дни, но, как и в мирное время, афиши приглашали в театры и кино. Билет достать нелегко — возле касс выстраивались длинные очереди, а выстаивать в них нам некогда было. В таких случаях мы давали Приходько «боевое задание». И когда в кассовом зале появлялась его богатырская фигура, очередь невольно расступалась, пропуская его к окошку.

Не обошлось без приключений у Коли и во время первых пробных прыжков с парашютом. Мы изучили инструкцию и знали, что одним из самых опасных моментов является приземление. Во время приземления, учили нас, необходимо свести ноги и слегка согнуть их. Этим дости-

гается амортизация. Коснувшись земли, нужно немедленно лечь на бок и потянуть парашют за нижние лямки, «погасить», так как ветер может подхватить его и понести вместе с человеком. Для парашютиста такой непредусмотренный полет может окончиться плачевно.

Все наши ребята придерживались инструкции и за приземление получили высокие оценки. Все, кроме Коли Приходько. Инструкцию он знал не хуже других, но намеренно нарушил ее. Богатырь никак не мог примириться с мыслью, что ветер способен свалить его с ног. Так он и остался стоять, едва его крепкие ноги коснулись земли. Он не лег на бок, а начал сдерживать парашют, вступив с ним в единоборство. Помотало Колю таки изрядно, но на ногах он устоял, доказал свое. Правда, за эту проделку его едва не лишили права лететь во вражеский тыл.

И теперь на аэродроме, когда полковник сказал Коле, что, возможно, придется отложить полет, тот не без волнения начал освобождать карманы и сумку, безоговорочно подчинился всем предложениям инструкторов. Жаль было расставаться с такими запасами, но ничего не поделаешь.

Наконец проверка готовности к полету закончена. Через несколько минут будет подана команда, и мы пойдем в самолет.

— Посидим, ребята, перед дорогой,— предлагает Николай Иванович Кузнецов.— Посидим на нашей родной московской земле. За нее идем сражаться. За то, чтобы никто, кроме советских людей, на ней не сидел.

Молча опустили мы на мягкую траву. В ту минуту прощания с родной Москвой земля казалась каждому из нас особенно теплой и приветливой. Какая тишина вокруг! Даже слышно, как лёгкий ветерок нежно шуршит в траве.

Война. Зачем? Злой, непрощеной гостьей ворвалась она в наш дом. Застонала земля, обогрелая кровью людей, осыпанная пеплом пожарищ. Лето сорок второго года не было для нас радостным. Хотя под Москвой враг и познал горечь поражения, положение на фронте оставалось очень серьезным. Щупальцы фашистского зверя охватили кольцом Ленинград, они тянулись на Кавказ, подползли к Волге. Но мы не теряли веры в завтрашний день и готовы были отдать все ради будущей победы. Во вражеский тыл летели только добровольцы, летели сознательно, зная,

что там нас на каждом шагу подстерегает опасность. Не поиски романтических приключений, не желание покрыть славой свое имя руководили нашими действиями. С сознанием долга перед Родиной, перед народом шли мы на защиту родной земли, нашей Советской Родины, и в мыслях каждого была уверенность в победе.

Двадцать ноль-ноль. Летчики в последний раз сверяют свои часы. Рукопожатия. Объятия. Поцелуи.

— До свидания, друзья!

— До свидания, Москва!

И вот уже наш самолет оторвался от бетонной дорожки аэродрома и взмыл в поднебесье.

Место, где нас наметили высадить, далеко от Москвы. Идет война, и враг внимательно следит за небом, отлично понимая, какие «сюрпризы» могут оттуда посыпаться. Поэтому мы летели, стараясь миновать опасные места, где по данным разведки располагались зенитные части противника, и избежать неожиданных встреч с фашистскими истребителями. Словом, пришлось сделать лишних несколько сот километров и снова ступить на... московскую землю.

А случилось это вот почему. Партизанский отряд Медведева, заканчивающий формироваться на Ровенщине, должен был принять нашу группу по условным сигналам: три костра, расположенные с востока на запад. Когда миновали линию фронта, немцам удалось засечь наш самолет. Они осветили его прожекторами и начали обстреливать. Осколки, словно горох, барабанили по фюзеляжу и крыльям. Появились пробоины. Не могу сказать, что в такие минуты человек чувствует себя прекрасно. Мы видели спокойные лица членов экипажа, слышали четкие, уверенные распоряжения командира самолета. Однако для нас, будущих разведчиков-партизан, впервые попавших в такую сложную ситуацию, минуты эти были не из приятных. И вдруг, что это? Николай Иванович поднялся и громко воскликнул:

— А ну, ребята, не падать духом, споем!

И затянул:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Мы все как один подхватили песню, забыв о том, что творится вокруг.

С фашистской силой темною,
С проклятою ордой...

Услышав песню, летчики присоединились к нам, и только командир корабля, сдержанно улыбнувшись, старался вывести самолет из-под обстрела. Самолет начал резко набирать высоту, петляя то вправо, то влево. Наконец, удалось уйти из зоны обстрела, и мы полетели дальше. Это непредвиденное обстоятельство и помешало нам добраться к месту назначения. Ориентир был потерян, летели наугад. А когда заметили три костра и, открыв люк, выстроились для прыжков, командир самолета неожиданно произнес:

— Прыгать не разрешаю. Возвращаемся назад.

Коля Приходько, как всегда, не выдержал:

— Как так — назад? Глядите: один костер, другой, третий...

— Верно, — ответил командир экипажа, — костров действительно три. Но присмотритесь, как они расположены: не с востока на запад, а с севера на юг. Не думаю, чтобы полковник Медведев мог ошибиться. Почерк Медведева я знаю хорошо. Придется брать курс на Москву.

Командир самолета был прав: костры действительно были не наши. Гитлеровцы специально разжигали по ночам в разных местах костры: авось клюнет! Но наших летчиков не так-то легко было провести!

Мы снова возвратились в Москву. Думали, что наш полет отложат на неопределенное время. Раньше ведь случалось: сообщат с утра, чтобы собирались, оденем снаряжение, просидим до вечера, а там отбой.

Нам долго ждать не пришлось. В ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое августа на том же самолете, с тем же экипажем мы поднялись в воздух. Благополучно миновали линию фронта. Вот и место приземления — Ракитнянские леса. Видим условные сигналы. Снова, как и в предыдущий раз, выстраиваемся для прыжков. Становимся по росту: самый низкий первым, а самый высокий — последним. В таком порядке приземление всей группы должно произойти почти одновременно.

Я прыгаю третьим. Стремглав лечу в темноту. Но вот парашют раскрывается, удобно устроившись на лямках, люблюсь ночной красой и плавно опускаюсь. Вдруг слышу:

— Привет, Коля! До встречи на земле!

Это — Борис Сухенко. Он прыгал через несколько человек после меня, а тут, в воздухе, буквально сел на мой парашют. Но поскольку Борис почти в полтора раза

был тяжелее меня, он скользнул по куполу и устремился вниз.

— Ни пуха, ни пера, Боря! — успеваю только крикнуть ему.

А Приходько снова не повезло. Покидая самолет, он так стукнулся головой о дверь, что набил большую шишку. Майор хотел было вернуть его назад, но передумал: это было бы для Николая страшным ударом.

Так наша группа приземлилась в глубоком тылу врага. Тогда мы не знали, что совершаем прыжок в будущую легенду, которой народ вскоре окружит имя одного из наших боевых друзей.

ПЕРЕД ПЕРВЫМ ЭКЗАМЕНОМ

В отряде нас давно ждали. Командир несколько дней уже поддерживал постоянную связь с Москвой, высылал в разные места разведчиков, которые в полночь зажигали костры. И вот мы приземлились и прибыли в отряд.

Мы — партизаны! Трудно передать чувства, овладевшие нами в те первые дни и ночи пребывания в отряде. Еще вчера были в Москве, бродили по улице Горького, по Красной площади, слушали мелодичный перезвон кремлевских курантов и, хотя радио и газеты приносили тревожные вести с фронтов, мы чувствовали себя относительно спокойно. А теперь... Кругом лес и топкие болота, а в селах, городах, на дорогах хозяйничают гитлеровцы. Они творят свои грязные дела. Топчут нашу землю.

Полесская земля... Чем провинилась она перед этими непрошеными гостями? Я лежу на пахучей траве под развесистой сосной и вспоминаю песню, которую пел в детстве, когда, босой, пас чужих коров на болотах:

Очерет був мені за колыску,
В болотах я родився і зріс.
Я люблю свою хату поліську,
Я люблю свій зажурений ліс.

Да, он был все время печальный от невзгод, которые не покидали его народ во времена господства польской шляхты. Он повеселел лишь золотой осенью тридцать девятого года, когда сюда пришла Красная Армия-освободительница. И вот снова он стал угрюмым и печальным от человеческого горя, от плача вдов и сирот, от стона

стариков. Но вместе с тем он стал грозой для врагов, этот молчаливый, величавый и непокоренный лес.

Хоч у злиднях живемо і бруді,
Та привілля яке повесні,
Коли виставиш вітрові груди
І летиш, і летиш на човні.
А вода і хлюпоче і плаче,
Захлинається в лютій злобі.
Ну, скажіть, в кого серце гаряче,—
Як Полісся й весну не любить?!

«Я люблю тебя, родное мое Полесье,— думал я в ту тихую августовскую ночь,— я люблю тебя, моя родная земля, я люблю тебя, моя Советская Родина. Меня, ничем не примечательного волинского парня, партия послала во вражеский тыл на беспощадную, грозную борьбу с фашистскими захватчиками. Спасибо тебе, Партия, за это доверие. Я оправдаю его. И какие бы трудности ни возникали на моем пути, какие бы опасности ни подстерегали, я не сделаю ни шага назад, буду бороться плечом к плечу со всеми за свою Отчизну».

В партизанском отряде полковника Дмитрия Николаевича Медведева ко времени нашего прибытия насчитывалось уже около ста человек, которые так же, как и мы, были сброшены в Ровенские леса на парашютах.

Гитлеровцы надеялись, что на западноукраинских землях, незадолго перед этим бывших под властью шляхты, они будут чувствовать себя куда спокойнее, чем на востоке Украины. Но враги просчитались. С одинаковой ненавистью гитлеровских головорезов уничтожали партизаны из Ровенских лесов и из одесских катакомб. И не бандеровские выродки были «хозяевами положения на Западной Украине», как об этом трубили статьи петлюровца Уласа Самчука, а советские патриоты, ковавшие победу над врагом в рядах народных мстителей, было ли то в соединениях Алексея Федоровича Федорова и Сидора Артемовича Ковпака, в Народной гвардии имени Ивана Франко, действовавшей во Львове, или в партизанском отряде Дмитрия Николаевича Медведева.

В составе нашего отряда были люди почти тридцати национальностей: русские, украинцы, поляки, чехи, армяне, узбеки, испанцы, евреи, белорусы, татары — все они вели борьбу против общего врага во имя общей цели. Объединяла их крепкая, нерушимая дружба, и жили они единой большой семьей, как родные братья и сестры.

Отряд Дмитрия Николаевича Медведева имел специальное задание. Его основной задачей была разведка. Не случайно местом расположения отряда было выбрано Ровно. Этот небольшой красивый город гитлеровцы объявили «столицей» оккупированной Украины. Львовская область, как и вся Галиция, была отделена от Украины и считалась провинцией «великого рейха». Там был отдельный губернатор, под руководством которого осуществлялся «новый порядок».

В Ровно облюбовал место для своей резиденции гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох, назначенный Гитлером рейхскомиссаром Украины. У этого сатрапа было много помощников: генерал Даргель ведал политикой, доктор Гель занимался финансами, генерал Кнутт — хозяйственными делами, генерал Кицингер был главнокомандующим войсками тыла. В Ровно находились полицейфюрер Украины генерал полиции обергруппенфюрер СС Прицман, верховный судья Украины, как именовали его немцы, сенатс-президент юстиции доктор Функ, командующий войсками особого назначения генерал Ильген и много других «фюреров» и «оберфюреров».

Все это не могло не заинтересовать советскую разведку, и, вполне понятно, что работы для специального отряда хватало. Особенность его деятельности требовала от каждого партизана высокой организованности, безупречной дисциплины, строгого порядка. Активно действовать отряд начал с первых же дней организации, и сколько карательных экспедиций гитлеровцы ни отправляли на его уничтожение, сколько бомб ни бросали на Ровенские леса, сколько провокаторов ни засылали в отряд, он продолжал жить, укрепляться, расти, бороться. И в том, что наш отряд оказался таким боеспособным и организованным, была большая заслуга наших командиров.

В первую очередь — Дмитрия Николаевича Медведева. Этот человек всю свою пятидесятилетнюю жизнь посвятил партии и народу. Еще в годы гражданской войны он почти юношей боролся с иностранными интервентами и их подручными на Украине, с бандами Махно и анархистами. Несколько раз был тяжело ранен. Образцом для себя он избрал Феликса Дзержинского и всегда ставил его в пример другим. В первые дни Великой Отечественной войны партия поручила Дмитрию Николаевичу формирование и руководство партизанским отрядом в Брянских лесах, а позже, весной 1942 года, его вызывают в Москву

для организации специального разведывательного отряда.

Первая встреча с командиром отряда произошла на следующий день после прибытия. Нас, новичков, по одному вызывали в штаб. Собственно, штаба в полном понимании этого слова не было. На небольшой лесной поляне стояла телега, поверх которой был натянут брезент. Это и была «ставка» нашего командира.

Высокого роста, с продолговатым смуглым лицом, умными, пристальными глазами, стройный, всегда подтянутый, он показался нам вначале сухим и официальным. Но стоило ему произнести несколько фраз, и за внешней суховатостью проступало тонкое знание человеческой психологии, умение быстро находить необходимый ключ к сердцу собеседника и вызывать расположение к себе.

Запомнилась его первая фраза:

— Ну, как там Пенза? Тоскует дивчина по гарным очам твоим? Небось, оставил?

Признаться, я не ожидал такого обращения от человека, который вначале показался мне хмурым, строгим. Медведев улыбнулся. По-товарищески, словно мы давно уже были знакомы, взял за плечо и повел к поваленной сосне, растянувшейся почти через всю поляну.

— Присаживайся, — сказал. — Потолкуем о житье-бытье. Рассказывай, как устроился, как ребята? Отдохнул?

И от этой непринужденности, я бы сказал, даже простоватости в обращении с подчиненными мне стало как-то особенно хорошо. Захотелось открыть человеку душу.

Медведев внимательно слушал, не перебивал. А когда я закончил рассказ, заметил:

— Знаешь, я тебя именно таким и представлял.

— Значит, вам было все известно обо мне?

— И о тебе, и о других ребятах, с которыми ты прилетел, — улыбнулся.

Позже я узнал, что, будучи в Москве, Дмитрий Николаевич лично ознакомился с документами будущих разведчиков. Из нескольких десятков папок с документами, скупо характеризовавших каждого из нас, он отобрал необходимое количество. Отбор этот происходил не формально. Нужно было обладать огромным опытом изучения людей и тонким чутьем, чтобы суметь безошибочно, непосредственно не выдавшись с человеком, остановить на нем свой выбор или отвергнуть его кандидатуру. Таких «отвержен-

ных» оказалось немало. А в тех, кто был отобран в отряд, Медведев не ошибся.

— Знаешь ли ты, какую работу тебе предстоит выполнять? — спросил он меня.

— Нас готовили к разведке, — ответил я. — Но одно дело быть «разведчиком» в Москве, а иное — здесь.

— Да, ты прав. Здесь будет все по-другому. Там ты ходил среди своих, не подвергал себя никакому риску. А здесь окажешься в необычном, даже загадочном мире. Немцы для тебя будут ясны — это враги, хотя и немец немцу рознь, и к ним надо присматриваться: авось найдется полезный человек. Иное дело — население. Встретишься с человеком и не знаешь: кто он тебе — друг или недруг, что на сердце у него, какие мысли в голове. И зачастую самому, без добрых советов и указаний придется выпутываться из сложных обстоятельств.

Медведев посмотрел мне в глаза и, видимо, уловив в них неуверенность, добавил:

— Но не надо отчаиваться. Я ведь тоже помню себя таким. На заре юных лет мне захотелось повидать батьку Махно. Прикинулся кучером и повез одного нашего человека к махновцам. Они думали, что человек этот заодно с анархистами, а он — наш чекист. Приехали на хутор, и тут я по неопытности чуть себя не выдал. И кому? — Дмитрий Николаевич рассмеялся: — Ребенку, девочке, которая сразу же распознала во мне лжекучера. Но все обошлось благополучно. Так что не святые горшки обжигают. Были и мы молодыми...

Потом, немного подумав, произнес:

— Уверен, что из тебя будет хороший разведчик.

— Постараюсь, — ответил я.

Мне хотелось спросить, когда я получу первое задание. Но Дмитрий Николаевич опередил меня:

— Тебе, наверное, не терпится в город? Но придется подождать. Побудешь в отряде, похлебаешь партизанской болтушки. Ты, кажется, в отделении у Сарапулова?

— Да.

— Он немного строговат, погоняет тебя как следует. Ты ведь в армии не служил? Строевой не занимался? Ну, ничего. Только не злись, если Сарапулов будет придирааться. Он ведь не знает, что из тебя готовили разведчика, а не строевика. И другие ребята из отделения не знают.

В лице подполковника Александра Александровича Лукина Медведев нашел достойного заместителя по раз-

ведке, а мы, рядовые разведчики,— умного и вдумчивого наставника. Александр Александрович — также старый чекист. Вместе с Дмитрием Николаевичем он в начале двадцатых годов сражался против врагов молодой Республики Советов. Позже им не раз приходилось встречаться, и вот в феврале 1942 года они готовят специальную оперативную группу для выполнения особых заданий в глубоком вражеском тылу. Вместе они 20 июня на парашютах опустились в тыл врага.

Душой всего отряда был его комиссар — подполковник Сергей Трофимович Стехов. Всю свою жизнь он посвятил воспитанию советских людей. Стехов был политработником в Советской Армии, отсюда его и направили в наш отряд. Дмитрий Николаевич Медведев нашел в Стехове отличного помощника, умеющего зажигать сердца партизан ненавистью к врагу, пробуждать в них чувство любви к Родине, партии, сознание своего высокого долга перед народом. Мы любили его.

Не только словом, но и личным примером он воспитывал партизан. Во время боя Сергей Трофимович был впереди, в тяжелых изнурительных переходах — рядом и всегда там, где требовалась его помощь, возле раненых читал газету или у костра вместе со всеми пел песню, вел задушевный разговор.

И когда я сейчас припоминаю все трудности борьбы в тылу врага, еще раз прихожу к несомненному убеждению, что такие командиры, как Медведев с его требовательным стойким характером, Лукин с его пронизательным умом, оперативной хитростью и находчивостью и наш партизанский комиссар с большим человеческим сердцем — были одним целым, незаменимым для нас, партизан, для тех сложных задач, которые предстояло выполнять нашему отряду. Они как нельзя лучше дополняли друг друга, были, если можно так выразиться, нашим коллективным наставником.

Прибытие с Большой земли каждой новой группы превращалось в отряде в своеобразный праздник. Новичков обступали со всех сторон, забрасывали вопросами, угощались «Казбеком», до дыр зачитывали последние номера «Правды» и, конечно, нетерпеливо выхватывали из рук письма родных и близких. Мы знакомились и сразу же переходили на «ты», и, уже спустя несколько часов, казалось, будто все мы знаем друг друга давным-давно.

В первый же день я познакомился с испанцем Ортунио Филиппе. Он подошел ко мне, протянул руку, блеснув черными глазами, и громко сказал:

— Буэнос диас, компаньеро!¹

— Здравствуй, друг! — ответил я. — Будем знакомы. Николай Гнидюк.

— Карашо! Ортунио Филиппе.

Мы обнялись. Он рассказал мне о себе и своих товарищах. Их в отряде было около двадцати. Они сражались против фашистской диктатуры Франко, а после падения Испанской республики приехали в Советский Союз. Когда началась Великая Отечественная война, они в числе первых записались добровольцами и пошли воевать против гитлеровских захватчиков.

— Понимаешь, Николай, — говорил мне Ортунио Филиппе, — русские сражались за свободу Испании, а наш долг сражаться за свободу России. Мы верим в победу над фашизмом и знаем, что борьба против фюрера это борьба против каудильо.

Мы с Ортунио попали в одно отделение, и я сразу же почувствовал, что нашел в нем настоящего друга.

Отдыхать долго не пришлось: отряд должен был сменить свое расположение, так как условные костры, разжигавшиеся несколько ночей подряд, и появление советского самолета в Ровенских лесах не могли остаться незамеченными врагом, и можно было в любой момент ждать карателей.

Для нас, новичков, переход был нелегким. Первых два десятка километров еще можно было терпеть, а потом становилось все трудней и трудней. Ноги опухли, на них повыскакивали волдыри, к тому же еще вещевого мешок врезался ремнями в тело и тянул назад.

Нестерпимо. А отряд идет и идет, кажется, конца-края не будет дороге. Вдруг знакомый голос обращается ко мне:

— Слушай, друг, давай сюда свой мешок!

Это Филиппе. Он подходит ко мне и берет рукой за ремень.

— Нет, Ортунио. Спасибо, не надо. Я сам.

— Не строй из себя героя, — говорит он. — Это никому не нужно. Мне в Испании тоже было нелегко, когда приходилось совершать большие переходы. Я знаю, как тебе

¹ Здравствуй, товарищ! (Исп.)

трудно сейчас. Давай свой мешок и не стыдись. Тут нечего стыдиться.

Он взял мои вещи, да еще время от времени меня поддерживал. И на сердце стало веселее, и идти легче рядом с бодрым, сильным и отважным человеком.

Я всегда восхищался его выдержкой. Если приходилось с ним вместе стоять на посту, он обязательно просил, чтобы ему продлили «вахту».

— Я спать нет. Я стоять будет еще, — говорил он.

Одно было неудобно: он (как, впрочем, и другие его соотечественники) не умел разговаривать тихо, и к тому же плохо владел русским языком. Поэтому при выполнении заданий испанцам приходилось молчать.

— Мне рот — вода, — говорил Ортуньо и прижимал к губам палец.

Зато когда надо было кричать «ура!», наши компаньеры отводили душу.

Командиром нашего отделения был назначен старший сержант Сарапулов. Для него приказ старшего начальника — закон, и сам он требовал от подчиненных беспрекословного выполнения своих распоряжений. От него только и слышно было:

— Ортуньо! Разговорчики!

А Ортуньо, когда начинал о чем-нибудь рассказывать (особенно о своей Марии, с которой они поженились в Москве, и о маленьком Володьке), входил в такой азарт, что не слышал никаких замечаний командира. И тогда старший сержант Сарапулов начинал читать рядовому Ортуньо Филиппе длинную мораль.

А впрочем, не одному ему доставалось от командира отделения. Не избежал нотаций и я. Однажды слышу:

— Гнидюк, к командиру!

Я подумал, что меня вызывает Дмитрий Николаевич, и направился в штаб. Вдруг за спиной прозвучало:

— Куда? Назад!

Это — Сарапулов. Когда я подошел к нему, он осуждающе посмотрел на меня и спросил:

— Разве вы не знаете, кто ваш непосредственный командир? Устав изучали?

— Простите, но...

— Как нужно отвечать? Не знаете? И вообще, почему вы не стоите смирно, а переваливаетесь с ноги на ногу? Вы куда пришли, может, на танцы? Или к теще в гости?

— Товарищ командир отделения, я сроду не был в

армии, и никто меня не учил, как нужно себя вести перед командиром.

— А чему же вас тогда учили, прежде чем послать сюда?

— Нас учили воевать с врагами.

— Плохо учили. На первый раз делаю вам замечание. Но если случится еще что-нибудь подобное — получите наряд вне очереди. Идите!

Я усиленно начал изучать уставы, и, когда спустя несколько дней меня вызвал старший сержант, я четко, по-военному подошел к нему и, взяв под козырек, отпортовал:

— Товарищ командир отделения! Боец Гнидюк был по вашему приказу.

— Сейчас пойдете на пост — охранять штаб.

— Слушаюсь! Но у меня нет автомата.

— А куда же вы его девали? Потеряли или забыли захватить из Москвы?

— Не выдали, товарищ командир отделения.

— А что же вам выдали? Костюм? Галстук?

— Нам выдали пистолеты и гранаты. А костюмы и галстуки нам тоже дали, вот мы и взяли их с собой в отряд.

Эх, и начал тут старший сержант Сарапулов читать мне мораль!

— Присылают сюда всяких, не разобравшись. Вместо того, чтобы взять автомат и побольше патронов, он таскает с собой костюм и галстук. Наверно, еще и лакированные туфли не забыл захватить... Он думал, что летит на свадьбу, а не в партизанский отряд. Я отобью у вас охоту к галстукам и костюмам. Сегодня же доложу командиру взвода. Пусть он отберет ваш коверкот и лаки. А если нет — пусть вас забирает отсюда. С такими навоюешь!

Я не сердился на него. Что поделаешь: наши с ним функции в отряде совершенно разные. Мне об этом известно, а ему — нет. И в этом не его вина.

Через день нам действительно пришлось с ним распрощаться. И не потому, что он пожаловался на меня командиру взвода, просто пришла моя очередь идти на первое задание в Ровно.

Меня вызвали в штаб. На лесной поляне у костра я увидел Медведева, Лукина и Стехова. Тут же сидел Николай Иванович Кузнецов.

Подойдя, я вытянулся по стойке «смирно» и отрубил:
— Товарищ командир отряда! Боец Гнидюк прибыл по вашему приказу.

Медведев усмехнулся.

— Вижу, что наука Сарапулова не прошла даром. Рапортует, как настоящий военный. Садитесь. Кстати, это тоже было для вас, будущего разведчика, своего рода проверкой. Плохо только, что Сарапулов подметил у вас лакированные туфли.

— У меня не лакированные, Дмитрий Николаевич, а обыкновенные кожаные, желтого цвета.

— А откуда же он взял, что вы носите с собой лакированные туфли?

— Это просто его фантазия...

— Ну хорошо. Оставим это. У нас есть более важные дела. Вам необходимо поехать в Ровно.

Слова командира обрадовали меня: значит, начинается настоящая разведка! Скорее бы в город, скорее бы проверить свои возможности, скорее бы...

— Слушаюсь, товарищ полковник. Когда прикажете отправляться?

— Какой он нетерпеливый, Александр Александрович,— обратился Медведев к Лукину. И, переведя взгляд на меня, продолжал: — Разведчику необходимо в таких случаях иметь железную выдержку. Но ваш отъезд мы не собираемся откладывать. Думаем, двинетесь дня через три. Все будет зависеть от того, как быстро вы подготовитесь. Подробности согласуете с Александром Александровичем и вот с этим товарищем,— он повернулся к Кузнецову.— Надеюсь, вы знакомы?

— Да, с Николаем Ивановичем мы вместе готовились и вместе прилетели в отряд.

— Знаю. Должен сказать, что ваша поездка в Ровно будет, так сказать, нашей пробной вылазкой. Мы уже посылали туда кое-кого из местных товарищей. Получили сведения. Вы же должны изучить город, научиться свободно в нем ориентироваться, узнать, чем он живет, каковы в нем порядки. Словом, разведать то, что нам необходимо для дальнейшей работы. Времени даем на это немного: не более десяти дней. Если управитесь быстрее — возвращайтесь.

Мы еще долго сидели с Лукиным и советовались, как лучше одеться, с какими документами ехать, какими дорогами и на чем добираться в город. Наконец, догово-

рились: я поеду через два дня на подводе в обыкновенной крестьянской одежде, босиком. Готовиться к поездке начнем завтра с утра.

Прощавшись с Лукиным, я пошел в свою палатку и уже лег отдыхать, как вдруг услышал голос Кузнецова:

— Николай, ты не спишь?

— Нет, заходите, Николай Иванович.

— Лучше ты выйди. На свежем воздухе хорошо...

Я вышел.

— Пройдемся? — предложил Кузнецов.

— Пошли!

Несколько минут мы шли молча. Я думал о полученном задании. Николай Иванович... Зачем он ко мне пришел? И почему командир велел именно с ним посоветоваться относительно деталей моего отъезда в Ровно?

Вспомнил, как еще совсем недавно мы вместе с ним готовились в Москве к полету. Как метко стрелял он по мишеням! А мне не везло. Товарищи смеялись, шутили, но мне было не до шуток: еще, чего доброго, забракуют и оставят в тылу.

— Прекратите, ребята, — сказал тогда Кузнецов моим насмешникам. Он взял меня за руку, отвел в сторону и посоветовал: — Не расстраивайся. Главное — больше уверенности в свои силы. И еще попробуй заменить пистолет. Видишь, как туго идет пружина спускового механизма. Когда ты нажимаешь, пистолет вздрагивает, поэтому и промахиваешься. А шла бы пружина плавно — все было бы нормально.

Я послушался его совета, и дела у меня пошли значительно лучше: экзамены по стрельбе я сдал на отлично. С тех пор я часто обращался к нему за советами как к человеку, старшему по возрасту, более опытному. И вот сейчас, перед выполнением первого серьезного задания, мы снова вместе, и я снова жду его совета.

Но он начал с другого.

— Знаешь, Коля, я просил командование, чтобы меня вместе с тобой отпустили в Ровно. Но Медведев категорически отказал.

— Жаль. Вместе нам было бы лучше.

— Конечно. Но этот проклятый немецкий мундир...

— Какой мундир?

— А, я и забыл, ты ведь ничего не знаешь. Для тебя, как и для других, это тайна. Ну что же, тебе ее можно

открыть. Пока что лишь тебе одному. Понимаешь, я должен появиться в Ровно как немецкий офицер.

— Вы, как немец? — удивленно переспросил я.

Как-то в Москве, разговаривая с товарищами, я употребил несколько немецких слов.

— Ты у нас говоришь, как настоящий немец, — смеялся Коля Приходько.

— А что, — не сдавался я, — ты еще услышишь, как я с ними буду разговаривать.

— А ты в самом деле знаешь немецкий язык? — спросил тогда Николай Иванович.

— Да так, с грехом пополам.

— Я тебе завидую, — сказал он серьезно, — ты даже знаешь немецкий язык.

Он начал спрашивать, как называется по-немецки тот или иной предмет. И вот теперь оказывается, что Кузнецов должен исполнять роль немецкого офицера.

— Но вы же завидовали мне, когда слышали от меня несколько немецких фраз!

Николай Иванович усмехнулся:

— А что мне было делать: исправлять твои ошибки и хвастаться перед вами своим знанием немецкого языка? Я и сам не знаю, удастся ли мне эта роль. Вот когда встречу с настоящим немцем и поговорю с ним как следует, тогда увидим, чего стоят мои знания. А пока мне предстоит сидеть в отряде и готовиться. Ты, Николай, в Ровно будешь теперь моими ушами и глазами. Все, что услышишь и увидишь, расскажешь мне. Я никогда не был в этом городе, а должен знать его, как свой родной. Словом, ты меня понимаешь.

Да, я хорошо понимал Николая Ивановича. И до этого он казался мне человеком особенным, не таким, как другие наши ребята — будущие разведчики. А с той минуты, когда открыл мне свою тайну, он стал для меня еще привлекательнее. «Что мы, — думал я, — в сравнении с ним! Мы станем разведчиками, но останемся такими же, как и есть. А он из русского должен перевоплотиться в настоящего немца, в офицера. Должен все время находиться среди гитлеровцев и не вызвать никаких сомнений относительно своей личности. Тут нужно изменить не только свой внешний вид и уметь безукоризненно говорить по-немецки. Этого мало. Нужно стать немцем по характеру, немцем по привычкам, немцем по всему поведению. А как тяжело это сделать, если сердце горит

ненавистью к фашистам, горячей любовью к родной Отчизне!

Выдержит ли он этот неимоверно трудный экзамен? Выдержим ли свой экзамен мы, советские разведчики?»

КОРЧМА ПАНА ЗЕЛЕНКО

Подготовка к отъезду в Ровно продолжалась почти целый день. Нужно было подыскать хорошую подводу и пару подходящих лошадей. С подводой дело было легче, а вот с лошадьми! Когда привели к штабу вороных красавцев, Лукин забраковал их.

— Лошадей нужно найти сильных, здоровых, но таких, чтобы не бросались в глаза. А на этих только парад принимать. Да не забудьте захватить с собой мешка два овса. Худая и вялая лошадь, если по дороге подкинуть ей овса, приободрится.

Совет Лукина пришелся очень кстати, но не так легко было найти неброских лошадей, которые бы выдержали стокилометровую дорогу.

Немало довелось повозиться с моей одеждой. Костюм и галстук я хранил в вещевом мешке, и там они так измялись, что страшно было взглянуть. Где и чем выгладить? Эта проблема оказалась очень сложной. Кто-то посоветовал намочить костюм и развесить на проволоке. Попробовали, но напрасно. Наконец, нашли большой топор, разогрели его на костре и на обыкновенном дубовом пне выгладили мою одежду. Эта процедура отняла у нас немало времени, но костюм выглядел на мне так, будто его только что сняли с манекена. После этого случая ребятам дали задание раздобыть настоящий утюг.

Когда все было готово, мы еще раз решили посоветоваться, каким путем лучше ехать в Ровно. Возникло несколько вариантов. Один — добираться до города глухими дорогами, минуя большие населенные пункты. Его можно было бы принять, если бы мы наверняка знали, где расположены мосты через реки. Такой карты у нас было, а ехать наобум рискованно.

Николай Иванович предложил другой маршрут.

— Настоящий разведчик, — сказал он, — никогда не

идет темными тропами. На них легче вызвать к себе подозрение, чем в людных местах. А поэтому лучше всего выбраться на шоссе и через Березно, Костополь и Александрию преспокойно махнуть в Ровно. А если встретятся гитлеровцы, то не бояться смотреть им прямо в глаза, нужно только встать и приветствовать их возгласом: «Хайль Гитлер!» Это они любят.

Вариант Кузнецова был принят, и на следующее утро мы двинулись в далекий путь.

Вместе со мной в Ровно ехала уроженка этих мест, крестьянская девушка Мария Курильчук. Вся семья Курильчуков, связанная с партизанами, рада была оказать нам услугу. Двоюродный брат Марии, работающий учителем, даже дал мне в дорогу свое удостоверение — аусвайс.

Девушка ехала в Ровно с заданием устроиться на работу, разыскать своих школьных подруг — бывших комсомолок, и попытаться привлечь их к разведывательным действиям.

Поездка с Марийкой была довольно веселой. Она рассказывала о своей школе, о подругах, расспрашивала о Москве.

— А правда, — интересовалась девушка, — что в Москве поезда с бешеной скоростью мчатся под землей?

— Правда, Марийка, я часто ездил в метро.

— А правда, что в этих поездах двери сами открываются и закрываются?

— Правда.

— А может ли поезд под рекой двигаться?

— Отчего же нет?

— А вы спускались под землю по бегущим лестницам?

— Да, на эскалаторе.

Разузнав о «подземных делах», Мария заинтересовалась «небесными».

— А вы боялись прыгать с самолета?

— Нет, не боялся. У меня же был парашют.

— А если б он не раскрылся?

— Такого быть не может. Десантный парашют так сконструирован, что обязательно раскроется.

— А как там, в воздухе?

— Обыкновенно. Такое впечатление, будто не летишь вниз, а висишь, покачиваясь в воздухе. Вдыхаешь

всей грудью свежий воздух и даже не веришь, что там, внизу, идет война и он загрязнен пороховым дымом.

Потом она спросила, что я буду делать, когда закончится война.

— Я об этом не думал, Марийка. А вот что нужно сделать для ее быстрейшего окончания,— об этом думаю. Разобьем фашистов — дело найдется всем, ведь столько разрушено.

— А мне кажется, что после победы мы заставим этих извергов восстановить то, что они разрушили. Иначе как же: они на нас напали, они все уничтожили, а мы после этого еще будем на них спокойно смотреть! Мама говорит, что Советское правительство не простит оккупантам того, что они уничтожили в нашем селе школу... А у меня есть мечта. Закончится война, пойду в медицинский, стану врачом. У нас в селе учителя есть, а врача нет. Вот я и буду врачом.

Время бежало быстро. Вот Березно за рекой. Сейчас должен быть мост через Случ. Но что это — объезд? Да. Мост разрушен. Надо переправляться по временному и даже частично вброд.

У самой воды нас остановила старушка:

— Подвезите, родненькие.

— А куда тебе, бабушка?

— В Ровно. К дочке. Она там живет.

— А что она делает в городе?

— Ничего. Сидит возле своего мужа. А у него собственный дом и небольшая корчма.

Сначала я хотел обмануть старуху, дескать, мы едем совсем не в Ровно, но когда услышал, что у ее зятя собственный дом да еще и корчма, изменил свое намерение.

— Садитесь, бабушка, довезем вас прямо к дочке. А ну, Марийка, подвинься, пусть бабушка сядет.

Зять с корчмой казался мне счастливой находкой. Ведь я ехал в Ровно, не имея там ни связей, ни знакомых. Надеяться на подруг Марийки? Еще неизвестно, можно ли будет найти у них приют, а главное — как быть с подводой? Правда, в отряде мне предлагали бросить лошадей, как только мы доберемся до города. Но мне не хотелось этого делать. Нужно будет еще возвращаться в отряд, а на чем?

Именно поэтому я любезно пригласил старуху на подводу и помог уложить узел.

На улицах Березно было пустынно и тихо. Летняя жара загнала всех в холодок. Я ожидал встретить здесь немцев или полицейских, но напрасно — местечко мы проехали без всяких осложнений. Едва выбрались из него, старуха начала рассказывать, почему именно она едет к дочке в Ровно.

— Живу я тут недалеко. Есть хатенка, есть корова, небольшой огород. Дочь училась в Ровно на портниху. Познакомилась там с парнем и вышла замуж. Через год, само собой, внучка появилась. Живут они с мужем хорошо. Зять мой очень способный человек. Держит корчму. Каждый день — свежая копейка. Сначала мне не хотелось покидать село, но сейчас там очень опасно. Ходят слухи, будто в лесу какие-то партизаны появились. Были и в нашем селе однажды ночью. А днем приехали немцы, созвали людей и стали угрожать: кто будет пускать партизан и давать им продукты, того ждет смерть. Страшно теперь. Очень страшно. Вот я и решила: поеду к дочке, буду нянчить внучку. Может, не откажет зять в куске хлеба.

Она продолжала рассказывать о дочери и зяте, вспоминала своего мужа, умершего несколько лет назад (работал в лесу, однажды его основательно просквозило, он заболел и отдал богу душу), и через какой-нибудь час-полтора мы уже знали почти всю ее биографию.

Я внимательно слушал старуху (может быть, какая-нибудь деталь пригодится) и не сводил глаз с шоссе, по которому время от времени ехали навстречу подводы: не немцы ли, случайно? Сам я до тех пор настоящих, живых немцев не видел. Как-то, еще зимой сорок первого, нашу паровозную бригаду послали из Пензы на станцию Москва-Сортировочная, и там я впервые увидел оккупантов. Но то были пленные. Грязные, напуганные, обмороженные, они казались скорее тенями, чем живыми существами. А других, тех, что считают себя завоевателями, — встречать не приходилось.

Недалеко от Костополя мы увидели впереди несколько подвод.

— Кажется, немцы, — с тревогой в голосе проговорила Марийка.

— О, они тут часто разъезжают, — обрадовалась новой теме для разговора старуха. — Все чего-то ищут: то о партизанах спрашивают, то им сала, — они называют его шпек, — давай. То за птицей гоняются. Такие обжоры,

что больше некуда! Наверно, у них в Германии всего не хватает, иначе с чего бы им быть такими жадными. В нашем селе ни одной курицы не осталось. Перед пасхой собрала я с десяток яиц и посадила на них наседку. Так они, проклятые, и яйца повыпывали, и наседку утащили. Я говорю им: «Ведь то же наседка! Ее нельзя есть». А они: «Гут, гут»,— и больше ничего... А наседку таки унесли.

Марийка не ошиблась: навстречу нам в самом деле ехали немцы. Был среди них офицер: худой, белобрысый, в очках.

С непривычки мороз пробежал по спине, но я, помня совет Кузнецова, остановил лошадей, приподнялся и выкрикнул: «Хайль Гитлер!» Когда мимо нас проезжала подвода с немецким офицером, он уставился на меня своими очками и приказал солдатам обыскать нас. «Хальт!», «Хенде хох!», «Вохин фарен зи?», «Документ!» — выкрикивали гитлеровцы, обступив мою подводу.

За поясом у меня было два пистолета, в карманах — несколько «лимонок», а на подводе, в ногах, портфель, в котором лежали мои туфли и пара противотанковых гранат. Я ехал босиком, а крестьянский пиджак и полотняные штаны надежно прикрывали мой отутюженный костюм.

Сначала я было растерялся, не зная, что делать, и готов уже был запустить одну противотанковую гранату в подводу, на которой восседал офицер, а вторую в ту, что как раз подъезжала. В такие критические секунды в человеческом мозгу идет борьба противоположных решений. Пока я искал правильный выход из сложившегося положения, солдаты успели схватить узел старухи и вытянуть из-под сидения мою сумку. Один солдат отломил кусок хлеба и колбасы и понес офицеру, а другие сами начали «заправляться».

На подводе с офицером ехал невысокого роста мужчина в гражданской одежде. Я догадался, что это переводчик, вероятно, из местных, и с интересом принялся рассматривать его. Переводчик ловко соскочил с подводы, поздоровался со мной на польском языке и начал допрашивать. Его «дзень добри» обнадежил меня. «С этим панком можно найти общий язык»,— подумал я.

— Куда едете?

— В Ровно.

— По какому делу и откуда?

— Я учитель польского языка. В украинских селах полякам теперь жить опасно, а тут еще банды появились в лесах. Вот и решил податься в Ровно: быть может, повезет оттуда перебраться в Польшу.

— Есть при вас документы? — ласковее спросил он.

— Разумеется!

Я достал свой аусвайс.

— Курильчук Стефан? — переводчик вперил в меня удивленный взгляд.

— Так точно, Курильчук Стефан, — повторил я.

— Но простите! Я Стефана знаю лично. Это мой лучший друг еще по школьной парте. А этот аусвайс я сам помог ему достать. Как он к вам попал?

— Извините, ласковый пан. Не буду возражать, что этот документ вы помогали достать пану Курильчуку. Вы говорите, что он ваш лучший друг. Но мне он еще больший друг, если одолжил свой аусвайс. Поверьте мне!

— Смешная история, пся крив! — выругался переводчик. — Что же мне с вами делать? Скажу офицеру, и вас расстреляют. Да и Курильчуку влетит.

— Если в самом деле этот аусвайс выдан по вашей рекомендации, немцы вас тоже по головке не погладят, — добавил я.

— Я понимаю, понимаю. Но что мне делать с вами? Все это так неожиданно...

Я продолжал наступать на переводчика, говоря, что немцы не станут долго выяснять, почему он помог Курильчуку с аусвайсом. А когда офицер начал кричать с подводы: «Что там такое?», я сказал:

— Моя судьба в ваших руках. Но бог не простит поляку, если он предаст своего брата по крови и отдаст его, невинного, на смерть. Если в ваших жилах течет польская кровь, вы поможете мне выпутаться из этого тяжелого положения.

Эти слова окончательно подействовали на переводчика, он возвратил мне аусвайс, подошел к офицеру и сказал, что я его школьный приятель и документы у меня в порядке.

Мы «нежно» попрощались, а офицер выругал солдат за то, что они так некультурно со мной обошлись и съели мои запасы колбасы. Один из оккупантов даже вытащил из своей сумки сало и швырнул в нашу подводу.

Позже мне приходилось попадать и в более сложные ситуации, но эта встреча с карателями (наверное, потому что она была первой) особенно запечатлелась в моей памяти. Я, молодой, неопытный советский разведчик, вышел победителем в поединке с этими шакалами. Почему? — не раз спрашивал я себя. Не потому ли, что здесь, среди врагов, за сотни километров от Большой земли, мы всегда верили в нашу победу, любили свою Родину и готовы были в любую минуту отдать за нее жизнь?

— А вы здорово того поляка обвели вокруг пальца, — говорила старуха. — Я же вижу, что вы не поляк, а он поверил. А хорошо было бы, если б ни поляки, ни украинцы не выдавали друг друга. И чтобы немцы были людьми. Тогда, может быть, и войн не было бы.

— Не все немцы, бабушка, плохие. Это только фашисты.

— И проклятый Гитлер, чтоб ему пусто было, — встала старуха.

Миновав Костополь, мы заночевали на каком-то хуторе, а на второй день к обеду прибыли в Ровно.

Марийка пошла к своим знакомым, договорившись со мной о месте и времени нашей встречи. Я же со старухой поехал к ее дочери и зятю.

На улице Золотой, 10, стоял аккуратненький особняк с широкими стеклянными дверями, выходившими прямо на тротуар. Над входом прикреплена довольно хорошо нарисованная вывеска:

КОРЧМА п. ЗЕЛЕНКО ЕСТЬ ВДОВОЛЬ ЗАКУСКИ И САМОГОНКИ

— Вот это и есть дом моего зятя, — сказала старуха. — заезжайте прямо во двор.

Пан Зеленко сначала не сообразил, что это за непрошенные гости к нему пожаловали. Выбежала и его жена с сердитым лицом, но, увидев на подводе мать, с плачем бросилась ей в объятия. Зять оказался более сдержанным: узнав тещу, он исчез за дверью веранды, выходящей во двор, и больше не появлялся.

Пошла и мать с дочерью в дом, а меня оставили во дворе. Я немного подождал (может, дойдет и до меня очередь), но напрасно — никто моей личностью не интересовался. Тогда я решил действовать самостоятельно.

Снял с себя маскировочный костюм, надел модельные туфли и пошел в город побриться. Когда я принял вполне приличный вид, решил навестить корчму пана Зеленко. Хозяин корчмы, как и следовало ожидать, не узнал меня и, смахнув со стола крошки, любезно спросил:

— Чем могу служить пану?

— Кое-что перекусить и, разумеется, рюмочку первачка, если ваша ласка. Извините, но не побрезгуйте и вы со мной опрокинуть маленькую. Говорят, в компании она вкусней.

Это предложение подействовало на владельца корчмы, так как человек, предлагавший хозяину выпить рюмку, в те времена считался вполне порядочным клиентом.

— О, пожалуйста, ласковый пан! — Лицо Зеленко расплылось в услужливой улыбке. — Что пан пожелает: помидор, огурчик, солонинку? Или, может быть, поджарить яичницу?

— Это уже на ваш вкус. Я съем все, с дороги кишки играют марш.

— Тогда одну минутку, ласковый пан.

Пока Зеленко суетился, готовя мне еду, я внимательно осмотрел корчму. В довольно большой комнате стояло несколько столов, покрытых клеенкой, в одном из углов — громоздкий буфет, полный посуды. На прилавке — весы, в небольшой стеклянной витрине — разные продукты. Меня интересовали цены, но, к сожалению, они не были обозначены.

На одной из стен висел портрет Гитлера в рамке, украшенной вышитым полотенцем, а напротив — аляповатая картина провинциального ремесленника: голая женщина с букетом роз. «Наверное, — подумал я, — пан Зеленко хорошо ориентируется в обстановке и старается угодить вкусам пьяных гитлеровцев».

После первой рюмки я деловито спросил:

— Как идут ваши дела?

— Вы имеете в виду торговлю? — переспросил он, чтобы убедиться, действительно ли я интересуюсь его коммерцией.

— Безусловно!

— О, неважно, очень неважно, ласковый пан. Продукты доставать тяжело, все ужасно дорого. Клиентов до черта, одни военные. А с ними нужно быть очень осторожным. Вот так торгуешь, торгуешь с неделю, кажется, уже и хорошо получается, и деньжата звенят. А тут —

на тебе: зайдет компания военных — напьются, перессорятся, устроят драку, натворят такого, что страшно взглянуть, да еще и не заплатят. Плакали тогда мои денежки, целая неделя работы вылетает в трубу.

— И часто у вас случаются такие клиенты?

— Каждый вечер у меня собираются. Я даже приготовил вторую комнату — для танцев, и патефон купил. Очень долго ходил за разрешением в гестапо, но случай помог мне все устроить. Как-то зашел в корчму клиент. Немец, но хорошо говорит по-чешски. Заказал поесть, пригласил, как и вы, опрокинуть с ним рюмочку. Мы хорошо посидели, и оказывается, что это — кто бы вы думали? — сотрудник гестапо, оберштурмфюрер Миллер. Очень порядочный человек. Я ему всегда буду благодарен. Он мне так помог, что вы себе не представляете. Несколько раз случалось, что солдаты, порядком выпив, пытались устраивать разгром, но появлялся оберштурмфюрер, и они сразу же становились трезвыми, вежливо рассчитывались и тихонько уходили. Я так рад этому знакомству! Теперь дела идут совсем по-другому.

Рассказ Зеленко о гестаповце заинтересовал меня. «Кажется, я попал на «хорошее» знакомство, — подумал я. — Оставить для большей безопасности? Исчезнуть, чтоб чего-нибудь не случилось? Нет, настоящий разведчик, наверное, никогда так не поступит. А мне, начинающему, тем более интересно завести знакомство с «порядочным человеком» из гестапо. Надо найти ключ к хозяину корчмы. Я не уверен, что он не завербован гестапо и не помогает Миллеру. Но это не меняет дела. Все равно нужно наступать. Самое больное его место — коммерция. С этого, пожалуй, и начну».

— Достаточно ли у вас продуктов? — спросил я Зеленко и налил еще по одной рюмке.

— О, ласковый пан, то для меня важная проблема. На базаре все есть, но цены такие, что не доступись. Если даже и удастся заработать, то мизерные пфениги. Иногда и совсем ничего. Я пробовал найти человека, чтобы привозил продукты прямо из села, там можно купить все значительно дешевле, но опять-таки: не очень охотно берут деньги. Им подавай мыло, керосин, спички, камни для зажигалок, дрожжи, кожу и все такое... А почему вы этим интересуетесь, пан, может, у вас, что-нибудь есть?

— Есть.

— В самом деле?

— Абсолютно серьезно.

— Дешево?

— Думаю, что мы сойдемся. Все будет зависеть от того, как часто и сколько вы будете брать. Между прочим, что вас больше всего интересует?

— Больше всего и постоянно я буду брать самогон, лучше — малясовку, а еще — солонину, яйца... Овощей не надо — это не такой дефицитный продукт. В неограниченном количестве могу взять живую птицу. Немцы очень любят блюда из птицы.

— Хорошо. Такой ассортимент мне подходит. Только за исключением живой птицы, — ответил я. — Не люблю я этого товара. Летом дохнет. Кормить их — одни затраты.

— А все-таки меня интересует цена, золотой паночку, — нетерпеливо пропел Зеленко.

— Сегодня я могу вам предложить пока немного солонины и самогонки. Цены я еще точно не знаю, но думаю, что она вам подойдет. Сколько вы платите?

— Солонину мне привозят из-под Здолбунова по 18 марок за килограмм. Я на ней зарабатываю только по одной марке. На самогон разная цена — и по 16 марок за литр, и по 15, а когда начинают копать свеклу, даже за 12, а то и за 10 марок можно достать. Тогда, конечно, барыш немного больше. Для офицеров я достаю спирт и развожу его. Но спирт очень тяжело доставать, просто невозможно.

— За ваше здоровье, пан Зеленко, и за вашу коммерцию! — поднял я рюмку. — Считайте, что договорились. Сегодня я вам кое-что подброшу.

Пообедав, я пошел на городской рынок и закупил там солонины, яиц и самогонки. Вернулся в корчму и продал хозяину все это, конечно, значительно дешевле, чем пришлось мне платить на рынке. Но коммерция есть коммерция, и я был доволен.

Еще больше был доволен пан Зеленко, которому сам бог послал в моем лице выгодного поставщика продуктов. Ежедневно я терял на этой спекулятивной операции по 25—30 марок, но зато в другом выигрывал больше. За моими лошадьми присматривал хозяйский работник, мне была отведена отдельная комната со всеми удобствами, я был обеспечен сытными завтраками, обедами и ужи-

нами, а главное — познакомился с оберштурмфюрером Миллером, который, сам того не ведая, помогал мне в разведывательной работе.

Если бы я просто так подошел к пану Зеленко и предложил ему не тридцать, а триста марок за сутки, он не согласился бы взять меня на постой, не разузнав, кто я такой и почему плачу ему такие большие деньги. А если бы и согласился, то ни в коем случае не познакомил бы с гестаповским офицером, а заявил бы, что в его доме остановилась какая-то подозрительная личность.

С паном Зеленко мы стали большими «приятелями». Правда, я не всегда легко поддавался на его уговоры: предлагая свой товар, долго торговался с ним. Как подobaет настоящим коммерсантам, мы иногда даже ссорились из-за цен. Но надо было видеть, как сияло от удовольствия его лицо, когда ему удавалось выторговать у меня лишнюю марку! И в самом деле, на мне он хорошо зарабатывал, и поэтому страшно боялся, как бы кто-нибудь из его конкурентов не переманил меня к себе. Всякий раз, когда я говорил хозяину корчмы, что должен отлучиться на пару дней, а то и неделю, он начинал умолять меня побыстрее возвращаться и облегченно вздыхал, когда снова видел меня у себя.

Первый мой знакомый немецкий офицер — оберштурмфюрер Фридрих Миллер — служил в гестапо и присматривал за всеми частными буфетами, столовыми и трактирами. Но у пана Зеленко была хорошенькая сестричка — панна Зося, и поэтому гестаповец отдавал преимущество моему хозяину.

Миллер устроил Зосю секретаршей в гестапо, а так как она неплохо владела немецким языком, то вскоре стала переводчицей. Зося не любила Миллера, ей были противны его ухаживания, но другого выхода у нее не было.

— Лучше переводчицей в гестапо, — говорила она мне, — и небольшой роман с Миллером, чем ехать на работу в Германию.

Когда я появился в доме пана Зеленко, он и его сестра начали строить некоторые прогнозы относительно меня, но мне незачем было становиться на дороге оберштурмфюрера. Мы с ним очень скоро нашли в этом вопросе общий язык и стали даже неплохими «друзьями». Миллер часто приглашал нас с Зосей в кино, а оттуда или сам провожал домой, или давал нам пароль.

Благодаря этому я имел возможность даже в комендантский час беспрепятственно ходить по городу. От панны Зоси и Миллера я узнавал, когда гестапо собирается устраивать облавы, массовые аресты, расстрелы, когда и куда выезжают карательные экспедиции против партизан, и много других полезных для нас вещей. А главное — «дружба» с Миллером, прогулки с ним среди бела дня по городу, посещение ресторанов и кино снимали с меня всякое подозрение, как с разведчика, и мне очень скоро удалось выполнить свое первое задание: детально изучить городской режим и существующие в нем порядки.

В Ровно мне приходилось бывать перед самой войной. Тогда этот город с беленькими аккуратными домиками, красивыми парками и скверами, фруктовыми садами, раскинувшимися вокруг, очень мне нравился. Я любил водить поезда по линии Ковель — Здолбунув и всегда любовался видами ровенских окраин. Так и остался в моих воспоминаниях этот город, будто молоком, облитый яблоневым цветом.

Не таким предстал он передо мной, когда мы въехали на его улицы вместе с Марийкой и тещей пана Зеленко. Даже улицы стали другими. То тут, то там они были перегорожены. На домах — надписи: Дойчштрассе, Кенигсбергштрассе, Фридрихштрассе, Шлесштрассе... По городу сновали гитлеровские солдаты и полицейские, с шумом проносились машины, грохотали танки. Магазинов осталось мало, да и на тех: «Нур фюр дойче» — только для немцев. Гостиницы тоже только для немцев. На центральной площади — высокие виселицы — это уже не для немцев: на них раскачивались от ветра почерневшие трупы казненных гестаповцами советских людей. На каждой жертве — дощечка: когда и за что повешен — «за невыполнение приказа гебитскомиссара №...», «за неплату контингента», «за измену великому рейху...»

Витрины магазинов, стены зданий и ограды были облеплены всевозможными плакатами, приказами, извещениями, предупреждениями, антисоветскими лозунгами и карикатурами. Один из приказов возвещал, что в городе установлен особый военный режим. Населению категорически запрещается вечером и ночью освещать окна, ходить по улицам — летом после восьми, а зимой — после семи часов вечера, брать на постой неизвестных лиц без разрешения гестапо...

Очевидно, ради поддержки утраченной бодрости, с явным расчетом на агитацию местного населения, в центре города была установлена большая карта Советского Союза. Черные кольца на ней уверенно «окружили» и даже «задушили» Москву, Ленинград, Сталинград и ряд других больших городов нашей страны. Увидев эту карту, я вспомнил, как хорошо было в Москве, когда еще совсем недавно мы гуляли по ее улицам, ходили в кино и театры, шутили, разыгрывали Колю Приходько... А одурманенный гитлеровский вояка, проходя мимо этой карты в центре Ровно, мог только утешить себя надписью под ней: «Капут рус!»

То в одной, то в другой части города слышались короткие автоматные очереди. Пьяные солдаты оглашали окрестности диким ревом, бесцеремонно приставали к встречным девушкам и женщинам.

По улицам тяжело топали сапогами патрули, жандармы с бляхами на груди (это придавало им особенно грозный вид), полицейские в черных шинелях и другие блюстители «нового порядка» в Европе.

Мои прогулки по городу были очень утомительными. Надо было запомнить каждую улицу, ее название, учреждения, размещавшиеся на ней, словом, необходимо было в совершенстве изучить город. Причем никаких записей — все должна была безошибочно зафиксировать память.

Пан Зеленко, к счастью, оказался очень «гостеприимным» и «чутким» хозяином: каждый раз, когда я возвращался после такой утомительной прогулки (не забывая при этом принести ему полную сумку продуктов или самогонки), он ставил передо мной вкусные блюда, предлагал отдохнуть и, как правило, приносил тазик теплой воды для ног.

— Это, пан,— приговаривал он,— совершенно снимает усталость. Обязательно подержите ноги в теплой воде.

Как-то после длительной прогулки и всех процедур, любезно предложенных паном Зеленко, я разделся, положил пистолет под подушку и крепко уснул. Проснулся под утро от того, что кто-то меня сильно прижал к стенке. Сначала я не сообразил, кто это со мной спит. Но, когда раскрыл глаза, увидел моего хорошего знакомого оберштурмфюрера Миллера. Возле кровати были разбросаны его китель, галифе, сапоги. Я быстро сунул руку под подушку, чтобы вытащить и спрятать пистолет, пока гестаповец спит. Но, к удивлению, в руке оказался не мой ТТ,

а немецкий парабеллум. Я снова полез под подушку и облегченно вздохнул: мой ТТ был на месте.

Оказалось, оберштурмфюрер имел такую же привычку, как и я: ложась спать, клал оружие под голову. В тот вечер он пришел в корчму очень поздно, хотел что-то сказать фрейлейн Зосе, но та терпеть не могла пьяных и не пустила его в свою комнату. Гестаповец был в таком состоянии, что идти домой не мог, поэтому, увидев меня на кровати, сбросил с себя одежду и улегся рядом.

После этого случая мне, советскому разведчику, еще не раз приходилось спать вместе с немецким офицером. Но я уже никогда не ложил свой пистолет под подушку. Там лежал парабеллум Фридриха Миллера. А мой ТТ — под матрацем.

СЕМЬЯ СТРУТИНСКИХ

Когда мы с Марийкой ехали в Ровно, до шоссе нас провожали Валентин Семенов, Михаил Саргсян и Борис Сухенко. Они пожелали нам счастливого пути, ни пуха, ни пера, и мы двинулись на Березно. Но не успели отъехать и метров двести, как позади услышали крик. Оглянувшись вижу: за подводой бежит Саргсян и машет рукой. Я остановил лошадей.

— Что случилось? — спрашиваю Михаила.

— Мы забыли тебя предупредить. Нам стало известно, что в этих местах действуют какие-то партизаны, но кто они, установить пока не удалось. Возвращаясь из города, будь осторожен. Кто знает, что это за люди. Ходят по селам вооруженные, жителей не трогают, а вот немцам от них достается на орехи.

— А может, это ребята из какого-нибудь другого отряда?

— Нет. Мы уже устанавливали связь с соединением Сабурова. Его подразделений в этой местности нет. Это, вероятно, кто-то из здешних. Командир поручил разыскать их, но пока нам не удалось. Они очень энергичные люди и действуют решительно, хоть и рискованно, но ловко.

Я поблагодарил за предостережение, мы снова попрощались, и лошади тронулись.

Возвращаясь назад, я не хотел встретиться с этими загадочными партизанами. Ведь при мне было оружие, немецкие документы, и я мог попасть в весьма неприятное

положение. Но все обошлось, и я благополучно добрался в отряд.

— А у нас новости,— встретил меня Саргсян.— Помнишь, я предупреждал тебя о возможной встрече с неизвестными партизанами?

— А как же, не только помню, но и всеми силами старался избежать ее.

— Так вот, нашего полку прибыло: к отряду присоединилась семья Струтинских.

— Целая семья?

— Именно семья. Если бы ты знал, что это за люди! — восторженно воскликнул Миша.— Понимаешь, когда пришли оккупанты, они раздобыли оружие и начали бороться — все: и отец, и мать, и братья, и сестры...

— А кто у них командир — отец?

— Нет, старший сын — Николай. Вот познакомишься с ним и увидишь, что это за парень.

Я встретил его в тот же день. Невысокий ростом, коренастый, подтянутый, симпатичный, слегка курчавый, русоволосый парень в ответ на мое приветствие улыбнулся и сказал:

— Николай Струтинский.

— Так это ты и есть командир партизанской семьи? — спросил я.

— Ну, командир не командир, а что-то в этом роде. А ты кто?

— Я разведчик отряда. Тоже Николай. Гнидюк. Несколько часов назад вернулся с задания. Все время опасался, как бы не попасть к тебе в руки.

— Напрасно волновался. Не такие уж мы темные, чтобы не разобраться, кто враг, а кто друг. Нам давно было известно, что в леса спустились парашютисты. Но мы раньше не собирались вас разыскивать: думали, у вас особое задание и не следует вам мешать. Но видим, этих парашютистов собрался целый отряд. Вот тогда мы и решили к вам присоединиться. Правда, найти вас было не легко, но отыскали...

Так я познакомился с Николаем Струтинским — чудесным товарищем, с которым прошли мы плечом к плечу всю войну, от Ровно до Карпат, делили радости, невзгоды и не раз глядели смерти в глаза.

Всю свою жизнь трудился Владимир Степанович Струтинский, еле сводя концы с концами, чтобы прокормить семерых детей. Собственной земли он не имел и лишь уда-

лось построить на хуторе Буде Грушевской небольшую хатку. Тяжело жилось ему и Марте Ильиничне, несладко было и детям. Их, босых, оборванных, пришлось отдать в услужение к богачам.

Но вот пришла Советская Армия-освободительница и положила конец всем страданиям. Семья Струтинских переехала в Гориньград. Николай, Ростислав и Жорж пошли работать, младшие дети — в школу.

И вдруг — война. Что делать? Покориться? Нет! Надо бороться! Борьба и только борьба! У них есть силы, и они не станут на колени перед врагом. Старшие братья бродили ночами по лесам и дорогам, подбирая оружие, снимали с подбитых танков пулеметы, собирали снаряды и патроны.

Кое-кто из односельчан советовал Владимиру Степановичу:

— Чего вы не подскажете своим ребятам, чтобы шли в управу? Пусть попросятся на работу. Не найдется здесь, можно поехать в Германию. А то сидят без дела. Так от голода и ноги протянуть можно...

Но Струтинские не слушали этих советов — они лучше знали, что нужно делать. Случилось так, что однажды ночью в одном из хуторов полицейские схватили Николая и Ростислава.

— А, попались, соколики! Мы вам покажем, как не подчиняться немецким властям и прятаться от нас. Из полиции еще никто не убежал.

И бросили братьев в подвал. В полночь, когда голоса полицейских утихли, Николай подошел к небольшому окошку. Он ухватился руками за прутья решетки и попробовал растянуть их. Это ему не удалось. Тогда они с братом оторвали самую толстую доску от нар и, просунув ее между прутьев, принялись медленно их раздвигать. Решетка поддалась, образовалась щель. Николай попробовал просунуть голову.

— Порядок! — обрадовался он. — Если голова прошла, то пролезем.

На улице не было никого.

— Давай ты первый, — сказал Николай брату.

Он подтолкнул Ростислава, и тот, ухватившись руками за прутья, начал выбираться. Сделать ему это было не легко, так как он был немного толще Николая, и отверстие для него оказалось маловато.

— Придется тебе раздеться, — сказал Коля, — иначе ничего не выйдет.

Ростислав сбросил одежду. Вскоре оба они были на свободе.

После этого случая Коля Струтинский твердо решил создать вооруженный партизанский отряд. Своими мыслями он поделился с отцом, и Владимир Степанович подержал.

— Но как быть с матерью и младшими детьми? — озабоченно спросил он. — Брать их с собой нельзя, а оставить в селе — значит обресть на верную гибель.

— Надо их отправить из Гориньграда в другое село, — сказал Коля, — к кому-нибудь из родственников.

Но сделать это было невозможно — по всем селам и дорогам рыскали гитлеровцы и их прислужники — полицейские. Оставалось одно: всей семьей включиться в борьбу.

Николай, Ростислав и Жорж тем временем познакомились со многими товарищами, бежавшими из немецкого плена и прятавшимися на хуторах и по лесам. Они с радостью встретили предложение братьев о создании партизанского отряда.

Однажды братья зашли на хутор отдохнуть в пустую хату, забрались на чердак и, сделав в крыше дырку для наблюдения, легли на душистом сене. К вечеру они заметили, что к хате приближается группа полицейских.

— Будем сидеть тихо, — предложил Ростислав. — Они увидят, что в доме никого нет, и уйдут.

— Но оружие все-таки приготовить надо, — добавил Жорж.

— Чувствую, без стычки не обойдется, — проговорил Николай. — Ты, Жорж, подготовь пулемет, а ты, Ростислав, гранату. Я стану у лестницы и, если надо будет, дам команду. Без команды ничего не предпринимать.

Полицейских было человек десять. Они не вошли в хату, а послали сначала одного: пусть проверит, кто в ней. Тот осмотрел сени, кладовку, комнаты и вернулся.

— А ты, Клима, заглядывал на чердак? — спросил его один, по всему видать, старший.

— Нет! Какого черта я туда полезу?

— Иди и посмотри. Там всегда прячется кто-нибудь. Увидишь кого, тащи за чуб и сюда. Только не вздумай убивать. Оставь на вечер, чтобы было кем позабавиться.

На чердаке темно, но, когда в сенях отворилась дверь, тоненькая полосочка света пробилась сюда себе дорогу. Братья слышали, как полицейский подошел к лестнице, что-то буркнул и, посапывая, как кузнечный мех, полез наверх.

«Только бы попасть, только бы не промахнуться,— думал Николай, сжимая в руках винтовку.— А Жорж пусть даст очередь по тем, что стоят во дворе. Главное — никого не оставить в живых, а то еще узнают нас, и тогда что будет с семьей?»

В это мгновение в отверстии появилась голова полицейского. Николай нажал на спусковой крючок. Выстрел, и незванный гость, даже не ойкнув, с грохотом повалился вниз.

— Жорж, давай! — скомандовал Николай.

Затархтел пулемет. Он сразу скосил трех полицейских. Остальные кинулись наутек, куда глаза глядят.

Ребята прыгнули с чердака, подобрали трофеи — четыре винтовки, автомат, пистолет и несколько гранат. Дальнейшее пребывание на хуторе было опасным, и братья оставили его.

Убийство полицейских всполошило врагов. Появился карательный отряд, начавший прочесывать близлежащие леса, но там никого не было.

«Где же эти партизаны?» — ломали себе голову оккупанты. Они и не догадывались, что партизаны не в лесах, а среди местного населения, что обыкновенная крестьянская семья Струтинских может оказаться такой грозной силой.

Взяв оружие в руки, Владимир Степанович вместе со своими сыновьями начал сражаться против захватчиков. Даже четырнадцатилетний Володька — и тот не сидел сложа руки. К Струтинским присоединились Бондарчук, Киселев, Глинко и другие товарищи, которым удалось бежать из вражеского плена. Они совершали налеты на небольшие немецкие группы, на управы, на «заготовительные» пункты, отправлявшие в Германию награбленные продукты.

Николай Струтинский не раз задумывался над тем, что же делать дальше: бороться с врагом отдельно от других отрядов или установить с ними связь? Решили посоветоваться с товарищами.

Кто-то предложил:

— Надо идти к линии фронта, пробиться к советским войскам и вместе с ними воевать против фашистов.

Это предложение многим понравилось, но Коля с ним не согласился.

— Поймите, товарищи,— обратился он к своим друзьям.— Отряд наш небольшой. Если пойдем к линии фронта, нам обязательно придется столкнуться с вооруженным до зубов противником. Мы не можем так неразумно рисковать. Думаю, что для нас найдутся и тут дела.

— А не направиться ли нам в белорусские леса? — спросил кто-то.— Говорят, там действуют партизаны.

— Зачем туда? — возразил Николай.— Тут мы знаем каждый лесок, каждую хату, а там... Минувшей ночью над лесом кружил советский самолет. Очевидно, снова сбросил парашютистов. Видно, и в наших краях создаются партизанские отряды. Вот мы и свяжемся с ними, а, возможно, даже и присоединимся к ним.

Так оно и случилось — вся семья Струтинских: отец — Владимир Степанович, мать — Марта Ильинична, семеро детей: Николай, Ростислав, Жорж, Володя, Катя, Василек и Славик — вместе с другими товарищами пополнили наш отряд.

Вскоре Владимир Степанович познакомил Кузнецова со своими ровенскими родственниками — Казимиром Домбровским и Юзефом Боганом, и они начали нам помогать. В Эдолбунове, по рекомендации Домбровского, была привлечена к подпольной борьбе семья Жукотинских. Близкие родственники Струтинских — Урбановичи — стали ядром луцкого подполья, а их дочь Ядзя — нашей разведчицей. Коля Струтинский помог нам привлечь к подполью Леню Стукало, Марию Левицкую, Веру Гамонь, Марию Орлицкую, Петра Мамонца...

Целая династия Струтинских стала в ряды народных мстителей и бесстрашно сражалась с врагом. Это был подвиг. Подвиг простых людей, вызванный сознанием долга перед своим народом, перед Родиной, перед собственной совестью. А сколько таких подвигов было совершено советскими патриотами в годы Великой Отечественной войны!

У БРАТЬЕВ ШМЕРЕГ

Выполнив задание, я связался с Марийкой, и мы решили вернуться в отряд. Когда пан Зеленко узнал, что я покидаю город, он зашел в мою комнату и предложил:

— Знаете что, ласковый пан? Я все взвесил и пришел к выводу, что было бы чудесно, если бы вы согласились стать моим компаньоном. Вы — прирожденный коммерсант. Давайте расширим мое предприятие, оборудуем зал для офицеров и выхлопочем патент на нас обоих...

— Я польщен столь любезным предложением стать компаньоном, — ответил я хозяину. — Но я не располагаю такими большими деньгами. Это для меня неожиданность.

— Не беспокойтесь, пан. Мы подпишем договор, что вы не вносите своего денежного вклада. Я за вас внесу деньги, а вы будете заниматься снабжением, с вашей половины прибылей на протяжении года будет отсчитываться какой-то процент, а остальные деньги будут вашими. Мы все это оформим через нотариальную контору, в соответствии с законами немецкого правительства. Я уже советовался по этому поводу с оберштурмфюрером Миллером. Моя идея ему очень понравилась.

— Разрешите мне все хорошенько обдумать и дать вам ответ после возвращения в Ровно. А сейчас мне необходимо отвезти домой кузину и отдать родственнику его лошадей.

— Панну Марию мы сможем со временем пристроить к делу как официантку. Она такая милая девушка, что от офицеров у нас не будет отбоя, — рассуждал практичный хозяин.

Я еще раз пообещал пану Зеленко подумать над его предложением; мы тепло попрощались с ним и его сестрой Зосей, не меньше брата заинтересованной в моем возвращении, и тронулись в путь.

В отряде нас встретили радостно. Лукин внимательно выслушал всю историю нашего пребывания в Ровно, а когда я начал докладывать, где расположены различные немецкие организации, остановил меня и сказал:

— Резиденция Коха находится на Шлесштрассе, бывшей улице Калинина, гестапо — по Дубенской, 24, — бывшей Ворошилова, гебитскомиссариат...

— Откуда все это вам известно? — удивился я.

— Нам многое известно, но очень хорошо, что ты успешно выполнил задание. Мне нравится твоя «дружба» с этим паном Зеленко и знакомство с гестаповцем. Из тебя выйдет настоящий разведчик. Твои наблюдения очень интересны, но они кое в чем повторяют то, что нам уже

известно. В Ровно был не ты один. Ходили туда и другие товарищи. Но твои данные — самые свежие, в них есть немало нового. Пойди отдохни, расскажи обо всем командиру и готовься к следующему заданию.

При разговоре с полковником Медведевым присутствовал Николай Кузнецов. Он долго и подробно расспрашивал меня о жизни в городе.

— Хочу, очень хочу в Ровно, — говорил он, — но командир не пускает.

Несколько позже ему разрешили побывать в Ровно с Владимиром Степановичем Струтинским, но эта поездка была очень короткой, и Кузнецов успел только бегло познакомиться с городом. А ему, как человеку, которому предстоит одеть форму офицера и все время находиться среди гитлеровцев, такое кратковременное посещение Ровно не принесло большой пользы.

Подготовительную работу к разведывательной деятельности Николая Ивановича Кузнецова должны были выполнить мы. Необходимо прежде всего разыскать надежных людей, подготовить конспиративные явочные квартиры, разработать и наладить эффективную систему связи. Нельзя было замыкаться только в черте города, предстояло расширить наши связи с соседними городами и селами. С этой целью в Ровно и Здолбунов посылали Колю Приходько, Петю Голуба, Поликарпа Вознюка, Колю Струтинского, меня и многих других разведчиков. Любая такая поездка в Ровно или Здолбунов (позже наши ребята ходили в Луцк, Сарны и Ковель) была нелегкой. Намного лучше мы чувствовали себя в городе, даже когда выполняли более сложные задания, чем в пути. В городе ходишь, как и сотни других людей, никто на тебя не обращает внимания, никому ты не нужен, а стоит только появиться в селе, как к тебе прицепится шуцполиций и не отстанет, пока не получит взятку или пулю в лоб (если есть такая возможность). Поэтому мы старались ходить ночью, когда эти пьяные выродки храпели или боялись и нос высунуть из хаты.

Спустя несколько дней после возвращения из Ровно, меня снова вызвали в штаб отряда. У костра сидели: Медведев, Стехов, Лукин и Коля Приходько.

— На этот раз пойдете с Приходько в Здолбунов, — сказал командир. — У Коли там есть родственники и знакомые. Нужно с кем-то из них договориться об оборудовании склада оружия и взрывчатки. Но будьте очень осто-

рожны, первому попавшемуся не доверяйтесь. Людей подбирайте надежных. Не забывайте, что для такого дела никакие подвалы и погреба не годятся. Должно быть сухое, хорошо проветриваемое место. Как только договоритесь, немедленно возвращайтесь в отряд. Вскоре из Москвы придет самолет и доставит нам этот груз. Оружие и взрывчатку будем отправлять на подводах, возможно, несколько раз. На месте,— продолжал Медведев,— подготовьте человека, который умел бы обращаться с этими опасными вещами и, если понадобится, выдавал их кому следует. Случись беда, склад ни в коем случае не должен достаться оккупантам. Задание, товарищи, очень серьезное и ответственное. Старшим назначаю Гнидюка. И еще раз повторяю: об этом никто, кроме присутствующих, не должен знать. Ясно?

— Так точно, товарищ командир.

На следующий день после обеда мы пешком двинулись в дорогу. За ночь должны были уйти как можно дальше, день перебыть в лесу или на хуторе, а на вторую ночь добраться до Здолбунова. В течение полутора суток надо было покрыть свыше ста километров.

В первую же ночь на нашем пути встало местечко Тучин. Мы решили обойти его справа и за несколько километров до него свернули с дороги. Сентябрьский туман низко стелился над землей, вокруг ничего не видно, компаса у нас не было, и мы почти целую ночь бродили по незнакомым местам, по болоту и никак не могли выбраться на дорогу.

Коля стал меня упрекать:

— Я же говорил, что надо обходить город с левой стороны, а ты повел вправо, и вот теперь...

Приходько всегда любил спорить и делать все наоборот. Если ему говорили: «Отдохнем», то он: «Нет, пойдем дальше»; если же предлагали идти, он располагался на отдых.

Так, споря между собой, мы дошли до березки, росшей на кочке среди болота, а вскоре набрали еще на несколько деревьев. Присмотрелись, с какой стороны они покрыты мхом — там должен быть север. Сориентировавшись, пошли в нужном направлении. Правда, Коля не очень верил в эту теорию, но, когда мы добрались до реки Случ, он признал, что я оказался прав. Едва успели обойти Тучин и переправиться через реку, как начало рассветать.

За рекой показался хутор. «Тут и придется нам провести день,—решили мы.—Но в какие двери постучать?» Я предложил пойти в покосившуюся хатенку под соломой, а Коле понравился дом под железом, обнесенный высоким забором.

— Чего это я должен идти в эту конуру и нюхать всякое? — выразил он недовольство моим предложением.— Там даже не отдохнешь как следует. Давай пойдем к этому кулаку. Он и накормит хорошо, и в постель мягкую уложит.

— И пошлет парнишку за полицейскими, чтобы они забрали нас,—добавил я с иронией.

— А мы никого не выпустим из хаты,—развивал свою идею Николай.

— Нет, Коля, этого делать нельзя. Мы пойдем все-таки к бедняку.

Возможно, Приходько так и не согласился бы со мной, но он заметил кудрявую девушку, выбежавшую из покосившейся хаты, и сказал:

— Ну, ладно, пошли.

Отец девушки болел уже несколько месяцев. Он был буквально прикован к постели, а дочь, босая и почти раздетая, не знала, что и делать. Мы сказали, что идем из леса, что мы — советские партизаны и поможем девушке отвезти отца в больницу. На глазах девушки появились слезы.

— Родные,—проговорила.—Если бы вы знали, как нам тут тяжело.

Девушка сварила картошки. Хорошо позавтракав, мы забрались на чердак и легли спать. Проснулись от собачьего лая.

— Не иначе, чужой кто-то пожаловал,—сказал я Николаю и придвинулся к щели. Мне хорошо виден был двор того дома, куда предлагал идти Приходько.

— Иди-ка сюда, Коля, и смотри,—позвал я товарища.

На соседнем дворе стояли две подводы. Около них возились шупполицай в черных шинелях. Очевидно, они только что приехали.

В это время к нам поднялась юная хозяйка (она принесла обед), я спросил у нее, кто живет в соседнем доме.

— О, это настоящий кровопиец! Сын его служит в тучинской полиции и приехал к отцу в гости со своими приятелями. Значит, шуму сегодня будет до самых звезд.

Я посмотрел на Приходько:

— Что, Николай, хороший был бы у нас отдых в том доме? Может, пойдем сейчас туда и поддержим компанию?

— А знаешь,— ответил он,— давай запустим в окно противотанковую гранату и сделаем капут этим шуцманам.

Он страшно ненавидел полицейских, наверное, сильнее, чем гитлеровцев. Часто можно было от него услышать:

— Фрицы — наши враги. Я понимаю, их цель — завоевать Советский Союз, и они откровенно выполняют приказы своего бесноватого фюрера. Но что этой дряни нужно, кому она служит? Я этих выроdkов душил бы на каждом шагу.

И на этот раз он долго уговаривал меня учинить расправу над полицейскими, устроившими пьянку в соседнем доме.

— Разреши, Николай,— просил он.— Никто об этом не узнает. Медведеву ничего не скажем. Ведь хорошее дело сделаем: меньше пакости будет на земле.

— Нет, не разрешаю,— возражал я, пользуясь правом старшего.— Мы не можем рисковать, пока не выполним задание командования. И потом пойми еще: мы уйдем отсюда, а девушка с отцом останутся. Неужели ты думаешь, что гитлеровцы их помилуют?

Последний аргумент умерил пыл Приходько, и он перестал меня упрашивать, хотя по всему было видно, что окончательно не успокоился.

Как только стемнело, мы пошли дальше, оставив девушке немного денег и пообещав зайти на обратном пути. За ночь мы отмеряли более шестидесяти километров. Ноги отказывались слушаться и стали будто оловянные.

— Надо отдохнуть,— сказал Приходько и опустился на землю.

— А может, дойдем? — спросил я.— До Эдолбунова рукой подать, скоро наступит рассвет, а ты — отдохнем.

— Нет, у меня ноги подкашиваются. Хоть полчаса, а надо посидеть.

— Ну что ж, ладно.— И я приземлился рядом с Колей. Метрах в десяти от нас проходила ровная лента дороги. Прошло минут десять, и за дорогой послышался громкий собачий лай, а по земле забегал желтый луч прожектора.

— Сюда, Коля! — тихо сказал я, и мы сползли в ров, тянувшийся к лесу.

Что бы это могло быть? Я осторожно подполз к самой обочине и приподнял голову. Первое, что бросилось мне в глаза, была колючая проволока. «Лагерь военнопленных», — мелькнула мысль. Я возвратился к Приходько и предложил ему немедленно отползть по рву назад. Но он и слушать об этом не хотел.

— Я буду лежать тут, пока не придут немцы. Я покажу им, кто такие советские партизаны!

Коля вытащил гранаты, вставил в них запалы, достал наган (кстати, другого пистолета он вообще не признавал) и приготовился к бою.

Немцы долго прошупывали прожекторами местность, выпустили несколько пулеметных очередей, но когда собаки перестали лаять, все вокруг замерло.

Мы вынуждены были свернуть с дороги и пойти обходным путем, сделав крюк еще километров пять. На рассвете добрались до Здолбунова, на окраине города нашли дом, где жила Колина сестра Анастасия, и легонько постучали в окно.

— Кто там?

— Свои.

— Кто свои?

— Открой, Настя, это я, Коля.

— Боже мой! Откуда ты взялся? — воскликнула женщина.

— Не шуми, открывай быстрее!

В Ровно, у брата Ивана, Николай уже был, но приказал ему о своем появлении никому не рассказывать. Поэтому сестра и не знала, что Коля живой и в партизанах. Его появление в это осеннее утро в Здолбунове было для Анастасии Тарасовны как гром среди ясного неба.

Муж ее — Михаил Шмерега — работал слесарем в паровозном депо. Его брат — Сергей — там же столяром. Дом на улице Ивана Франко, 2, куда мы пришли, принадлежал обоим братьям — честным, справедливым, трудолюбивым людям.

Михаил в 1917 году, когда в России свершилась социалистическая революция, принимал участие в забастовках и демонстрациях, за что преследовался польской дифензивой. Себя и младшего брата он называл людьми «пролетарского происхождения».

— Кайзеровских солдат я еще с гражданской войны запомнил,— сказал Михаил,— я их хорошо знаю.

Нашему приходу братья обрадовались. Они не стали расспрашивать о цели визита, так как видели, что мы неимоверно устали. Ноги у нас опухли, а у Коли были даже до крови стертые пальцы и пятки.

— Накорми, Настя, ребят и пусть ложатся отдыхать, после обо всем поговорим,— велел жене Михаил.

Мы напились парного молока и растянулись на мягкой перине, заснув богатырским сном. Проснулись утром следующего дня и никак не могли поверить, что проспали целые сутки.

— Загляну в комнату,— рассказывала Настя,— а вы все спите. Даже испугалась. Говорю своему Михаилу: «Давай позовем доктора, может, они заболели». А он: «Ничего с ними не случится, отоспятся хорошо и встанут. Я тоже, когда был молодым, мог по целым суткам спать».

Когда мы рассказали братьям о цели нашего прихода, Михаил, подумав немного, сказал:

— Никаких других квартир искать не надо. Этот дом в вашем распоряжении. Ты, Сергей, полезешь на чердак и сделаешь люк в верхнем потолке. Там можно будет спрятать все что угодно.

Шмереги были, как говорится, мастерами на все руки. Строя дом, они сделали двойной потолок (чтоб теплее было), и теперь пространство между верхним и нижним перекрытиями можно было использовать для хранения оружия и взрывчатки.

Сергей сам выразил желание «заведовать» складом.

— Хорошо, ребята, что вы к нам пришли,— радовался он.— Как-то даже на душе легче стало, что наша берет.

Увидев мой ТТ, он с завистью сказал:

— Вот бы мне такой...

И удивился, услышав от меня:

— Считайте, что с этой минуты он ваш.

— Ты, дружок, делай то, что тебе ребята скажут,— вмешался в разговор Михаил.— А когда идешь к девчатам (Сергей еще был холост), пистолет может беды наворить. Если же тебе очень хочется быть вооруженным, носи с собой камень. Еще в семнадцатом году булыжник был оружием пролетариата.

Михаил Шмерега прошел суровую школу жизни и хорошо ориентировался в политической обстановке. Он

никогда не спешил с выводами, всегда имел свое мнение и разумные предложения. Своих сил он никогда не переоценивал и, если чувствовал, что не сможет выполнить порученное задание, откровенно об этом говорил. Он регулярно читал националистическую газету «Волянь», выходившую в Ровно под редакцией изменника Уласа Самчука.

— А ну, что там Улас пишет? — говорил Михаил, разворачивая «Волянь». — Ага, снова сбито много большевистских самолетов под Харьковом. Наверно, немцам туго приходится. Читаю я эту газету и думаю: «Уж если брежете, то хоть меру знайте». Каждый день они сообщают, что немцы уничтожают по несколько сотен советских самолетов. Вот я думаю: «А откуда же эти самолеты берутся?» Нет, нас не проведешь. Народ не верит этой брехне.

В Здолбунове мы разыскали Дмитрия Красноголовца, товарища Коли Приходько. До войны он работал в железнодорожной милиции, был членом партии. Эвакуироваться не успел. Спрятав оружие и партийный билет, Дмитрий открыл швейную мастерскую и начал обдумывать план организации подполья на станции Здолбунов.

Он пользовался большим авторитетом у работников депо и других железнодорожных служб. Когда мы рассказали ему о наших намерениях, он с радостью предложил свои услуги.

— Мы уже кое-что сделали, — сказал я. — Люди у нас надежные и готовы выполнить любые задания.

Дмитрий познакомил нас с Петром Бойко, работавшим в кооперации, Авраамием Владимировичем Ивановым — бывшим учителем, а во время оккупации рабочим на станции, и с другими товарищами, которые стали ядром здолбуновского подполья.

Еще до знакомства с нами эти товарищи под руководством Дмитрия Красноголовца устраивали диверсии на железной дороге: разбирали рельсы, выводили из строя поворотный круг, подбрасывали в уголь взрывчатку, сыпали в буксы железнодорожных вагонов песок...

Припоминаю разговор с Ивановым:

— Мы хотим, чтобы вы работали в подполье.

— Давно ждал, что кто-нибудь даст о себе знать.

— Вам придется быть связным между подпольной группой и партизанским отрядом.

— Согласен.

— Но имейте в виду, работа очень опасная.

— Знаю, именно поэтому готов ее выполнить.

— Обдумайте хорошенько наше предложение и завтра дайте ответ.

— Мне нечего обдумывать. Я уже давно все решил. Сразу, как только эти гады ступили на нашу землю. Честный человек не имеет права сидеть сложа руки. Надо бороться. Я — русский! Я — Иванов! А это говорит о многом.

Петр Бойко регулярно снабжал нас немецкими журналами и газетами. Михаил Шмерега, через которого они попадали к нам, недовольно бурчал:

— Не понимаю, зачем вам этот мусор? Кто его будет читать?

А Николай Иванович Кузнецов, самым тщательным образом перечитывавший каждый журнал и каждую газету, не раз недосчитывался нескольких пачек этого «мусора»: Настя разжигала ими плиту.

Тяжело, невероятно тяжело жилось людям на оккупированной земле. У Михаила с Анастасией было двое детей, а Сергей содержал старого отца и сестру. Как их всех было прокормить?

Работая в депо слесарем, Михаил делал зажигалки, светильники (ламп тогда невозможно было достать), жестяные кружки, лейки, ведра. Все это Настя носила по деревням и обменивала на продукты. А случалось, встретит ее полицейский и все отберет.

Мы помогали своим людям всем, чем могли, но все равно нередко им приходилось очень тяжело. Вспоминается, как зимой сорок третьего я целую неделю жил у Шмерег. Все деньги вышли, и достать их негде. Вообще, денег у нас хватало. Мы даже боялись их брать помногу, а то кто-нибудь заметит пачку марок и, чего доброго, еще вздумает ограбить. Лучше брать больше гранат, чем денег — было нашим девизом. Но деньги у нас не переводились. Только на этот раз связь с отрядом оборвалась: целую неделю шли облавы и приходилось отсиживаться на квартире.

Шмереги держали козу, которая давала в день не больше литра молока. Для двоих детей его едва хватало. Я не знал об этом и однажды выпил за завтраком большую кружку. Проснулись дети и стали просить молока. Я спросил Настю:

— Почему вы им не дадите?

— А где я его возьму? — ответила женщина. — Пусть подождут до обеда. Подою козу, тогда дам.

— Пойдите на базар и купите.

Настя ничего не ответила. Позже я догадался, что в доме не было ни копейки. И совестно стало, что эта женщина оторвала от детей последнюю кружку молока и дала его мне. И муж на работу пошел без завтрака, и дети остались голодными.

Я пошел к железнодорожникам, раздобыл две сотни марок и отдал их Насте. А Михаил, вернувшись с работы и узнав об этом, отругал жену за то, что она в такое опасное время выпустила меня из дому.

Когда связь с отрядом снова наладилась, мне подкинули денег, и я оставил их у Насти. С того времени у Сергея хранилось наше оружие, а у Анастасии — деньги, и она могла тратить их по своему усмотрению.

Условившись обо всем необходимым с братьями Шмерегами, Красноголовцем и другими товарищами, мы с Колей Приходько вышли из города и через два дня уже докладывали командованию отряда об успешном выполнении задолбунского задания.

«ПОДВИЖНАЯ ЗАСАДА»

— Везет вам, ребята. Вот и снова вы побывали в Ровно, а я сижу в лесу и, кроме деревьев, ничего не вижу. Сколько ни просил командира, чтобы разрешил мне пойти на задание, а он не соглашается. «Рано», — говорит. Я и сам хорошо знаю, что мое пребывание в городе связано со многими осложнениями, но до каких же пор можно ждать? — говорил Кузнецов.

Мы с Колей Приходько сочувствовали Николаю Ивановичу. Нам было известно, что он в совершенстве владеет немецким языком и с успехом может пойти в город. Но вместе с тем понимали и командира отряда Медведева. Безусловно, он был прав. Ведь для того, чтобы Кузнецов перевоплотился в Пауля Зиберта и появился среди немецких офицеров, одного знания языка недостаточно. Требовалась очень тщательная подготовка.

После каждого нашего возвращения в отряд Кузнецов часами беседовал с нами, подробно расспрашивая обо всем увиденном и услышанном. Так прошел месяц, потом второй. Вряд ли в самом Ровно кто-нибудь из немецких

офицеров настолько был в курсе всех городских дел, как Николай Иванович Кузнецов.

А Медведев продолжал говорить: «Рано».

Рано потому, что неизвестно, как воспримут Пауля Зиберта гитлеровцы, не окажется ли он среди них чужаком, не вызовет ли подозрения.

— Надо устроить что-то вроде выпускного экзамена,— говорил Дмитрий Николаевич.

Иными словами: Паулю Зиберту нужно было устроить свидание с офицерами «великого рейха». Именно Паулю Зиберту, а не Николаю Ивановичу Кузнецову. Но где раздобыть для Зиберта «экзаменаторов»?

Несколько ночей подряд мы устраивали ночные засады. Спрячемся за кустами и ждем, пока на дороге появится машина или подвода. Но ни разу не попадался «настоящий» немец. То захватили пьяного ефрейтора, то привели в отряд нескольких солдат. С ними и поговорить Зиберту не о чем. Оккупанты до того боялись встреч с партизанами, что при первом же взрыве гранаты или автоматной очереди теряли самообладание. Однажды мы подбили грузовик, шедший по шоссе Костополь—Ровно, и взяли в плен сержанта и нескольких солдат. Кузнецов начал с ними разговаривать, а они стоят, как манекены, и двух слов произнести не могут. Только бормочут: «Яволь, герр партизан» и «Гитлер капут!»

— Ну и болваны попадаютесь, — злился Николай Иванович. — Попробуй поговорить с ними. Боюсь, мне еще долго придется бить баклуши.

И он отправился в штаб.

— Дмитрий Николаевич, — обратился он к Медведеву. — С попугаями, которых доставляют сюда, я никогда не договарюсь. Разрешите мне с ребятами поехать в Ровно, там выбор хороший, и мы подберем себе подходящую птичку.

— Нет, Николай Иванович, — возразил командир, — этого я разрешить не могу. Надо, чтобы в Ровно было спокойно. Это в наших интересах, легче будет работать и вам, и другим разведчикам. Да и рисковать из-за пустяка не стоит. Придется немного обождать.

После очередной беседы с полоумным фельдфебелем Кузнецов вновь обратился к командиру:

— Я кое-что придумал, Дмитрий Николаевич. Разрешите устроить засаду среди бела дня?

— Это что еще за новости? — удивился Медведев.

— Вот смотрите, — Николай Иванович отломил веточку и принялся чертить на снегу схему. — Это — шоссе Ровно—Киев. По нему не спеша движется несколько подвод с вооруженными партизанами. На первой подводе сижу я в форме немецкого офицера, а у всех наших ребят на рукавах повязки «шущполицай». Впереди, метров за двести пятьдесят, идет наш разведчик и внимательно всматривается в каждую встречную машину. За ним, метров за сто, движется гранатометчик. После сигнала он швыряет противотанковую гранату под машину. Но только так, чтобы машину свалило взрывной волной, иначе от фашистов ничего не останется. Тогда мы соскакиваем с подвод, окружаем опрокинутый лимузин и вытаскиваем из него тепленьких офицеров.

— На словах — как по нотам. А как все выйдет на деле? Что если машина будет идти не навстречу, а попутно? — спросил Медведев.

— Я это предусмотрел, — ответил Кузнецов. — Мы поставим прикрытие и с тыла, тогда сможем бить по любой машине. Я даже придумал название для нашей экспедиции — «подвижная засада».

— «Подвижная засада», говорите? Вообще план заманчив, но довольно дерзкий. Среди бела дня учинить такую суматоху! Надо все как следует рассчитать. Рисковать мы не имеем права, Николай Иванович.

Через несколько дней Лукин пригласил Кузнецова к себе и сказал:

— Очевидно, Николай Иванович, придется осуществить вашу операцию «подвижная засада».

— Вы не шутите? — глаза Кузнецова заискрились радостью.

— Совершенно серьезно! Нам стало известно, что в Киев съезжаются высшие чины гитлеровского офицерства. Там будет совещание о делах на Восточном фронте. Из Ровно тоже поехали офицеры. Они будут возвращаться из Киева, и мы их встретим по-партизански. Сможем добыть необходимые данные, а вы, Николай Иванович, приобретете настоящего собеседника.

Николай Иванович пришел из штаба возбужденный и, не скрывая своей радости, воскликнул:

— Ребята, наш план будет осуществлен! Командование благословило «подвижную засаду»! Ну, кто из вас записывается добровольцем?

...Зима в сорок втором году началась рано. Только настал декабрь, а снег уже толстым слоем покрыл землю, и мороз пробирал до костей. В один из таких зимних дней на шоссе Ровно — Киев, неподалеку от Гоши, появилось пять подвод. Краснощекие полицейские, сидевшие на них, горланили пьяные песни, ругались, ржали и дымили вонючим самосадом.

На первой подводе сидел с гордо поднятой головой немецкий офицер. Он ехал молча, впиваясь пытливым взглядом в каждую встречную машину и лишь изредка небрежно подымая руку в ответ на приветствия немцев. А те, минуя обоз полицейских во главе с офицером, весело смеялись, махали руками и выкрикивали: «Хайль Гитлер!» Появление на дороге полицейских радовало, успокаивало расстроенные на Восточном фронте нервы, ведь их защищает от партизан такая надежная охрана.

А крестьяне, едва заметив первую подводу, прятали свои пожитки и разбегались кто куда. Они-то прекрасно знали, что им грозит, если такая пьяная свора ворвется в село: разнесет все до пня, разграбит, зверски надругается над женщинами, сожжет дома.

Но эта экспедиция была необычной. «Вероятно, полицейские уже куда-то заезжали и насытились до отвала», — думали люди, когда обоз, не останавливаясь, проезжал селом.

Никто, правда, не обратил внимания, что впереди и позади подвод, метров за сто один от другого, шли двое мужчин, внимательно всматриваясь в каждую появившуюся на шоссе машину.

Это и была «подвижная засада», которую возглавлял Николай Иванович Кузнецов. Двадцать вооруженных партизан не спеша двигались среди бела дня по шоссе. Среди них были почти все наши разведчики: Коля и Жорж Струтинские, Михаил Шевчук, Коля Приходько, Валя Семенов, Боря Сухенко, Коля Бондарчук, Саша Базанов, Петя Дорофеев. Каждый знал, что ему следует делать.

Михаил Шевчук и я — сигнальные, поскольку до этого мы уже не раз ходили в Ровно и хорошо разбирались в военных отличиях немецких офицеров.

— Смотрите, ребята, — предупреждал нас Кузнецов, — по воробьям не бейте. Нам нужен гусь. Тот самый гусь, который возвращается с совещания в Киеве.

— Как только замечу майора или офицера рангом

повыше — сразу же подам сигнал, — ответил я Кузнецову.

— Да, не ниже майора. Мелкота нам не нужна. Помните, хлопцы, от вас, сигнальных, зависит успех операции.

И вот сейчас, идя первым в «подвижной засаде», я все время думал об этих словах Николая Ивановича. «Надо быть очень внимательным, — говорил я себе, — чтобы не ошибиться. Один опрометчивый шаг может все испортить». И я пропускал машину за машиной, пропускал, так как никого подходящего не видел.

Петя Дорофеев, шедший за мной с противотанковыми гранатами, нервничал. Несколько раз, увидев приближающуюся машину, он кричал мне:

— Давай, Коля, эту...

Я уже и сам было готовился к действиям, но, разглядев интенданта или пассажира в гражданской одежде, сдерживал себя и, пропустив машину, оборачивался, делал Петру знак: нельзя. А потом, когда машина настолько удалялась, что ее пассажиры не могли меня услышать, кричал:

— Внимательней, Петя! Без моего сигнала не смей бросать!

Так мы двигались несколько часов. Наступали сумерки, а гуся так и не было. К вечеру пошел снег. Он слепил глаза, следить за дорогой становилось все тяжелее. «Наверное, сегодня уже ничего не выйдет, — подумал я, — придется ни с чем возвращаться в отряд».

Но что это? Впереди на дороге замелькали желтые огоньки. Меня будто кто булавкой уколол: желтые фары бьют не на всякой машине.

— Петя, наша! — крикнул я и выпустил вслед промчавшейся на предельной скорости автомашине целую обойму.

Еще мгновение — и раздался взрыв.

Петя бросил гранату с таким расчетом, чтобы взрывающая волна опрокинула машину. Когда мы подбежали к ней, она лежала вверх колесами, продолжавшими все еще крутиться. Несколько автоматных очередей — и из машины партизаны стали вытаскивать перепуганных до смерти оккупантов.

Не успели мы очистить эту машину, как кто-то закричал:

— Ребята, еще одна! Петя, гранату!

Случилось непредвиденное. На такой же безумной

скорости прямо на нас неслась еще одна немецкая машина.

Петя Дорофеев не растерялся. Едва автомобиль поравнялся с нами, он изо всей силы метнул под колеса гранату. Взрыв! Но машина мчится дальше. Еще одна граната, еще взрыв, но машина не останавливается. Неужели уйдет? Нет, упустить ее нельзя.

Вижу, как кто-то из наших выскакивает на середину дороги. Это — Жорж Струтинский. Он выпускает по машине целый диск бронебойных пуль. Машина еще двигается, но уже видно, что подбита. Проковыляла несколько десятков метров и очутилась во рву.

Пока мы до нее добежали, гитлеровцы успели вылезти и даже начали отстреливаться. Но наши автоматы заставили их замолчать. Мы стали быстро очищать машину от трофеев. Вдруг вдалеке на дороге блеснули еще два огонька. Вот тебе на! То не было никого, и вдруг одна за другой шпарят.

— Приготовить гранаты! — крикнул Кузнецов.

Но пассажиры третьей машины оказались догадливей своих предшественников. Они, наверное, заметили нас издали и почувствовали неладное. Машина остановилась, развернулась и дала газ назад.

Собрав все трофеи, уложив живых и раненых оккупантов на подводы, мы свернули с дороги и поехали на партизанский «маяк».

Еще когда были подбиты машины, мы обратили внимание на то, что выстрелов было немного, а мертвых гитлеровцев оказалось так порядочно.

— Трупы не брать! — приказал Кузнецов.

Но трупы уже лежали на подводах, и мы решили сбросить их где-нибудь в лесу. Мороз крепчал. Даже нам, хорошо одетым, было не очень-то тепло. Слышу, кто-то из ребят кричит:

— Николай Иванович! Труп шевелится!

«Ожил», значит. Мороз сделал свое. Проехали еще пару километров — мороз помог нам «оживить» и других фашистов, притворявшихся мертвыми.

«Трофеи», добытые в этой операции, оказались действительно ценными. С первой машины был взят майор гитлеровских войск граф Гаан, а со второй — имперский советник связи подполковник Райс. Другие пленные были тоже штабными офицерами. Вместе с ними к нам попали важные секретные документы, карты, оружие...

Одна из карт особенно привлекла наше внимание. На ней красной линией было соединено село Якушинцы под Винницей с Берлином.

— Что означает эта линия? — спросил Николай Иванович полковника Райса.

Немец молчал.

— Я еще раз спрашиваю: что это за линия на карте?

Подполковник смерил холодным взглядом обер-лейтенанта, который в такой категорической форме требовал ответа, и сухо произнес:

— Это военная тайна, обер-лейтенант. Надеюсь, вам, как немецкому офицеру, должно быть известно, что такое военная тайна.

— Вы ошибаетесь, подполковник. Это было военной тайной, пока карта не попала в наши руки. А теперь... Не скажете вы, это сделает кто-то другой? Но я советовал бы вам быть более благоразумным.

— Не забывайте, что я офицер «великого рейха». Я дал клятву фюреру никогда, ни при каких обстоятельствах не предавать его. Меня удивляет, обер-лейтенант, как это вы так легко продались большевикам.

— Как видите, господин подполковник, я к тому же еще и вас пытаюсь навести на путь истины. И чувствую себя неплохо. Уверяю вас: все, что нам, офицерам, раньше говорили о большевиках, вранье. Русские — умные люди, они сильны, и правда на их стороне. Если б немцы это осознали, не было бы войны. Но давайте лучше вернемся к карте. Что все-таки означает эта линия?

Подполковник Райс молчал. Немецкому офицеру, если даже он и перешел на сторону партизан, он мог бы еще открыть военную тайну, но при их разговоре с обер-лейтенантом присутствовали партизаны.

— Смотрите, подполковник, — продолжал Кузнецов. — Все равно это уже не тайна. И не в ваших интересах молчать.

Наконец Райс сдался:

— Это подземный кабель, соединяющий Берлин со ставкой фюрера на Восточном фронте.

— Так? А когда он был проложен?

— Летом этого года.

— Кем?

— Русскими военнопленными.

— Как же вы могли доверить военную тайну русским пленным?

— Все было заранее предусмотрено.

— Что вы имеете в виду?

— Их... — Подполковник тяжело вздохнул и замолчал.

— Ну, договаривайте же, что «их»?

— Их расстреляли...

— Много их было?

— Точно не знаю, но тысяч десять или двенадцать...

Двенадцать тысяч! Когда гитлеровец назвал эту цифру, у каждого из нас, казалось, кровь закипела в жилах. Какое варварство! Какое страшное преступление! Уничтожить двенадцать тысяч ни в чем не повинных людей лишь для того, чтобы сберечь в тайне прокладку телефонного кабеля и место расположения ставки Гитлера!

Уничтожать извергов, беспощадно уничтожать! Мстить за кровь наших братьев и сестер, за муки наших отцов и матерей, детей, за сожженные села и разрушенные города, за родную землю, истерзанную фашистскими извергами. Нас называют народными мстителями. Так будем достойны этого высокого звания!

...Граф Гаан оказался менее податливым, чем подполковник Райс. На все вопросы Кузнецова он отвечал молчанием и лишь изредка высокомерно цедил:

— Удивлен, что среди офицеров немецкой армии есть такие, как вы, герр обер-лейтенант.

Потом он стал читать Кузнецову мораль:

— Стыдитесь, обер-лейтенант! Перед богом и фюрером стыдитесь! Где была ваша совесть, ваша честь, когда вы предавали фатерлянд? И главное: кому сдались? Бандитам из леса. Это просто невероятно. Это парадокс: немецкий офицер — большевистский партизан.

— Гитлер проиграл войну, — говорил Кузнецов, — его карта бита, и более благоразумные немецкие офицеры в этом уже убедились. Поймите, граф. Кому нужна эта война? Может быть, вам доставляет удовольствие мерзнуть тут, на захваченной земле, где каждый смотрит на вас, как на зверя? Не лучше ли отдыхать в мягком кресле у камина и не думать о том, что тебя завтра или даже сию минуту настигнет партизанская пуля?

— Не агитируйте меня, обер-лейтенант. От своих убеждений я не откажусь. Ваши слова о том, что благоразумные немцы бросают оружие, — это большевистская агитация! И я на нее не поддамся.

— Если вы не верите мне, — ответил Николай Ивано-

вич,— я могу доставить вам удовольствие поговорить с имперским советником связи подполковником Райсом.

— О, майн готт! — воскликнул Гаан, увидев Райса.— И вы, подполковник, так быстро сдались?! Что происходит с немецкой армией? Что творится? Неужели действительно все проиграно?

— Господин майор, господин граф, разве вы не видите, что делается? Нам обещали, что война окончится через две недели. Потом — через три месяца. А после — через год. А мы уже воюем полтора года, и конца этой проклятой войне не видно. Вероятно, наилучший выход нашел обер-лейтенант. Один из моих старых друзей любил повторять, что самые умные люди в немецкой армии — это средний офицерский состав. Они считаются начальниками, умеют хорошо пожить, не приобретают, как мы с вами, имений и не собирают ценностей. К тому же они не думают о своей карьере и при первой возможности добровольно идут в плен к большевикам. Говорю вам откровенно: я без колебаний готов поменяться судьбой с обер-лейтенантом.

— Но, господин подполковник, где наша честь, где наша слава, где наша немецкая гордость? Где все то, о чем нам так много и долго говорили? О, майн готт, майн готт!

Граф зарыдал и попросил оставить его одного. Лишь на второй день он заявил, что желает видеть обер-лейтенанта.

— С кем имею честь разговаривать? — спросил граф.

— С представителем советской разведки, которую возглавляет полковник Медведев, — ответил Кузнецов.

— Вы лжете, обер-лейтенант! Вы немецкий офицер, но продались большевикам! И вам стыдно за свою измену!

— Ошибаетесь, граф. Я русский, и когда Гитлер напал на нас, я пошел воевать. Немецкий язык, ваш родной язык, граф, помогает мне в этой борьбе. Я сказал вам все, и ваше дело, верить мне или нет.

— Невероятно! Русский не может так совершенно владеть немецким языком! Тут что-то не так. А впрочем, какое это для меня имеет теперь значение? Извольте задавать вопросы. Я готов отвечать.

Николай Иванович еще долго допрашивал гитлеровцев. Они действительно возвращались с важного совещания, и полученные сведения были очень ценными. Главное — мы узнали о месте расположения гитлеровской

ставки на Восточном фронте. Командование отряда немедленно передало донесение в Москву.

А Кузнецов ходил именинником. Он блестяще выдержал «выпускной экзамен» на офицера немецкой армии.

— Теперь, хлопцы, вместе поедem в Ровно, — радовался он, — обер-лейтенант Пауль Зиберт получил путевку в жизнь!

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Наконец-то нам всем разрешили вместе обосноваться в Ровно: Кузнецову в роли обер-лейтенанта Пауля Зиберта, Коле Приходько — как его кучеру, мне — как переводчику, Николаю Струтинскому и Михаилу Шевчуку — как лицам, прислуживающим немецкому офицеру. Это и была наша разведывательная группа, возглавляемая Николаем Ивановичем.

В Ровно у нас нашлось много друзей. Настоящие советские патриоты, они ненавидели захватчиков и охотно помогали нам в борьбе против них.

Я всегда с благодарностью думаю об Иване Тарасовиче Приходько — старшем брате нашего Геркулеса. Еще во время панской Польши Иван женился на дочери немецкого колониста, оставшегося на Ровенщине после первой мировой войны. Софья (так звали жену Ивана) была очень порядочным человеком и хорошей хозяйкой. Когда пришли гитлеровцы и начали выдавать выходцам из Германии документы фольксдойче, Софья и не думала хлопотать об этом. Но Иван решил, что неплохо было бы «онемечиться», и зарегистрировал жену в гебитскомиссариате. А вместе с ней и сам пролез в наследники немецких бауэров. Так в Ровно появился новый фольксдойче — Иоганн Тарасович Приходько.

Впервые к Ивану мы пришли с его младшим братом Колей осенью сорок второго года. Он встретил нас приветливо, хорошо угостил, даже не поинтересовавшись, откуда мы пришли и что собираемся делать в городе. Но Коля сам сразу же после завтрака открыл брату карты:

— Вот что, Иван. Таиться от тебя не станем. Мы с приятелем — партизаны, месяц назад прилетели из Москвы, и здесь у нас дел по горло. Каких — сам понимаешь.

— А ты не шутишь? — не поверил Иван. — Немцы ежедневно сбивают сотни советских самолетов, как же вам удалось так просто прилететь сюда? Тут что-то не то.

— Нет, мы не шутим. Вот посмотри газету и сам убедишься, что мы действительно прибыли из советской столицы.

Коля вытащил из кармана аккуратно сложенный номер «Правды», развернул его и положил на стол перед Иваном. Но газета не убедила Приходько-старшего.

— Это не доказательство, — сказал он. — За месяц «Правда» могла сюда попасть и каким-то иным путем.

— Тогда смотри, — не выдержал Коля и бросил на стол новенький наган. — Этого тебе мало? Вот еще гранаты, — он опорожнил карманы. А потом обернулся ко мне: — И ты выкладывай свое добро. Пусть видит, пусть знает, кто мы такие и откуда свалились на его голову.

Иван Тарасович спокойно взял одну из гранат, внимательно осмотрел ее со всех сторон, потом вторую, третью... Покрутил в руках мой ТТ, отыскал номер, дату выпуска — 1942 и, ничего не сказав, отдал нам оружие.

— Ну и что? — спросил Коля.

— Шут вас знает, может, и правда из Москвы. Только мне кажется, что ничего вы тут не будете делать. Лучше давайте, хлопцы, ваши игрушки, мы их продадим, выручим хорошие деньги, а вы устроитесь на нашу «сухару»... Зачем вам голову морочить с этими партизанами?

Помните, Иван Тарасович, этот разговор? Помните, как вы уговаривали нас отказаться от борьбы, зажить тихой, спокойной жизнью? Может, на вас повлияли хвастливые слова геббельсовской пропаганды о том, что большевики уже окончательно разбиты, что все экономические центры России заняты немецкими войсками, и поэтому вам в самый разгар войны, осенью сорок второго года, трудно было поверить нам. Парашютисты? Из Москвы? Да еще бороться с гитлеровцами здесь, в Ровно, в «столице» Украины, где помещается резиденция самого гауляйтера Коха, кишашей агентами гестапо и всяких других тайных служб? Нет, это похоже на сказку! Не такие ли мысли роились тогда в вашей голове, дорогой Иван Тарасович? Но вы всегда были умным человеком и не дали себя одурманить ядом фашистской пропаганды. Вы согласились побывать в нашем отряде, даже выписали себе, как фольксдойче, в гебитскомиссариате командировочное удостоверение «для проведения немецкой агитации в селах» и направились с нами в Сарненские леса. Тут вы увидели наших друзей-десантников, вооруженных новенькими автоматами и ручными пулеметами, наших командиров в военной

форме, радистов, которые, протянув кабель по лесу, выстукивали на специальных аппаратах; вы познакомились с жизнерадостными, отчаянными ребятами, разговаривали с Николаем Ивановичем Кузнецовым и Дмитрием Николаевичем Медведевым, и пелена, закрывавшая ваши глаза, спала навсегда. Помните, как вы сказали тогда Медведеву:

— Я все понял. Мне очень нравится ваша фирма (так и сказали «фирма»). Что я должен делать?

— Помогать партизанам — брату и этим ребятам, — ответил командир, указывая на Николая Ивановича и нас.

— Но я же фольксдойче. Как согласовать одно с другим?

— Это очень хорошо. Когда Коля летел сюда, он рассказывал, что его брат работает на ровенской пекарне. А тут оказывается, что вы у оккупантов «свой» человек. Это как раз то, что нам и нужно.

— Я заведу кондитерским цехом. Немцы моей работой довольны. Не обходится без того, конечно, чтоб «не подмазать» шефу. Надеюсь, мне и дальше следует быть с ним на дружеской ноге?

— Безусловно. Даже обязательно. А относительно «подмазки» — мы вам в этом поможем.

— Шеф обожает деньги. Каждый раз, когда дают зарплату, мне приходится собирать с рабочих дань. У них, бедняг, почти ничего не остается.

— Мы освобождаем вас от этой миссии. — И Медведев велел принести пачку новеньких марок.

Так вы, Иван Тарасович, стали нашим верным помощником. И когда теперь приходится мне встречаться со своими боевыми друзьями — Николаем Струтинским, Михаилом Шевчуком и другими медведевцами, когда мы вспоминаем события более чем двадцатилетней давности, мы всегда с благодарностью говорим о вас и вашей Софье, которые дали нам приют в своем доме по Цвинтарной, 6, и вместе с нами приближали час победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками.

Мы вспоминаем теплым словом и Казимира Иосифовича Домбровского — верного друга Казика, небольшое жилище которого с первых же дней нашего пребывания в Ровно служило надежным убежищем Николаю Ивановичу Кузнецову и всем нам.

Здоровье Казика было плохим, у него была больная нога, и поэтому он нигде не мог устроиться на работу.

В тесной квартирке по улице Гарной, 20, он устроил шорную мастерскую и зарабатывал там жалкие гроши на содержание жены и мальчика. Дом, где жил Домбровский, был настолько непривлекательным и бедным, что Кузнецов среди бела дня не мог зайти туда — это могло вызвать подозрение соседей.

Предложил нам свои услуги и лучший друг Казика — Иосиф Боган. У него был добротный пятикомнатный особняк, удобный тем, что в нем — три выхода на разные улицы.

Казик познакомил нас также с Леней Стукало и его неунывающей, энергичной, красавицей женой — Надей. Мы стали бывать у них на квартире, а Надя не раз появлялась с Николаем Ивановичем в обществе немецких офицеров.

Активной подпольщицей стала и Мария Левицкая. О ней мы узнали еще в отряде от ребят, которым посчастливилось бежать из лагеря военнопленных и найти нас.

— В лагере, — рассказывали они, — мы посменно работали на очистке ассенизационных ям и вывозили нечистоты в бочке за город. Там мы часто встречали двух женщин, приносивших нам еду. Они и посоветовали нам, как организовать побег, и дали свой адрес. Мы воспользовались их советом. Товарищи вывезли нас за город в бочках из-под нечистот, мы дождались вечера и пришли по указанному адресу. Нас встретила приветливая, доброжелательная женщина — Мария Левицкая, которая со своей соседкой Верой Гамонь помогла нам убежать из плена. Женщины дали нам переодеться, хорошо накормили. Мы отдохнули и стали пробираться в Сарненские леса. Если будете в Ровно, обязательно зайдите на улицу Крутую, 11.

«Надо обязательно связаться с этими женщинами, — подумал я, — и, если будет возможность, устроить у них конспиративную квартиру».

Николай Иванович согласился со мной.

— Но сначала, — сказал он, — посоветуйся с Лукиным. Думаю, что он разрешит тебе познакомиться с Левицкой и Гамонь. Все время быть у Ивана Приходько и Богана опасно. Надо иметь еще несколько надежных квартир.

Посоветовавшись с Лукиным, я пошел к Марии Титовне Левицкой. Трудно передать радость, с которой встретила нас эта женщина. После первого разговора мы

поняли, что имеем дело с человеком, способным полностью посвятить себя подпольной борьбе. Она без колебаний согласилась сделать свою квартиру местом встреч разведчиков.

Ее муж — Феликс был чернорабочим в немецком ресторане и часто извещал нас о том, что творится в этом заведении. А сама Мария была одной из первых и одной из самых отважных наших связных. Помогала нам и ее соседка — Вера Гамонь.

Названные мною люди — это первые наши помощники, начавшие сотрудничать с нами, как только мы появились в Ровно. Позже их стало значительно больше, а летом 1943 года в Ровно все чаще и чаще можно было слышать откровенные разговоры о партизанах, об успехах Советской Армии, о Советском Союзе. В сквере, на базаре или в парикмахерской к вам мог неожиданно подойти гражданин и шепотом спросить:

— Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы случайно, где можно найти партизан?

Или:

— Не партизан ли вы?

Для читателей это может показаться странным, но так было в действительности. Безусловно, кое-кто задавал такие вопросы с провокационной целью, но не все же были провокаторами. Гитлеровцы считали себя хозяевами на оккупированной земле. Они из кожи лезли, чтобы превратить советских людей в своих рабов, но никакие пытки, аресты и расстрелы, виселицы и лагеря смерти не убили в народе веры в победу. И мы, партизаны, а не оккупанты, чувствовали себя настоящими хозяевами положения, на нас с надеждой смотрели люди, нам они помогали. И эта поддержка удесятирала наши силы.

Много было у нас друзей среди местного населения, но были и враги. В первую зиму нам приходилось путешествовать. Ober-лейтенант Пауль Зиберт расширял круг своих знакомств. Мы ехали на красивых санях, запряженных крепкими серыми лошадьми. Огромного роста, широкоплечий кучер Коля Приходько и подтянутый, сосредоточенный немецкий офицер внушали встречным людям страх, и они, заслышав позвякивание бубенцов, прятались по домам. По дороге приходилось останавливаться на обед или располагаться на ночь. Понятно, что в таких

случаях немецкий офицер заезжал к старосте или к какому-нибудь кулаку.

Однажды Приходько на большой скорости въехал во двор богатого особняка. Хозяин, заметив в окно немца, быстро выбежал навстречу и низко поклонился обер-лейтенанту. А тот, даже не ответив на приветствие, как и подобает завоевателю, стал ругаться, обозвал дядьку «украинской свиньей», не умеющей встретить немецкого офицера. Как-то так вышло, что я раньше соскочил с саней и отошел в сторону. Хозяин почему-то решил, что переводчик — Михаил Шевчук, и обратился к нему:

— Скажите, пожалуйста, почему разгневался господин офицер и чем я могу ему служить?

Шевчук не спеша ответил:

— Господин офицер очень рассердился, что вы его не встретили как подобает. И еще он сказал, чтобы вы немедленно приготовили вкусный обед, накормили наших лошадей. И не вздумайте комбинировать, это может дорого обойтись. На обед приготовьте килограмма два сала и колбасы, яиц вареных и жареных — полсотни, масло, мед, ну и, сами понимаете, бутылку самогонки, только, чтоб не воняла, а лошадям полкороба овса с клевером.

— Очень рад что вы не побрезговали и заехали ко мне. Ни в чем не смею отказать таким почтенным гостям. Заходите, пожалуйста, в дом — все будет по-вашему.

Спустя несколько минут мы уже сидели в теплой, уютной комнате, прибранной, как видно было, специально для гостей. Большой дубовый стол, покрытый белой вышитой скатертью, стоял в углу. Стены украшены полотенцами, из-под которых выглядывали иконы и фотографии. Почетное место на стене против окна занимал портрет Адольфа Гитлера. Увидев фюрера, обер-лейтенант вытянулся, словно по команде «смирно», и уже раскрыл рот, чтобы провозгласить здравицу в честь Гитлера, но вдруг его взгляд упал на портрет Петлюры, и глаза его налились гневом.

— Вер ист да? — спросил он у хозяина.

— А разве вы не знаете? Это же — Симон Петлюра, украиниш фюрер, — ответил дядька и снова поклонился немецкому офицеру.

Но обер-лейтенант даже слушать ничего не хотел. Он стал ругаться на чем свет стоит, как, мол, какого-то там паршивого Петлюру осмелились повестить рядом с великим фюрером Германии Адольфом Гитлером.

— Век, век! — грозно приказал Кузнецов.

Перепуганный дядька быстро снял портрет Петлюры и спрятал его в сундук, стоявший у стены. При этом он все время бормотал:

— А еще говорили, что немецко-украинская дружба вечная и нерушимая. Я и сам об этом говорил. А тут даже портреты нельзя рядом повесить. Как вы, хлопцы, с этим сумасшедшим ездите? Наверное, он и на вас без конца кричит?..

Вскоре на столе появились подмерзшее сало с ладонь толщиной, ароматная яичница, колбаса, залитая жиром, большая миска вареников с творогом, плававших в масле. Мы не побрезговали отведать и свежий борщ. Ели с аппетитом, так как за день основательно намерзлись и проголодались; а когда хозяин поставил на стол бутылку, аппетит у нас разгорелся еще сильнее.

Надо сказать, что Николай Иванович Кузнецов терпеть не мог не то что самогонки, но и вообще никаких алкогольных напитков. Исключение он делал только для пива, и он всегда возил с собой несколько бутылок его. Но отказываться от «шнапса» — не в характере немецких офицеров, и Кузнецову хочешь не хочешь, а приходилось поддерживать компанию. Тем более, что первый тост всегда провозглашался за фюрера.

Так было и на сей раз. Вторую рюмку подняли за «великий рейх», потом пили за победу. Хозяин попробовал было поднять тост за Украину, но обер-лейтенант велел ему замолчать и сам предложил выпить за украинское сало и масло...

Дядька косо посмотрел на офицера, не стал пить и вышел из комнаты. Мы не удержались от смеха, а Шевчук даже сказал тихо:

— Наверное, он сегодня заболит от переживаний.

Насытившись, мы хотели спеть, но Николай Иванович нас остановил, показал на часы и велел позвать хозяина. Когда тот, пошатываясь от хмеля, вошел в комнату, Кузнецов обратился к нему с длинной тирадой. Он показал пальцем на стол, одобряя угощения, потом провел рукой по своему животу (дескать, хорошо наелся) и тут же попросил теплой воды помыть руки.

Хозяин ничего не понял и обратился за помощью к Шевчуку:

— Переведите, пожалуйста, что нужно господину офицеру?

Шевчук дожевывал последний вареник и сам не знал, о чем идет речь, но, выдавая себя за знатока немецкого языка, не задумываясь, выпалил:

— Господин обер-лейтенант говорит, что ему очень понравились ваше сало, колбаса, яйца и даже самогонка. Но вы дали всего этого маловато. Несите-ка еще пару килограммов сала, колбасу, яйца и бутылку первака. Да еще две буханки хлеба, мешок белой муки и ведро овса для лошадей.

Такой «перевод» был для нас неожиданным. Еще большей неожиданностью оказался он для Николая Ивановича. Но «поправить» Шевчука никто не осмелился. А он вполне серьезно продолжал:

— Офицер приказывает приготовить все за пятнадцать минут, иначе вам будет плохо. Поняли?

— Понял. Но...— дядька хотел что-то спросить, но Миша грозно прервал его:

— Никаких «но». Идите и выполняйте!

Хозяин поклонился офицеру и вышел из комнаты, бормоча под нос:

— И куда все это он будет есть? Нажрался до бесчувствия, еще на живот показывает, дескать, полон, как бочка, а все еще подавай.

Через четверть часа все было на столе.

— На, ешь мой труд, пей мою кровь, чтоб тебя разорвало, дьявол ненасытный! — разошелся дядька. — Ребята, бросайте вы этого изувера! Пусть его черти возьмут, а то и вам когда-нибудь насолит за нашу украинскую доброту.

И мы снова мчались по наезженной санной дороге.

— Ничего более умного ты не мог придумать, — отчитывал Шевчука Николай Иванович. — И зачем тебе это сало, яички, колбаса? Да еще и целый мешок муки... Что ты со всем этим будешь делать?

— Как что? Мы едем в город, к нашим людям. Полмешка муки отдадим Левицкой, а остальное — Соне Приходько. Раздобудем где-нибудь барана, будут пельмени! И все остальное не пропадет.

— Особенно овес, — добавил Коля Приходько. — Когда я набирал его, видел, что у этого кулачины полные крома всякого зерна. Не сам же он его вырастил. Держит двух работников, а сын служит в немецкой управе. Мы еще мало пощипали эту гадину.

Услышав о пельменях, Николай Иванович повеселел. Всегда, чтобы поднять его настроение, мы пускали в ход

два «козыря». Первым была песня «Ревела буря, дождь шумел». Он очень любил эту песню и научил нас петь ее. Ну, а второй «козырь» — пельмени по-сибирски. Как мастерски ни исполнял Кузнецов роль немецкого офицера, но страсти к пельменям не мог в себе погасить. Мы не раз предупреждали его, что любовь к пельменям может сыграть с ним злую шутку.

В тот же день случилось еще одно приключение. По дороге мы встретили сани с полицейскими. Коля Приходько не стал сворачивать с дороги, чтобы пропустить их. За широкой спиной нашего кучера полицейским не видно было, кто сидит сзади. Им показалось, что навстречу едут обыкновенные деревенские парни, и они, тоже не сворачивая с дороги, стали ругать Приходько:

— Эй ты, что — ослеп?! Не видишь, кто едет? А ну, Грицко, слезь и дай этому идиоту по уху, чтоб знал, с кем имеет дело.

Но наш Николай первым соскочил с саней и кнутом изо всей силы начал «крестить» полицейских, приговаривая:

— Вот вам, вот вам, свинячьи морды! Смотрите лучше, кого я везу.

Полицейские уже сами увидели в наших санях немецкого офицера и виновато начали просить у Приходько извинения. Потом они вежливо свернули с дороги и, когда мы проезжали мимо них, даже выкрикивали: «Хайль Гитлер!»

— Теперь порядок, — довольно сказал Приходько. — Я научу вас, как надо служить немцам!

Такие «процедуры» с полицейскими Коля проделывал часто. А однажды даже забрал с их подводы ковер и застелил свое сидение.

Николай Иванович ругал его не раз за это, но не в характере Коли было отступать от своих намерений.

— Полицейские и всякие другие продажные шкуры — наши злейшие враги, — говорил Приходько. — Не было бы их, немцам здесь пришлось бы гораздо тяжелее.

Коля был прав. Народ поддерживал нас, помогал нам. Но были и продажные твари, которые стремились выслужиться перед захватчиками, и наша ненависть к ним была не меньшей, чем к оккупантам.

ПОСЛЕ «ПОДВИЖНОЙ ЗАСАДЫ»

— Откуда у тебя этот пистолет? — спросил меня Николай Иванович.

— Когда подбили вторую машину, она съехала в ров. Пока я подбежал, гитлеровцы уже успели выскочить и начали отстреливаться. Но кто-то из наших ребят дал по ним из ППШ, и фрицы замолчали. Даже попадали. Я заметил, как один из офицеров забежал за машину и тоже упал. У убитых мы забрали оружие, из машин прихватили портфели с бумагами. Когда операция была закончена, Борис Сухенко решил бросить под мотор гранату. «Отойди, Николай», — предупредил он меня. Я отошел немного в сторону и заметил лежащий на снегу около большой темной лужи пистолет.

— А кобура?

— Кобуру мы нашли в машине на сиденье около мертвого шофера. Но это не его пистолет, а, вероятно, того, который убежал.

— Убежал?

— Да, убежал. Я же говорил, что заметил, как один из офицеров забежал за машину и упал. И Коля видел...

— Конечно, видел, — подтвердил Струтинский. — Но это не тот, которого мы нашли за машиной, перепуганного до смерти. Тот был при оружии, он не ранен. Мы взяли живыми и мертвыми пять офицеров и два шофера — всего, выходит, семь фрицев. А в двух машинах может поместиться восемь человек. Не исключено, что был еще один пассажир, и он спасся.

— И пистолетов мы взяли восемь, а не семь, — добавил я.

— Все это еще не доказательство, — сказал Кузнецов. — Разве в машине не могло остаться свободное место? Да и лишний пистолет ни о чем еще не говорит. Мог же кто-нибудь из немцев иметь два?

Да, мог. Николай Иванович прав. И как это мы тогда сразу же не выяснили, чей пистолет? Спросили бы Райса или Гаана — они бы ответили. А теперь попробуй выяснить — был восьмой немец или нет. А найденный пистолет был необычный. По размеру не больше нашего ТТ, но обойма сдвоенная и в ней шашечным порядком размещено четырнадцать патронов. Прямо-таки чудесная находка для разведчика!

Я понял, что пистолет нравится Николаю Ивановичу, и он не против, чтобы я подарил ему его. Но что может произойти, если случайно Пауль Зиберт встретится с настоящим хозяином пистолета?

— Смотрите, Николай Иванович, как бы этот пистолет не причинил вам неприятностей,— предупредил я Кузнецова.

— Я вижу, тебе жалко с ним расставаться. Вот и думаешь басни о спасшемся немце. И, вероятно, Колю подговорил...

— Да что вы! — возразил Струтинский.

— Ну хорошо, я пошутил, — рассмеялся Кузнецов, пряча пистолет в кобуру. — Подарок принимаю, и увидите, хлопцы, какую службу он нам сослужит.

Мы не стали больше убеждать Николая Ивановича и, вероятно, вообще забыли бы о восьмом немце, если бы не случайная встреча, состоявшаяся через несколько дней.

По правилам конспирации нам не разрешалось бывать вместе в людных местах, но иногда это правило мы нарушали: когда вдвоем с товарищем, как-то легче становится на душе и чувствуешь себя увереннее. Поэтому мы, вопреки запрету, старались ходить парами.

На этот раз мы с Колей Струтинским почти целый день бродили по ровенским улицам и не заметили, как оказались возле большого здания военного госпиталя.

— Гляди, Николай, это не тот немец? — дернул меня за рукав Струтинский.

Я посмотрел влево. На лестнице, ведущей к широким дверям госпиталя, стоял высокий немецкий офицер в чине майора инженерных войск. В левой руке у него — окурки сигареты, а правую, забинтованную, он держал на марлевой повязке.

— Ты имеешь в виду убежавшего? — спросил я, когда мы немного отошли от лестницы.

— Да. Ты присмотрись хорошенько к нему. Давай вернемся.

— Хорошо.

Мы вернулись назад.

Майор спустился по лестнице немного ниже. Он стоял бледный, чем-то озабоченный, по лицу видно было, что ему пришлось много пережить. Шинель брошена на плечи, и мы заметили — из-под бинтов виднеется гипс.

— Ну, что? — спросил меня Коля.

— Знаешь, мне даже его лицо кажется знакомым,—

ответил я.— А впрочем, разве мог я за какую-то секунду запомнить лицо забежавшего за машину офицера?

— Но послушай. После «подвижной засады» прошло две недели. По времени подходит. Он ранен в правую руку, в которой держал пистолет. Пистолет падает на снег, а рука ранена. Но немец не теряется и убегает...

— Возможно, возможно... Все возможно, Коля... А ты обратил внимание на шинель? Точнехонько такая же, как у Гаана и Райса. Даже погоны и знаки отличия те же. Неужели это тот самый?

— Давай подойдем и спросим, где его ранило. Попросим прикурить, заведем разговор... Скажет, вот увидишь — обязательно скажет.

— Я не возражаю. Но это слишком дерзкая выходка. Мы же разведчики, Коля, и можем на такой глупости погореть. Чего это вдруг мы станем расспрашивать немецкого майора, где он ранен? Если его действительно подстрелили партизаны и он убежал, у немца может возникнуть подозрение.

— А что он нам сделает? Он даже без оружия. Ранен, и мы ему сочувствуем. Вот и все.

— Ну, ладно, пошли. Только Кузнецов нас за это по головке не погладит.

Разговаривая, мы отошли довольно далеко, даже завернули за угол дома. А когда вернулись, майора уже не было. Так и осталась загадка неразгаданной.

На следующий день утром мы обо всем рассказали Николаю Ивановичу. Как и следовало ожидать, он рассердился и хорошенько нас прочистил за то, что мы среди бела дня без особой надобности разгуливали по улицам. Сообщению о загадочном майоре он не придал значения.

— Выбросьте из головы эти глупости. Разве вам нечем больше заняться? Вбили себе в мозги, что кто-то удрал во время «подвижной засады», и не можете успокоиться. По-научному это так называемая «идея фикс» — навязчивая идея.

И все же эта «идея фикс» не давала нам покоя.

Шли дни. Майора мы больше не встречали. Дел у нас становилось все больше и больше. Николай Иванович быстро освоился в Ровно, завел знакомства и пользовался незаурядной популярностью среди немецких офицеров.

Все было хорошо, лишь одно обстоятельство тормозило нашу разведывательную деятельность: мы не имели

оперативной связи с отрядом. Вначале добытые сведения доставлялись в отряд непосредственно через Ровно. Но расстояние было порядочным, и связным приходилось отмерять десятки километров; на это уходило много времени. Позже организовали «маяки». Расстояние до отряда наполовину сократилось. Но и это нас не удовлетворяло. Иногда возникала необходимость по несколько раз связываться со своими, но как это осуществить?

— Дмитрий Николаевич, — обратился Кузнецов к командиру, — надо что-то придумать со связью. Наша связь слишком примитивна. Много времени тратим попусту и только то и делаем, что катаемся из Ровно на «маяк» и обратно. Нам такие прогулки просто мешают.

— Я вас понимаю, Николай Иванович, но всего сразу не сделаешь. Пока прогуливались — и вам это пошло на пользу. Свыклись с обстановкой, изучили местность, так сказать, потренировались. А теперь Александр Александрович подготовил вам подарок.

— Да, — подтвердил Лукин. — С вами в Ровно поедет радистка. Кто именно — решайте вы, Николай Иванович. Наши девчата все рвутся в город, и я не могу кому-нибудь из них отдать преимущество.

— А почему именно радистка, а не радист? — поинтересовался Шевчук. — По-моему, парень лучше, меньше мороки.

— Конечно, можно и парня, — ответил Кузнецов. — Но лучше все-таки взять девушку. Ну, предположим, Валу Осмолову.

— Казачку!? — воскликнул я.

— Да, именно ее. Она девушка красивая, сообразительная, к тому же смелая. Ничего, что она из кубанской станицы — одень ее модно, сделай соответствующую косметическую обработку и выйдет настоящая пани, дочка какого-нибудь недобитого интеллигента-белогвардейца. С ней можно и по городу пройтись, и в веселой офицерской компании посидеть.

— Но ведь она, кроме русского, никакого языка не знает, — не сдавался Шевчук.

— А для чего ей знание языка? Она же не будет выдавать себя ни за немку, ни за фольксдойче, ни за польку. Тех нескольких немецких слов, которые она изучила в школе, для нее вполне достаточно, чтобы найти общий язык с Паулем Зибертом и его друзьями на вечеринке.

А самой ей никуда не придется ходить. Все время будет с нами. Раз в день будет передавать донесения в отряд или прямо в Москву. Вы понимаете, что это значит?

Днем позже мы уже мчались на своих вороных в «столицу». Валя — красивая, краснощекая — сидела рядом с надменным немецким офицером — обер-лейтенантом Паулем Зибертом. Рядом с нашим лихим кучером Колей Приходько примостился Михаил Шевчук. Мы с Николаем Струтинским уселись сзади.

Трещал мороз, поскрипывали сани по снегу, и только пар клубами валил с потных лошадей. Мы спешили за-светло доехать в город. Вот и Ровно. Выезжаем на улицу Грабника, навстречу нам из-за угла дома вырывается грузовая автомашина.

И тут случилось непредвиденное. Наши лошади, которые мало видели машин, всполошились, рванули в сторону, вмиг перевернули на нас сани. Только Коля Приходько и Михаил Шевчук успели соскочить. Растерянные, вылазили мы из-под саней, отряхивая снег и солому. А на мостовой около перевернутых саней лежала целая радиостанция с батареями. Мы не успели и опомниться, как Кузнецов, схватив автомат, неистово закричал по-немецки:

— А ну собирай свои игрушки! Шнеллер! Шнеллер! А вы что стоите, истуканы? — повернул он к нам гневное лицо. — Не видите, что сани лежат вверх ногами?

Мы кинулись переворачивать сани. В это время к Кузнецову подбежал низенький офицерик и начал что-то тараторить.

Но Николай Иванович резко оборвал его:

— Ты что — ослеп? Не видишь, кого везу? Это мы схватили советскую парашютистку с рацией.

Он сильно толкнул казачку автоматом в сани, и через несколько секунд мы мчались по ровенским улицам.

Когда мы прибыли на квартиру к Ивану Приходько, Кузнецов рассмеялся:

— Ты, Валя, извини меня, я, наверное, тебя больно толкнул в бок. Но ничего другого не мог придумать. Этот остолоп спрашивает: «Что это вы, господин обер-лейтенант, на прогулку берете с собою радиостанцию? Разве вам недостаточно хорошенькой девушки?» Вот и пришлось тебе синяк посадить...

Оставив у Ивана Тарасовича Кузнецова, Валю и Шевчука, мы поехали в Эдолбунов.

... Дмитрий Красноголовец и Петр Бойко сообщили, что через станцию проходит много эшелонов на Сталинград. В них — продукты, теплое обмундирование, боеприпасы, оружие, горючее и, конечно, солдаты.

По возвращении в Ровно мы сразу же решили, не теряя времени, передавать эти сведения в Москву. Валя зашифровала радиограмму, растянула антенну, отрегулировала передатчик и приготовилась начать передачу. Но в это время открылась дверь, и на пороге появился немецкий офицер, живший в соседнем доме. Узнав, что приехал Пауль Зиберт, он решил зайти и посидеть в его компании, тем более, что интеллигентный обер-лейтенант всегда был щедрым на угощения.

Что делать? Сорвать передачу? Кузнецов не мог такого допустить.

Извинившись перед гостем, Николай Иванович зашел в комнату, где сидели мы с Валею, и тихо произнес:

— Замотайся платком и вместе с передатчиком лезь под одеяло. Сеанс не срывай. А я займусь этим фрицем.

Мы с Шевчуком нащупали в карманах пистолеты — пусть только сунется сюда непрошенный гость.

Валя сделала так, как приказал Кузнецов: положила радиостанцию в постель рядом с ключом «морзянки», наушники на голове замотала большим платком, легла и накрылась пушистым теплым одеялом. Она лежала, выстукивая ключом текст шифровки, и тихонько стонала, словно действительно больная.

А в это время в соседней комнате Пауль Зиберт угощал гитлеровца. Когда тот дошел до такого состояния, что еле поворачивал языком, гостеприимный хозяин даже разрешил своему гостю зайти посмотреть на «зер шене фрейлейн», которая заболела в дороге и теперь вынуждена лежать в постели вместо того, чтобы с ними пить коньяк и веселиться.

Валя так понравилась гитлеровцу, что Кузнецову пришлось силой выволакивать его из комнаты.

— Фрейлейн ист кранк, фрейлейн ист кранк, — бормотал немец.

Вести передачи из одного места было опасно. Через несколько дней в кварталах неподалеку от дома Приходько появился автопеленгатор. Передачи пришлось прекратить.

— Придется переехать в Здолбунов, — предложил Кузнецов.

Мы отправились на поиски подходящей квартиры, но сколько ни искали, не могли найти. Поместить радиостанцию у Шмерег мы не могли — нельзя riskовать складом оружия. Да и вообще в Эдолбунове, этом важном железнодорожном узле, служба пеленгации работала не хуже, чем в Ровно.

Пробовали на период сеансов выезжать в ближайшие леса, на окраину села Новомильского, но это было сопряжено с большими неудобствами и riskом, забирало много времени.

— Радиосвязь — хорошее дело, но как ни жаль, а придется от нее отказаться, — решил Кузнецов. — Много лишних хлопот она нам причиняет. Пеленгаторы засуетились, как осы в гнезде. Собирайся, Валя, поедem в отряд.

— Николай Иванович, — на глазах девушки заблестели слезы, — за меня не беспокойтесь. Я ничего не боюсь. Вот увидите — все будет в порядке.

— Нет, казачка, мы не имеем права так riskовать. Ты будешь полезна в отряде, а мы поищем другие способы связи.

В тот же день мы проводили Валью с ее «приданным» в лес. И кто знает, если бы тогда Николай Иванович не настоял на своем, была бы сейчас среди нас Валентина Осмолова — наша славная, отважная казачка.

ПОЕДИНОК КОЛИ ПРИХОДЬКО

Коля Приходько выполнял роль связного между нашей разведывательной группой и партизанским «маяком». Почти ежедневно на велосипеде или пешком, а когда выпал снег — на санях пробирался он до Кудринских хуторов, за Тучиным, передавал информацию, которую нам удавалось собрать в городе, и получал для нас пакеты от командования.

Он был сильный, напористый, смелый, и эти черты воспитывались в нем с детских лет.

У путевого обходчика Тараса Приходько было много детей. Нищета, лишения, а иногда и голод надолго поселились в железнодорожной будочке, одиноко, сиротливо стоявшей невдалеке от Эдолбунова. Ребенком Коля остался без матери, и от этого жизнь стала еще более горькой.

Осенью тридцать девятого года, когда в Эдолбунов пришла Красная Армия и над зданиями взвились алые флаги, Николай пошел работать на станцию. Он начал учиться в вечерней школе, вступил в комсомол и стал одним из активных его членов. Перед самой войной его назначили инструктором райкома ЛКСМУ.

И вдруг — война. Фашисты приближаются к Эдолбунову, железнодорожные пути на станции забиты военными эшелонами, составами с грузом и эвакуированными. Николай понимает, что его место на станции: там труднее, там он может принести больше пользы. И девятнадцатилетний юноша возвращается на железную дорогу. Он не знает ни сна, ни отдыха и до последних минут не оставляет свое место в штабе по эвакуации. Буквально из-под носа оккупантов уезжает Приходько на Восток.

В Пензе, куда были эвакуированы почти все работники Ковельской железной дороги, сошлись наши судьбы. Коля тогда работал в системе водоснабжения депо. Тут мы впервые встретились, и мне сразу же понравилась его искренность и откровенность, его честность и непримиримость к любой фальши. Мы подружились. Вскоре наша компания ковельских железнодорожников выросла. Сюда прибыли Петя Голубь, Саша Яцук, Александр Данилович Середенко. Всех нас объединила одна судьба. Все мы стали партизанами.

Помню: иду я однажды на работу и встречаю Колю.

— Привет, земляк! — говорю.

— Будь здоров!

— Куда собрался, не к невесте ли?

— Война, а у тебя в голове глупости, — ответил он. —

Я вот посоветоваться с тобой хочу. Понимаешь, я иду в военкомат, несу заявление, чтобы взяли на фронт. Не к лицу нам, комсомольцам, отсиживаться в тылу и гайки с болтами подкручивать. Может, и ты со мной, а?

— Это ты правильно решил, Николай. Думаю, все наши ребята тебя поддержат. Но не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого, ведь у нас, железнодорожников, и тут дел по горло.

— Не выйдет, говоришь? А я думаю, что выйдет! Будем писать до тех пор, пока выйдет. А не согласятся здесь, в Москву, в ЦК напишем, и обязательно выйдет!..

В тот же день Коля понес в военкомат целую пачку заявлений, в каждом из которых одна и та же просьба: отправить на фронт. Нужно было видеть, как он нервничал, когда нам отказали. Он не находил себе места, померчал и, обиженный, продолжал почти ежедневно обивать пороги военкомата и обкома комсомола. Зато как засияло его лицо, как заблестели глаза, когда, наконец, нам ответили согласием.

Настойчивость его не имела границ. Увлечшись какой-нибудь идеей, он мог забыть обо всем на свете и не успокаивался, пока не добивался своего. А если в конце концов оказывалось, что он был неправ и его желанию не судилось сбыться, болезненно воспринимал свою неудачу. Коле часто не хватало выдержки, он любил действовать сгоряча, и это обстоятельство не раз мешало ему. И во время подготовки к полету во вражеский тыл, и в партизанском отряде Приходько случалось иногда иметь неприятности из-за своего беспокойного характера.

Неудачи на Восточном фронте, особенно катастрофа на Волге, активизация партизан в полесских областях всполошили оккупантов. Через Ровно и Здолбунов начали двигаться крупные соединения фашистских войск. Каждый день мы получали все новые и новые важные сообщения, и их немедленно нужно было передавать в отряд. Для нас всех, и для Коли особенно, этот период был чрезвычайно напряженным.

20 февраля Приходько повез на партизанский «маяк» очередное донесение.

— Будь осторожен, Коля,— предупредил его Кузнецов, вручая пакет.— Немцы устраивают засады и проверки. Лучше объезжай опасные места.

— Не беспокойтесь, Николай Иванович,— спокойно ответил Приходько,— я уже научился их обманывать. Они проверяли мои документы и говорили: «Гут, гут». Так что все будет в порядке.

Мы с Колей Струтинским проводили его за город.

— До свидания! — весело крикнул он и погнал лошадей.

Если бы мы знали, что видим его в последний раз, если бы нам было известно, какая опасность подстерегает его впереди! Мы смотрели вслед его богатырской фигуре и желали ему счастливого пути и быстрого возвращения.

А он не вернулся.

Прошел день. Потом второй... Где Коля? Что случилось с ним? В городе началась паника, на перекрестках дорог и улиц непрерывно проверяют документы, то тут, то там устраивают облавы. Не связано ли все это с исчезновением Приходько?

— Страшно поверить, что Колю схватили, — сказал Шевчук, — но что-то с ним случилось, иначе бы он вернулся или дал о себе знать.

— Тебе, Николай, — обратился ко мне Кузнецов, — надо немедленно послать кого-нибудь в Тучин, пусть узнают, нет ли там новостей.

— Я уже говорил об этом с Левицкой, — ответил я. — Она сегодня же отправится туда.

— Я думаю, — вставил Струтинский, — не мешало бы еще послать Казимира Домбровского в Великий Житень. У него там родственники, и через них можно кое-что разузнать.

— Хорошо! — согласился Кузнецов. — Не будем, ребята, терять время. Но прежде всего нужно оставить квартиру Ивана Тарасовича и предупредить его об опасности. Если схватили Колю, даже мертвым, его могут опознать и кинутся в поиски всех его родственников.

На второй день дошла до нас страшная весть: на шоссе между Тучином и Великим Житенем неизвестный партизан в неравном бою уничтожил много фашистов, а когда у него кончились патроны и гранаты, покончил с собой. Хотя нам и не назвали фамилии отважного патриота, но сомнений не было: погиб наш друг, наш боевой товарищ Коля Приходько.

Коля, Коля! Наш веселый, жизнелюбивый Геркулес! Неужели это правда? Неужели мы никогда больше не увидимся с тобой, не услышим твоего громкого уверенного голоса? Неужели смерть оказалась сильнее тебя? Сегодня — ты, а завтра каждый из нас может столкнуться в смертельном поединке с врагом, и так же, так ты, отдаст свою жизнь в неравной борьбе, но не станет на колени, не поднимет рук. Идет война. Священная война с коварным врагом. Он — сильный. Но мы сильнее его. Слышишь, Коля, сильнее! Ты погиб, но ты победил. Ты — с нами. Ты — со всем народом. А народ — бессмертен.

Вместе с известием о смерти Приходько мы получили приказ командования: всем разведчикам срочно возвра-

титься в отряд. Сделать это было нелегко. Гитлеровцы на всех дорогах расставили заслоны, и необходимо было переждать несколько дней, чтобы они немного успокоились. Но оставаться в Ровно было опасно, обстоятельства требовали оставить «столицу» оккупированной Украины, и мы решили перебазироваться в Эдолбунов и уже оттуда с помощью местных подпольщиков добраться до отряда.

Так мы и сделали, переехали к братьям Шмерегам. Наши надежды на помощь эдолбуновских товарищей не оказались напрасными. Когда Николай Иванович высказал мысль, что неплохо было бы достать автомашину и на ней отправиться в отряд, Сергей Шмерега предложил:

— У нас в заготконторе есть такая машина. Газогенератор. Мешок дубовых чурок — и шпарит сто километров. Гитлеровцы потому ее и не взяли, что она работает на дровах.

— Это хорошо, — сказал Кузнецов. — А как быть с водителем?

Коля Струтинский не выдержал:

— А какой вам нужен шофер? Первого класса или автомеханик? У меня второй класс. Давайте какой угодно драндулет, и я поведу. Были бы только руль и колеса.

— Чудесно! — воскликнул Кузнецов, — Только как же это? Возьмем машину и уедем. А что будут делать ребята? Что они скажут: куда девалась машина?

— Правильно, — поддержал его Сергей. — На этой машине работает бывший военнопленный Леонтий Клименко. Мы его немного знаем. Он какой-то замкнутый, ни с кем не дружит, сторонится всех, но честный, хороший человек, и мы уже думали привлечь его к подпольной работе. Попробуем?

— Если вы в нем уверены, пожалуйста, договаривайтесь, — согласился Николай Иванович.

На следующий день братья Шмереги сообщили, что Клименко без колебаний согласился ехать, и машина будет ожидать нас в семь часов вечера в условленном месте.

— Путевка оформлена, пароль определен, так что можно двигаться, — сказал Михаил.

Ровно в семь часов мы с Шевчуком были в одном из эдолбуновских переулков. Мы увидели старенькую полуторку с газогенераторными баллонами по бокам,

около которой возился худощавый, неприветливый с виду человек лет тридцати.

Подойдя к нему, я произнес:

— В каком направлении отбывает ваш лимузин?

— В направлении Гоши, — ответил он, оглядев нас с Мишей с ног до головы. — А дальше видно будет... Садитесь, пожалуйста.

Мы забрались в кузов. Через две-три минуты подошел Коля Струтинский.

— Ну, можно ехать? — спросил наш новый знакомый, но тут же прикусил язык, увидев рядом немецкого офицера. Тот, ничего не говоря, открыл дверцу кабины и, удобно устроившись на сиденье, резко захлопнул ее.

Клименко растерянно посмотрел в нашу сторону.

— Все в порядке, — сказал Шевчук. — Поехали.

Видно, эти слова не очень успокоили шофера. Он с недоверием взглянул на нас, вздохнул и медленно полез в кабину. Машина, оставляя за собой клубы дыма, тронулась в путь.

По дороге нас несколько раз останавливали немецкие патрули, но, заметив в кабине обер-лейтенанта, даже не осмеливались проверять документы. Мы уже надеялись без всяких препятствий добраться к месту назначения, как вдруг перед мостом через Горинь, возле села Бабино, патруль предложил нам сойти с машины и направиться к штабу гарнизона для проверки документов.

— А вы, господин обер-лейтенант, подождите, пожалуйста, в кабине, — обратился к Кузнецову старший патруль.

Но Кузнецов уже соскочил на землю.

— Разве вам недостаточно того, что я здесь? — недовольно воскликнул он.

— Извините, но мы это делаем ради вашей безопасности. Не забывайте: вокруг полно партизан, и кто знает, нет ли их среди ваших спутников. Вы рискуете, господин обер-лейтенант...

— Не ваше дело, кто со мной ездит! — перебил его Кузнецов. — Я был в Париже, в Варшаве, под Харьковом! Я дважды ранен, и мне нечего бояться. Это вы тут, в тылу, пугаетесь каждого воробья. Вас бы на фронт! А что касается этих людей, то я сам их проверял и в ваших услугах не нуждаюсь.

— Еще раз простите, господин обер-лейтенант, мы не хотели вас обидеть, и все это исключительно ради на-

шей общей безопасности. Но если вы настаиваете, то, пожалуйста, можете ехать.

Шлагбаум поднялся, и мы поехали дальше. Приблизительно через час машина остановилась. Мы рассчитались с водителем и направились к лесу. Клименко стоял и глядел нам вслед, все еще не понимая, с кем он имел дело.

Позже, когда я снова встретился с ним (а он к тому времени уже стал настоящим подпольщиком), он не выдержал и спросил:

— А немецкий офицер, который был тогда с вами, тоже партизан?

— Да это же не немец. Это наш разведчик, русский, — ответил за меня Сергей Шмерега.

— Какой русский? Он тогда на мосту так кричал по-немецки на патрулей, что я даже испугался. Не может быть...

— У нас все может быть, — ответил я. — Здесь нет ничего удивительного. На то мы и партизаны.

Клименко смутился:

— Вот тебе и на! А я еще деньги взял за то, что подвез партизан.

Он долго не мог простить себе этого, и, когда во второй раз встретился с Кузнецовым, прежде всего извинился перед ним.

...В отряд мы прибыли на рассвете. В штабе уже знали обо всех подробностях гибели Коли Приходько.

Он приехал на партизанский «маяк» веселый, возбужденный, отдал ребятам наш пакет и, ничего не сказав, пошел отдыхать. Утром следующего дня ему вручили пакет от командования отряда. Перед тем, как направиться в Ровно, он вытащил из саней два карабина и, отдавая их Борису Сухенко, сказал:

— На, передай в штаб. Я отобрал их у полицейских.

— У каких полицейских? И где они?

— Я их пустил под лед. Понимаешь, еду я из Великого Житеня на Тучин, и вдруг встречаются мне два полицейских. «Подвези нас в Козлин», — говорят. Сначала мне хотелось прошить их из автомата, но потом подумал: жаль патронов на этих гадов тратить. «Садитесь!» — отвечаю. Они устроились сзади и давай надо мной смеяться. Чего, мол, я такой здоровый, не хочу ехать в Германию. Там, дескать, очень хорошо: и культуры можно набраться, и денег заработать. А, думаю, — гады, вон

вы куда гнете! Я им: «А почему вы сами туда не поехали?» А они мне: «Какое твое дело? Нам и тут хорошо. А вот тебе надо было бы поехать». Один из них говорит: «Мы приедем в Козлин и отправим тебя». Меня аж перередернуло. Как раз в это время мы въехали на мост. Ну,— думаю,— увидим еще, кто кого, я вас отправлю не только в Германию, но и ко всем чертям. Остановил лошадей, выхватил автомат и как заору: «Прыгайте, гады, в воду!» Они затряслись от страха и давай меня умолять: «Товарищ партизан, мы пошутили, подарите нам жизнь, мы не виноваты». Но я не сдавался. «Прыгайте,— говорю,— в воду, иначе убью». Они и прыгнули с моста в реку. А вода ледяная, лютая, только их гитлеровки и всплыли наверх. Черт с вами,— думаю. И погнал лошадей. Ты, Борис, не рассказывай об этом командиру, иначе мне снова перепадет.

— Хорошо, не скажу. Но ты будь осторожен. Советую возвращаться в город другим путем.

— Чего ради?

— Твоя выходка может насторожить оккупантов, и они подготовят тебе засаду.

— Не думаю,— возразил Приходько.

— Не надо быть таким упрямым, Николай, ехать этой дорогой опасно.

— Ну, хорошо, поеду другой.

Но он сделал все-таки по-своему, поехал в город той же дорогой, которой за день перед этим пробирался на «маяк».

За Тучином его остановил патруль.

— Документы!

Николай подал свой аусвайс.

Один из полицейских начал шарить под сиденьем. Николай не выдержал, выхватил автомат и нажал на спусковой крючок. Автоматная очередь скосила жандармов. Но не все они были убиты. Когда Николай погнал лошадей по дороге, оставшиеся в живых начали стрелять ему вслед. Фашистская пуля попала партизану в плечо, но Приходько продолжал гнать лошадей. Возможно, ему удалось бы скрыться, но навстречу шла машина с немецкими солдатами. Увидев ее, Николай свернул с дороги в поле. Машина остановилась, и немцы открыли стрельбу по нему из пулеметов. Лошади мчались, как бешеные. Казалось, еще мгновение — и Приходько удастся оторваться от преследователей. Пуля свалила одну лошадь.

Николай быстро выпряг ее и погнал сани вперед. Но не успел он проехать и двух десятков метров, как упала вторая лошадь. Приходько залег за ней и открыл огонь по гитлеровцам. Но к ним подоспело подкрепление: еще одна машина. Фашисты окружили Николая большим кольцом, которое начало быстро сужаться: они решили взять партизана живым. А он и не думал складывать оружие — косил из своего автомата фашистов. Кончились патроны, и он стал бросать гранаты. А потом достал пистолет. Когда гитлеровцы были уже совсем близко, Приходько, истекая кровью, сжег пакет, метнул в немцев последнюю гранату и выстрелил из нагана себе в лицо разрывной пулей, чтоб его не могли опознать.

Люди видели этот поединок, видели, как до последней капли крови дрался с врагами советский партизан.

И пошли по полесской земле о нем легенды. Что был он весь в броне, от которой отскакивали пули. Что, когда немцы кинулись на него, он поднялся во весь свой богатырский рост, хватал их, словно щенков, поднимал вверх и изо всей силы бросал на землю. И — смеялся, так громко смеялся он, что далеко-далеко разносилось эхо от этого жизнеутверждающего, победного смеха...

А был он обычным парнем — таким, как и ты, мой юный друг. Если бы не война, он, вероятно, стоял бы возле станка или сидел за студенческим столом. Он пошел бы с тобой в казахстанские степи прокладывать первую борозду по веками не тронутой земле. Вместе со своими ровесниками покорял бы он бурные реки, возводил города и корпуса заводов, штурмовал бы просторы Вселенной.

Он не успел еще узнать радостей первой любви. Но он любил. Любил свою Родину, свой Советский Союз, где и он, и его земляки будто бы заново родились. И ради своей Отчизны, во имя свободы и счастья народа отдал он жизнь.

Таким был он — Герой Советского Союза, комсомолец Николай Приходько. Таким он навеки останется в памяти людей.

ЗУРНОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Снег покрыл землю полуметровым слоем, занес дороги. Трещали тридцатиградусные морозы. И командование решило перебазировать отряд из леса в село. Жители

Рудни-Бобровской с радостью встретили партизан, и мы разместились в теплых хатах.

Пронюхав, что партизаны зимуют в селах, гитлеровцы стали совершать на деревни воздушные налеты и бомбили даже те населенные пункты, в которых, кроме мирных жителей, никого не было.

— Придется возвращаться в лес,— сказал Медведеву комиссар отряда Стехов.

— И я об этом думаю, Сергей Трофимович,— ответил командир.— Направьте разведчиков для выбора места под лагерь и завтра же оставим село.

Когда на следующий день нас выстроили для перехода в лес, крестьяне собрались на дороге и начали уговаривать командира, чтобы он изменил свое решение. Они говорили, что согласны держать нас у себя до прихода советских войск, плакали, умоляли не оставлять села. Одна женщина вышла на снег босиком, с ребенком на руках, и со слезами стала просить:

— Не покидайте нас, родимые. Мы такие беззащитные... Гоните скорее этих изуверов, бейте их, бейте!

«Чем они провинились, эти люди, почему судьба так зло глумится над ними? — думали мы.— Только недавно пришла к ним свобода — Советская Армия освободила их от ярма шляхты, и вот снова их хотят превратить в рабов». И каждый из нас молча давал себе клятву беспощадно сражаться с врагом, гнать его с родной земли, отплатить за слезы народа.

Отряд разместился в густом сосновом лесу в специальных чумах. Наклонно вбивали в землю колья и покрывали ветками, мхом и листвой, сверху набрасывали землю. В чумах мы разжигали костры (дым выходил через отверстия вверх), нам было тепло и даже уютно.

Обстановка была романтической: непроходимый лес, скажочный чум, костер, дым от которого ест глаза, болотная вода из проруби, которую ежедневно надо было прорубывать, умывание снегом, сон полуодетым... Эта романтика обходилась нам дорого. Люди переутомлялись, появились больные, необходимо было увеличить паек, сделать его более калорийным. Но легко сказать «увеличить», значительно тяжелее было это сделать.

Продовольствия нам не хватало, и добывать его приходилось почти ежедневно. Крестьяне охотно делились с нами своими запасами, но сколько у них было этих про-

дуктов! Поэтому приходилось организовывать специальные операции по захвату продовольствия у врагов.

Согласно приказам оккупационных властей, крестьяне не имели права забивать выращенный скот, птицу и перерабатывать сельскохозяйственные продукты. Им запрещалось даже держать жернова, чтобы на них не молоть зерно. Все они должны были сдавать для гитлеровской армии.

За нарушение этих и других приказов была установлена смертная казнь.

В бывших панских имениях, на базе которых при Советской власти были созданы совхозы и колхозы, теперь поселились новые «правители» — помещики из числа недобитых гитлеровских вояк. Некоторым из высших гитлеровских офицеров, ставшим инвалидами на Восточном фронте, фюрер в порядке поощрения «подарил» такие имения.

В селе Зурно, расположенном неподалеку от города Березно, находилось имение, в котором, по данным нашей разведки, сконцентрировалось большое количество скота, птицы, зерна и овощей, отобранных у населения для отправки на фронт.

— Придется послать ребят за продуктами в зурновское имение, — обратился Медведев к Лукину и Стехову.

— Вы правы, Дмитрий Николаевич, — поддержал командира Лукин. — В Зурно сейчас очень много скота, недавно вступил в строй спиртзавод. Туда прибыл новый управляющий хозяйством, какой-то молодой лейтенант, сын известного гитлеровского генерала.

— Дмитрий Николаевич, — вмешался в разговор врач Альберт Цессарский, — в Зурно нужно идти обязательно. Наша санчасть осталась без спирта. А мы без него как без рук. Разрешите пойти и мне.

— Какая там охрана? — поинтересовался Медведев.

— Раньше были одни полицейские, а когда пустили спиртзавод, прибыл новый управляющий, и говорят, привез с собой солдат, — ответил Лукин.

Было решено разрушить зурновское имение и завод, обеспечить себя продуктами, а охрану взять в плен или уничтожить. Эту операцию поручили роте под командованием старшего лейтенанта Александра Базанова. Охотников принять участие в операции оказалось много. Попросились на эту операцию и мы, «городские разведчики»: Коля Струтинский, Михаил Шевчук и я.

Медведев сначала не давал согласия.

— Нечего вам там делать,— говорил он.— Отдохните немного после Ровно, так как вскоре снова придется идти туда.

— Товарищ командир,— стал просить Шевчук,— если бы вы знали, как нам хочется по-настоящему встретиться с врагом.

Медведев смягчился:

— Ну, хорошо, идите. Помните,— командир обернулся к Базанову,— эта операция, по всей вероятности, будет легкой. Неподалеку от зурновского имения — Березно, а там — гарнизон. Вряд ли вам удастся избежать столкновения. Да и до Костополя рукой подать. Оттуда тоже могут наскочить немцы. Необходимо действовать четко, быстро и к рассвету миновать все опасные места.

— Понятно, товарищ командир! Разрешите идти?

— Нет, еще одно, товарищ Базанов. Меня беспокоит операция со спиртом. Его надо взять, он необходим Цесарскому, но смотрите, чтобы ребята не натворили глупостей. Чего доброго, еще возникнет пожар. Поставьте возле спирта надежную охрану и проинструктируйте, как с ним обращаться.

— Разрешите пойти мне, я организую все как следует,— вставил врач.

— Нет, Альберт Вениаминович. Вам придется остаться в отряде с больными и ранеными. Вы нам нужны здесь, а спирт ребята и без вас раздобудут.

В полночь наша группа, насчитывающая около полусотни партизан, подошла к Зурно. Имение стояло на краю села, тут же, рядом с управлением, спиртзавод.

Без единого выстрела за полчаса мы справились с охраной и управляющим, связали их и положили на сани. Зерно, крупу, муку, сухофрукты и другие продукты питания, несколько бочек спирту погрузили на подводы, которых в имении оказалось достаточно. Запрягли лошадей и погнали в отряд. Туда же угнали скот.

Заминировали имение и уже собрались было идти из села, как вдруг Коля Струтинский вспомнил, что Лукин говорил ему о переводчике, приехавшем в Зурно вместе с управляющим.

— Найти его немедленно и взять с собой,— приказал Базанов.— Гнидюк, займись этим делом!

Мы с Шевчуком отправились на поиски. Рабочие

завода показали нам, где живет переводчик управляющего — пан Станкевич.

— Вон там, на втором этаже.

Пан Станкевич заставил себя долго упрасивать, но дверей так и не открыл. Когда Миша ломом высадил их и мы зажгли свет, перед нами предстала такая картина: в угол комнаты, забаррикадированные подушками и перинами, забились мужчина, женщина и двое ребят. В руке у мужчины был пистолет, но он не понадобился владельцу, дрожавшему, словно в лихорадке. Лицо мужчины показалось мне очень знакомым, и в тот же миг я вспомнил свою первую поездку в Ровно, разговорчивую старушку, неожиданную встречу с оккупантами и беседу с переводчиком, который спас мне тогда жизнь.

— Предъявите документы! — приказал я.

— Пожалуйста, — переводчик вытащил из кармана свой аусвайс.

— «Эдислав Станкевич, переводчик немецкой управы в Березно», — прочитал я вслух.

— Так точно, уважаемый пан.

— Вы по национальности поляк?

— Так точно.

— Лучший приятель учителя Курильчука из Балашовки?

— Так точно. А откуда, осмелюсь спросить, вам это известно? В аусвайсе этого не написано.

— Мы же с вами старые знакомые.

Пан Станкевич с удивлением взглянул на меня.

— А-а! Вспомнил! Так это вы? Какая приятная встреча! Надеюсь, вы мне сегодня тоже поможете остаться в живых, хоть я и служу немцам.

— Вет за вет, — по-польски ответил я переводчику. — Но вам придется расстаться с пистолетом.

— О, пожалуйста! Только напишите расписку, что вы, партизаны, были здесь и отобрали его у меня.

— Расписку придется писать большую, так как мы берем не только пистолет, а все имение, даже немцев, а завод через десять минут взлетит в воздух.

— О, Езус Мария, матка боска! Мой шеф не выдержит такой трагедии.

— А это вас не касается, что выдержит ваш шеф, а чего нет, — сердито отрубил Шевчук. — Не мы пришли на немецкую землю, а они ворвались в наш дом. Лучше ре-

шайте быстрее, что намерены делать, так как сейчас мы уйдем, а от завода останется только воспоминание.

— Воля ваша, делайте что хотите, а меня с женой и детьми оставьте тут.

Мы покинули моего старого знакомого, и больше я его никогда не встречал да, наверное, и не встречу.

Дорога в отряд оказалась долгой и тяжелой. С нами было больше двадцати подвод, доверху нагруженных продовольствием, гнали мы полторы сотни голов рогатого скота и много овец. Такой громоздкий обоз не мог быстро двигаться, но, несмотря на это, решено было идти дальней дорогой, чтобы запутать следы. Мы пошли через Моквин — по пути решили «навестить» бумажную фабрику и захватить немного ее продукции. Оккупанты еще спали. Наше появление было для них словно гром среди ясного неба, мы взяли их в нижнем белье, тихо.

На фабрике наши трофеи пополнились папиросной бумагой. А Коля Струтинский пошел в контору, где хранились бланки, печати и штампы. Бухгалтер уже был на месте. Он оказался чересчур дисциплинированным, аккуратным и требовательным. Пока Николай доставал из сейфа чистые бланки аусвайсов, печать и несколько пачек денег, бухгалтер успел написать расписку.

— Пожалуйста, подпишите эту бумагу для отчета.

Коля прочитал расписку и молча поставил под ней свою подпись.

— Глубоко благодарен, — сказал бухгалтер. — Но прошу вот здесь разборчиво написать свою фамилию.

Коля снова взял ручку и аккуратно вывел большими буквами: «Партизан Струтинский Николай».

— О! Теперь все в порядке, — довольно молвил бухгалтер и положил расписку в одну из книг.

Мы тронулись в путь. Скот причинял немало хлопот, обоз двигался медленно.

Когда мы проходили через село Хотин, жители его вышли из домов посмотреть на партизан и на немцев, лежавших на санях.

— Гляди, какой молоденький, — сказала одна женщина, увидев управляющего зурновским именем. — Сидел бы себе дома и носа не показывал, а то захотелось ему, видите ли, чужого добра. Наелся? Что вы, ребята, с ним делаете? — спросила она у нас.

— То, что делают со всеми врагами. Судить будем.

— Была бы я твоей матерью, — продолжала женщи-

на,—взяла бы хороший кнут, спустила бы твои штанишки да так отстегала, чтобы тебе навсегда расхотелось воевать.

В лесу мы сделали небольшой привал, подкрепились и снова двинулись в путь. Базанов приказал Борису Сухенко, Жоржу Струтинскому и мне идти позади обоза и прикрывать его от возможного нападения с тыла.

Гнать скот лесом было еще тяжелее, и нам, тыловой охране, приходилось подгонять «недисциплинированных» коров и овец.

— Давайте немного отстанем,—предложил Борис,—ведь, если немцы вздумают нас преследовать, мы даже не услышим.

Мы присели в соснячке. И у меня, и у Сухенко отыскался спирт, а на морозе выпить рюмку было не только приятно, но и необходимо. Незаметно прошел почти час, и колонна за это время успела порядочно уйти.

Вдруг слышим: кто-то разговаривает сзади. Прислушались: немцы. Что делать? Бежать? Невозможно. Спрятаться? Но куда? И наша тыловая охрана, вооруженная одним пулеметом и двумя автоматами, решила дать врагу отпор.

Гитлеровцев мы подпустили близко. Они шли, растянувшись цепочкой и озираясь по сторонам. Было их немного.

— Наверное, разведчики,—прошептал Борис Сухенко.—Ну, Жорж, давай.

Струтинский нажал на гашетку. Вслед за пулеметом заговорили наши автоматы. Передние фрицы упали в снег, скошенные наповал. За ними—задние. Еще несколько очередей—и никого из врагов не осталось в живых.

Встреча с нами была для них неожиданной. А пулемет Жоржа, снятый с танка и не имевший глушителя, так гремел, что окончательно ошарашил оккупантов.

Услышав стрельбу, Базанов выслал нам подкрепление—нескольких автоматчиков, но мы уже сами справились с врагом. Больше наш обоз никто не преследовал, и мы благополучно прибыли в отряд.

Мы с Борисом Сухенко знали, что не избежим наказания за случай, происшедший в лесу. Дисциплина в отряде была суровая, никто не имел права, идя на задание, брать без разрешения командира или его заместителей какие-либо посторонние вещи. Все трофеи надлежало сда-

вать в хозяйственную часть. Особенно это касалось спиртных напитков, употребление которых без ведома командира Медведев никому не прощал.

На следующий день мы с Борисом были вызваны в штаб.

— Спирт пили вчера? — грозно спросил Медведев.

— Так точно, товарищ командир, — ответили мы дуэтом.

— Понимаете, чем это могло кончиться? Вы что, не знаете наших законов или считаете, что для таких, как Гнидюк и Сухенко, существуют особые привилегии? Десять суток ареста! Сдать оружие!

Это было страшное наказание. Но мы понимали, что заслужили его, иначе командир не мог поступить: нельзя было ослаблять требовательность, дисциплина в отряде должна оставаться железной.

— Виноваты, товарищ командир! Исправимся!

И, сдав оружие, мы направились в хозяйскую часть отбывать наказание.

«Аресты» в нашем отряде не проходили незамеченными. Наказанным уменьшался паек, они выполняли разную физическую работу. А каждый вечер да и в другие свободные часы к ним приходили агитаторы, воспитывавшие «грешников». Они читали арестованным мораль и разъясняли правила поведения.

Нам выпало молотить зерно в жерновах на муку. До того, как мы проштрафились, на этот вид работы не было нормы, а когда мы с Сухенко стали «мельниками», командир установил минимум: на каждого проштрафившегося по полцентнера муки за день.

Но не норма была для нас наибольшей тяжестью. Приказ командира о наказании Сухенко и Гнидюка объявили во всех подразделениях, он произвел на партизан сенсационное впечатление, и каждому захотелось посмотреть, как мы отбываем свое наказание. Одни — чтобы посочувствовать нам, другие — чтобы посмеяться. А нам было стыдно и перед первыми, и перед вторыми. Особенно же — перед девушками, которые все время крутились возле нас и своими едкими шутками «помогали» нам выполнять норму.

Мне не пришлось отбывать наказание все десять дней — возникла необходимость срочно идти в город. Командир объявил мне амнистию, и я был освобожден из-под ареста досрочно. А вот Борису Сухенко пришлось выполнять свою норму.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Знакомство обер-лейтенанта Пауля Зиберта с штурмбанфюрером СС Рудольфом Шлезвингом произошло совершенно случайно в начале сорок третьего года. Наша четверка — Кузнецов, Шевчук, Струтинский и я — собралась на квартире Ивана Приходько. Мы сидели за столом и обсуждали план действий на ближайшие дни. Хозяйка дома — Софья возилась на кухне, готовя нам завтрак. Вдруг слышим: звонят церковные колокола.

— Что это сегодня они раззвонились, Иван Тарасович? — спросил Кузнецов у Приходько.

— Нынче праздник Иоанна Крестителя, — ответил тот.

— Тогда хорошо было бы сходить в церковь, — пошутил Николай Иванович.

В этот миг без стука широко распахнулась дверь, и на пороге появились поп в рясе и невысокий дьячок. Увидев немецкого офицера, святые отцы трижды выкрикнули «хайль Гитлер!» и приступили к обряду «освящения» квартиры Ивана. Священник пропел несколько раз «многая лета дому сему и миру сему», потом покропил всех нас «священной водой» и направился к выходу. Но Николай Иванович преградил ему путь и со словами «битте шен» пригласил к столу, на который хозяйка уже ставила миску горячих пельменей, мороженое сало, колбасу, тушеную капусту и еще много всякой всячины. А Иван Тарасович принес из кухни бутылку, заткнутую кукурузным кочаном. Священнослужители не заставили себя уговаривать. Они сразу забыли о долге перед богом, побросали свои атрибуты в угол и уселись на лавке.

Николай Иванович достал из кармана деньги и вручил каждому из представителей всевышнего на земле по пять марок. Они очень обрадовались, стали благодарить немецкую армию, ее вождя Адольфа Гитлера, щедрого обер-лейтенанта за «освобождение от большевистского ярма».

Хорошо угостившись, поп стал приглашать Кузнецова и всех нас к себе. Николай Иванович долго отказывался, но святой отец оказался таким назойливым, что пришлось принять приглашение и всей компанией пойти к нему на обед.

По дороге он сказал нам:

— Я вас, господа, познакомлю с штурмбанфюрером Шлезвингом. Прекрасный человек! Он едет со своей

частью на фронт и на несколько дней задержался в Ровно. Я предоставил ему одну комнату, и, вероятно, он сейчас дома. Обедать он всегда приходит домой. А вот и моя избушка.— С этими словами отец Аникий толкнул дверь большого каменного особняка.

— Матушка! А ну, встречай добрых людей!

«Матушка», смазливая, краснощекая молодуха, метнула блестящий жадный взгляд на стройного, франтоватого обер-лейтенанта и засуетилась перед ним, словно он был не обычный офицер, а сам господь бог.

— А господин Шлезвинг дома? — спросил у нее поп.

— Да, у себя.

— Позови его и скорей накрывай на стол.

Она вышла в соседнюю комнату и сразу же вернулась.

— Господин офицер сейчас выйдут. Они как раз кончают бриться.— И стала накрывать на стол.

Минут через пять открылась дверь, и в комнату вошел постоялец.

— С кем имею честь?..— спросил он у Николая Ивановича, поднявшегося со стула.

— Обер-лейтенант Пауль Зиберт из штаба Кицингера,— отчеканил Кузнецов.

— О-о, очень приятно! — Немец протянул руку: — Штурмбанфюрер СС Рудольф Шлезвинг. Был я в вашем штабе вчера. Просил помочь бензином, но пока мне не обещают. Вот и приходится торчать в тылу вместо того, чтобы быть на фронте.

— К сожалению, я этим не занимаюсь и ничем помочь не могу. Мне очень приятно познакомиться с вами, тем более, что вы без пяти минут фронтовик, а я сам недавно с Восточного фронта и отсиживаться в тылу мне уже опротивело.

Лицо эсэсовца расплылось в дружелюбной улыбке.

— Мне тоже приятно, — сказал он, — видеть человека, не только нюхавшего порох, но и отведавшего большевистского свинца. Вас где ранило? Пулей или осколком?

— Под Харьковом. Зацепило пулей, но пришлось пролежать недели две. А после этого никак не устроят на постоянное место службы. Откровенно говоря, мне больше нравится быть на фронте,— спокойно ответил Кузнецов.

— Не могу с вами не согласиться, господин обер-лейтенант, но вы, очевидно, имеете в виду тридцать девятый, сороковый, сорок первый годы. Что касается сегодняшне-

го Восточного фронта, то, простите меня, там не очень приятно. Полтора года воюем с Россией, а конца не видно. И чем больше воюем, тем дальше оттягивается конец войны.

— Простите, господин штурмбанфюрер, но нам не к лицу впадать в такой пессимизм. Лично я не теряю веры в гений фюрера. Надеюсь, и вы также? — Николай Иванович загадочно посмотрел на своего собеседника.

— Разумеется, разумеется,— поспешил ответить тот.

До позднего вечера продолжался в поповском доме обед. Эсэсовец оказался разговорчивым и откровенным. Пауль Зиберт ему понравился, и гитлеровец даже предложил ему переночевать в своей комнате. Кузнецов сначала отказывался, но потом согласился. Он велел нам идти, а сам остался.

Обер-лейтенант Зиберт стал неразлучным «другом» Рудольфа Шлезвинга. И дружба эта, наверное, продолжалась бы еще, если бы через несколько дней эсэсовец не уехал на Восточный фронт. Прощание было теплым и трогательным. Штурмбанфюрер обещал обязательно заехать в Ровно, когда будет возвращаться с фронта.

— Ты, Пауль, запиши мне свой адрес,— сказал он и протянул свой блокнот.

— Охотно, к сожалению, я еще не устроился как следует и не знаю, куда меня направят. Но, если тебе случится быть в Ровно, спроси у отца Аникия или у Иоганна Приходько. Они тебе сообщат мой адрес.

— Хорошо! Ну, прощай, может и не придется увидеться...

— Да что ты, не будь пессимистом, на фронте все нормально!

Но положение гитлеровских войск было очень сложным, и штурмбанфюрер недаром опасался ехать на фронт.

Последних сводок Советского Информбюро мы не знали, так как с отрядом держать связь ежедневно было трудно, и мы еще ничего не знали о катастрофе гитлеровских войск под Сталинградом. Стены зданий и заборы в нашем городе были заклеены плакатами и листовками с сенсационными новостями о «триумфальном марше» немецкой армии «нах Остен». Геббельсовские молодчики несколько раз «брали» Москву и Ленинград, они уже «форсировали» Волгу и «приближались» к Уралу. Радио, надрываясь, ежедневно перечисляло богатые трофеи, захваченные немецкой армией, и потери, понесенные совет-

скими войсками, и нам противно было слушать всю эту брехливую похвальбу.

Но однажды утром радио заговорило по-другому: вместо бодрых маршей и громких хвастливых речей я услышал скорбную, тревожную музыку. «Вероятно, что-то случилось», — подумал я и пошел в город. На центральной улице на стене одного из домов вывешен был портрет генерала в черной рамке, а под ним — короткое сообщение о том, что на Волге, не сложив оружия, погибло крупное соединение немецких войск во главе с «верным сыном великого рейха, верноподанным фюрера генералом Паулюсом». Ниже — приказ Гитлера о присвоении Паулюсу посмертно звания фельдмаршала и награждении его высшим немецким орденом «Золотого дубового венка».

Когда мы принесли один из таких плакатов Николаю Ивановичу, он восторженно воскликнул:

— Товарищи! Это чудесно! Это поворот истории! Это, если хотите знать, победа! Победа! Ура!

Он обнимал нас, целовал и кричал — громко, так, что и на улице, наверно, было слышно.

— Вы понимаете, что это значит?! Немцы сами признали свое поражение.

Мы были удивлены такой реакции Николая Ивановича. Всегда выдержанный и чрезвычайно осторожный, он, казалось, совершенно перестал владеть своими чувствами, и хорошо, что в это время никого не было возле нашего дома.

Разгром гитлеровских войск на Волге заставил фашистов крепко задуматься. Хотя геббельсовские вральи пытались скрыть, что Паулюс со своей армией капитулировал, и изображали его героем, погибшим за великогерманские идеалы, это не спасало положения. По грустным, обеспокоенным лицам немецких офицеров можно было догадаться, что их вера в победу на Восточном фронте подорвана и что основной их заботой стала мысль: как спасти свою шкуру.

Бывало, раньше придешь на станции Ровно или Здолбунов и видишь, как из пассажирских вагонов выползают, словно голодные волки, всякие «фоны», «герры», «фрау» и «фрейлейны» — в гражданской одежде и в военной форме. Они ехали сюда как завоеватели, как хозяйева. А после поражения на Волге изменился даже график движения пассажирских поездов. С запада их прибывало все меньше и меньше, зато с востока шли один за другим,

и на лицах пассажиров, заполнявших вагоны этих поездов, не было и следа прежней самоуверенности.

Одновременно усложнялась и обстановка в городе. Оккупанты стали чаще устраивать облавы и проверки, и необходима была особая осторожность, чтобы не вызвать к себе подозрения гестаповцев и их многочисленных агентов.

Командование отряда требовало от нас строгого соблюдения всех правил конспирации и дисциплины. Александр Александрович Лукин предупреждал:

— Поймите, ребята, одно дело, когда в Ровно действовали два-три наших товарища, и совсем другое, когда вас стало много. Действовать нужно осмотрительно, осторожно.

От него мы слышали это каждый раз, когда шли из отряда в город, и нужно сказать, что предостережения заместителя командира по разведке принимались нами как должное. Лукин был нашим руководителем, нашим старшим товарищем, блестяще ориентировавшимся в любых обстоятельствах. Мы удивлялись тому, насколько он был осведомлен во всех городских делах, в наших действиях и поступках.

Нам запрещалось без надобности собираться вместе, однако иногда мы нарушали это правило, так как сердце горело желанием встретиться с товарищами, поделиться с ними мыслями, выслушать их советы. И почти всегда после таких «непредвиденных» встреч нам приходилось выслушивать упреки Лукина.

Мы не имели права делать какие-либо заметки, вести дневники, записывать адреса, ну, и, безусловно, фотографироваться. Но однажды пришлось нарушить этот запрет.

Было это весной, кажется, в апреле. Зайдя в воскресенье с Михаилом Шевчуком к Ивану Тарасовичу Приходько, мы застали там Николая Ивановича и Яна Каминского.

— Ну вот,— сказал Кузнецов,— мы снова все вместе. Узнает Лукин — достанется нам на орехи. Давайте по одному расходиться.

Не успели мы обменяться мыслями, как кто-то постучал в дверь.

— Войдите,— сказал Иван Тарасович.

Дверь открылась, и к нашему удивлению на пороге стал штурмбанфюрер СС Рудольф Шлезвинг,

— Какая приятная встреча! — с радостью произнес эсэсовец.

Он обнял Кузнецова, а каждому из нас пожал руку. Вместе с гитлеровцем вошел какой-то мужчина в гражданском. Он стоял, молча наблюдая волнующую сцену встречи двух «друзей».

— Знакомьтесь, — сказал Шлезвинг, — представитель фирмы «Тодт», — и назвал фамилию своего спутника. — А это, — обратился он к незнакомцу, — тот офицер, о котором я вам рассказывал. Очень элегантный и культурный человек. Среди нашего офицерства редко можно встретить такого, как обер-лейтенант Пауль Зиберт.

— Ну, хватит, Рудольф, хватит. Мне даже неудобно...

— Не скромничай, — перебил Кузнецова эсэсовец. — За свою десятилетнюю службу в армии фюрера я впервые встретил такого умного человека, как ты. Ну что же, если уж встретились, так надо устроить небольшое торжество. Не так ли?

Отказываться было бесполезно, и, спустя несколько минут, мы сидели за столом и выслушивали рассказы штурмбанфюрера о его пребывании на Восточном фронте.

— Что ни говорите, господа, а я родился в рубашке. Всю нашу часть, да и мое подразделение перемололи большевики, а я цел и невредим, сижу и пью с вами водку! А вообще, — продолжал он, — дела на фронте идут не блестяще. Зима принесла нам немало горя, наши солдаты до сих пор не могут прийти в себя. Но ничего. Мы еще покажем русским! Фюрер объявил тотальную мобилизацию, и теперь я еду в фатерлянд формировать новые части.

— А я, — сказал Кузнецов, — вынужден еще торчать в этом городе. Я превратился в штабную тыловую крысу. Живу вот так, а, кроме бумаг, ничего не вижу. Одно утешение — с господами коммерсантами иногда посидеть. Хорошо, что ты приехал, хоть будет с кем поговорить.

— К сожалению, я сегодня же уезжаю. Но у меня родилась идея. Мой приятель, — эсэсовец показал на представителя фирмы «Тодт», — предлагает остаться в Ровно. Мне, между прочим, очень понравился городок, и здесь, кажется, для меня найдется работа. У меня немалый опыт борьбы с ненадежными элементами. Когда наша часть стояла в Голландии, мне приходилось показывать класс в таких делах. А тут, говорят, партизан вокруг хоть отбавляй. Вероятно, они и в город проникают.

— Ты прав, Рудольф,— подтвердил Кузнецов.— Для таких людей, как ты, на этой территории, кишашей бандитами, работы больше чем на фронте. Но я не обладаю такими способностями. Я все-таки хочу снова поехать на фронт.

Чем дольше длился разговор, тем все больше и больше восторгался штурмбанфюрер Зибертом, его заслугами перед фатерляндом, преданностью фюреру, его умом и высокой культурой. Наконец эсэсовец предложил:

— Знаешь что, Пауль, давай сфотографируемся в память о нашей дружбе. Теперь такое время, тебя могут в любую минуту отправить на восток, и мы больше не увидимся.

— У меня нет с собой фотоаппарата,— возразил Кузнецов.

Но аргумент оказался недостаточным.

— Ничего,— ответил эсэсовец.— У меня на вокзале есть в чемодане «лейка». Сейчас я кого-нибудь пошлю за ней.

— Не беспокойся,— сказал Кузнецов гитлеровцу.— Сейчас они что-нибудь сообразят.

Он моргнул мне: дескать, необходимо взять инициативу в свои руки. Мы с Иваном Тарасовичем вышли во двор.

— Идите позовите фотографа,— сказал я ему.— А еще лучше, если вам удастся выпросить у него аппарат.

— Попробую,— ответил Приходько и пошел за фотографом.

Возвращаясь в дом, я столкнулся в дверях с Михаилом Шевчуком.

— Куда ты?

— Я пойду. У меня нет никакого желания фотографироваться.

— Не волнуйся, все будет в порядке,— попробовал я успокоить его.

— А я и не волнуюсь, но все-таки лучше уйти отсюда. Я не стал его задерживать.

Прошло около получаса, пока Иван Тарасович привел фотографа. Мы все вышли на улицу и возле дома сфотографировались: Николай Иванович в форме обер-лейтенанта, Иван Тарасович, Ян Каминский, я, эсэсовец и его приятель. Потом я взял у фотографа аппарат, попросил его стать на мое место и сделал еще один снимок. Когда вся

процедура была окончена, фотограф подошел ко мне за аппаратом. Но Кузнецов его опередил.

— Фотоаппарат дайте мне. Я сам проявлю пленку. Не беспокойтесь,— обратился он к фотографу,— с аппаратом ничего не случится. Иоганн вам его потом вернет.

Он достал пятьдесят марок и сунул в карман фотографу.

— Спасибо, спасибо,— заспешил тот.

Эсэсовец торопился уже на поезд. «Друзья» тепло попрощались.

— Только не забудь, Пауль, выслать мне фотографии. Я буду глядеть на них и вспоминать приятные дни, проведенные в Ровно с такими людьми, как ты и твои друзья.

— Непременно вышлю завтра же. Я сам сделаю отпечатки и отправлю.

Когда мы остались одни, Николай Иванович вынул из аппарата пленку и отдал ее Приходько.

— Спрячьте, пожалуйста, Иван Тарасович, только в надежное место,— сказал он.— Безусловно, ее следовало бы засветить и уничтожить, но когда мы победим, она может понадобиться. А аппарат верните фотографу.

— Хорошо,— ответил Приходько.— Жаль только, что не было с нами отца Аникия и его элегантной матушки — вышел бы чудесный «букет».

Мы договорились об этом случае ничего не говорить Лукину, но как только мы появились в отряде, он спросил:

— Скоро ли будет готов ваш снимок с эсэсовцем?

Мы смущенно переглянулись, а Кузнецов ответил:

— Иного выхода не было, Александр Александрович.

— Понимаю, что не было. Но почему же все-таки все вместе? Одного вас было бы вполне достаточно. Шевчук правильно сделал, что ушел, а вот Гнидюк... Зачем тебе было становиться рядом?

Николай Иванович заступился за меня:

— Они с Приходько оказались очень оперативными — быстро нашли фотографа, а то фашист уже собирался послать кого-нибудь за своим аппаратом.

— Хорошо еще, что уничтожили пленку,— сказал Лукин.— А то устроил бы я вам разнос...

И теперь, когда я бываю в Москве у Александра Александровича и мы просматриваем наш небольшой фотоархив, он всегда вспоминает, как нам с Николаем Ивановичем Кузнецовым удалось его провести.

«ПАРАД БУДЕМ ПРИНИМАТЬ МЫ!»

За зиму 1942—1943 годов отряд был полностью сформирован. Прибыли последние группы парашютистов, мы сумели даже принять самолет и отправить на Большую землю раненых и важные разведывательные материалы. 13 марта возвратился в отряд Лукин. Мы с нетерпением ждали его, так как он вылетал в Москву с информацией о нашей работе и получил там важные указания и инструкции.

Среди новичков были две радистки — еще совсем юная Аня Беспояско и бывшая подпольщица, львовянка Мария Ких.

Аню сразу же «окрестили» пионеркой (ей еще не было восемнадцати), а позже стали называть нежным словом Веснянка. Прямо из детского дома, находившегося в Большой Белозерке Запорожской области, отправили ее в Москву на курсы радисток, а после окончания сбросили на парашюте к нам. Ребята шутили:

— Вот и пионеры у нас появились!

Узнав, что Аня ужасно боится лягушек, ящериц и червяков, партизаны устраивали девушке «сюрпризы», за что им не раз здорово попадало от командира.

Но в общем к радисткам в отряде относились с большим уважением и любовью. Еще на рассвете спешили партизаны к радиовзводу: какую новость принесет им сегодня эфир, чем порадуют девчата? Полученные сообщения Советского Информбюро партизаны переписывали, размножали в десятках экземпляров и разносили по селам. Так к людям, томившимся в фашистской неволе, доходило слово правды. С ними разговаривала Москва, партия. И люди знали, что скоро придет и в их края свобода, что ненавистный враг, принесший с собой столько горя, будет прогнан с советской земли. От каждого сообщения об успехах на фронтах становилось теплее на сердце у простых людей, укреплялась их вера в скорое освобождение, росли их симпатии к нам, партизанам, усиливались поддержка и помощь, которые они нам оказывали.

Спасибо вам, наши боевые подружки-радистки, за радость, которой вы наполняли наши сердца! Вы не считались с усталостью и временем. Немного вас было в отряде — только шесть. А нас, партизан, более пяти сотен. И вы должны были успеть зашифровать и своевременно передать на Большую землю сведения, принять шифровки

и записать каждую новую сводку Советского Информбюро. Вместе с нами боролись вы с врагом и никогда не теряли мужества в этой великой битве за освобождение родной Отчизны.

В отряде в шутку говорили, что наши радистки освобождают города.

— Маринка, когда ты возьмешь Харьков? — спрашивали у Ких.

— А ты, Аня, должна завтра обязательно освободить Мелитополь.

Если же радистка «брала» какой-нибудь большой город, ей присваивалось почетное звание по его наименованию. Валя Осмолова была Новороссийской, Мелитопольской, Аня Беспояско — Севастопольской, Мариупольской, Марию Ких называли Ростовской, Черниговской, а потом Киевской.

Весной 1943 года наш отряд стал перебазироваться из Сарненских лесов в Клеванские и Цуманские. Это было вызвано тем, что отряд окреп, приобрел немалый опыт партизанской борьбы и ему необходимо было приблизиться к Ровно, куда почти каждый день отправлялись наши разведчики.

В начале апреля меня вызвали в штаб и дали новое задание.

— Пойдешь в Ровно и устроишь там нашу новую разведчицу, — сказал командир. — Знакомся, вот она. — И Дмитрий Николаевич подвел меня к невысокой девушке, скорее похожей на школьницу, чем на партизанку.

«Это какая-то шутка», — подумал я.

Девушка протянула руку и тихонько проговорила:

— Валя.

— Николай, — представился я и глянул ей в глаза. Они были не по-детски серьезными и таили в себе необыкновенную силу. Нет, у простой школьницы такого взгляда не могло быть. Видать, эта девушка уже хлебнула горя.

Так я познакомился с Валентиной Константиновной Довгер, нашим боевым товарищем по подпольной борьбе в Ровно, верной помощницей и подругой Николая Ивановича Кузнецова.

Лукин подробно рассказал мне, что нужно сделать для устройства Вали.

— Дело в том, — предупреждал он, — что ее функции будут резко отличаться от наших. Ей необходимо офици-

ально устроиться на работу и по возможности стать фольксдойче. Фамилия ее — Довгер — целиком подходит. Но об этом позже. Пока вам обоим завтра утром надо попасть в город. Ты, Николай, у нас везучий в таких делах, поэтому мы и решили поручить Валю тебе.

В самом деле, мне везло с визитами в Ровно и Здолбунов. Правда, случилось однажды и такое.

Было это зимой сорок второго. Мы с Николаем Струтинским срочно отправились из Здолбунова в Ровно, не зная, что оккупанты устроили там облаву и никого без тщательной проверки не пускают в город и не выпускают из него. Всех подозрительных забирали в гестапо для выяснения личности, а молодежь отправляли в Германию.

Струтинский первым понял, в чем дело, заметив на шоссе перед Ровно несколько подвод и гитлеровских солдат возле них, он дернул меня за рукав:

— Кажется, проверка.

— Вижу. Вероятно, да.

— Что же делать? Возвращаться назад уже поздно.

— И возвращаться поздно, и в городе нам необходимо быть.

— Смотри, кто-то побежал по полю.

Действительно, двое полицейских бежали по полю за каким-то человеком. Возможно, это обстоятельство нас и спасло, так как на шоссе осталось всего два немца, заканчивавших проверку подводы.

Мы с Николаем были одеты одинаково: в коротких куртках на меху, которые в то время были очень модными, и в саногачах с невысокими голенищами. За поясами и в карманах у нас по два пистолета и по несколько гранат. Словно по команде, мы оба сунули руки в карманы и нащупали пистолеты.

— Испытаем счастье этих хлопцев, — сказал Коля. — Ты бей того, что поменьше, а я этого, с замотанными ушами.

— Мне кажется, им сегодня повезет, — ответил я Коле. — Посмотри, как они, бедняги, замерзли. Даже носы посинели. — Гитлеровцам и в самом деле было холодно. Когда мы приблизились к ним, они прыгали по шоссе и размахивали руками. Эти «упражнения» нас несколько подбодрили.

Я выкрикнул приветствие. А Коля добавил:

— Кальт, кальт!

— Зер кальт! — прокричали немцы, продолжая прыгать и размахивать руками.

Им очень не хотелось прерывать упражнения, от которых хоть немного становилось теплее, и мы благополучно миновали контрольный пост.

— Стояли бы эти выродки,— Коля показал в сторону, куда побежали полицейские,— пришлось бы нам поработать.

Когда Медведев узнал об этом случае, он сказал:

— Всем повезло: немцам, и полицейским, и вам.

В Ровно мы чувствовали себя значительно спокойнее, чем по пути из села в город. Кого тут только ни встретишь! Заметит староста нового человека в селе и начинает допытываться, кто ты, откуда и куда идешь, что тебе здесь нужно. С лета 1943 года появились еще одни «хранители порядка» — оуновцы. Этим лучше не попадайся на глаза: убьют ради того, чтоб раздеть тебя, снять сапоги и теплую шапку.

Перебазировавшись в Клеванские леса, мы получили возможность очень удобно добираться в Ровно: стоило только выйти на шоссе, связывавшее город с Луцком, проголосовать автомашине, и через пятнадцать-двадцать минут мы уже на тротуарах ровенских улиц. Голосовать, конечно, лучше было не с пустыми руками (шофер может не заметить), а с кольцом колбасы или бутылкой с «загадочной жидкостью». Даже водители легковых лимузинов и те клевали на такое магическое голосование.

До шоссе приходилось добираться пешком. Между городом и отрядом для разведчиков устраивали «маяки» и «зеленую почту». Это было условленное место в густом лесу поблизости от шоссе, где целыми сутками дежурили партизаны, поддерживавшие связь с отрядом и с разведчиками, которые находились в городе. Каждый разведчик имел свои «почтовые ящики» — основной и контрольный, куда приносил записку о прибытии на «маяк» или срочные сообщения. Эти «почтовые ящики» (дупло дерева, пенек, муравейник и т. п.) дважды в день — утром и вечером — проверялись. Такая система бесперебойной связи с отрядом была нелегкой, но надежной. Особенно нелегко было Валентину Семенову, Борису Сухенко, Борису Черному и другим, которые целыми сутками должны были посменно дежурить на «маяках» и проверять «зеленую почту». Страшными врагами дежурных были комары, а разводить костры на «маяках» строго запрещалось.

Как-то во время моего разговора с Медведевым, Лукиным и Валей Довгер в штаб пришла старшая радистка Лидия Шерстнева.

— Товарищ командир,— доложила она,— получена срочная шифровка.

— Давай.

Дмитрий Николаевич взял телеграмму и начал ее читать вслух:

— «Двадцатого апреля во всех больших городах состоятся военные парады по случаю дня рождения Гитлера и годовщины его прихода к власти. Приказываем разведчикам быть на параде в Ровно, где должен выступить Эрих Кох, и по возможности уничтожить последнего».

— Непредвиденное обстоятельство,— сказал Лукин,— дело немного меняется. Придется как следует подготовиться к именинам фюрера.

— Позовите Кузнецова, Шевчука и Струтинского,— распорядился командир.

Через несколько минут все трое стояли перед Медведевым. Он подал телеграмму Кузнецову. Тот прочитал ее и сказал:

— Парад будем принимать мы, партизаны!

Командование решило не откладывать моей поездки с Валей в город. Через пару дней после нас туда должны были прибыть для участия в параде Николай Иванович Кузнецов, Михаил Шевчук и Жорж Струтинский (его брат Коля в это время выполнял задание в Луцке). В тот же день в сопровождении Бориса Сухенко и других мы с Валей направились в Ровно.

Заночевали в лесу, возле самого шоссе, расстелив на траве плащи. Было еще только начало апреля, но весна уже полностью вступила в свои права. Спать нам почти не пришлось. Валя рассказывала мне, почему она решила стать разведчицей.

— Мой отец был связан с вашим отрядом и выполнял поручения командования. Мне он ничего не говорил, но я кое о чем догадывалась, так как он часто встречался с незнакомыми людьми и отлучался из дому на несколько дней. Однажды он ушел и не вернулся. Уже потом нам рассказывали партизаны, что немцы схватили отца, связали колючей проволокой, избили и бросили в прорубь. Он так любил нас — маму, младшую сестру и меня... Вот я и решила его заменить. Медведев вначале принял мое намерение как шутку, ему не верилось, что я смогу быть

полезной отряду, но меня поддержал Кузнецов. Это он уговорил командира отправить меня в Ровно.

— А как ты думаешь устроиться на работу?

— Главное сейчас: добраться до города и найти квартиру. А работа найдется. Я неплохо владею немецким языком, а переводчики им нужны.

— Относительно квартиры,— не беспокойся, она у тебя будет. В Ровно мы чувствуем себя, как дома.

— Э, нет, мне нужна такая квартира, которая бы не имела никакого отношения к партизанам. Я хочу забрать к себе и маму, и сестру.

— Найдем такую квартиру, можешь не беспокоиться.

— У меня есть еще одна просьба. Целый год я должна ходить в трауре, поэтому мне необходимы черное платье, черные чулки и черные туфли. Об этом я ничего не говорила Дмитрию Николаевичу, а то он снова посмеялся бы надо мной. Он и так сказал: «Какая из тебя разведчица, даже пистолет не можешь удержать в одной руке». А черная одежда нужна для того, чтобы немцы меньше обращали на меня внимания.

В теплую ночь приятно лежать на свежей траве и вдыхать запахи весеннего леса. Совсем не хотелось спать, и мы с Валею проговорили почти до рассвета.

— О чем ты мечтаешь, Валя? Тебя не пугает работа разведчицы? — спросил я девушку. — Ты знаешь, что ждет тебя в Ровно?

— Да, знаю,— не задумываясь, ответила она.— Я ничего не боюсь. Я уже говорила об этом Медведеву, Лукину и вам скажу. У меня лишь одна мечта, одна цель — отомстить этим зверям за отца, отомстить за горе, причиненное нашей земле. И я не успокоюсь, пока не сделаю этого.

Правду говоря, мне не верилось, что эта невысокая, на первый взгляд, нежная девочка, полурбенок, обладает таким мужеством и отвагой, такой настойчивостью в достижении цели, испепеляющей ненавистью к врагам и волей к победе над ними. Я вспомнил свою первую поездку в Ровно, Марийку Курильчук, разговор с нею. Она тоже хотела стать разведчицей, но ею руководили совсем иные чувства. Она искала приключений, ее привлекала романтика подпольной работы. А разве в этом заключается смысл нашей борьбы? Из Марии так и не вышло разведчицы.

А Валя? Она шла в подполье совсем из других побу-

ждений. И я от всего сердца желал ей стать настоящим борцом за освобождение родного края.

Утром мы вышли с Валею на шоссе, остановили первую попавшуюся машину и через полчаса уже были в Ровно. В тот же день Левицкая помогла Вале найти квартиру по улице Торговой, 24. Хозяйка дома — Мария Козловская сразу же прониклась симпатией к своей квартирантке, и они стали хорошими приятельницами. Тут, в доме по Торговой, была наша явочная квартира, сюда приходили Николай Иванович Кузнецов, Шевчук, Струтинские и другие наши разведчики, здесь устраивались вечеринки с участием гитлеровских офицеров, агентов гестапо, и никто из окружающих, даже сама хозяйка и ее мать, не догадывался, с кем они имеют дело.

Несколько дней спустя на квартире Марии Левицкой собралась наша группа. Обсуждался план участия партизан в параде немецких войск. Николай Иванович, как офицер армии «великого рейха», мог свободно пройти к самой трибуне. А как быть нам, людям в гражданской одежде?

— Надо идти на парад парами,— предложила Левицкая.— Каждый парень должен подыскать себе девушку с сумкой, куда можно было бы положить гранаты. Идти нужно под руку, изображая влюбленных или верных супругов.

— А кто же будет бросать гранаты? — спросил Шевчук.— Дама или ее кавалер? Пока вытаскивают из сумки гранату и передадут из рук в руки, боюсь, кинуть ее уже не придется.

— Если надо будет, то и женщина бросит,— отрубила Левицкая.— Я готова это сделать.

— Хорошо, что ты такая смелая. Коле всегда везет,— Шевчук взглянул на меня.— Ведь вы пойдете вместе? Вы что-то очень подружились, не так ли? А вот где мы с Жоржем найдем себе дам?..

— Оставьте шутки,— перебил его Кузнецов.— Давайте лучше решим, кто где будет стоять и что делать, когда я выстрелю в Коха.

Договорились, что по команде Николая Ивановича, пуля которого должна поразить Коха, мы забросаем гранатами фашистов, стоящих в шеренгах. Поднимется паника, и мы, пользуясь суматохой, быстро соберемся в условленном месте, где нас будет ждать машина.

Мне поручили разыскать старого знакомого гестапов-

ца Миллера и попробовать с его помощью достать пропуск на парад.

Идти к пану Зеленко мне не хотелось — уж очень он был надоедливый, не давал прохода со своей коммерцией, да и панна Зося обижалась, что я не захожу. Но что поделаешь? Обстоятельства заставили меня снова отправиться на базар, закупить продуктов и отнести их в корчму пана Зеленко.

Хозяин очень обрадовался моему приходу.

— А, ласковый пан! Как давно вы не были у нас! Загордились, наверное? Или осерчали на меня, а? Кажется, ничего плохого между нами не было... Прошу, прошу. Заходите, садитесь. Может, перекусите? У меня есть оригинальная наливочка, а на закуску найдется для вас зеленый лук со свежей печенкой.

— Большое спасибо, пан Зеленко! И не загордился, и не рассердился, а просто нашел очень доходное дело. Сегодня же попало кое-что, и я решил вам предложить, — с этими словами я передал Зеленко пухлый портфель.

— А что это за доходное дело, если не секрет?

— Перешел на дрожжи. Вот перед пасхой перехватил, будет теперь на пару лет.

— О-о! Поздравляю с удачей! А я едва свожу концы с концами. Мы часто вспоминаем вас. Пока я имел дело с вами — водилась копейка. А нет вас — нет и доходов.

В тот же вечер я сидел в обществе пана Зеленко, его сестры Зоси и оберштурмфюрера Миллера.

— Герр Зеленко, попросите нашего гостя, — показывая на меня, сказал гитлеровец, — чтобы он раздобыл что-нибудь вкусенькое. Я ожидаю из дома посылку с ромом ко дню рождения фюрера, и мы отлично погуляем. Надеюсь, вы не против? — обратился Миллер ко мне.

— Ну, конечно. Закуска будет такая, что пальчики оближете, — заверил я своих «коллег».

— Правда, — продолжал Миллер, — в этот день у меня будет много работы. В городе состоится парад, на котором выступит сам гаулейтер, и хлопот у нашего брата будет по горло.

— Я еще никогда не был на военных парадах. А ты, Зося? — взглянул я вопросительно на девушку.

— И я не была. Но у меня совсем нет желания идти туда. Я не могу терпеть толпы, тесноты, давки. И ноги отдают, и бока намнут...

— Напрасно ты так думаешь, — ответил я Зосе. — На

параде, вероятно, будет очень интересно. И разве тебе не хочется послушать гаулейтера?

— Не надо меня уговаривать.

— Если Зося не хочет, то бог с ней,— обратился ко мне Миллер,— а для вас я достану пропуск. Разумеется, не к самой трибуне, но в первые ряды, откуда все будет хорошо видно.

— Не смею вас беспокоить, герр оберштурмфюрер,— ответил я обрадованно.— Давайте лучше выпьем за нашего гостеприимного хозяина и его очаровательную сестру.

Мы засиделись. Миллера, как всегда, под конец порядком развезло, он полез ко мне обниматься, рассыпая комплименты в мой адрес, и пообещал во что бы то ни стало достать два пропуска на предстоящее торжество.

Свое обещание гестаповец выполнил, и через несколько дней у нас с Шевчуком уже были пропуска на парад.

20 апреля с утра было прекращено всякое движение в центре города, и на главную улицу немцы начали стягивать воинские части. На временной трибуне, обтянутой красным бархатом, в белом круге — свастика. Позади высшался громадный портрет фюрера с маленькими усиками, острым носом и темными волосами, спадавшими наискось на лоб, почти касаясь глаза, косо глядевшего на сынов «великого фатерлянда». А эти сыны в парадных мундирах, проходя мимо трибуны, впивались преданными взглядами в изображение фюрера и выкрикивали приветствия.

Последние приготовления к параду производились с чрезвычайной точностью и быстротой: в какие-нибудь двадцать минут были выстроены все части, и солдаты замерли, словно египетские мумии.

Все делалось с немецкой педантичностью, и лишь одно обстоятельство нас удивило: никто ни у кого не проверял пропусков. «Что это должно означать?» — думал каждый из нас, но ответа на вопрос не находил.

Мы с Марией Левицкой стояли в первом ряду, наши ребята — Михаил Шевчук, Жорж Струтинский, Иван Приходько, Николай Куликов, Василий Галузо и другие тоже заняли выгодные позиции.

Николая Ивановича и Валю Довгер мы заметили сразу же. Обер-лейтенант Пауль Зиберт был в этот день особенно элегантен и подтянут, все на нем блесло — и начищенные сапоги, и пуговицы мундира, и ордена, и пого-

ны, и козырек. Он непринужденно ходил со своей спутницей среди других немецких офицеров, о чем-то разговаривая с ними, смеялся, и его бодрое настроение передавалось нам. Казалось, он обращается к нам: «Выше головы, ребята! Сегодня парад принимаем мы! Мы, советские партизаны».

Ровно в десять тридцать все вокруг замерло. Такой тишины, наверное, в Ровно еще никогда не было до этого. Но вот ее нарушил равномерный гул моторов, и на Дойчштрассе появилась вереница легковых машин, украшенных фашистскими флажками. Машины подкатили почти к самой трибуне. Из первой вышел толстый, с конопатым лицом «высокий чин» в желтой форме сотрудника рейхскомиссариата, а из других — несколько генералов.

Но где же Кох? Может быть, этот толстяк из первой машины? Нет, мы знали гаулейтера по портретам — он не такой. Да и форма у него другая. Вероятно, это кто-то из его заместителей.

Между тем «высокий чин» тяжело поднялся на трибуну, один из генералов что-то крикнул войскам, те в свою очередь дружно щелкнули подковами и трижды выкрикнули:

— Хайль! Хайль! Хайль!

Еще один выкрик. И еще:

— Хайль! Хайль! Хайль!

Оркестр заиграл фашистский гимн, и все перед трибуной и на ней застыло в немом молчании.

— Ахтунг! Ахтунг!

Раздались звуки фанфар, и «высокий чин» начал свою речь. Переводчик, как пулемет, повторял за ним каждое слово по-украински. Говоривший не скупился на дифирамбы о «заслугах» фюрера перед человечеством и восхвалял «благородную миссию» гитлеровской армии. Потом он обрушил поток злобной клеветы на Советский Союз, на нашу армию, на коммунистов, на нас, партизан.

Как захотелось запустить в эту шайку палачей противотанковую гранату! Но приходилось лишь крепче сжимать кулаки и ждать. Сейчас, спустя столько лет, невозможно передать чувство, овладевшее нами в те напряженные минуты.

Что делать? Этот вопрос не давал нам покоя. Нам приказано убить Коха. Но ведь его здесь нет. Как быть? Проводить операцию? Нет, этого нельзя делать. Мы

понимаем это. Понимает это и Николай Иванович Кузнецов. Он не будет стрелять в фашиста. И мы промолчим. Мы ничем не выдадим себя. Главное — железная выдержка и терпение.

А фашист, дорвавшись до микрофона, так разошелся, что, казалось, его уже ничто не остановит. Исчерпав все проклятия в адрес большевиков, он решил тут, в «столице» захваченной Украины, обратиться с призывом к украинскому народу:

— Украинцы должны идти рука об руку с немцами в общей борьбе против большевизма. Иначе украинский народ обречен на гибель. Наш фюрер надеется, что заверения, которые ему дали лучшие представители украинской нации, будут осуществлены. Немецкой армии, проливающей кровь в борьбе с большевизмом, необходима материальная поддержка. Мы ждем от вас хлеба, мяса, молока — всего, что может дать украинская земля...

И вновь гремит в воздухе «хайль Гитлер», и несутся над городом презренные слова фашистского гимна: «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!»

После парада мы опять собрались у Марии Левицкой.

— Я боялся,— сказал Кузнецов,— что кто-нибудь из нас не выдержит и метнет гранату в трибуну. Но вижу, что дисциплина у нас хорошая.

— Нет Коли Приходько,— вырвалось у меня.— Он поблагодарил бы этого мерзавца за его речь. Кстати, кто он?

— Заместитель Коха по политической части — Пауль Даргель,— ответил Кузнецов.— Я еще до начала торжества узнал от офицеров, что Коха не будет. Будто он занят и отлеживается в своем Кенигсберге. Там ему спокойнее. Я уже собирался послать к кому-нибудь из вас Валю, чтобы предупредить об этом, но начался парад. Поэтому и пропусков не проверяли. А Даргелем, очевидно, фашисты не так дорожат. Не та птица. Что ж, хлопцы, не будем падать духом: мы еще встретимся с Кохом и поговорим с ним полюбовно. А теперь время расходиться. До свидания!

И, пропустив вперед Валю Довгер и Михаила Шевчука, он захлопнул за собой дверь.

РЕСТОРАН «ДОЙЧЕР ГОФ»

Все средства влияния на настроение гитлеровских солдат и психику местного населения геббельсовская пропаганда стремилась подчинить фашистской идеологии. Всякого рода объявления, плакаты, рекламы, вывешенные и расставленные по всей «столице» оккупированной Украины, пестрели восхвалениями гитлеризма, нацизма, самого фюрера и его приближенных. Но одна реклама была исключением — в ней не говорилось о преимуществах «нового порядка» в Европе. Откуда бы ни въезжал в Ровно, большая цветная реклама спешила сообщить, что «на главной улице города ежедневно и бесперебойно работает ресторан-люкс «Дойчер гоф».

Однажды, когда мы въезжали в город, Николай Иванович спросил меня:

— Ты внимательно прочитал рекламу?

— Да. Но ничего интересного в ней не нашел.

— Конечно, но этим предприятием не мешало бы поинтересоваться.

— Там — «нур фюр дойче». Всем остальным нужно иметь специальные пропуска. А таких, как мы, не пускают.

— Если бы гитлеровцы знали, кто мы, они не пустили бы нас и в Ровно, — усмехнулся Кузнецов. — Но мы свободно разъезжаем по городу и неплохо чувствуем себя. Вам с Михаилом Шевчуком, известным коммерсантам, даже сам фюрер не запретит бывать в этом ресторане.

— Я охотно пойду туда, Николай Иванович, тем более, что там можно хорошо пообедать.

— Живой устрицы ты не глотнешь и не советую тебе заниматься таким экспериментом. Уверяю тебя, вкуснее украинского борща с пампушками и сибирских пельменей ты ничего не найдешь. А эти блюда лучше Марии Левицкой или Софьи Приходько вряд ли кто сумеет приготовить. Но в ресторане нас интересует не кухня, а его посетители и то, какие разговоры они ведут.

— Вы уже были там? — спросил я Кузнецова.

— Был. Но мне не хочется свой авторитет офицера «великого рейха» создавать в ресторанной обстановке. Терпеть не могу ресторанного бедлама и не хочу быть частым посетителем этого заведения. Только в исключительных случаях, когда это будет требовать дело, я

пойду туда. А вам советую стать завсегдатаями ресторана.

Попасть в «Дойчер гоф» было нелегко. Мало того, что на дверях висела табличка: «Только для немцев», не каждого и немца туда пускали. Даже сержантскому составу гитлеровского вермахта вход в ресторан был запрещен. А тут попробуй стать в нем своим человеком. Безусловно, если нам не удастся туда попасть, наша роль в разведывательной работе не уменьшится, но как отказаться от такого чудесного источника всевозможных информации!

Михаил Шевчук оказался проворнее меня. Встретив меня через несколько дней, он, будто невзначай, заметил:

— А знаешь, проглотить устрицу действительно не такая легкая штука.

— Ты что, пробовал?

— Да.

— Ты уже там был?

— Дважды, и сегодня снова пойду.

— Как тебе удалось?

— Очень просто, — ответил Михаил и, вытащив из кармана гестаповский жетон, начал вертеть им перед своим носом. — С помощью этой игрушки. Увидев ее, швейцар вежливо проводил меня в зал, отозвал одну из официанток и что-то начал ей шептать. После этого около меня все засуетились, словно муравьи перед опасностью.

Слушал я товарища и понимал, что он специально дает волю своей фантазии, чтобы поддеть меня, жаль стало, что отказался от жетона, предлагаемого Лукиным.

Как же проникнуть в ресторан? Может, с помощью мужа Марии Левицкой — Феликса? Но ведь он всего лишь чернорабочий и по его протекции можно стать тоже только истопником или кочегаром. Нет, Феликс не подходит...

И тут я вспомнил о пане Зеленко, моем старом знакомом, у которого я давно не был. Именно через него лежит путь в ресторан, через его хорошенькую сестричку панну Зосю и ее надоедливого поклонника оберштурмфюрера Фридриха Миллера. Не очень хотелось снова попасть в общество пана Зеленко, но другого выхода у меня не было. Да и Николай Иванович изъявил желание познакомиться с Миллером.

Пан Зеленко очень обрадовался, когда я переступил порог его заведения, поздоровался с ним и попросил пан-

ну Зосю пригласить оберштурмфюрера. Да он и сам не заставил себя ждать.

— Рад вас видеть,— расплылся он в усмешке.— Просто чудесно. У меня сегодня большое событие, и я не против немного повеселиться...

— Я тоже рад вас видеть, пан Миллер,— выпалил Зеленко,— и пан Курильчук вас спрашивал. Зося уже хотела идти за вами.

— Вы располагаете временем? — спросил меня Миллер.

— Посидеть с вами у меня всегда есть время,— ответил я.

— Очень хорошо!

Пан Зеленко засуетился, приказал накрывать на стол, но я остановил его:

— Не беспокойтесь, пан Зеленко. А не повеселиться ли нам не так, как обычно?

— У меня есть чудесная водка.

— Спрячьте ее до следующего раза. А сегодня я предлагаю заказать стол в ресторане «Дойчер гоф». Два дня тому назад я сделал неплохую коммерцию и все издержки беру на себя. Что вы так смотрите на меня, пан Зеленко? Разве вам не нравится кубинский ром с лососинкой и телячья печенка?

— Нравится, нравится,— зашепшил тот.— Но «Дойчер гоф»... Я еще там никогда не был... Туда не всех пускают...

— Надеюсь, перед нашим уважаемым паном Миллером дверь ресторана сама открывается, и он окажет нам эту небольшую услугу. Оркестр и певица будут исполнять заказы панны Зоси и пана Фридриха...

— Господа, со мной — хоть к самому гаулейтеру! — хвастливо воскликнул Миллер.

Не прошло и часа, как мы зашли в ресторан. Оберштурмфюрера тут хорошо знали. Метрдотель любезно проводил нас на второй этаж, предложив свободный столик на балкончике. Отсюда хорошо было видно все, что происходит в зале.

Атмосфера в ресторане была действительно отвратительная. С потолка свисали причудливые люстры, стены увешаны аляповатыми картинами в тяжелых рамах, визжал джаз, по залу бегали накрашенные официантки, а за столиками сидели пьяные офицеры. Штатских почти не

было. Я понял, почему Николай Иванович сам не хочет здесь бывать.

Мое внимание привлекли дыры в потолке, и я принялся их рассматривать. Гестаповец заметил мое удивление.

— Это фронтовики ведут себя не совсем культурно, — немного смутясь, объяснил Миллер. — Они часто пытаются тут устраивать скандалы, и мы имеем с ними мороку.

Слегка опьянев, Миллер начал рассказывать о своих «героических поступках», о сложности служебных обязанностей и скандальных случаях, имеющих место в этом ресторане.

— Я не помню такого дня, чтобы в «Дойчер гоф» не разыгралась какая-нибудь сцена.

И в этот вечер не обошлось без скандала. В ресторан вошли два офицера, как оказалось, из проезжавшей через Ровно части. Поскольку свободных мест не было, администрация отказалась их обслужить и предложила им оставить зал. Тогда офицеры, не стесняясь в выражениях, начали кричать, что фронтовики кровь проливают, а тыловые крысы только и знают, что пьют. Появились фельджандармы, и на первом этаже поднялся скандал.

Как нам объяснил Миллер, все произошло из-за того, что за одним из столиков сидел не офицер, а обыкновенный обер-ефрейтор. Я и сам удивился, увидев, как он сосредоточенно хлебает солянку, держа на поводке огромную овчарку.

Обер-ефрейтор да еще с собакой в таком ресторане? Это было для меня непонятным.

— Откуда он тут взялся? — спросил я Миллера. — И почему пустили собаку?

— Вероятно, это сын какого-то князя или графа, — вставил пан Зеленко. — А эти офицеры просто плохо воспитаны.

— Нет, господа, — сказал Миллер, — он не сын князя. Но он не обычный ефрейтор, и его собака не обычная. Тут не раз уже из-за него поднимали шум, особенно фронтовики... Откуда им знать, что это — сам дрессировщик собак герра гаулейтера.

— Герр гаулейтер так любит собак, что даже держит специального дрессировщика? — удивилась Зося.

— Да, наш гаулейтер — большой любитель собак.

У него в Кенигсберге — собственная псарня, где выводят разные породы собак. К тому же он — заядлый охотник.

— Не понимаю этих мужчин, — снова высказала удивление Зося. — Какая нужда в том, чтобы держать псарню и выводить разные породы псов? Это же столько хлопот. И стоит, наверное, дорого.

— Гаулейтер, вероятно, держит псарню, из чисто коммерческих соображений, — произнес пан Зеленко, рассматривающий все с точки зрения коммерческой выгоды.

Меня заинтересовал рассказ Миллера о пристрастии Коха к собакам. «Недаром Николай Иванович в поисках путей к Коху завязывает все новые и новые знакомства среди немецких чиновников и офицеров, — подумал я. — Нет, разговор надо продлить. За эту ниточку надо цепко держаться».

Между тем Миллер продолжал:

— Гаулейтер держит псарню из соображений не коммерческих, а... — он посмотрел, какое впечатление производят на нас его следующие слова, — государственных. У нас, в Германии, собаки несут большую службу. Нет такого объекта, требующего охраны, где не было бы наряду с вооруженной охраной собак. Гаулейтер говорит: «Охранника-человека можно подкупить, а охранника-пса, да еще дрессированного — никогда... Я больше верю псам...» Золотые слова! Даже самого герра Коха охраняют собаки и на квартире, и в...

Гестаповец замолчал, очевидно, опомнившись, что говорит лишнее. «Надо его чем-то натолкнуть на разговор, чтобы он рассказывал», — мелькнула у меня мысль, но Зося, терзаемая любопытством, опередила меня:

— Неужели гаулейтер держит собак в своем кабинете?

— Я там не был, но говорят, что да, — ответил Миллер.

Чтобы не прервать разговора, я еще раз высказал свое возмущение по поводу того, что фронтовиков из-за какого-то дрессировщика не пустили в ресторан.

— Как ни говорите, герр Миллер, — сказал я, — но, по-моему, в таком первоклассном ресторане собакам не место.

— Возможно, вы правы, но Шмидт — так фамилия обер-ефрейтора — ходит сюда не по собственной инициативе. Он мог бы зайти сам, без овчарки, и съесть ту порцию солянки и гуляша, которую он получает здесь бес-

платно. Но он водит сюда овчарку для тренировки. Гаулейтер утверждает, что его личная собака должна быть все время среди арийцев, тогда она лучше будет отличать немцев от остальных. Вот в чем весь секрет дрессировки собак! Я, правда, мало в это верю. Животное остается животным. Но гаулейтер в этом убежден. К тому же, для собаки тут готовят специальное блюдо...

Мне так и не удалось познакомить Кузнецова с Миллером — гестаповца неожиданно перевели в Белоруссию, и его след затерялся. Но благодаря его протекции, я стал постоянным посетителем ресторана «Дойчер гоф». Ресторан был подходящим местом для получения всевозможной информации о моральном духе гитлеровской армии. Тут можно было услышать ультрапатриотические тосты преданных фюреру офицеров и быть свидетелем скандальных сцен фронтовиков, которые, выпив, слали проклятия в адрес гестаповцев, эсэсовцев и других тыловиков. После очередной катастрофы немецких войск на Восточном фронте тут все громче слышались крики: «Гитлер капут» и «Кайне криг!» А все это вместе свидетельствовало о падении морального духа гитлеровской армии, о приближавшейся победе над врагом.

ОТ ЕФРЕЙТОРА ШМИДТА ДО ГАУЛЕЙТЕРА КОХА

Вероятно, Кох учуял неладное и поэтому не принимал парада. Последнее время он все реже бывал в своей ровенской резиденции, а если и приезжал в город, то ненадолго.

Между тем наша деятельность в Ровно становилась все активнее. Расширялись связи с местным населением, появлялись все новые и новые знакомые среди немецких офицеров, гестаповцев. Эти знакомства были особенно полезны для обер-лейтенанта Пауля Зиберта, который стал в Ровно одним из самых популярных офицеров. Дважды награжденный Железным крестом первой степени и другими знаками отличия, раненный на Волге, он пользовался непререкаемым авторитетом среди своих «коллег». А «друзей» у Пауля Зиберта с каждым днем становилось все больше. Особенно выросло их число, когда в Ровно появилась Валя Довгер.

Николай Иванович и Валя стали хорошими друзьями — как разведчики и неразлучными «влюбленными» — как немецкий обер-лейтенант и хорошенькая «фрейлейн».

По прибытии в город Валя устроилась продавщицей в магазине для фольксдойче, но вскоре с этим местом ей пришлось распрощаться: в таких магазинах разрешалось торговать только лицам немецкого происхождения. Спустя некоторое время, Валя получила вызов на биржу труда. Мы хорошо знали — этот вызов угрожает нашей разведчице отправкой в Германию. Отказаться было невозможно, а возвратиться в отряд — значило бы выйти из игры, необходимой и для Николая Ивановича, и для всех нас.

Оставалось попытаться подсунуть кому-либо из работников биржи труда крупную взятку и таким образом купить для Вали необходимую должность в городе.

Но к этому нам прибегать не пришлось. Когда я рассказал Кузнецову о том, что в ресторане «Дойчер гоф» видел обер-ефрейтора Шмидта — дрессировщика собак Коха, Николай Иванович в тот же вечер отправился в ресторан и, заметив обер-ефрейтора с овчаркой, подошел к его столу.

Собаковод, увидев офицера, схватился было и стал по команде «смирно», но благодушный офицер-фронтовик спокойно предложил:

— Сидите, сидите, господин обер-ефрейтор, я специально подсел к вашему столу. Я большой любитель собак и когда вижу такого красавца, как ваш...

— О! Мне очень приятно! — с восторгом произнес собаковод. — А я думал, что только мой хозяин неравнодушен к этим животным. Оказывается, есть настоящие офицеры, которые понимают вкус в этом деле. Мне приятно, если не возражаете, с вами познакомиться. Личный собаковод гаулейтера, обер-ефрейтор Оскар Шмидт, — выпалил немец.

— Очень приятно, очень приятно, — хладнокровно ответил Николай Иванович. — Обер-лейтенант Пауль Зиберт.

Наш разведчик, не нарушив ни единого правила в поведении с низшим чином, буквально пленил собеседника своим разговором. Николай Иванович называл породы собак, их назначение с таким знанием, как будто, по меньшей мере, владелец псарни.

Обер-лейтенант и обер-ефрейтор нашли общий язык, и не только в этот вечер, но и позже их можно было видеть вместе за столиком.

Кузнецов предложил посидеть с ним и заказал ужин — для себя и Шмидта, велел подать кушанье и собаке.

Обер-ефрейтор, хотя и служил у самого Коха, но никогда не высказывал удовлетворения своей судьбой.

— Ведь у меня редкая специальность, господа, — хвалился он. — Дрессировка собак — дело тонкое, и не каждый может овладеть этим искусством. Гаулейтер очень доволен моей работой, но платят мне буквально гроши... А впрочем, разве в деньгах дело? Мне, возможно, хватило бы их, но как надоедает торчать в этой проклятой псарне! Хочется побыть среди людей, поговорить с ними, как вот с вами... Даже легче становится, когда отведу душу.

— Сочувствую вам, господин Шмидт, — Пауль Зиберт приложил ладонь к сердцу. — Но лично мне очень нравятся овчарки. И я давно уже мечтаю об умной, обученной собаке. Собираюсь ехать в Кенигсберг и хочу привезти домой подарок с востока. Если вы окажете мне такую услугу, я не пожалею для вас ничего. Вот, возьмите аванс.

И на стол перед Шмидтом легли несколько новеньких хрустящих купюр. У собаководы загорелись глаза.

— О, герр обер-лейтенант! — поднялся он. — Я вам очень благодарен. Увидите: через месяц вы получите такого щенка, что сможете даже в цирке с ним выступать. Если хотите — берите этого. Он из последней партии. Очень умное животное. Господин гаулейтер мне сказал: «Шмидт, ты должен научить собаку, чтобы она узнавала всех, кто по происхождению не ариец».

Так состоялось знакомство обер-лейтенанта Пауля Зиберта с обер-ефрейтором Шмидтом. Советский разведчик приступил к выполнению очень сложного и ответственного задания — организации убийства фашистского палача Эриха Коха. Через Шмидта Кузнецов познакомился с адъютантом гаулейтера майором фон Бабахом и с другими подручными «наместника фюрера» на Украине. Николай Иванович всегда очень тонко вел себя с новыми знакомыми, каждый шаг у него был рассчитан и продуман во всех деталях. Он умел завоевывать симпатии тех, кто мог ему быть полезен, причем не был настойчи-

вым, не надоедал им, а действовал очень осторожно, не вызывая ни малейшего подозрения. И всегда не Кузнецов высказывал нужную ему идею, а тот, кто мог и должен был воплотить ее в жизнь.

Нет, не обер-лейтенант Пауль Зиберт, а сам майор фон Бабах почти каждый вечер назначал свидания, сам адъютант гаулейтера знакомил советского партизана все с новыми и новыми представителями рейхскомиссариатской аристократии. Эти встречи происходили и в ресторане «Дойчер гоф», и в офицерских казино, и на квартире фон Бабаха, и даже в домике, где жила наша разведчица Валя Довгер.

Собаковод гаулейтера Шмидт «по совместительству» стал посыльным между майором фон Бабахом и обер-лейтенантом Зибертом. Он справлялся с новой ролью, вероятно, лучше, чем со своими основными обязанностями, так как после каждой встречи с обер-лейтенантом в его кармане появлялись банкноты.

Навязчивость фон Бабаха вызвала у Николая Ивановича подозрение.

— Возможно, эта хитрая фашистская бестия что-то замышляет против нас,— говорил Кузнецов.— Может, он догадывается, что имеет дело не с обыкновенным немецким офицером. Он очень опасный человек, недаром Кох держит его при себе.

Как-то фон Бабах сказал Кузнецову:

— А я тебя, Пауль, уже давно знаю.

Николай Иванович удивленно посмотрел на майора.

— Это откуда же?

— Боже, какая у тебя короткая память! Еще до войны мы с гаулейтером не раз ездили в леса под Кенигсбергом на охоту. Это было, не помню точно, но, кажется, в тридцать четвертом или тридцать пятом году. Там, в имении князя Шлобиттена, мы и познакомились с твоим отцом Отто Зибертом, бывшим управляющим этим чудесным хозяйством. Не так ли, господин обер-лейтенант?

— У вас феноменальная память, господин майор! — восторженно воскликнул Кузнецов. И тот же час, чуть склонив голову, тихо, грустно добавил: — Но моего отца, мир праху его, уже нет. Он умер в 1936 году. Управляющим у князя Шлобиттена после смерти отца стал я... Долго мне не пришлось управлять, так как вскоре я пошел в армию, а там школа офицеров... фронт. А относительно моей памяти?.. Что же, сдаюсь,— Нико-

лай Иванович, улыбаясь, поднял руки,— возможно, мы и встречались. Но к нам, в эльбинские леса, приезжало так много охотников, так много людей гостило у князя, что у меня в то время даже выработался рефлекс безразличия.

— Тебе и сейчас все нипочем. Мне бы твои заслуги перед фатерляндом, я бы не проматывал здесь, в Ровно, отцовские деньги, а завел бы на этих плодородных землях хозяйство. Рабочих рук тут хватает. И у тебя есть хороший опыт.

Кузнецов не спешил с ответом. Он прошелся по комнате, а потом категорически заявил:

— Я уже думал об этом, господин майор, и, возможно, сделаю так, но не сейчас. Враг еще не разбит, я должен исполнить долг немецкого офицера до конца.

Подобные разговоры между фон Бабахом и Паулем Зибертом возникали часто. И Николай Иванович всегда задумывался: «Что таится за словами гитлеровца? Не испытывает ли он меня? Удастся ли его обойти и с его помощью проникнуть в резиденцию Коха? Какую версию придумать, чтобы сам фон Бабах предложил мне пойти на аудиенцию к гаулейтеру?»

Майор действительно был хитрой лисой. Он умел ловко брать взятки у всех, кто попадал под его влияние, но очень мало обещал сделать, а еще меньше делал. Правда, он пообещал Зиберту выхлопотать для него имение на Украине и даже освобождение от армии, за что получил от Пауля несколько пакетов с рейхсмарками. Но чем больше он таких пакетов получал, тем дальше оттягивал исполнение своего обещания.

Николай Иванович подумал было воспользоваться этим случаем для встречи с Кохом, но вскоре стало совершенно ясно, что фон Бабах не собирается сдерживать слово, а если и сдержит, то нескоро.

И тут возник новый план.

...Как-то после сытного обеда майор фон Бабах предложил Паулю Зиберту пойти на пляж позагорать и искупаться.

— Не искушайте меня, герр майор,— ответил Кузнецов.— Сегодня я должен пойти к своей невесте. У нее маленькая неприятность, и нужно ей помочь.

— А что именно?

— Валя получила повестку из гебитскомиссариата о выезде в Германию.

— Жаль, что тебе придется с ней расстаться. Она очень приятная девушка. Ты не пытался сходить в гебитс-комиссариат?

— Там ей уже отказали,— огорченно ответил Николай Иванович.

— Если ты сможешь поручиться за нее, я попробую устроить ей встречу с шефом. Для гаулейтера такие вопросы — пустяк.

Кузнецов только и ждал этого предложения, но согласиться сразу же он не мог.

— Не знаю, удобно ли беспокоить господина гаулейтера, хотя, откровенно говоря, девушку мне очень жаль. Бандиты замучили ее отца за то, что он по происхождению немец. Я даже знал старика. Он был порядочным человеком, этот Довгер. И только за то, что в его жилах текла немецкая кровь, он поплатился жизнью.

— Если она действительно немецкого происхождения, ей обязательно нужно помочь,— расчувствовался фон Бабах.— Через гаулейтера ей можно оформить документы фольксдойче, только надо найти надежных свидетелей, которые бы поручились, что она из немцев.

— Вы, господин майор, золотой человек. Ваша идея чудесна! Я от нее в восторге! Как только Валя Довгер получит удостоверение фольксдойче, на следующий же день она станет фрау Валентина Зиберт. Приглашаю вас на свадьбу, господин майор! Что же касается поручителя, то я первый готов им быть.

— Если у тебя серьезные намерения относительно Вали, то стоит побеспокоить не только гаулейтера, но и самого фюрера. Между прочим, хозяину не надо говорить о свадьбе. Просто: идет речь об исправлении несправедливости, допущенной по отношению к человеку немецкого происхождения.

— Я вам буду благодарен за это всю жизнь.

— А как на службе? Как посмотрят на все это? Не будут возражать против брака с этой бедной девчушкой? С твоим опытом и состоянием можно стать зятем министра.

Он был прав, этот фон Бабах! Ведь в самом деле невероятно, чтобы бывший управляющий известного помещика из Восточной Пруссии, офицер армии «великого рейха» стремился связать свою судьбу с какой-то девушкой сомнительного происхождения. Одно дело — легкий мимолетный роман, а совсем иное — серьезные намерения.

Но Кузнецов понимал, что в данном случае нельзя отступать, тем более, что возникла реальная возможность встретиться с Кохом.

Николай Иванович задумался, а потом начал:

— Стоит ли мне делать этот шаг? Я много думал и сейчас думаю об этом. Когда Валя показала мне повестку, я сначала даже обрадовался. «Ну,— думаю,— отвезу ее в имение Шлобиттена, и пусть ждет моего возвращения». Но потом пришла другая мысль: «Я же не смогу жениться на ней, пока у нее не будет документа о немецком происхождении». Поймите меня правильно, господин майор. Мне уже тридцать лет. Я знал немало девушек — до армии, и во Франции, и в Польше. Я разуверился в любви, считал, что, кроме мимолетного чувства, ничего не существует, а то, о чем пишут в книжках,— вранье. И когда я встретился с Валей, мне вначале показалось, что это очередной роман, который займет незаметное место в моей богатой коллекции. Но к Вале у меня возникло особенное чувство. Оно становится все сильнее и сильнее, и я чувствую, что Валентина меня тоже любит. Поверьте мне, это не пустое увлечение, а любовь. Когда я думаю, что эта девушка потеряла отца из-за меня, я у них гостил, а после того, как уехал, бандиты схватили его и замучили,— мне еще больше хочется утешить ее, сделать счастливой. Она имеет право на счастье. Я прекрасно понимаю, господин майор, что я офицер немецкой армии, что жалость к людям — наш враг. У меня ее никогда не было. Не было, когда мы вступили в Париж и перед моими глазами танки буксовали по человеческим телам. Не было, когда мы в Варшаве убивали тех, кто не хотел добровольно сдаваться в плен. Я и сегодня еще берегу, взгляните, удостоверение отличного стрелка. Я получил его под Винницей за стрельбу по живым мишеням — тогда мы расстреливали евреев. И чувство к Вале — не слезливая гуманность, не жалость, а настоящая любовь. Я доверяюсь судьбе. Если вы, господин майор, поможете мне, значит, бог не оставил меня, счастье меня не покинет и моей благодарности вам не будет границ.

Николай Иванович рассказал нам об этом разговоре с фон Бабахом в тот же день.

— Знаете,— сказал он,— я думал, что план сорвется. Сначала шло гладко. Мой майор говорит: «Давай заявление, гаулейтер хоть завтра его подпишет». А потом как начал меня штурмовать вопросами, как завелся: почему

я выбрал себе именно Валью, разве не найдется какой-то богатой немецкой фрейлейн, как это воспримут в имении, когда я вернусь?

— А ты действительно ему говорил о женитьбе? — спросила Валя. — Еще, чего доброго, свадьбу придется справлять.

— А что было делать? Я разыграл из себя безумно влюбленного. Если этот фон Бабах организует нам встречу с Кохом, мы не то что свадьбу, а черт знает что устроим!

Валины щеки зарделись и, надеясь на мою поддержку, она серьезно сказала:

— Николай, сделай замечание этому немцу, а то он начинает превращать разведку в забаву.

Мне пришлось разочаровать девушку:

— Николай Иванович прав. И будет совсем неплохо, если в один прекрасный день мы вас поженим. Правда, в Ровно нет кирхи, и придется эту торжественную церемонию перенести на родину Пауля Зиберта. Представляю, какой радостной будет встреча наших молодых влюбленных у князя Шлобиттена! Интересно, знает ли господин обер-лейтенант хотя бы, как зовут этого князя?

— Оставь шутки! — рассердилась Валя.

— Пусть шутит, — остановил ее Кузнецов. — В этом ничего плохого нет. Шутка подбадривает, если хочешь, придает человеку силу. А нам надо быть бодрыми, не падать духом. Впереди у нас, Вальюша, очень сложная операция. Через пару дней пойдем к Коху. Он будет говорить с тобой. Фон Бабах сказал, что гаулейтер лично принимает всех, кто хлопочет о документах фольксдойче: хочет убедиться, имеет ли он дело с патриотом «великого рейха» или с проходимцем, мечтающим о привилегиях и пайке. Мне придется обождать в приемной, пока Кох не позовет меня для подтверждения твоего происхождения. Боюсь только, как бы все не сорвалось: фон Бабах сказал, что гаулейтер снова собирается в Кенигсберг.

— А как сегодня водичка, тепленькая? — спросил я Николая Ивановича. Два дня тому назад он отругал меня за то, что я пошел со знакомым гестаповцем на пляж, где пришлось раздеться (а в карманах было оружие) и несколько раз окунуться.

— Не беспокойся, я такого неосторожного шага не сделал. Откровенно говоря, я на радостях чуть было не принял предложение майора, но вовремя опомнился. Ведь

мне нельзя раздеваться перед гитлеровцами, а то нашивки о ранениях ношу, а на теле — ни одной царапины. Из-за такой мелочи можно сесть в лужу. Я сказал фон Бабаху, что не захватил плавки, и пообещал поддержать компанию в другой раз.

В этот вечер наша группа собралась у Ивана Приходько, чтобы обсудить план уничтожения Эриха Коха. Мы договорились обо всем. Решили, что я буду кучером Пауля Зиберта и его невесты Вали Довгер, а Михаил Шевчук, Жорж Струтинский, Иван Приходько и другие товарищи будут вблизи резиденции, чтобы в случае необходимости прийти нам на помощь.

Но где раздобыть хороший фаэтон? Сначала думали взять лошадей и повозку в отряде. Но времени было мало, а отряд — далеко. К тому же у партизан не было порядочного экипажа.

Мне, как опытному коммерсанту, поручили купить или одолжить фаэтон в городе. Я немедленно кинулся на поиски, так как на следующий день фон Бабах сообщил Паулю Зиберту, что все идет как по маслу, пропуск к Коху заказан, и теперь успех будет зависеть от того, в каком настроении окажется во время аудиенции гаулейтер.

А мои поиски фаэтона были пока безуспешными.

— Придется идти пешком, — сказал Кузнецов. — Не станем же мы из-за пресчетки отказываться от выполнения задания.

— Пешком так пешком, — поддержала его Валя. — Все равно фаэтон нам едва ли пригодится. Я не собираюсь бежать после того, как пушу пулю в лоб этому са-трапу.

— О чем ты говоришь! — воскликнул Кузнецов. — Ты даже не имеешь права думать об этом. Не забывай: задание лишь в том случае будет выполнено, если все пройдет благополучно и мы вернемся в отряд. А фаэтон нам понадобится не для того, чтобы бежать, а чтобы уложить оружие. Понимаешь, как все будет? Мы с тобой — в приемной Коха, выходит фон Бабах и приглашает тебя в кабинет. Ты идешь с майором, а через минуту без разрешения вхожу я, ты сразу же выходишь, я расправляюсь с Кохом и моим «другом» и быстро иду за тобой вниз. На улице мы садимся в фаэтон. Гнидюк ждет нас в полной боевой готовности. А дальше обстановка подскажет.

— Нет, в Коха буду стрелять я, — не соглашалась Валя.

— Оставь, Валя. Из твоего пистолета можно только воробьев пугать, а не стрелять в фашиста на расстоянии. Ты не успеешь раскрыть сумочку и вытащить свою игрушку, как окажешься в руках майора фон Бабаха. А вернее всего тебе придется распрощаться с сумочкой в бюро пропусков.

Вале ничего не оставалось, как согласиться с Кузнецовым. Но она все же пристроила пистолет за поясом под кофтой. Ещё в отряде она научилась стрелять. Далось это ей нелегко. Маленькая девичья рука не удерживала пистолета, и Вале приходилось держать его обеими руками и с усилием нажимать спусковой крючок. Но когда Вале достали первый номер браунинга — маленький деликатный пистолетик, она успешно овладела искусством стрельбы. Но убойная сила этого пистолета была столь незначительной, что на расстоянии пяти-шести метров он уже не мог причинить врагу большого вреда. Чтобы убить фашиста, нужно было приставить дуло к самому лбу или сердцу. Поэтому и речи не могло быть о том, что Валя убьет Коха.

Во время фашистской оккупации основным видом транспорта в городе были дрожки. Нам приходилось ими часто пользоваться, и извозчики знали нас, как «порядочных клиентов», которые могут щедро отблагодарить за услуги. Деньги делали свое: мы разъезжали на дрожках не только по Ровно, но и за его пределами — в Здолбунове, Клеване, Александрии, куда даже выезд был запрещен.

Был среди извозчиков Вацек. К нему крепко пристала кличка Сакрамент, так как в пьяном виде (а трезвым Вацек бывал очень редко) он часто употреблял это слово. У этого извозчика были отличные кони и фаэтон, и я решил взять их на 31 мая — день, на который были заказаны пропуска в резиденцию Коха.

Получив от меня пятьдесят марок, Вацек низко поклонился и подобострастно произнес:

— Я к вашим услугам, мой сладчайший пан. Не то что на день, но даже на год я готов с вами ехать куда угодно, хоть к партизанам.

Так мы подготавливали эту серьезную операцию. Ни кому и в голову не приходило, что может произойти с каждым из нас в случае неудачи. Ни у кого не было ни малейшего колебания — только ненависть к врагу, причинившему столько горя нашему народу.

Мы разыскали и подробно изучили план резиденции Коха, разработали десятки возможных вариантов завершения операции, тщательно проверили все оружие. В городе были заложены мины, которые должны были взорваться, как только будет убит сатрап. Все наши люди были предупреждены о времени операции. Условились, куда кто должен явиться после нее.

А на квартире у Вали Довгер шли последние приготовления. Николай Иванович несколько раз переписывал заявление на имя рейхскомиссара Украины с просьбой «проявить богом данную его превосходительству милость и не дать восторжествовать несправедливости, берущей иногда верх над правдой». «Мне, Валентине Довгер, немке по происхождению,— говорилось дальше в заявлении,— отец которой замучен бандитами за принадлежность к арийской расе, приходится сидеть без работы и хлеба или же вместе с русскими и украинцами ехать на работу в Германию...» Заявление заканчивалось так. «Все вышеприведенное может подтвердить письменно или устно офицер немецкой армии, кавалер двух орденов Железного креста обер-лейтенант Пауль Зиберт, уроженец Восточной Пруссии, сын бывшего управляющего имением князя Шлобиттена под Кенигсбергом. Еще раз прошу, надеясь на вашу милость, великодушие и справедливость. Да поможет нам бог! Хайль Гитлер! Валентина Довгер».

Когда Пауль Зиберт прочитал это заявление фон Бабаху, тот восторженно воскликнул:

— О, после такого заявления никто не откажет фрейлейн в просьбе.

30 мая на квартиру Вали пришел Шмидт и принес записку от фон Бабаха: «Обер-лейтенанту Паулю Зиберту. Завтра в 14.00 прошу прибыть в рейхскомиссариат. Только без опозданий. Гаулейтер готов принять вас и вашу невесту. Пропуска готовы. С уважением. Майор фон Бабах».

— Что-то очень уж майор беспокоится о нашей встрече с Кохом,— сказал Кузнецов.— Не готовит ли этот хитрец нам сюрприз: устроит гестапо контрооперацию и возьмет живьем всю группу. Вот будет скандал!.. Но нет — он просто заранее предвкушает удовольствие от нашей благодарности за услугу. Понимает, что влюбленный офицер, бывший управляющий богатым прусским имением, щедро его отблагодарит, и поэтому так старается. Ну, что ж, герр майор, лелейте сладкие надежды. Обер-лей-

тенант Пауль Зиберт действительно собирается щедро за все расплатиться. До встречи, фон Бабах! До встречи, герр гаулейтер! Итак, завтра, в четырнадцать...

АУДИЕНЦИЯ СОСТОЯЛАСЬ

— Как с фаэтоном? — спросил Николай Иванович, когда 31 мая я зашел к Вале.

— Все в порядке. В двенадцать подкатит сюда. Только как быть с кучером?

— А разве ты не сказал ему, что нам нужен лишь экипаж?

— Нет, об этом я не говорил. Заказал фаэтон на целый день и дал задаток. Едва увидев деньги, он согласился и сказал, что готов ехать со мной хоть на край света и даже к партизанам. А я смеюсь: «Ну, тогда поедem к партизанам».

— Так и сказал: «К партизанам»?

— Именно так.

— Ты что, спятил? — вспыхнул Кузнецов. — А если он за собой «хвост» притянет? Куда это годится!..

Не успел Николай Иванович закончить свои упреки, как из-за окна донеслось громкое «тпр-р-ру».

— Что ж, устраивай своего Сакраменту, — бросил мне Кузнецов, — а мы начнем собираться, вот-вот подойдет Шмидт.

Я позвал Вацка в комнату, пригласил к столу и поставил перед ним полную бутылку.

— Пейте, пан Вацек, это вам не какая-нибудь вонючая самогонка, а настоящая водка-монополька.

— Дойче эрцойгнис, — пробормотал кучер, успевший до этого где-то порядком нализаться. — О! Гут, гут...

Не скрывая удовольствия, он опрокинул подряд несколько стаканчиков и через полчаса уже спал в огороде крепким сном.

А мы занялись фаэтоном. В ящик под передним сиденьем положили пять противотанковых и несколько обыкновенных гранат, два автомата.

— Ого, какие запасы! — смеясь сказала Валя Кузнецову. — Ты, вероятно, собираешься воевать из фаэтона, как из дота.

Но Кузнецову было не до шуток. Продолжая заниматься снаряжением, он деловито ответил:

— Ничего, ничего. Все может пригодиться. Жаль только, что не помещается больше — ящик маловат.

В час дня пришел обер-ефрейтор Шмидт со своей ученой овчаркой. Он был выпивший и, как всегда, начал хвастаться своим искусством дрессировки собак.

— А ну, угадайте, что приказал мне гауляйтер? — весело спросил он Кузнецова. И, не дождавшись ответа, продолжал: — Он мне говорит: «Шмидт, научите этого пса отличать партизан и коммунистов от обычных русских».

— И как успехи, обер-ефрейтор?

— Чудесные, герр обер-лейтенант! Стоит мне сказать одно слово «партизан», и вы увидите, что мой пес сделает.

— Любопытно! — воскликнул Кузнецов. — Продемонстрируйте нам плоды своего таланта.

— Пожалуйста... Но... — Шмидту стало неловко, — как-то неудобно на вас проводить такое испытание.

— Ничего, ничего. Мне очень интересно.

— Ну, хорошо. Смотрите. Пират! Партизан! Пират! Партизан!

И Шмидт подтолкнул своего «способного ученика» к Кузнецову. Но пес не обращал никакого внимания ни на слова учителя, ни на его подталкивание. Он только облизывался после куска вкусной ветчины, брошенной Николаем Ивановичем.

— Видите, молчит, — довольный экспериментом, проговорил Шмидт. — Пират все знает. Пират очень умный пес.

— Восхитительно! — произнес Кузнецов. — Скажите, обер-ефрейтор, как это вам удается?

— О, это очень просто делается. Мне разрешают проводить упражнения в тюрьме, где сидят партизаны и коммунисты. Пират одного так хватанул, что тот больше никогда не будет партизаном...

Еще одно ужасное преступление гитлеровских головорезов, а эта пьяная скотина рассказывает о нем, как о совершенно обычной игре. Нет, им ничего нельзя прощать! Ничего! Смерть — за смерть! Кровь — за кровь! Во что бы то ни стало надо убить сатрапа. Любой ценой! Даже ценой собственной жизни. Так думал я, слушая фашиста. Так думала Валя Довгер, идя вместе с Кузнецовым на совершение справедливого акта возмездия. Так думал Николай Иванович Кузнецов, которому предстояло встретиться с палачом и уничтожить его.

...Вот уже и двинулся наш экипаж к резиденции Эриха Коха. На заднем сиденье — обер-лейтенант армии «великого рейха». Все на нем блестит: погоны, ордена, пуговицы. Он строен, подтянут. Выражение лица сосредоточенное, торжественное. Взгляд устремлен вперед. Лишь изредка голова его поворачивается влево и лицо несколько теплеет. Это глаза обер-лейтенанта встречаются с глазами девушки в черной юбке и такой же черной кофточке. Девушка, как и ее сосед, выглядит весьма торжественно, будто и в самом деле они с женихом едут к венцу.

У ног «молодых» лениво улеглась огромная овчарка. Ее хозяин — обрюзгший ефрейтор с мешками под глазами, сидел лицом к обер-лейтенанту и девушке и сопел, обдавая их хмельным перегаром.

Важно и гордо, как и надлежит извозчику, везущему знатных лиц, восседал я на козлах.

Можно себе представить, как были натянуты наши нервы. Ведь за всей этой внешней парадностью скрывалось огромное напряжение и волнение. Мы едем на очень ответственную операцию. Вскоре должно произойти событие, о котором заговорят все газеты земного шара, а в фашистском логове подымется страшная паника.

Мы ехали по главной улице, как настоящие хозяева этого красивого украинского города, а все надписи на домах на немецком языке и сами гитлеровцы, стучавшие железными подковами по тротуарам, казались нам мусором, который необходимо выбросить вон. И сделать это должны мы. Именно нам поручила это Родина, наш славный народ. Русский, белоруска и украинец — дети единокровных советских братьев — идут, возможно, на смерть ради жизни других. Нет, в такие минуты человек не может быть бессильным. Он становится крепче, у него вырастают крылья, и никакие другие мысли не руководят его действиями, кроме мыслей о святом долге перед Родиной.

Вблизи резиденции Коха замечаю Мишу Шевчука, Жоржа Струтинского и Ивана Приходько, чуть дальше уверенно прохаживаются по тротуару неразлучные Николай Куликов и Василий Галузо.

«Держитесь, друзья,— читаю в их глазах.— Вся Родина с нами».

Я говорю им тоже одними глазами: «Не волнуйтесь, хлопцы. Все будет в порядке».

Без слов понимаем мы друг друга, потому что сердца наши и мысли настроены на одну волну.

...Гаулейтер выбрал для своей резиденции двухэтажный дворец с колоннами в глубине сада, обнесенного высокой оградой и обтянутого колючей проволокой. У массивных ворот стояли часовые, тщательно проверявшие пропуски каждого, кто должен был пройти во дворец или въехать во двор.

Подъехав к воротам, мы сразу же увидели майора фон Бабаха, вышедшего нам навстречу.

— А я уже беспокоюсь, — забыв поздороваться, сказал он, — Думаю: хотя бы не опоздали. Гаулейтер собирается к отъезду в Кенигсберг.

— Хайль Гитлер! — приветствовал его Кузнецов.

— Хайль Гитлер, герр обер-лейтенант. Получайте пропуска и пойдём в резиденцию. Экипаж поставьте во дворе, в тени.

В наши планы не входило заезжать во двор (ведь без специального разрешения охрана не выпустит фаэтон назад), но отказать адъютанту было невозможно — пришлось принять его предложение.

Получив пропуска, Николай Иванович и Валя в сопровождении фон Бабаха пошли во дворец, а я остался в саду, на козлах экипажа. Должен признаться, мое самочувствие в те минуты было не из приятных. Мне казалось, что, возможно, фон Бабах приготовил для всех нас западню.

Как медленно тянется время! Взад и вперед снуют немцы — военные и штатские. Каждый раз они как-то подозрительно посматривают и на фаэтон, и на меня. А может, их взгляды только кажутся подозрительными? Ведь мозг мой был настолько напряжен, что малейший скрип окна или двери, возглас внутри дворца казались долгожданным выстрелом.

За воротами появился Шевчук. Он не спеша прогуливается по тротуару, бережно держа в руках пышный букет.

А вот Жорж Струтинский. У этого руки в карманах...

Они на месте, мои друзья. Я вижу их, я чувствую биение их сердец. И это придает мне бодрости, слегка успокаивает до предела натянутые нервы.

— Все обойдется хорошо... Все будет в порядке, — шепчут губы.

Это я — хлопцам. Это я — себе. Это я — матери моей.

Нет, не знает она, где теперь ее Микола. И отец не знает. И братья.

«Помнишь, Грицю,— обращаюсь мысленно к старшему брату,— как я мальчишкой помогал тебе крутить ротатор, из которого вылетали небольшие листочки бумаги? Не знал я тогда, о чем именно писалось на этих листках. Уже потом, когда тебя забрали и посадили за решетку, узнал я, что ты подпольщик. И не обычный, а член окружного комитета КПЗУ. Выходит, я уже и тогда был подпольщиком.

Было это в 1932 году. А через год пришла в нашу семью еще одна тяжелая весть: военный трибунал приговорил брата Ивана к казни, как члена Польской коммунистической партии.

Иван, Иван! Сколько слез выплакали тогда глаза нашей мамы, сколько здоровья отняла у нее, у отца, у всех нас, твоих младших братьев, эта весть, пока мы не узнали, что тебе даровали жизнь!

И не было ни в отцовских, ни в материнских словах укоров ни тебе, ни Грицю за то, что с вами случилось. Они не упрекали и меня, когда в тридцать седьмом ворвались в нашу хату жандармы и повели меня в тюрьму. Я не был тогда ни коммунистом, ни комсомольцем, но, когда седьмого ноября над нашим селом алым пламенем вспыхнули знамена, дифензива не без оснований заинтересовалась мной.

Дали мне тогда два года тюрьмы, на пять лет лишили прав (помню, как я не мог понять, чего меня лишили, ведь никаких прав у меня и не было). За решеткой я видел и слышал от других, как расправлялись с политическими заключенными жандармы польской охраны. Под ногти загоняли иглы, лили в ноздри керосин со смолой, по колени ставили в ледяную воду и держали так целыми сутками, били березовыми прутьями...

И вот теперь, стоит лишь раздаться за стенами этого дворца выстрелу, я могу попасть в руки гестаповцев. Но нет! Я уже не беспомощный мальчишка, у меня есть оружие, и, пока я могу его держать, врагам не удастся меня схватить. Живьем не сдамся!»

А может, еще найдется выход? Присматриваюсь к воротам. Они лишь на засове. Можно будет попытаться их открыть и вовсе погнать лошадей.

Вероятно, об этом думал и Шевчук, так как он все время продолжал курсировать возле ворот (дескать, назначил тут свидание с девушкой), и даже начал что-то спрашивать у часового.

Время шло, а выстрела все не было. Прошло полчаса, час. Наконец, примерно спустя час двадцать минут, открылась дверь резиденции, и я увидел довольное, улыбающееся лицо Кузнецова. Он нежно держал под руку Валу, а позади, что-то говоря и тоже приветливо улыбаясь, шел фон Бабах.

Вот так неожиданность! Ничего не случилось! Кох остался живой! В чем дело? Неужели Николай Иванович мог струсить? Нет, этого не может быть. Кузнецов не такой! Вероятно, случилось что-то непредвиденное и очень важное.

Тем временем обер-лейтенант Пауль Зиберт очень вежливо попрощался с майором фон Бабахом, с радостным, сияющим лицом деликатно подал руку Вале, и та молча села возле него. Майор что-то сказал часовым, еще раз обменялся любезностями с Кузнецовым, перед нами открылись ворота, и я галопом погнал лошадей. Увидев нас, хлопцы снялись со своих постов.

Вечером на квартире у Вали встретились четверо: она сама, Кузнецов, Шевчук и я. Если во всех других случаях нам приходилось обо всем рассказывать Николаю Ивановичу, то в этот раз в роли экзаменаторов оказались мы.

— Коха видел?

— Видел.

— Почему не стрелял?

— Не было возможности.

— Не может быть! — вырвалось у Вали.

— Вы лучше выслушайте и рассудите сами, верно я поступил или нет.

— Нечего оправдываться! — оборвала Кузнецова Вала. И уже обращаясь к нам: — Вы представляете, ребята, меня первой пустили к Коху. Он спрашивает: «Чем вы можете доказать свою принадлежность к фольксдойче?» Говорю: «У моего отца были документы, но бандиты уничтожили и их, и отца». А он на меня как закричит! А собаки, лежащие рядом, как залают! Тут Бабах, — а он стоял позади меня, — и говорит: «Там в приемной находится офицер, который подтверждает, что знает фрейлейн и ее отца». — «А ну, позовите, ко мне этого идиота!» Меня

увели, а вот он (Валя на миг обернулась к Кузнецову, сердито взглянула на него и снова отвернулась) зашел в кабинет. Я сидела в кресле как на иголках, впившись глазами в дверь кабинета Коха. «Ну ж, ну, думала я, скорей, скорей стреляй». Офицеры, ждавшие аудиенции у гаулейтера, пытались со мной шутить, но я ничего не соображала. Так продолжалось около часа. Какие только мысли не лезли в голову! Наконец открывается дверь и выходит он. Сияющий подходит ко мне и протягивает заявление с резолюцией Коха. Вот оно, читайте, что советский разведчик вымолил за час у палача вместо того, чтобы выпустить в него целую обойму!

И сама прочитала вслух:

— «Оставить в Ровно, оформить документы фольксдойче, устроить на работу в рейхскомиссариате. Кох».

— Но пойми, Валя, ты же была в кабинете и видела, что стрелять не было никакой возможности. Это все равно, что всем нам покончить жизнь самоубийством, ничего не сделав,— оправдывался Кузнецов.

— Все равно надо было стрелять,— настаивала Валя.— А так что о нас скажут? Трусые! Видели Коха, и никто не пустил ему пулю в лоб.

— Необходимо все это хорошо обсудить,— спокойно сказал Миша Шевчук, всегда остававшийся уравновешенным и сдержанным.

— Поймите меня правильно, товарищи,— продолжал Николай Иванович,— выстрелить, возможно, и удалось бы, но убить Коха — вряд ли. Представьте себе: между Кохом и мной лежат две здоровенные овчарки, вероятно отлично выдрессированные Шмидтом. В любую минуту они готовы броситься на человека и загрызть его.

— Испугался собак,— снова вмешалась Валя.

— Нет, не испугался. Но разведчик всегда должен действовать наверняка, разумно. А поднять шум и дать возможность врагам затянуть на шее петлю — глупо.

Валя что-то пробормотала, однако вслух своих чувств на этот раз не высказала.

— Но послушайте далее,— продолжал Кузнецов.— Значит, между нами две здоровенные овчарки. Позади меня — два гестаповца, фиксирующие каждое мое движение. Если бы я выхватил пистолет, не знаю, успел бы я выстрелить, но то, что мне успели бы скрутить руки, это я знаю наверняка. Я уже не говорю, что рядом со мной стоял мой «приятель» майор фон Бабах. К тому же

расстояние между мной и Кохом было таким, что стрелять в упор, не целясь, было бы также бессмысленно. Вот почему выстрела не последовало.

Мы согласились с Николаем Ивановичем. Обвинять его в трусости у нас не было никаких оснований, да никто из нас и не думал об этом.

Кузнецов часто любил повторять: «Задание только тогда считается выполненным, если ты сохранишь себя для выполнения следующего задания». Мы никогда не задумывались над тем, как будем жить, когда закончится война. А Николай Иванович был большим мечтателем. Часами он мог рассказывать о том будущем, которое рисовало его воображение. Часто он говорил:

— Может случиться, что нам не придется дожить до конца войны. Но дело, за которое мы боремся, бессмертно, и будущие поколения будут помнить о нас.

Мы не раз шутили:

— Высекут тебе из гранита большой памятник, назовут твоим именем улицы, парки, колхозы...

А Шевчук в таких случаях спрашивал Николая Ивановича:

— Ты какой бы хотел себе памятник: в форме немецкого офицера или просто так?

Нет, никто из нас не мог допустить даже мысли, что советский разведчик Кузнецов, наш друг, с которым мы так много делили хорошего и плохого, радостного и грустного, может оказаться трусом.

И если Валя так назвала Николая Ивановича и не хотела его даже слушать, то это потому, что чересчур много было затрачено энергии и усилий для встречи с Кохом. Полтора месяца мы посвятили осуществлению этой цели. После разрешения Москвы у нас ежедневно возникало по несколько вариантов выполнения этой операции. Сколько «за» и «против» было взвешено, сколько рискованных знакомств пришлось завести!

Вот хотя бы знакомство с майором фон Бабахом. Его трудно было обмануть: первого встречного заурядного офицера Кох не взял бы себе в адъютанты. Да и гестапо, очевидно, долго рылось в его документах, пока рекомендовало фон Бабаха гаулейтеру. И его надо было втянуть в нашу игру.

Из всех гитлеровских офицеров — знакомых Кузнецова — фон Бабах был наиболее хитрым, коварным, нахальным. Раньше Пауль Зиберт всегда брал инициативу

в свои руки, а вот с фон Бабахом наоборот: тот сам старался «верховодить» Зибертом. Не раз он читал ему мораль:

— Вы, обер-лейтенант, ведете себя как мальчишка. Вы проматываете деньги и безрезультатно.

Но это не мешало Бабаху выматывать и охотно принимать от Зиберта деньги, за что он сулил последнему золотые горы. Сколько времени пришлось потратить, сколько усилий приложить, чтобы изучить эту хитрую лису, войти к нему в доверие и использовать для важного дела!

А тут Кох остался живой!

Было еще одно обстоятельство, помешавшее осуществлению нашего замысла. Обстоятельство сугубо разведывательного характера, которому мы в то время не сумели дать надлежащей оценки.

— Понимаете,— рассказывал Кузнецов,— когда я зашел в кабинет, все мои мысли работали в одном направлении: прикончить гада. Но сразу сделать это было невозможно, необходимо было завязать с Кохом разговор. А ведь встретил он меня недружелюбно. Даже глаз не поднял, пыхтел, как кузнечный мех, а лицо налилось кровью.

«Я удивлен,— процедил он,— что вы, офицер немецкой армии, обиваете пороги гаулейтера и хлопчете о какой-то девушке сомнительного происхождения. Вам что — делать нечего?»

«Не смею возражать вам, ваше превосходительство, но девушка, за которую я ручаюсь, немецкого происхождения. Я знал ее отца и видел документ, удостоверяющий, что Довгер родился в Баварии и остался тут со времени первой мировой войны. Я, как немецкий офицер, не могу согласиться с тем, чтобы человек арийского происхождения был отдан в руки несправедливостей. Я люблю Валентину Довгер, но не чувство привело меня сюда — долг преданности фюреру и любовь к Германии, к нашей великой нации».

«О, я слышу достойный ответ! — произнес Кох, поднял глаза и уставился на меня. — Но поймите, фюрер и мы в целом не очень рады этим фольксдойче. В их жилах течет не чистая арийская кровь. А то, что мы отдаем им некоторые привилегии, так это наша политика — надо же на кого-то опираться! Никакие там фольксдойче, украинцы, русские и поляки нам не нужны как автономные

нации, хотя об этом мы и много говорим. Нам нужно жизненное пространство и дешевые рабочие руки. Вот почему и ваша фрейлейн получила повестку на работу в Германию».

«Я понимаю вас, господин гаулейтер, но фрейлейн Довгер имеет больше заслуг перед фатерляндом, чем те, которые уже пользуются правами фольксдойче. Этого нельзя не принять во внимание».

«Оставим ее, господин обер-лейтенант, скажите лучше, кто вы, из какой части».

— Я уж было,— продолжал Кузнецов,— хотел полезть в карман, чтобы достать и показать Коху свою офицерскую книжку, но гаулейтер махнул рукой и произнес:

«Не надо документов. Скажите так».

«Я — обер-лейтенант Пауль Зиберт. Родился в Восточной Пруссии. Мой отец — Отто Зиберт — управлял имением под Кенигсбергом. Сейчас воюю на Восточном фронте. После ранения получил временный отпуск с передовой и занимаюсь эвакуацией раненых офицеров с фронта, а на восток сопровождаю военные грузы». — Эту хорошо выученную фразу я отрубил как по писаному. И понимаете, когда Кох услышал ее, его лицо прояснилось.

«Так оказывается, вы мой земляк господин Зиберт!» — не без удовольствия воскликнул он.

И тут на помощь пришел фон Бабах.

«Господин гаулейтер,— сказал он,— мы охотились в имении, в котором управлял отец Зиберта. Я прекрасно знал старика. Он был очень порядочным человеком».

«Зиберт... Зиберт... А, припоминаю, припоминаю,— протянул Кох.— Это очень похвально, что мой земляк такой патриот и так выслужился перед фатерляндом и фюрером. Скажите, пожалуйста, за что вы получили свои два ордена Железного креста?»

«Первый — за Париж, второй — под Харьковом».

«А где вас ранило?»

«При попытке форсировать Волгу».

«Любопытно знать, господин обер-лейтенант, какое впечатление произвела на солдат и офицеров наша неудача с форсированием Волги?»

«Вполне нормальное, герр гаулейтер. И солдаты, и офицеры верят в нашу победу и в гений фюрера».

«Это меня радует. Иначе и быть не может. Кое-кто начал высказывать недовольство после волжской катастрофы, появились разговоры о втором фронте, о том,

чтобы мы пошли на перемирие. Но гений фюрера, его дальновидность и настойчивость не дали возможности совершить эту глупость. Не будет второго фронта в этом году, не будет его и в следующем, никогда не будет! Американцы не такие дураки, чтобы открыть второй фронт, когда наши войска на берегах Волги. Об этом фюрер хорошо информирован, можете так и сказать офицерам на Восточном фронте. А что касается неудач...— Тут Кох поднялся, подошел к карте, висевшей на стене, лицо его снова налилось кровью, и он начал орать: — Фюрер готовит большевикам хороший сюрприз. Не такой, как под Москвой, и не такой, как на Волге. О нет! Это уже не то! Это что-то небывалое в военной стратегии. Это будет последний удар, от которого полетят к черту и второй фронт, и большевизм! Русские еще узнают, что такое немецкая армия, немецкая техника!»

— Вы понимаете, что это значит? — глаза Николая Ивановича заблестели. — Это же не лепет пьяного офицера о какой-то воинской части. Это же военная тайна о новом наступлении немецких войск. «Фюрер готовит сюрприз!» Где? Когда? Необходимо любой ценой вывести у Коха. Он же, к счастью, оказался довольно болтливым: сам начал излагать планы немецкого командования.

«Через полтора месяца большевики узнают вкус наших «тигров» и «пантер». Они еще не знают как следует немецкой техники. Ничего — тут они ее испытают. Фюрер долго советовался с нами, где нанести генеральный удар, и, наконец, решил. О, мы снова убедились в гениальности фюрера: Курск, Орел — тут, в самом центре России, мы пойдем на прорыв, и ничто уже не остановит наших войск. Ничто! Вы понимаете, обер-лейтенант?» — выкрикнул Кох и еще раз ткнул пальцем в кружочек на карте, где было написано: Курск.

— Вот что дала, товарищи, — продолжал Николай Иванович, — моя сегодняшняя аудиенция у Коха. Если бы кто-то меня даже и заставил после услышанного стрелять в гаулейтера, если бы и представилась такая возможность, я бы этого не сделал. Выданная им тайна стоит десятка голов таких сатрапов, как Кох. Ведь скоро предвидется грандиозное наступление гитлеровских войск в районе Курска и Орла. Фашисты пустят в ход новую технику. «Тигры», «пантеры» — мы еще не знаем, что это такое, но ведь можно приблизительно догада-

ться, что это или танки, или самоходные орудия. Надо идти в отряд и передать разговор с Кохом в Москву. Время не ждет.

Но Валя восприняла это сообщение по-своему:

— И все же ты меня не убедишь, что слова этого голвореза ценнее его головы. А если он тебе наврал, если он хотел немного потешиться, подбодрить немецкого офицера-фронтовика? Боюсь, что его откровенность была пустой болтовней.

— Нет, Валя! Этого не может быть. Видела бы ты, как он говорил, с какой яростью и злостью тыкал он пальцем в карту. Орел и Курск на ней обведены красными кольцами. Нет, Кох не врал. Просто то, о чем он все время думал, на что возлагал самые большие надежды, вырвалось исподволь, и он уже не мог сдержаться.

Всю ночь составляли мы подробнейший отчет обо всем, что произошло 31 мая 1943 года в резиденции Эриха Коха. Потом мы отправили пакет в отряд, а оттуда его содержание было передано в Москву.

Откровенно говоря, мы с Мишей Шевчуком и Вальей Довгер не совсем осознавали, сколь важными были сведения, услышанные Николаем Ивановичем от Коха. И лишь тогда, когда из сообщений Советского Информбюро мы узнали о разгроме большой группировки гитлеровских войск под Орлом и Курском, о провале операции «Цитадель», мы поняли, сколь дальновидным был Николай Иванович.

ОДНИ НЕПРИЯТНОСТИ

Коля Янушевский, или, как мы его называли, Коля Маленький, выполнял роль связного между ровенскими разведчиками и партизанским «маяком». От Ровно до Оржевских хуторов километров двадцать. Почти ежедневно отмеривали это расстояние быстрые ноги нашего маленького помощника. Редко когда ему удавалось сесть на попутную машину, а больше приходилось идти пешком. Иногда его останавливали немцы или полицейские, вытряхивали сумку, с которой мальчик не расставался (надо же на дорогу взять с собой кусок хлеба и бутылку молока), допытывались, кто он, откуда и куда идет, и, убедившись в его «лояльности», отпускали. Коля Маленький никогда не терялся при опасных встречах, всегда очень ловко выкручивался и своевременно выполнял задания.

Но он все-таки оставался ребенком, и, как каждому в этом возрасте (а Коле тогда было чуть больше десяти лет), ему хотелось иногда по-ребячьи поиграть. Когда мы собирались вместе и разговаривали, ему было скучно. Он тихонько сидел в уголке комнаты и смотрел на нас печальными глазами.

Однажды Кузнецов не выдержал его взгляда:

— А может, Коля, к ребятам сбегашь, на улицу?

Мальчик даже вскочил:

— Можно? Да?

— Можно-то оно можно, конечно, но хлопцы всякие бывают. Сколько шантрапы теперь бегают. Нашел я тебе, Коля приятеля: Ромку. Парень — огонь! Он хотя и помоложе тебя, но зато боевой. Завтра познакомитесь, и я уверен, что он тебе понравится.

Ромка — сын Марии Левицкой. Он пришелся по душе нашему маленькому разведчику. Они стали неразлучными друзьями, играли в «войну», гоняли по двору мяч, строили всевозможные сооружения. Все шло прекрасно, пока не произошел случай, едва не причинивший нам большие неприятности.

Николай Иванович купил Коле Маленькому губную гармошку. Мальчик очень быстро научился на ней играть, а это вызвало у Ромки зависть. Он просил у Коли гармошку, пробовал что-то наигрывать, но у него ничего не получалось. Детское самолюбие было уязвлено: как это так — у Коли есть гармошка и он играет на ней, а я нет? Тогда Ромка решил отобрать у приятеля игрушку и не отдавать до тех пор, пока не овладеет искусством музыканта. Между друзьями возник конфликт.

— Отдай гармошку! — кричал Коля. — Она не твоя! Вот тебе отец купит, тогда и учишь.

— Не отдам! Хватит с тебя — наигрался! Дай и мне поиграть.

— Ишь чего захотел! Отдай сейчас же, а то пожалеешь.

— На, выкуси! — И Ромка показал Коле фигуру из трех пальцев.

— Ах так, ты еще меня будешь помнить, рябой! — И Коля Маленький кинулся на своего обидчика.

Ромка не мог смириться с оскорблением. Какое бы такое слово придумать, чтобы насолить Кольке? И он не нашел ничего лучшего, как на всю улицу крикнуть:

— Ну, хорошо, я рябой, а ты — партизан! Партизан! Партизан!

— А ну, покажи, кто тут партизан? — услышал Ромка над собой грозный голос, и чья-то большая рука схватила его за воротник.

Ромка поднял голову и увидел раскрасневшееся усатое лицо их соседа, которого боялись все жители Крутой улицы. Не раз до этого слышал Ромка от отца и матери, что Марчук очень злой и плохой человек, что он служит у фашистов и выдал им много честных людей. И вот теперь этот самый Марчук крепко держал его рукой и, как хищник, почуявший добычу, спрашивал:

— Где ты видел партизана?

— Нигде, нигде! Ей-богу, нигде, — заплакал Ромка. — Пустите, пан, пустите!

Но полицейский и слушать не хотел этих просьб. Одно слово «партизан» вывело его из равновесия.

— Чей это мальчишка, который убежал? Отвечай!

— Я не знаю, вуйко... Пан, не знаю. Отпустите!

— Пойдешь со мной, а там скажешь, дрянь паршивая.

— Пустите! — завизжал мальчик.

На улицу стали выходить люди.

— Да отпустите, пан Марчук, этого хлопца, — обратилась к полицейскому соседка. — Разве вы его не знаете? Это же сын Марии Левицкой...

— Марии? — переспросил Марчук. — Что же ты мне, гаденыш, об этом не сказал? А ну, идем к тебе, там все и выясним.

И он потащил Ромку к дому, где в это время, кроме хозяйки, были Кузнецов, я и Коля Маленький (за несколько минут до этого он прибежал сюда, но ничего о случившемся не рассказал). Коля Маленький сидел против раскрытых дверей, и его хорошо было видно со двора. Поэтому Марчук, подойдя к дому, тотчас же его увидел и с возгласом: «Вот он где, партизан!» — ворвался в комнату. Но в то же мгновение он услышал:

— Вас воллен зи?

И перед ним вырос немецкий офицер. Насмерть перепуганный полицейский вытянулся и отчеканил:

— Хайль Гитлер, господин обер-лейтенант!

— Хайль! — небрежно ответил Кузнецов.

— Чего это вы, пан Марчук, цепляетесь к детям? — спросила Мария.

— Да ничего, пани Левицкая. Просто хотел попугать озорников, а то они друг друга называют партизанами и дерутся, как петухи.

— Как вам не стыдно,— принялся отчитывать полицейского Кузнецов.— Служите в уголовной полиции и не нашли ничего более подходящего, чем выяснять детские недоразумения. Какой дурак поставил вас на эту должность? Вы компрометируете наши органы. Вы — олух! Болван! Осел!

— Яволь... Яволь...— виновато поддакивал Марчук.

— Ступайте прочь и больше не попадайтесь мне на глаза! — гневно крикнул Кузнецов.

Полицейскому ничего не оставалось сделать, как пойти домой. Вид у него был довольно-таки жалкий.

Вскоре ушел Кузнецов. Коля Маленький тоже покинул дом Левицкой — мы решили, что ему лучше не приходиться больше сюда. Я остался ожидать мужа Марии — Феликса, который должен был принести важные сведения.

— Кто он, этот Марчук? — спросил я у Марии, когда мы остались одни.

— Он появился здесь с приходом немцев. Вон в том доме жили богатые евреи. Их увезла полиция, а Марчук занял особняк. Живет один, никто не знает, где его семья. Возможно, у него ее и нет. Одни говорят, будто он родом из Закарпатья, другие — из Одессы. А сам он утверждает, что родился в Ровно, но никого из родных у него не осталось. Вспоминает, как служил у Петлюры, а потом скрывался от советских властей. Перед самой войной его все же поймали, посадили за решетку. Из тюрьмы выпустили оккупанты, и он пошел служить в гестапо. Здесь называют его Кислицей — за прилипчивость и нахальство. Дали ему прозвище: Седой ус.

Не успела Мария окончить свой рассказ, как в открытом окне показалось лицо с усами, один из которых был седой.

— А где же пан обер-лейтенант? — спросил Кислица, упершись локтями в подоконник.

— Пошел в город,— ответила Мария.

— Это твой знакомый? Ты, наверно, хорошо его угостила, а может, и переспала с ним несколько ночей, даром же он с тобой так любезен.

— Оставьте шутки, пан Марчук! Обер-лейтенант — очень порядочный и культурный человек...

— Он устроил мне такой нагоняй, что я сам не свой

и не знаю, что делать. Еще пойдет к моему шефу и наговорит всякой ерунды. Оправдывайся тогда.

— Нет, этого он не сделает, пан Марчук,— вмешался я в разговор.

— А вы кто такой? Откуда знаете обер-лейтенанта? У вас есть с ним связи?

— Конечно, есть. А обер-лейтенанта знаю давно. Он меня даже на работу устроил.

— Я хочу с ним познакомиться поближе. Не окажете ли мне такую услугу?

— Хорошо. Я скажу ему об этом, но согласится ли он — не знаю.

— А вы сделайте так, чтобы согласился. Я в долгу не останусь,— умолял Кислица.— Мария, приготовь-ка что-нибудь закусить, а я сейчас принесу бутылочку. С хорошим человеком приятно выпить. Можно на вашем велосипеде подъехать к магазину? — И полицейский взялся за руль велосипеда, стоявшего под окном.

— Пожалуйста. Но если речь идет лишь о бутылке водки, то нечего беспокоиться, она найдется.

— У вас, наверное, самогонка, а я хочу настоящей выпить.

— Не только настоящая, но и коньяк.

— Неужели?

— Конечно,— подтвердила Мария,— заходите, пан Марчук. Даже отличная селедка, замаринованная под-машнему, есть. Заходите!

Кислица не заставил себя долго упрашивать. Когда мы уже сидели за столом, он продолжал меня агитировать замолвить за него словечко перед обер-лейтенантом. Что мне оставалось делать? Чтобы побыстрее избавиться от надоедливового мерзавца, я пообещал ему все устроить как следует, хорошенько напоил его и даже провел домой. Он не хотел меня отпускать, приглашал к себе, но я не имел никакого желания находиться в его обществе и, дав слово, что в другой раз обязательно зайду, вернулся к Марии.

Пришел Феликс. Поговорив с ним, я на велосипеде поехал в Здолбунов.

Командование поручило мне срочно связаться с здолбуновскими подпольщиками и посоветоваться с ними относительно активизации разведывательно-диверсионной работы на железнодорожном узле. Я решил ехать в Здолбунов не по основной магистрали города, а через набережную

реки Усте, а оттуда лугами выбраться на шоссе. Этот маршрут был значительно безопасней.

Но не успел я свернуть с главной улицы на набережную, как позади раздался свисток полицейского. Я не обратил на него внимания и нажал на педали. Оказывается, делая левый поворот, я нарушил правила уличного движения, и к тому же еще не остановился на сигнал регулировщика. Не знаю, что было бы, задержи он меня, но тут неизвестно откуда появился патруль фельджандармерии. Немец понял, в чем дело, выхватил резиновую нагайку, остановил меня и начал прогуливаться ею по моему телу. Возможно, случись это не в центре города, мои нервы не выдержали бы. А тут пришлось терпеть. Начали собираться люди. Зевак нашлось немало, появились даже знакомые парни и девушки. Одни смеялись и кричали:

— Так ему и надо! Бейте его!

Другие сочувствовали. А гитлеровец, вероятно решив выместить на мне всю свою злость, продолжал орудовать нагайкой. Несколько раз я пытался вскочить на велосипед и уехать, но жандарм догонял меня и бил еще сильнее. Наконец, он устал и, выругавшись, отпустил меня.

Я сел на велосипед и, еле преодолевая боль, из последних сил погнал в Здолбунов. Когда, приехав к Шмерегам, я разделся, Анастасия Тарасовна вскрикнула: вся спина была темно-синей от следов нагайки. Два дня хозяйка прикладывала к моей спине холодные компрессы. Стало немного легче, но на душе было очень больно, что я не выпустил в проклятого оккупанта обоймы, что он оказался сильнее меня, советского партизана. Нет, я этого так не оставляю, я отплачу этой собаке за все!

Через два дня я вернулся в Ровно, но на велосипеде больше не ездил. Ребята встретили мой рассказ смехом и шутками, а когда об этом узнал Медведев, он сказал:

— За одного битого всегда двух небитых дают.

Прошло несколько дней, и со мной случилась еще одна неприятность. Среди определенной части ровенского населения моя личность стала очень популярной. С легкой руки пана Зеленко я стал настоящим коммерсантом и имел на этом попрishе заметные успехи. Во время оккупации коммерция почти не преследовалась. Если полиция даже и арестовывала какого-нибудь спекулянта, то в худшем случае она отбирала товар или взимала штраф. Чаще же дело оканчивалось взяткой. Коммерцией занимались разные люди: и агенты гестапо, и сотрудники оккупацион-

ных учреждений, и корреспонденты националистических газет, и мы, партизаны-разведчики.

Однажды на улице ко мне подошел один тип, которого я никогда до этого не видел.

— А! Мое почтение, пан! Давненько мы не встречались. Как идут дела? Как здоровье?

Я никак не мог понять, что это означает: хитрость гестаповского агента, обычная ошибка или просто какая-нибудь нахальная проделка. «Разведчик никогда не должен избегать новых знакомств, какими бы они ни были», — думал я.

— Большое спасибо, уважаемый пан... — я сделал паузу, как бы пытаюсь вспомнить фамилию.

— Чаплинский...

— Да, пан Чаплинский. Живу хорошо, дела идут еще лучше. А вы как?

— Знаете, у меня к вам очень выгодное дело, уже собирался вас разыскивать, но, к счастью, мы встретились. Есть хорошее дело, и только вы со своим авторитетом можете его поднять. Один немецкий железнодорожник предложил мне десять ящиков дрожжей. Но он хочет наличными, а такой суммы ни у кого нет. Вот я и решил найти вас. Пока что ваша фирма в Ровно самая солидная.

— Сколько нужно? — тоном делового человека спросил я.

— Не пугайтесь, пан, но сумма очень большая.

— Сколько же?

— Двадцать тысяч оккупационных марок.

— А место для дрожжей у вас есть или вы собираетесь продавать их на рынке?

— Безусловно, есть. И на каждом ящике будет по тысяче марок барыша.

— Когда нужны деньги?

— Хоть сейчас.

Я задумался. Спекулянт впился глазами в мое озабоченное лицо: что я решу. А я, подумав, открыл портфель и протянул ему две пачки оккупационных марок, по десять тысяч каждая.

Получив деньги, он горячо поблагодарил и заверил, что завтра же возвратит всю сумму.

— А барыш поделим поровну, — удовлетворенно добавил он.

— Где мы встретимся? — спросил я.

— Там, где вам будет удобнее.

- Мне все равно.
- Тогда у пана Зеленко.
- Очень хорошо, пусть будет у пана Зеленко.

На следующий день я пришел к своему старому «приятелю». Зеленко встретил, как всегда, радостно и пригласил перекусить. Только мы сели за стол, открылась дверь и в корчму вошел Чаплинский.

— О! — поднялся навстречу ему Зеленко. — Мое почтение! Заходите, заходите! А у меня как раз мой лучший друг пан Курильчук.

— Какой Курильчук? — удивленно переспросил Чаплинский.

— А вы его не знаете? Тогда познакомьтесь.

И Зеленко подвел Чаплинского ко мне. Я протянул ему руку и сказал:

— Стефан Курильчук.

— Погодите, — остановил меня Чаплинский. — Я же вас знаю, как пана Грицука. Когда это вы успели перекреститься на Курильчука?

«Вот тебе и на, — подумал я. — Попался». У меня было удостоверение на имя Стефана Курильчука, с которым я первый раз прибыл в Ровно и пришел к Зеленко. Но я им уже давно не пользовался, так как у меня были отлично сделанные документы на имя Грицука. Для Зеленко я все еще продолжал оставаться Курильчуком. Что делать? Как выкрутиться?

— Видите ли, пан Чаплинский, — начал я, — это очень тонкое дело. Я не только коммерсант, но и журналист. Пишу в газету «Волынь» и подписываюсь Грицук. Это мой литературный псевдоним.

Я вытащил из кармана удостоверение с трезубцем на обложке, в котором собственноручной подписью самого редактора Уласа Самчука подтверждалось, что я, Степан Грицук, являюсь корреспондентом газеты «Волынь» по Луцкому округу.

Прочитав удостоверение, коммерсант с уважением посмотрел на меня и начал расхваливать. Но пан Зеленко почему-то не поддакивал ему, а начал бросать на меня косые взгляды. «Вероятно, у хозяина корчмы возникли подозрения, — подумал я. — Надо быть осторожным».

Пан Чаплинский возвратил двадцать тысяч марок и предложил мне самому разделить барыш от операции с дрожжами. Я отсчитал пять тысяч — ровно половину барыша — и отдал коммерсанту.

Подобные коммерческие операции случались часто. Они начинали нас обременять, мешать основной работе. Со всех сторон на нас жали спекулянты, предлагая дела, одно сложнее другого. Отказываться было невозможно, приходилось втягиваться в коммерческие сделки, финансируя дельцов разного пошиба. Спекулировали всем, чем придется: дрожжами, каустической содой, мылом, камнями к зажигалкам, керосином, солью, кокейтом. Однажды мне предложили очень «выгодную» операцию на пять тысяч марок с деревянными сапожными гвоздями и дратвой. Я отдал деньги, и целая машина гвоздей в бумажных мешках была выгружена в одном из дворов. На следующий день пошел дождь. Мешки размокли, а гвозди превратились в месиво. Так и пропали пять тысяч марок, да еще пришлось вывозить гвозди на свалку. Но подобные неудачи не приводили нас к банкротству.

В Ровно был коммиссионный магазин, принадлежавший одному турку. Хотя гитлеровцы относились к турку лучше, чем к украинцам и полякам, не чинили никаких препятствий его торговле, он не высказывал к завоевателям особой любви, а даже наоборот — подчеркивал свое неуважение к ним. Михаил Шевчук, Василий Бурим и Иван Приходько часто заходили в магазин, ставший неофициальным центром коммерческих операций.

Однажды не успел Михаил Шевчук переступить порог магазина, как за ним вслед вошел агент уголовной полиции Марчук. Он давно приметил, что Шевчук — частый гость турка и, вероятно, крупный спекулянт, ну и решил поймать его на горячем.

Михаил не растерялся, позвал турка и, увидев на витрине хирургические инструменты, попросил их вернуть. Уплатив деньги, взял покупку и вышел. Марчук — за ним.

— Может быть, пан угостит стаканом хорошего вина? — спросил он у Шевчука.

— Вина? Можно!

Они зашли в пивную, и Марчук стал заказывать. Очевидно, полицейский рассчитывал хорошо погулять за счет Шевчука, так как за первым стаканом попросил второй, а потом третий... Но когда пришло время расставаться, Михаил достал из кармана гестаповский жетон на серебряной цепочке и начал им играть, накручивая на палец. Увидев жетон, Марчук стал извиняться:

— Простите, пожалуйста, я ошибся: думал, что вы нигде не работаете.

— В следующий раз, пан, будьте более внимательны, если хотите работать агентом уголовной полиции. Всего хорошего! Не забудьте рассчитаться.

И, взяв свой пакет, Шевчук вышел из пивной.

Хирургические инструменты Михаил отдал Ивану Приходько, а тот предложил их мне. Увидев блестящие «железяки», я подумал, что не худо бы пойти с ними к турку. Его магазин расположен на центральной улице и через окно можно было вести очень интересные наблюдения за легковыми автомашинами, в которых разъезжали чиновники рейхскомиссариата и гестапо. Мне как раз необходимо было кое-что уточнить, и я решил воспользоваться случаем, чтобы зайти в комиссионный магазин.

— Хайль Гитлер! Слава аллаху! — приветствовал я турка.

— Хайль коммерция! — шутя ответил он. — Есть что-то хорошее? — И он с интересом посмотрел на мой пакет.

— Посмотрите, очень хорошая вещь для сегодняшнего военного времени. Новенькие. Чешская фирма. Отдам почти за бесценок, — скороговоркой выпалил я и развернул пакет.

— Где вы их нашли? Только лишь вчера я еле избавился от этого товара. Больше года лежали на витрине. А вчера зашел один чужак и уплатил за них деньги. Я еще не успел рассчитаться за них с хозяином. Их принес мне один врач.

«Снова неприятность», — подумал я и сразу же догадался, что купил их Шевчук. Я хотел возразить, что, мол, это другие инструменты, но турок не стал даже слушать:

— Оставьте, пан. Они же в той самой бумаге, в которую я их завернул. И сколько с вас за них содрали?

— Мне предложила их одна моя знакомая, но цены не назвала. Я решил пойти к вам и посоветоваться, можно ли их продать и за какую цену.

— Лучше не беритесь за такой мотлох и отнесите их назад, если не уплатили деньги.

Инструменты пришлось отправить в отряд — в подарок Альберту Цессарскому. А относительно коммерческих дел я стал более осторожным, а вскоре и совсем их прекратил.

Как-то в центре города меня встретила одна незнакомая барышня. Она вежливо со мной поздоровалась и тут же спросила:

— Вы больше не нарушаете правил уличного движения? Я советую вам лучше ходить пешком. Он вас тогда

так отстегал, так отстегал! Я смотрела и еле сдержалась, чтобы не расплакаться от жалости.

«Чего это она? — думал я. — Сочувствует? А может, издевается? Или просто хочет познакомиться со мной?»

— Вы лучше следите за собой, уважаемая барышня, — сердито ответил я.

— Не злитесь. Я очень хорошо вас понимаю, — не отставала она. — Мне тогда хотелось предложить вам поехать к нам домой, оказать помощь. Моя сестра работает в больнице...

«А может быть, она хороший человек, и стоит с ней познакомиться?» — подумал я. Но в ту же минуту увидел на противоположной стороне улицы жандарма, который меня отстегал. Быстро попрощавшись с собеседницей, я побежал за фрицем.

Он шел быстро, вероятно, куда-то спешил. Одет в форму обер-ефрейтора, на груди — несколько медалей и лента о ранении.

Не знаю почему, но я продолжал идти за ним. Стрелять в него на улице было безумием, сделать ему что-либо другое я не мог и все же продолжал преследовать. Так дошли мы до Дубенской, где были расположены фельджандармерия, штаб войск СС и гестапо. Обер-ефрейтор спокойно свернул в ворота своей части, а я остался на улице. Вообще-то мы, разведчики, старались обходить Дубенскую: тут всегда было полно агентов гестапо и эсэсовцев, и здесь обязательно или документы проверят, или «хвост» прицепится.

Так случилось и в этот раз: прицепился «хвост». Несколько часов пришлось петлять по городу, «хвост» не отставал. Действовал он грубо и нагло, совсем не скрываясь от меня. Я зашел в ресторан и заказал кружку пива. Он сел за мой столик и заказал себе то же самое. Я велел принести вторую кружку. Он тоже. Я понял, что агент будет ходить за мной до тех пор, пока я или кого-нибудь встречу, или куда-нибудь зайду. Если же этого не случится, он укажет на меня жандармам, и те арестуют меня.

Но мне повезло. Выйдя из ресторана, я увидел фаэтон, а на нем своего хорошего приятеля Вацека Сакраменту. «Вот оно, спасение!» — мелькнуло в голове. Я окликнул.

— Вацек!

Кучер обрадовался, остановил фаэтон. Я быстро вскочил на него и, сунув Вацеку пятьдесят марок, приказал:

— А ну, что есть духу вперед!

— Есть вперед! — весело причмокнул Сакрамента, и лошади понеслись по улице, оставляя позади моего сразу загрустившего преследователя. За полчаса Вацек доставил меня на здолбуновский вокзал.

Я понял, что в прежнем виде уже не смогу появиться в Ровно, необходимо срочно менять костюм, документы, явочные квартиры, маршруты и окончательно забросить коммерческие операции...

И вот я снова прогуливался по ровенским улицам, но меня уже трудно узнать. На мне добротный коричневый костюм и лакированные туфли. Очки в большой черной оправе изменили черты моего лица. Вместо тяжелого портфеля в руке — трость. Я уже не ездил на велосипеде, а ходил пешком. А в кармане — документ, удостоверяющий о том, что я — Богинский Ян, уроженец Костополя. Работая в Ровно в военной пекарне пекарем, живу и прописан по улице Мыловарной, 19. Откровенно говоря, такого дома на этой улице не было. Кроме удостоверения, я имел регистрационную карточку, в которой ежемесячно надо было делать отметки биржи труда. Отметки необходимы были для того, чтобы никто не мог нас задержать, и Коле Струтинскому пришлось изготовить штампики биржи.

Подписи должностных лиц на документах ставил наш врач Альберт Цессарский. Он неплохо владел немецким языком. Но подпись гебитскомиссара Альберт не отваживался ставить и всегда подписывал только за кого-нибудь из его заместителей.

А за гебитскомиссара стал расписываться Лукин. Делал он это с большим мастерством, и гитлеровцы, проверяя документы наших разведчиков, ни разу не заподозрили нас в подделке удостоверений и подписей.

Так из Курильчука и Грицука я превратился в Яна Богинского. Под этой фамилией и действовал вплоть до освобождения города Советской Армией. Да и после освобождения Ровно меня еще долго называли то «паном Янеком», то «паном Богинским».

КТО ОНА!

В наш отряд прибыла группа советских военнопленных.

— Как вам удалось бежать из плена? — спросил я. Один из них, Владимир Грязных, рассказал:

— Нам помогла женщина. Она работает официанткой

в офицерском казино. Нас часто возили туда на разные черные работы. И вот однажды подошла к нам молодая красивая женщина и предложила свои услуги, если у нас возникнет желание податься к партизанам. Мы ей не поверили, но она при каждой встрече продолжала повторять: «Бегите, ребята! Я устрою все, как надо». Официантка дала нам свой адрес, а когда мы пришли, она нас накормила, переодела и посоветовала идти в Цуманские леса. Еще денег дала на дорогу. Вот мы и пришли.

— А кто она, эта женщина?

— Зовут ее Лидия Ивановна. О себе не рассказывала. Только попросила, если нам удастся найти партизан, то обязательно сообщить ей или дать кому-нибудь ее адрес. Даже пароль придумала: «Привет от Попова». Не знаем, кто она, но верим, что встретили своего человека.

Нас заинтересовал этот рассказ. Если действительно официантка немецкого казино хочет наладить связь с партизанами, то стоит с ней встретиться. Но не ловушка ли это? Ведь мы о ней, кроме адреса и того, что она помогла ребятам бежать из плена, ничего не знаем. Какие чувства руководили этой загадочной женщиной? Бороться с немцами? Тогда почему она пошла к ним работать? Так или иначе, но встретиться с ней надо. Хоть и рискованно, но надо. Разобраться во всем поручили мне.

И вот я иду по указанному адресу. Стучу в дверь небольшого особнячка, спрашиваю, дома ли хозяйка, и слышу в ответ:

— Сегодня ее не будет.

На следующий день иду к ее дому и снова неудача. Так продолжалось несколько раз, пока младшая сестра Лидии Ивановны — Лена (я уже успел с нею познакомиться) сказала:

— Лида просила зайти в среду. В этот день она выходная.

Наконец, среда. Подхожу к знакомому особняку, стучу. Дверь открывает стройная молодая блондинка. Выше среднего роста, с красивым смуглым лицом и большими серо-голубыми глазами. «Это она!» — думаю я и произношу:

— Привет от Попова.

— Здравствуйте, — отвечает. — Будем знакомы — Лисовская. Я так и думала, что вы от тех ребят. Проходите в комнату и почувствуйте себя, как дома.

Так мы познакомились. Она рассказала, что хорошо

знает немецкий язык и поэтому ее назначили метрдотелем («Значит, не обычной официанткой», — подумал я) офицерского казино.

— Я ненавижу швабов, — говорила она мне. — О, если бы вы знали, как я их ненавижу! Что им нужно на нашей земле? Вы видели виселицы на улицах Ровно? Господи, как это ужасно! Звери! А называют себя освободителями. Уничтожать их, беспощадно уничтожать, чтобы не издевались над нами. Сколько страданий принесли они! А было так хорошо! Когда в тридцать девятом году пришли сюда советские войска, люди встречали их с цветами. А этих извергов надо встречать пулями. На каждом шагу их должна подстерегать смерть.

Говорила Лидия Ивановна искренно, чувствовалось, что она много пережила, что горе народа — это ее горе.

— Посоветуйте, что я должна делать. Годы идут, мне уже за тридцать. («Никогда нельзя дать», — подумал я), так хочется счастья, семьи. Нет, вы не можете этого понять! А они разрушили все! Как я рада, что удалось связаться с вами! Поручите мне любое дело — выполню.

Но одно обстоятельство заставляло настороженно относиться к ее рассказам. Обычно, когда мы заводили новое знакомство, нас спрашивали: «А чем я могу быть для вас полезным?» Лидия Ивановна подобных вопросов не задавала. Она сама начала излагать один за другим планы своей будущей подпольной деятельности, как будто они у нее были готовы заранее:

— Я могу подкинуть вам важного генерала... Или, если хотите, проведу ваших людей в казино, когда там будет сборище немецких офицеров... Могу подсыпать в блюдо яд... Могу выкрасть папку с секретными документами...

Все эти «могу» заставили меня задуматься, не маекировка ли это? Подозрение мое усилилось, когда ночью к Лисовской пришли гестаповцы.

Квартира Лидии Ивановны была просторной (три большие комнаты и кухня с верандой), но с нашей точки зрения очень неудобной, так как окна выходили на улицу и не было черного хода.

Вместе с Лисовской жили старенькая мать, сестра Лена и брат Володя. Они держались обособленно, не вмешивались в дела молодой хозяйки, тем более, что она была основным кормильцем. Первый наш разговор затянулся допоздна, и Лидия Ивановна предложила мне заночевать в ее квартире.

— Можно всегда пользоваться ею, как собственной,— добавила она.

Мы поужинали, и я ушел в отведенную мне комнату. Долго не мог уснуть: мысли роились в голове, не давали покоя. Кто она, Лидия Ивановна? Хороший человек или артистка, которая мастерски разыгрывает спектакль, поставленный врагом? Может быть, я нужен только, как маленькая, но очень важная ниточка, потянув за которую гитлеровцы раскроют нашу разведывательную группу? Необходимо все хорошенько обдумать...

Вдруг слышу: на улице топот кованых сапог. Люди приближаются к нашему дому, поднимаются по деревянным ступенькам, ведущим на веранду. И — сильный стук в дверь.

— Откройте! — доносится из-за двери грубый голос.

«Ловушка!» — мелькнуло в голове. Рука выхватила из-под подушки пистолет.

Лидия Ивановна выбежала на веранду, и я услышал ее сердитый, громкий голос.

— Какого черта вы тут шляетесь ночью? Спать людям не даете! А ну, убирайтесь отсюда скорее!

— Мы из гестапо. Хотим проверить, кто у вас ночует. Немедленно откройте! — настаивали гитлеровцы.

Я мигом оделся, приготовил гранаты, взвел курок пистолета и отбросил задвижку в ставне.

А Лидия Ивановна не унималась:

— Гляди, чего захотели! Я вам не открою! Можете ломать дверь. Но знайте: за это вам не поздоровится. Утром я пойду жаловаться господину Прицману. И он вам устроит такой нагоняй, что больше не захочется про-
верять мою квартиру.

Упоминание о фон Прицмане, очевидно, отрезвляюще подействовало на гестаповцев. Они еще продолжали бить в дверь и кричать «открой!», но уже не с таким упорством, как вначале.

Лисовская продолжала наступать. Она использовала весь арсенал пристойных, но крепких выражений, пересыпая их фамилиями высокопоставленных гитлеровских офицеров. Наконец этот словесный поединок закончился полной ее победой. Возбужденная, взволнованная, вбежала она в комнату и, увидев меня в полной боевой готовности, удивленно воскликнула:

— А это что за маскарад?

— Не стану же я спокойно ждать, пока сюда ворвутся гестаповцы,— ответил я.— Встреча с ними у меня не предусмотрена, но приветствовать их есть чем.

— Запомните,— Лисовская все еще не могла успокоиться,— никогда в моей квартире не было и не будет никаких неприятностей. Бойтесь за свою голову? Можете не волноваться. С нее ни единый волос не упадет.

— Но я не люблю шутить с гестаповцами где бы то ни было.

— Все равно, повторяю: тут вы в полной безопасности. Чувствуйте себя спокойно.

— Какое тут спокойствие, когда в первую же ночь пребывания в этом доме сюда лезут пьяные немцы да еще угрожают выломать дверь...

Лидия Ивановна засмеялась.

— Вы не учитываете одного обстоятельства: немчура меня хорошо знает и никогда не заподозрит в связях с партизанами. А эта мерзость, что приходила,— Лисовская брезгливо поморщилась,— уже не раз пыталась познакомиться со мной ближе и предлагала свои услуги. Но я всегда отвечала и отвечаю: «Ко всем чертям!» Завтра же расскажу об этом визите фон Прицману. Он обедает в нашем казино и очень любит, когда я лично его обслуживаю. А сейчас давайте спать! И выбросьте из головы всякие глупости.

Но я уже не мог уснуть до утра. После неожиданного визита гестаповцев Лидия Ивановна стала для меня еще большей загадкой. И когда я рассказал обо всем этом Кузнецову, он разделил мои сомнения.

— Будь осторожен,— предупреждал меня Николай Иванович,— ничего лишнего ей не говори. Постарайся больше узнать о ней из других источников. Наверное, она связана с гестапо.

Из наших знакомых Лисовскую никто хорошо не знал. Иван Приходько попробовал было расспросить о ней у соседей, но они рассказали то, что нам уже было известно: работает в офицерской столовой, часто подъезжает к дому на легковой машине в сопровождении немцев.

Когда Лукин ознакомился с нашим сообщением о Лисовской, он написал: «Знакомство с Л. нас беспокоит. Продолжайте ее изучать и о малейших подозрениях докладывайте нам. Никаких заданий, кроме проверочных, не давать. Будьте особенно осторожны, чтобы не разгласить наших явок. Если она работает на немцев, то обязательно

постарается войти к нам в доверие, чтобы накрыть всю группу. Желаю успехов».

Я трижды прочел записку Александра Александровича. «Да, крепкий орешек мне достался,— подумал я.— Как бы не сломать на нем зубы».

Прекращать знакомство с Лисовской нельзя было. Если бы даже сделали это, она все равно продолжала бы нас искать. Надо было ждать. Ждать и проверять ее. А когда все станет понятным, или привлечь ее к работе, или...

Но не так легко проверять в наших условиях. Это можно делать лишь путем наблюдений, догадок, выводов. В таких случаях даются контрольные задания. Что ж, попробуем, хотя это и не так просто.

Я продолжал ходить к Лидии Ивановне и давал ей поручения. Лисовская выполняла их охотно, хотя и не скрывала своего недовольства тем, что они были незначительны, мелки.

— Вы что? — с обидой спрашивала она. — Не доверяете мне? Бойтесь?

— Почему вы так думаете, Лидия Ивановна? Не спешите и не горячитесь. Разведчице нельзя быть такой нетерпеливой,— успокаивал я. — Придет время, и мы с вами будем свершать большие дела. Главное — дисциплина. Делайте то, что вам говорят.

— Мне очень не нравится такая работа,— не сдавалась Лисовская. — Я имею дело с настоящим разведчиком, а приходится запоминать, сколько гитлеровцев за день посетит наше казино и сколько среди них офицеров высших рангов. Ну и разведка! Разве не найдется для меня задания, более ответственного?

Мы и в самом деле поручали ей узнавать разные мелочи: кто из высшего офицерства обедал в казино, куда они потом ехали, какие пароли назначались на ночь... Все эти поручения Лидия Ивановна выполняла без колебаний и очень старательно. Однажды по собственной инициативе она принесла пухлый портфель, набитый бумагами и личными вещами какого-то полковника.

— Что это? — спросил я Лисовскую.

— Пришел сегодня один пообедать. Лысый, дряхлый, старый. Говорит: «Еду с фронта в Берлин, к самому фюреру пойду». Я его хорошенечко угостила. Так, что он сам уже не мог идти на вокзал. Попросил, чтобы я его отвезла. Я согласилась. Вызвала извозчика и поехала с этим пьяным стариканом на станцию. В это время подошел поезд.

Я помогла немцу зайти в вагон, он уехал, а портфель так и остался у меня.

— Плохо, очень плохо получилось,— разочаровал я Лидию Ивановну.— Этого как раз и не следовало делать. Неизвестно, представляют ли эти бумаги ценность, а вот раскрыть себя вы могли.

— Да ведь он был в таком состоянии, что опомнится не раньше, чем через сутки. А в портфеле полно бумаг. Возьмите и передайте своим.

Этот случай еще больше сбил нас с толку. Ничего интересного в бумагах, найденных в портфеле, не оказалась, лишь акты на списание продуктов питания в одной из воинских частей и несколько интендантских объяснений. И снова у нас возникло подозрение: не приманка ли это?

Почти ежедневно я бывал у Лисовской, ночевал в ее доме, много разговаривал с ней. Все, что она рассказывала о себе и в то же время довольно странный образ жизни, окружало ее ореолом загадочности. А говорила она так, что хотелось верить в ее искренность.

— Вас, вероятно, удивляет мое поведение, и я чувствую, что вы не можете мне полностью доверять,— прочитала однажды Лидия Ивановна мои мысли.

— Этот вывод лишен оснований,— возразил я.

— Не думайте, что я так наивна. Я не девчонка, ищущая романтических приключений. О, нет! Свои тридцать лет я прожила не так, как хотела. А было у меня желание стать не только хорошей женой, но и матерью. Ежи — так звали моего мужа — очень любил меня. И очень жалел. «Какая я счастливая! Счастливее всех!» Это тогда я так думала. Мы поехали с Ежиком на курорт в Закопане. Это были лучшие дни моей жизни. Я из бедной семьи, а Лисовский — из родовитых. Он был капитаном польской армии, служил в ровенском уланском полку. Сам очень хорош собой, а еще форма улана — красавец, глаз не оторвешь. Заберемся мы с ним высоко в горы, станем лицом к ветру — эх, и до чего же чудесно было тогда в Закопане! Ежи говорит мне: «Возвратимся с курорта, начнем строить свой домик. Будут у нас дети. Только первая обязательно дочь. И чтоб похожа была на тебя...» Все в Закопане нам завидовали: «Такие молодые, красивые и такие счастливые!» Боже мой, счастливые! Мне даже как-то не по себе теперь, когда слышу это слово. Не успели вернуться с курорта — мужа вызвали в часть. Потом война. Под Варшавой немцы взяли его в плен. И расстреляли в тот

же день. Вместе со всеми пленными расстреляли... Как я тогда плакала! Вы даже не представляете, сколько у человека может быть слез. Хотела покончить с собой. Да жалко было маму и Лену. Дайте, пожалуйста, зажигалку.

Она закурила сигарету, сильно затянулась и продолжала:

— Вскоре пришли советы. Меня начали запугивать. Говорили, что жен польских офицеров вывозят в Сибирь. Я уже было собралась бежать в Польшу, да одумалась: куда? В какую Польшу? К немцам, которые убили моего мужа? Я устроилась на работу — оператором на почте. Там и познакомилась с майором Поповым. Хороший был человек. У него жена умерла, и он часами простаивал возле моего окошка с опущенной головой. Рассказывал о себе, о жене. Очень любил ее. Мне стало его жаль, ибо судьбы наши были похожи. Я начала его успокаивать. Мы ходили с ним на прогулки, подолгу бродили за городом. Сперва все было таким обычным, а потом мы полюбили друг друга. И любовь эта была такой же чистой, как и первая — моя и его. Перед самой войной собирались пойти в загс. Но на этот раз счастье прошло мимо. Грянула война. Геннадий как ушел из дому, так больше я его и не видела.

— А потом — немцы, — она вздрогнула при воспоминании о враге. — У меня не было колебаний: я сразу же решила бороться с ними, чего бы мне это не стоило. Я верила, что найду связь с вами. Я уже посылала брата в Клевань: расспросить, что там слышно. Он дважды ездил. Ходят слухи, говорил, о партизанах. Вот я и решила подсказать военнопленным, чтобы убегали к вам. А вы мне не доверяете. Бойтесь меня. Я очень хорошо вас понимаю... У вас нет доказательств, чтобы мне верить. Тем более, что ежедневно меня видят среди немцев. Вы имеете право спросить меня: «Если ты так ненавидишь немцев, то почему бываешь в их компаниях?» Но поймите же и меня. Взять в руки оружие и пойти против них — этой возможности я лишена. Вести борьбу одной — что это даст? Арестуют, отвезут на Белую улицу — и только. Не работать, а жить как-нибудь, — вывезут в Германию и заставят пойти в публичный дом или заморят голодом. Ничего не делать? Уйти в монастырь? Выйти еще раз замуж? Но это не мешает швабам наступать на Восточном фронте. Есть борьба другая, настоящая борьба. Ее я и выбрала... Я пошла работать в офицерское казино. Я подняла выше голову и хожу, даю распоряжения среди этих вояк. Они

думают, что я покорила и поэтому так хорошо их обслуживаю. А я думаю другое: «Чем больше будет уверенности у этих гадов в моей преданности, тем легче мне будет бороться с ними». Не так ли?

Я ничего не ответил на размышления Лидии Ивановны. И тогда она сама попробовала это сделать:

— Вы со мной слишком осторожны. Хорошо. Я отлично это понимаю и поэтому не буду вас торопить. Когда вы убедитесь в моей искренности — я принесу вам пользу. А тактики своей не изменю.

Я хотел что-то сказать, но Лисовская не дала мне произнести ни слова.

— Прошу вас, не оправдывайтесь. Не нужно. Мне даже нравится, что вы все делаете так осторожно. Чувствую, что имею дело с настоящей разведкой. Мы еще покажем чудеса!

Я верил ей. Она так ненавидит фашистов и способна выполнить любое рискованное задание. Но Николай Иванович, которому я до малейших подробностей передавал наши беседы с Лидией Ивановной, советовал не спешить.

— Нужно ее проверить на деле, — говорил он. — Слова, чувства — это еще не доказательства.

Когда Лидия Ивановна стала получать от нас задания, она еще активнее начала заводить знакомства с немецкими офицерами. Приглашала их к себе в гости, устраивала вечеринки. Знакомила меня с ними.

— Доверие немцев мне нужно сейчас больше, чем ваше, — любила она повторять.

Однажды, придя с работы, Лисовская рассказала, что в казино готовятся к какой-то встрече. Завозят дорогую мебель, продукты, напитки.

— Говорят, должно состояться важное совещание.

— Надо узнать, кто именно из высших офицерских чинов прибудет на него, — сказал я ей.

— Имеет ли значение, кто именно? Главное — будет совещание. Вот и надо что-то придумать.

— А что именно?

— Ну хотя бы мину подложить. Или «специи» подсыпать.

— Относительно мин — ничего не выйдет, — разочаровал я Лидию Ивановну. — Гестаповцы заранее обнюхают все. А вот о «специях» стоит подумать, если действительно слетятся важные птицы.

— А вы найдите что-нибудь такое, чтобы не портило вкуса и хорошо действовало.

Предложение Лисовской было передано в отряд. Командование его приняло. Я вручил Лидии Ивановне ампулу с ядом и строго приказал применить ее лишь в том случае, если появится кто-нибудь из высокопоставленных фашистов.

Прошло несколько дней, неделя, другая, совещания все не было. Наконец, Лисовская сообщила, что оно совсем не состоится. Это обстоятельство снова посеяло у нас подозрения относительно честности Лидии Ивановны.

— Вероятно, изучает методы нашей работы,— размышлял Николай Иванович.— Ты смотри, Николай,— обратился он ко мне,— не будь с ней очень откровенным, а то последнее время она тебя что-то уж чересчур пленила...

— Может, она тебя околдовала? — добавил Шевчук.— И вообще, стоит ли с ней столько возиться? Строит из себя какую-то сверхпатриотку, ненавидит немцев и в то же время разъезжает с ними в машинах, устраивает для них пьянки. Мне кажется, со всем этим пора кончать.

Что я мог ответить товарищам? Я пытался защищать Лисовскую, но никаких доказательств ее честности у меня не было. За все время разведывательной работы мне впервые пришлось встретиться с таким интересным и непонятным человеком, как Лидия Ивановна.

Посидишь с ней вечер, поговоришь,— кажется, что большего патриота и быть не может. Часами она говорила о себе, о красоте жизни вообще и о подлости гитлеровцев, о муках и страданиях, которые они несут людям. Она чудесно ориентировалась в международных событиях, знала много такого, о чем нельзя было ни прочесть в газетах, ни услышать по радио. Например: в Тегеране должна состояться конференция тройки, на которую большевики возлагают большие надежды. Но напрасно — союзники не откроют второго фронта ни в сорок третьем, ни в сорок четвертом. И вообще второго фронта может не быть. Или: в ставке Гитлера был заговор. Гитлер беснуется, никому, кроме Евы Браун, не верит. Можно было услышать и такое. Американцы и англичане никогда не будут настоящими союзниками русских, как бы война ни окончилась, они будут с немцами.

Все эти мысли она излагала под впечатлением рассказов немецких офицеров. Но Лисовская не слепо повторяла то, что слышала от них, а сама сопоставляла факты, собы-

тия, обстановку и делала определенные выводы. Сила ее логики могла убедить кого угодно из собеседников, и возражать ей было нелегко. Послушаешь ее — и приходишь к мысли, что перед тобой настоящий патриот, способный вести беспощадную борьбу с врагом.

Но увидишь ее в компании гитлеровских офицеров и не веришь, что это тот же человек, который еще вчера так серьезно и умно смотрел на жизнь.

Какая она, настоящая Лидия Ивановна? На этот вопрос я не мог пока ответить. И в этом не могли мне помочь товарищи: ни Николай Иванович, ни Михаил Шевчук, ни Коля Струтинский.

Еще одно обстоятельство усиливало подозрение, что Лисовская ведет двойную игру. Когда я зачастил к ней, ко мне прицепился «хвост». Почти ежедневно он ходил за мной. Как-то я целый день бродил по городу (зашел на рынок, в парикмахерскую, в одно учреждение, в другое, в ресторан, в кино), и всюду я видел этого субъекта. Мне до зарезу нужно было встретиться с товарищами, но сделать этого я не мог. Предупредил только знаком Ивана Приходько, встретившегося мне на улице, и пошел к своему старому знакомому пану Зеленко. Только после этого мой преследователь оставил меня в покое (очевидно, убедился, что я ни в каких подозрительных местах не бываю).

После этого случая я стал более осторожным и стал постоянным клиентом Вацека Сакраменто. О «хвосте», разумеется, я ничего не сказал Лисовской. От Николая Ивановича тоже пока что решил сохранить это в тайне. Я ждал развязки, искал ее, а вернее — пытался найти правильный выход. Продолжать дальше свои визиты к Лидии Ивановне было делом рискованным: рано или поздно, если она работает «на два фронта», гестапо начнет действовать. Бросить Лисовскую, оставить ее вне связи с партизанами — значит, выбыть мне из игры. Устранить ее бесследно — для этого мы не имели оснований.

Кто же она? Как узнать? Дело нелегкое. А события все более усложняли положение и еще долго не давали окончательного ответа.

ЛЕГИОНОВ, 15! ЛЕЛЯ!

А в самом деле: кто она, эта Лидия Ивановна Лисовская? Еще один случай заставил нас задуматься над тем, с кем мы имеем дело.

Среди обширного круга наших ровенских знакомых, принадлежащих к числу гитлеровских прислужников, был некий Леон Метусь. Он приехал в Ровно из Белоруссии. До войны был осужден советским судом за хулиганство, а когда пришли оккупанты, стал их агентом. Он любил рассказывать о своих заслугах перед гитлеровцами. Они посылали его в леса, к партизанам. Там он «осваивался», а потом с его помощью фашисты уничтожали или захватывали целые группы советских патриотов. После каждой такой удачной операции Метусь получал от карателей солидное вознаграждение. Но долго так не могло продолжаться. Он понимал, что рано или поздно его, изменника и провокатора, настигнет кара. И тогда один из его приятелей по темным делам, некий Александер из Одессы, предложил:

— Давай, Леон, махнем на Украину, в Ровно. Там меньше партизан, чем в этих проклятых белорусских лесах и болотах, но зато полно хорошеньких девочек. О, там можно пожить!

Метусю не нужно было долго уговаривать, и оба негодя выклячили у своих «хозяев» перевод в Ровно.

Я познакомился с этими субъектами в апреле 1943 года, сразу же после того, как мы с Валею Довгер прибыли в город, и она устроилась на квартире Марии Козловской. Я тогда разыскал своих старых «приятелей» — пана Зеленко и Миллера. Последний в честь нашей встречи потащил меня в ресторан. Там Миллер и представил меня Леону Метусю, с которым мы быстро поладили, поскольку он избражал из себя поляка, а я хорошо владел польским языком. После ужина Леон предложил пойти вместе с ним к девушкам.

— Есть у меня много хороших знакомых девушек. Но среди них одна мне запала в душу. Красавица — пальчики оближешь! Поляка, зовут Леля! — хвастливо воскликнул он. — Люкс! Только где нам до нее! Она гордая, с такими, как мы, и разговаривать не хочет. Не подступишься. Очевидно, привыкла к более утонченному обществу.

Все же Леон предложил мне познакомиться с Лелей.

— А впрочем, — сказал он, — ее сам черт не разберет. Может быть, ты ей понравишься. Пошли, если хочешь!

Я согласился пойти с ним к его знакомой красавице, но в следующий раз. Сам же на любезность ответил взаимностью и пригласил Метуся пойти к моим знакомым, имея в виду расширить круг знакомства наших разведчиков а

работниками гестапо. Метусь пообещал прийти с приятелем, и мы условились встретиться на следующий день. Я сразу пошел к Вале Довгер и предупредил ее:

— Завтра жди гостей. Двоих негодяев. Служат у немцев. Может, мы их используем в наших интересах. Нужно все приготовить как следует, чтобы они остались довольны.

— Хорошо,— сказала Валя,— я поговорю с Марией, она пригласит еще девушек, принесет от подружки патефон с пластинками, и устроим вечеринку.

На следующий день, как и было условлено, Метусь пришел со своим дружкой.

— Александр,— сухо процедил приятель Метуся и пристально посмотрел мне в глаза.

Взгляд его мне очень не понравился, но я не отвел глаз, а продолжал смело смотреть в зрачки нового знакомого.

— О, ты человек сильной воли! — удивился Александр.— Я впервые встречаю человека, который не отвел глаз от моего взгляда. Еще не было такого случая, чтобы на допросе партизан не сказал мне правду. Если соврет — по глазам догадаюсь и заставлю сказать правду.

«Интересно,— подумал я,— чего этот гестаповец сразу же начал о партизанах? Может, хочет увидеть, как я буду реагировать на его слова? Что ж, пусть смотрит, пусть наблюдает. Главное — спокойствие».

— Надеюсь, тебе не придется меня допрашивать как партизана, пан Александр,— хладнокровно отрубил я.

— Ну, конечно, конечно! Я пошутил и прошу не обижаться. А твой взгляд мне понравился. Я хотел бы иметь такого компаньона, как ты. Мы бы показали класс!

— Что ты, к такой работе, как твоя, я не способен! — замахал я руками.— Там надо иметь железные нервы и каменное сердце. А я даже курицу боюсь зарезать.

Александр громко расхохотался.

— Я тоже курицу не зарежу. Но когда доходит дело до бандитов — о! — Он весь побагровел, вытаращил блестящие глаза и прошипел: — Я их могу душить живьем!

— Успокойтесь,— вмешалась в наш разговор Валя.— Лучше сядем к столу, а наговориться вы еще успеете.

Но за столом Александр еще больше разошелся. Нескольким рюмкам крепкого напитка развязали ему язык.

— Видите этот пистолет? — спросил он.— Так вот, я из него одной обоймой убивал семь партизан. Помнишь, Леон, белорусские леса? Там было на кого поохотиться!

Потом он показал нам свое удостоверение тайного агента службы СД, где на немецком и украинском языках было написано: «Александр». Нам так и не удалось установить, это его псевдоним, фамилия или имя.

Тогда же мы узнали, что родом он действительно из Одессы. После окончания института физкультуры работал акробатом в Киевском цирке.

— Не верите? Вот поглядите!

И хотя никто ему не возражал, он поставил ножку кресла себе на палец и начал танцевать танго. Потом попробовал поднимать зубами тяжелые вещи. Дошло до того, что уцепился зубами за край стола, пытаясь поднять его вместе с тем, что на нем стояло. Но доска оборвалась, и все повалилось на пол.

— Пардон,— произнес Александр.— Факир был пьян, и фокус не удался. Как говорят у нас в цирке, произошла накладка.

Неудача со столом заставила гестаповца прекратить цирковые номера. Он начал рассказывать мне, как в 1940 году был на гастролях в Ровно и встретил тут одну очень хорошенькую польку, но познакомиться с ней не успел, так как вскоре вернулся в Киев, где его сразу же арестовали органы госбезопасности по подозрению в связях с фашистской агентурой.

— Я действительно, когда был в Ровно, кое с кем познакомился, но об этом в органах ни черта не знали. Сколько меня ни допрашивали, я ничего не сказал. Привезли меня на очную ставку с кем-то в Ровно, но тут война, пришли немцы, и я выскочил из-за решетки. Так я переквалифицировался в работника СД. Нравится мне это дело!

— А как же девушка, с которой ты не успел тогда познакомиться? — поинтересовался я.

— Я ее видел несколько раз. Она на таких, как я, не смотрит, водится с офицерами. Сейчас мне не до нее. Я подарил ее моему коллеге Леону. Это его любовь. На нашей работе долго с одной бабой возиться нельзя. Мой коллега умеет влюбляться по уши — вот посмотрите, он теперь не отстает от Вали, что-то очень уж на нее смотрит. Мне же нужна женщина не для любви, а для развлечений!

Много всякой всячины наплел мне в тот вечер Александр. Он даже не пошел ночевать домой, а примостился

*Герой Советского Союза
Дмитрий Николаевич
Медведев.*

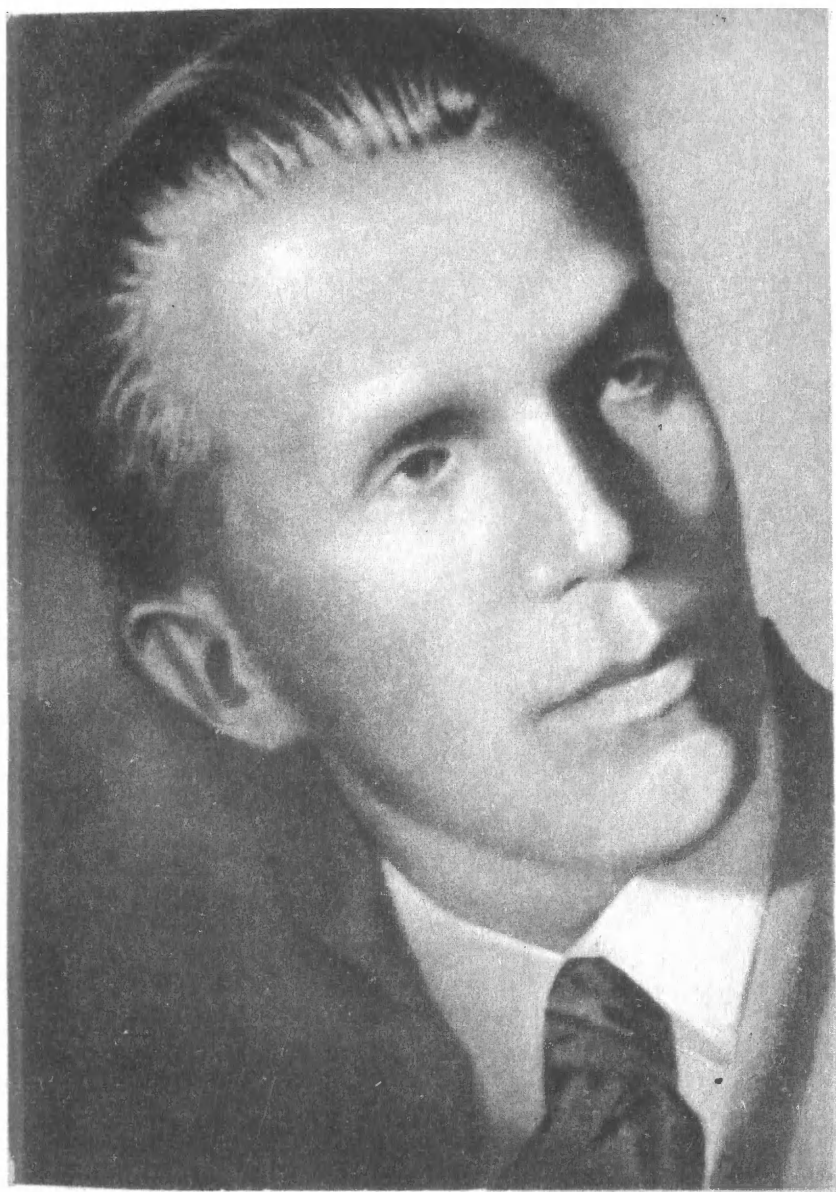

*Николай Гнидюк (второй справа) с партизанами братьями
Струтинскими: Николаем, Василием, Георгием.*

Письмо Н. И. Кузнецова брату Виктору
перед отправкой в тыл врага.

Виктор! Дождись брата Виктора!
До свидания, после победоносного
окончания войны, смерти немецких
оккупантов!

Будь здоров, счастлив, желаю
успеха в борьбе против нем-
цев. Если окажешься в Москве
до ноября до воевр. Центр. органа
Широко твой брат Николай

Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов.

*Николай Иванович Кузнецов
перед вылетом в тыл
врага. Лето 1942 г.*

*Михаил Васильевич
Шмерга.*

*Анастасия Тарасовна
Приходько.*

*Иван Тарасович Приходько.
1939 г.*

*Герой Советского Союза
комсомолец Николай Тарасович Приходько.*

*Н. И. Кузнецов учится поднимать тост так,
как это делают немцы.*

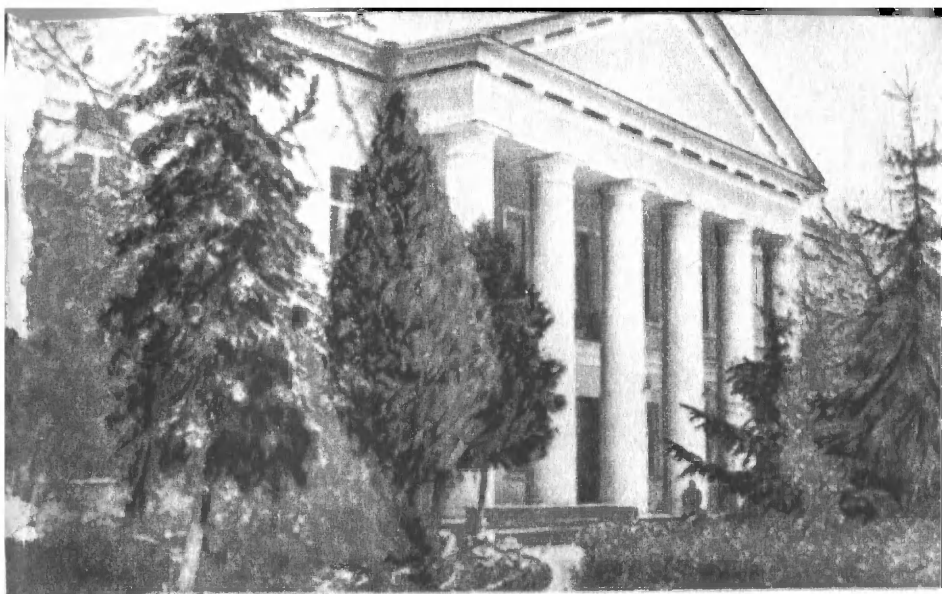
Лидия Ивановна Лисовская.

*Николай Иванович
Кузнецов
(Пауль Зиберт)
в форме офицера
гитлеровской армии.
Ровно, 1942—1943 гг.*

Валя Довгер.

Дом, где помещалась резиденция Эриха Коха в Ровно.

*Заместитель командира
отряда по разведке
А. А. Лукин.*

*Михаил Макарович
Шевчук. 1944 г.*

*Комиссар отряда
Сергей Трофимович
Стехов.*

*Радистка отряда
Аня Беспояско.*

*Подпольщик Леня Клименко.
Погиб в начале 1944 г.
в Здолбунове.
Фото 1941 г.*

Членский билет радистки Марии Ких.

А. Ф. Федоров в гостях у медведевцев. Медведев показывает Федорову трофейный немецкий снаряд. Декабрь 1943 г. возле с. Целковичи Велики на Полесье.

На квартире Д. Н. Медведева в Москве собрались товарищи по оружию.

*Встреча партизан-медведевцев на Холме Славы
во Львове у могилы Н. И. Кузнецова.*

*Памятник Герою Советского Союза
Н. И. Кузнецову в Ростове.*

на кушетке, стоявшей на веранде, и прохрапел до самого утра.

Так мы стали с Александром «приятелями». Я в то время занимался коммерцией, и «дружба» с агентом гестапо только помогала в моих торговых делах.

Валя Довгер и в самом деле очень понравилась Леону. После первого вечера он начал почти ежедневно заходить к ней, носил подарки, встречал ее после работы и провожал домой. Он был настолько надоедливым в своем ухаживании, что не раз становился нам помехой, когда надо было выполнять очередное задание. Правда, у Леона Метуся был серьезный соперник — обер-лейтенант Пауль Зиберт. Когда он сидел у Вали, Метусю ничего не оставалось делать, как стоять на улице и тяжело вздыхать. Леон часто заводил беседы с Паулем Зибертом насчет своих намерений по отношению к Вале Довгер, но обер-лейтенант был настолько неумолим, что порой просто гнал Леона ко всем чертям. Не раз Валя и Николай Иванович шутя говорили мне:

— Ну и привел ты этого дьявола, назойливый, как оса, и палкой не прогонишь.

Безусловно, можно было положить конец ухаживаниям Метуся, но мы не хотели терять его и Александра, как источников разнообразной, иногда даже очень важной информации. Ведь это они, разумеется, «под большим секретом» предупреждали нас об операциях против партизан, об облавах в городе, об арестах советских патриотов, о приезде «высоких гостей»... Поэтому Николай Иванович держал этих двух предателей под своим влиянием, расхваливал их за преданность немцам, за расторопность и героизм. Однажды, выслушав похвальбу Метуся об успехах на службе, Пауль Зиберт пообещал пойти к его шефу и замолвить за него словечко. Гестаповец едва не прыгал от радости, не зная, что делать.

— Герр обер-лейтенант! Я вам всю жизнь буду благодарен. Сделайте это, пожалуйста. А то моего коллегу Александра шеф очень любит: он ему платит больше и на обед к себе приглашает. А на меня часто кричит, дескать, в голове у меня только девочки. Это Александр, вероятно, наговорил шефу про меня. Если бы вы замолвили словечко...

— При первой же возможности я это обязательно сделаю, пан Метусь,— обещал Николай Иванович.

— Вы хоть позвоните по телефону.

Это обстоятельство еще больше привязало Метуса к Кузнецову. Леон все чаще стал приглашать его на обеды, пробовал даже делать подарки, о своей работе в гестапо рассказывал со всеми подробностями и уже не «под секретом», а делился с Кузнецовым, словно тот был его шефом; спрашивал совета. Пауль Зиберт позволил даже Леону в разговоре перейти на «ты».

Как-то гестаповец предложил Кузнецову посетить его знакомых и снова начал хвастаться:

— Эх, Пауль, если бы ты знал, какая у меня есть красавица! Что говорить — люкс!

— А почему же ты не женишься? — спросил Кузнецов.

— На такой стоит жениться, но она очень уж переборчива. Я сначала пробовал ухаживать. Вижу — не получается, я и оставил ее, чтоб даром время не тратить. Хочешь, я тебя с ней познакомлю?

Но Николай Иванович никогда не спешил отвечать на подобные предложения.

Как-то мы сидели на конспиративной квартире у Ивана Приходько: Николай Иванович, Коля Струтинский, Михаил Шевчук и я. Когда наше небольшое совещание закончилось, Кузнецов усмехаясь сообщил:

— Сегодня у меня свидание с красивой полькой, о которой мне уже порядком надоело слушать от этого презренного немецкого холоуя. Пойду. Возможно, остановлюсь у нее на квартире.

— Смотри не женись преждевременно, — пошутил Шевчук. — А то что-то чересчур хвалят ее эти гестаповцы.

— А если состоится свадьба, — добавил я, — то не забудь пригласить и нас.

— Ты, Николай Иванович, оставь нам на всякий случай ее адрес, — посоветовал Струтинский. — А то чем черт не шутит?

— Что же, ты прав, — ответил Кузнецов. — Запиши: Легионов, 15. Зовут — Леля. Фамилии не знаю.

— Легионов, 15? Леля? — удивленно переспросил я Николая Иван...

— Да, Легионов, 15, Леля, — подтвердил он.

— Так это же Лидия Ивановна Лисовская! — воскликнул я. — Кроме нее, в этом доме никого нет. Интересно! А я сегодня должен был к ней зайти.

Николай Иванович задумался.

— Тут что-то не так. Я давно говорил, что Лидия

Ивановна — любопытная птичка. Гестаповцы о ней чудесно отзываются. И не только Метусь мне об этом говорил. Ну и ну! В один и тот же вечер приглашает к себе партизана и немецкого офицера. Не кажется ли вам это странным, ребята?

— Даже очень, — ответил я.

— Интересно, как же она сегодня будет вести себя с тобой, — продолжал Кузнецов. — Я останусь у нее ночевать. Это уже решено.

— И я в том доме буду ночевать.

— Не готовит ли она нам ловушку? Конечно, не мне, а тебе. Я для нее — Пауль Зиберт, обер-лейтенант из штаба Кицингера. А ты... Ровно в половине девятого вечера она будет ждать меня. Что же делать?

Посоветовавшись, мы решили: нужно идти обоим и доводить дело до конца, кем бы Лисовская ни оказалась.

В половине девятого я постучал в дверь дома № 15 по улице Легионов. Открыла Лена.

— Т-сс, — прошептала она. — Проходите в эту комнату. Сестра просила, чтобы вы подождали.

Из-за двери, что вела в комнату Лисовской, слышался спокойный голос Николая Ивановича и веселый смех Лидии Ивановны. Минут через пять она вбежала ко мне в комнату, поздоровалась и тихо предупредила:

— Прошу извинить, у меня сейчас очень важный фриз из штаба Кицингера. Кажется, клюет. Я его быстренько вытуру и тогда обо всем поговорим. А пока посмотрите альбом...

Внезапно открылась дверь, и за спиной Лисовской появился Николай Иванович.

— Кто это к вам, фрау Лисовская, так поздно? Не партизан ли, случайно? — сурово спросил он хозяйку.

Она довольно энергично ответила:

— Ну что вы, герр обер-лейтенант! Это — мой кузен. Приехал в гости из Костополя.

Кузнецов холодно, почти злобно взглянул на меня. Его лицо в этот момент показалось мне ледяным, никаких признаков человечности на нем не осталось.

— Документы! — резко бросил он.

Дрожащими пальцами я вытащил из кармана свой аусвайс и мельдкарту и подал их Кузнецову.

Тот долго рассматривал бумаги, переводя взгляд с них то на меня, то на Лисовскую. Потом спрятал документы в свой карман и недовольно процедил:

— Завтра зайдете в гестапо. Увидим, какой вы кузен фрау Лели.

Николай Иванович настолько блестяще исполнял свою роль, что у Лисовской, которая очень хорошо знала повадки гитлеровских офицеров, не возникло ни малейшего сомнения относительно Пауля Зиберта. А я еле сдерживал смех.

Лидия Ивановна не ожидала такого. Она растерялась, покраснела и стала уговаривать обер-лейтенанта возвратить мне документы. Она говорила, что очень хорошо меня знает, что вполне может за меня поручиться, что я симпатизирую немцам и ненавижу большевиков... Пауль Зиберт был неумолим и читал Лисовской длинную мораль.

Наконец, когда Лидия Ивановна накрыла стол и угостила обер-лейтенанта, он подобрел и велел позвать к столу меня. Он налил всем коньяку, поднялся и провозгласил пышный тост за фюрера. Потом мы выпили за «великую Германию», «за новый порядок», «за очаровательную хозяйку». Обер-лейтенант уже не смотрел на меня злыми глазами, он даже дружелюбно похлопал меня по плечу, отдал документы и вежливо попросил оставить его с фрау Лелей наедине.

Я вышел в соседнюю комнату. Закрывая за мной дверь, Лидия Ивановна успела сказать:

— Я мигом его выпровожу. Подождите.

И действительно, через несколько минут обер-лейтенант Пауль Зиберт откланялся хозяйке и ушел.

— Слава богу, все обошлось! — облегченно вздохнула Лидия Ивановна, как только за Кузнецовым закрылась дверь. — Я так переволновалась за вас! А как мужественно вы держались! Просто восхищена вашим хладнокровием. Если бы он не отдал документы, вы бы его ухлопали, да?

— Видно было бы, — ответил я. — Во всяком случае, в гестапо с ним не пошел бы.

— А документы эти настоящие?

— Нет, поддельные. Но немцы еще не придирались.

Я поинтересовался, какого мнения Лисовская о своем новом знакомом и что ей о нем известно.

— О, о нем очень много мне рассказывали! Некоторые офицеры от него в восторге. Меня же он интересует потому, что работает в штабе Кицингера, и из него можно кое-что выудить. Одно меня лишь беспокоит, — продолжала она, — то, что этот Пауль водится с гестаповцами. Кстати,

они меня с ним и познакомили. А сегодняшний случай с проверкой документов тоже очень подозрительный. Надо быть с ним осторожной. Мне, конечно, он ничего не делает, а вам я советовала бы остерегаться.

На следующий день я передал этот разговор Кузнецову.

— А все-таки она очень подозрительная особа, — сказал он. — Гестаповцы — ее лучшие друзья, каждый раз она заводит новые знакомства с немецкими офицерами и одновременно предлагает свои услуги партизанам. Мне кажется, что это утонченная двойная игра. Но у нас теперь есть возможность проверить ее гражданскую совесть: с одной стороны — фашист, с другой — партизан. Будем действовать сообща!

Николай Иванович стал чаще бывать у Лисовской, подолгу разговаривал с ней, разглашая ей «секреты» штаба Кицингера, «военные тайны» и рассказывая разные небывлицы о себе и о своих «друзьях-офицерах». А Лидия Ивановна все, до мельчайших деталей, запоминала и потом пересказывала мне. Просто диву даешься, как она могла запоминать столько цифр, названий, подробностей! Доходило даже до того, что Лисовская выкрадывала у Кузнецова документы, записи, некоторые вещи. Конечно, через меня они снова попадали к нему. Должен признаться, я даже воспользовался этой старательностью и безупречным исполнением Лидией Ивановной моих поручений, так сказать, в корыстных целях.

Мы, обыкновенные разведчики, хотя и имели деньги в достаточном количестве, не все могли купить. В магазинах с надписями «только для немцев», в которых было все что угодно, товары продавались за рейхсмарки (а не за оккупационные), и не немцам вход туда был запрещен. Командование не позволяло нам иметь рейхсмарки и пользоваться ими, чтобы не навлечь на себя лишних подозрений. Но мы не против были иногда купить пачку хороших сигарет, зажигалку и другие дефицитные товары.

Кузнецов пользовался услугами магазинов «только для немцев», ему одному из нашей группы выдавались рейхсмарки, причем в неограниченном количестве.

Михаил Шевчук и я, как «коммерсанты», не раз предлагали Кузнецову иметь с нами «дело», но Николай Иванович не поддавался. Сам же он всегда носил в портфеле и пару бутылок коньяка, и красивые женские чулки, и коробку шоколадных конфет, и несколько пачек первоклас-

сных сигарет. Все эти вещи ему были нужны как необходимые компоненты при завязывании новых знакомств.

У меня возникла мысль: а что если поручить Лисовской немного «пощипать» Пауля Зиберта? С того времени из пухлого портфеля обер-лейтенанта стали исчезать дефицитные вещи. Лидии Ивановне Кузнецов ничего не говорил (делал вид, что не замечает), когда встречался с нами, ругался.

Ребята смеялись, когда на квартире Марии Левицкой я вдруг вынул перед обедом бутылку рома.

— Где взял? — сердито спросил Николай Иванович.

— Мне подарила Лисовская, — наивно ответил я. — Она просила угостить всех наших ребят.

— А она где взяла?

— Откуда я знаю? Говорила, что забрала у одного штабного офицера, который влюбился в нее по уши и каждый вечер носит дорогие подарки. Она еще дала мне вот эту пару чулок, — я вытянул из кармана черные шелковые чулки. — Возьмите, Мария Степановна, — обратился я к Левицкой.

Не все понимали, о чем идет речь. Левицкая была рада подарку, ребята завидовали, что у меня есть такая хорошая знакомая, как Лидия Ивановна, а Кузнецов злился и молчал. Собственно, что ему оставалось делать? Один раз Лисовская даже выманила у него портфель со всем содержимым.

— У меня сегодня для вас сюрприз, — сообщила она мне.

— Какой?

Она выбежала в другую комнату и через минуту уже стояла передо мной со знакомым портфелем в руках.

— У вас есть невеста?

— Есть, а что?

— А где она: в Ровно, в отряде или в Москве?

— В отряде.

— Возьмите. Сделайте ей подарок. — Лисовская раскрыла портфель, и я увидел в нем шерстяную кофту, носки, красивую косынку и много других вещей.

Мне стало смешно.

— Моей невесте пока что ни такой одежды, ни духов, ни пудры не нужно. У нас в отряде вообще запрещено делать ценные подарки.

— Все равно: возьмите и скажите командиру, что это от меня.

— А у кого вы взяли этот портфель?

— У Пауля Зиберта.

— Как же так, взяли?

— Нет, он сам отдал. Проиграл его мне. Он куда-то спешил, а я его задержала. Он говорил, что хочет пойти к своему знакомому майору Гителю. А в этот вечер Гитель сам обещал зайти ко мне. Я сказала об этом Зиберту. А он не поверил и назвал меня хвастуньей. «Давайте пари!» — предложила я Паулю. Он согласился. «На что?» — спрашиваю. А он: «Мне все равно». Я взглянула на портфель и сказала: «На американку!» — «Хорошо!» — ответил Зиберт. Не прошло и получаса, как появился Гитель. Мой обер-лейтенант словно язык проглотил, когда его увидел. А с портфелем пришлось все-таки расстаться.

Портфель пришлось вернуть Кузнецову, но больше он не мог с ним ходить и купил себе другой. После этого случая он стал более осторожным в отношениях с Лисовской. Теперь уже он не говорил, что Лидия Ивановна работает «на два фронта», хотя встреча с Гителем и была для него неожиданной. Майор Гитель начал подозревать Пауля Зиберта в шпионаже в пользу английской разведки. Валя Довгер узнала об этом и предупредила Кузнецова. И как раз после этого они встретились на квартире Лисовской.

Но окончательный ответ на вопрос, кто такая Лидия Ивановна, мы получили значительно позже.

СУМАТОХА В «СТОЛИЦЕ»

На следующий день после аудиенции у Коха майор фон Бабах предложил невесте своего друга обер-лейтенанта Зиберта фрейлейн Валентине Довгер должность курьера в канцелярии рейхскомиссариата. Девушка сразу же согласилась, оформила документы и приступила к исполнению обязанностей.

— Именно это нам и нужно,— сказал Николай Иванович, когда я пришел к нему на квартиру.— Теперь у нас будет возможность легально проникать не только в рейхскомиссариат, но и в другие немецкие учреждения.

— Да это просто чудесно иметь свою разведчицу в фашистском логове! Но, Николай Иванович, надо побеспокоиться о безопасности Вали.

— Что ты имеешь в виду?

— Прежде всего необходимо подыскать ей другую квартиру. Пусть она перевезет свою семью, пропишет ее в городе. И никто из наших, кроме Пауля Зиберта, не должен заходить к ней.

— Ты, Николай, прав,— согласился Кузнецов.— Но кому поручить подыскать для Вали квартиру? Может, Ивану Тарасовичу?

— Можно и ему. Но, по-моему, все же лучше Василию Буриму. Он маляр, часто ремонтирует квартиры, у него много знакомых, а главное — он знает много хороших квартир.

— Неплохо, так и сделаем.

Он поднялся и начал нервно расхаживать по комнате. По выражению его лица видно было, что он чем-то взволнован. Конечно, не новой квартирой для Вали. Видно, разговор с Кохом так подействовал на него, вернее, не сам разговор, а то, что ему не удалось убить сатрапа.

— Понимаешь, Николай,— после нескольких минут тяжелого молчания произнес он,— я не знаю, как восприняли мою встречу с Кохом в отряде и в Москве. Но все, о чем он говорил, требует глубокого изучения. Возможно, удастся раскрыть и детали.

Глаза его немного повеселели, и он, облокотясь на стол, продолжал рассуждать:

— Под Курском гитлеровцы готовят советским войскам «сюрприз». По масштабам это операция, какой не знала еще история войн. Сам Гитлер разрабатывает ее план. Но есть много еще неизвестного для нас. Взять хотя бы эти «тигры» и «пантеры». Что это? Танки? Самоходные пушки? Почему немцы возлагают на них такие большие надежды? Еще одно не дает мне покоя. Что значит: «Сам Гитлер разрабатывает план операции?»

Николай Иванович замолчал и пристально посмотрел мне в глаза. Я его понял.

— Вы предполагаете появление Гитлера в наших краях? — удивленно спросил я.

— Безусловно! Проезжать на Восточный фронт обязательно будет. Об этом говорят офицеры, да и Кох проговорился.

— Но у Гитлера есть ставка под Винницей. Наверное, там его и следует ожидать.

— Туда вряд ли он поедет после того как Райс с картой попал в плен. А если и поедет под Винницу, то как

ему минуте «столицу» Украины? Нам необходимо все это выяснить и сообщить в Москву.

— Я вас понял, Николай Иванович.

— Действовать нужно очень осторожно и настойчиво. Всех наших людей поднять на ноги. Ты чаще заходи к Лисовской. Она не собирается устраивать вечеринку?

— Не знаю. Я уже с неделю не был у нее. Сегодня зайду. Если необходимо — она устроит вечеринку.

— Пусть устраивает. И не откладывая. Когда именно, скажешь мне. Зайду на чашку кофе. Только не по душе мне этот Гитель. Хитрая бестия! Как только встретит меня, юлит как лиса, и все спрашивает, спрашивает... Правда, после того, как я завел приятельские отношения с фон Бабахом, его интерес ко мне немного пропал. Но его все равно придется убрать с нашего пути. Меня не прельщает перспектива оказаться в черных списках гестапо в качестве тайного агента «Интеленджис сервис».

— Тогда не стоит откладывать, — перебил я Николая Ивановича. — С помощью Лисовской мы быстро избавимся от этой лисы. Лидия Ивановна не дает мне покоя, все рвется к делу.

— У нас еще есть время. Пусть Лисовская больше прислушивается к разговорам в казино. О делах в рейхс-комиссариате мы узнаем через Валю. Если фюрер будет проезжать, там засуетятся.

Вечером я был у Лисовской.

— Наконец-то! — воскликнула она, увидев меня. — Где вы пропадали? Я уже хотела искать вас по городу. А вы из-за конспирации или недоверия ко мне не оставили никаких координат.

— Есть новости?

— Есть, и очень важные. Позавчера наш шеф целый день был на совещании в комиссариате или снова в гестапо — его туда часто вызывают. Вернулся в казино к концу дня озабоченный, молчаливый. А вчера утром собрал нас всех и приказал никого без пропусков в казино не пускать. Сам лично осмотрел все углы, склады с продуктами, заказал много посуды, деликатесов, напитков. Собирается поменять мебель. Видно, будет какое-то важное совещание.

— А вам ничего больше не удалось узнать?

— Немцы в таких случаях очень осторожны. Они могут говорить о чем угодно, выболтать даже секреты. Но когда что-то готовится, сидят, как мумии, слова из них не

вытянешь. Излишнее любопытство может только повредить, я уже их знаю.

Не только в казино, но и в городе произошли изменения. На домах, в витринах появились новые лозунги, призывавшие немецких солдат и офицеров быть преданными фюреру и «великому рейху», с большим оптимизмом говорилось о победе. Не было забыто и местное население. Газеты, журналы, листовки пестрели восхвалениями «нового порядка» в Европе. Беспреданно кричало радио. На перекрестках, мостах, железнодорожных переездах, при въезде в город появилась усиленная охрана. Гестапо провело несколько ночных облав. По несколько раз в день подметали улицы, очищали скверы и палисадники.

На месте большой карты Советского Союза с подбадривающей подписью «капут Рус» появился огромный портрет Гитлера и была выставлена охрана полицейских, по всему городу были развешаны портреты и других фашистских головорезов.

Валя Довгер, разносившая пакеты по фашистским организациям, слышала разговоры немцев. Она сообщила, что Кох срочно вылетел в Берлин, а его заместитель Даргель проводит совещание за совещанием. После каждого совещания канцелярия рейхскомиссариата работает, как заводная машина, увеличивается наплыв писем, пакетов, донесений. Валя еле успевает разносить их.

Наконец Вале удалось узнать, что в субботу гаулейтер возвращается из Берлина, но не один, а с «высоким гостем».

Об этом начали говорить и знакомые Пауля Зиберта, а гестаповец фон Ортель в разговоре с ним не без иронии сказал:

— Ты, Пауль, не нашел себе еще какой-то новой фрейлейн немецкого происхождения?

— Почему ты спрашиваешь? Считаешь, что я непостоянный в своих чувствах?

— Я знаю, что тебе везет. Только благодаря твоему ходатайству Валя стала фольксдойче и получила должность в рейхскомиссариате.

— Да, это я ей помог.

— Ты это сделал, и твоей смелости завидуют многие офицеры. Попасть на аудиенцию к гаулейтеру — большая честь. Но еще большая честь попасть к самому фюреру.

— Не надо шутить, уважаемый Ортель. Я могу обидеться.

— А ты не обижайся. Я говорю вполне серьезно. Разве ты не знаешь, что должен приехать сам фюрер?

Николай Иванович удивленно посмотрел на собеседника, хотел что-то сказать, но фон Ортель не дал ему вымолвить и слова.

— Я не собираюсь тебя обижать, Пауль. Ты извини меня за иронию по поводу твоего ходатайства о фрейлейн Вале. Признаться, она мне тоже нравится, я поступил бы так же, как и ты. А относительно приезда фюрера... В субботу он должен тут быть. Кажется, проездом, возможно, соберет совещание. Ты — фронтовик, знаешь, что на Восточном фронте готовится большая операция. Сто процентов гарантии на большой успех!

— Я кое-что слышал об этом, но считаю, что излишние разговоры тут не нужны. Надо быть выдержанным, запастись терпением. Этого требует обстановка. Я просто удивляюсь тебе.

— А разве я похож на болтуна? — спросил Ортель и сам ответил: — Нет, я никогда не самоутрачиваюсь, никогда не хваюсь. И то, что я тебе рассказываю, — правда. Только смотри — это между нами.

— Ну что ты! Не знаешь, с кем имеешь дело? Я умею держать язык за зубами.

— По рукам?

— По рукам.

И все-таки Пауль Зиберт не оправдал доверия фон Ортеля. В тот же день он передал нам разговор с ним.

— Ну, и просветил же меня этот фашист! — смеялся Кузнецов. — Мне даже в голову не приходило, что среди тайных работников гестапо есть такие дубы. Прямо жутко становится от его рассказов.

— Наверное, ты его хорошенько «накачал», — заметил Шевчук.

— Наоборот, я старался сдерживать его, чтобы он меньше пил. Но он сам пил, и меня угощал, и целоваться лез...

— Ничего нет удивительного, — сказала Валя. — Майора Бабаха ты так окрутил, что тот даже узнал в тебе сына управляющего именем Шлобиттена. Даже у меня закралось подозрение — действительно ты советский разведчик или впрямь какой-то Пауль Зиберт.

— Оставь шутки, Валя. Речь идет об очень серьезных делах. Бабах и Ортель совершенно разные люди. Ортель

даже предупредил меня быть осторожным с Гителем. Оказывается Ортель вскоре выедет в Берлин, а оттуда — в Россию или еще куда-то. Должна состояться встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля. Гитлеровская разведка готовит операцию по уничтожению «великой тройки». Вот как далеко зашла его откровенность!

— А может, он просто болтун? — выразил я сомнение.

— Нет, это не болтовня. Оказывается, он прекрасно владеет русским языком, вероятно, не хуже чем я немецким, долго жил в Советском Союзе, знает много наших городов. В Москве свободно ориентируется. Правда, московских знакомых не выдал, хотя и заметил, что они у него есть. Очень интересовался, знаю ли я английский язык — им нужны люди. Хотя, по его мнению, я для такой работы не гождусь — необходимы еще и врожденные данные. Прочел мне целую лекцию, каким должен быть разведчик: человеком сильной воли, способным, находчивым, упрямым, выдержанным...

— И обязательно не болтливым, — добавил Шевчук.

— Как раз этим Ортель и не может похвалиться, — сказал Кузнецов. — Но нас это устраивает. Словом, товарищи, нужно немедленно обо всем сообщить в отряд и готовиться к приезду «гостя».

Не откладывая, мы сразу же приступили к подготовке встречи Гитлера. Со склада у братьев Шмерег была взята взрывчатка и заминированы все железнодорожные и шоссейные подъезды к Ровно. Михаил Шевчук с помощью своих людей сделал два подкопа — один под дорогой, соединяющей аэродром с городом, другой — в самом центре Ровно. В оба подкопа была заложена взрывчатка. Лидия Ивановна запаслась «специями». Она просила, чтобы ей дали хоть одну мину. «Спрячу под фикусом и устрою фейерверк». Но ей отказали. Обо всем, что происходило в городе, наши связные доставляли информацию на «маяк».

Николай Иванович в эти дни много времени проводил в обществе офицеров, заводил новые знакомства с работниками рейхскомиссариата.

Валя Довгер переехала на новую квартиру по улице Ясной, 55, которую подыскал для нее Василий Бурим. Это был небольшой особняк, одну половину занимала хозяйка, а другую — наша разведчица. Вскоре сюда переехала вся семья Довгеров. Мы заходили к Вале только в исклю-

чительных случаях, зато Николай Иванович был здесь постоянным гостем. Тут Пауль Зиберт и фрейлейн Валя устраивали приемы своим «друзьям» и знакомым.

Фрейлейн Валя оказалась способной работницей, даже сам начальник канцелярии часто ставил ее в пример другим служащим и охотно отвечал согласием на ее приглашение прийти в гости. Если же кто-нибудь делал замечания Вале по работе, начальник канцелярии брал ее под свою защиту.

— Не забывайте,— говорил он,— что на заявлении фрейлейн Довгер — резолюция герра Коха. Если вам это не известно, так знайте.

Из Ровно суматоха в связи со встречей важного «гостя» перекинулась и на Эдолбуновский железнодорожный узел. Об этом мы узнали от Клименко, приехавшего в город по заданию эдолбуновских подпольщиков.

— Фашисты к чему-то готовятся,— рассказывал он.— Все станционные объекты швабы просто вылизывают. Почти втрое усилилась охрана. Приехали жандармы с других станций, и особенно много — из Германии. Среди них офицеры гестапо и СД. Перегон Эдолбунов — Квасилов — Ровно и линия на Львов тщательно проверены прибывшими из Германии мастерами-путейцами. Прошел слух, что будет ехать сам Гитлер. Вот меня товарищи и послали сюда... «Передай,— говорят,— нашим и узнай, что делать».

— Спасибо за сведения,— выслушав, сказал Николай Иванович.— Кое-что нам об этом известно, хорошо, что эдолбуновские товарищи внимательно следят за событиями и делают правильные выводы. Но мне кажется, гестапо разыгрывает спектакль, чтобы нас дезориентировать. Посудите сами. К встрече «гостей» готовятся почти открыто. Проверяют, приводят в образцовое состояние железнодорожные и шоссейные линии — гостей ждут из всех направлений. Называются даты приезда, цель. Одни говорят, что в Ровно состоится совещание, другие — будто бы фюрер хочет побывать в ряде прифронтовых городов, а третьи — что он едет в свою ставку под Винницей. Я уверен, если кто и появится, то по другому направлению, не в назначенный день. Вполне возможно, что «высокий гость» вообще проедет в другом месте — ну, хотя бы через Белоруссию.

— Неужели гестапо о нас что-то знает? — удивленно спросил Клименко.

— Лично ни о тебе, ни обо мне, ни о ком другом из наших товарищей не знает. Но им хорошо известно, что в Ровенских лесах есть партизаны, имеющие тесные связи с местным населением. Именно потому фашисты и развернули открытую подготовку. Боюсь, чтобы наши старания не оказались напрасными.

— Николай Иванович, не сидеть же нам сложа руки и наблюдать?

— Правильно, но что придумать?

— Ну хотя бы заминировать железную дорогу,— предложил Клименко.

— Сделать это можно, конечно, очень осторожно. Но что это даст?

— Обязательно даст,— уверял Клименко.— Нужно заложить несколько мин через каждые 50—70 метров, соединить их проводами, и как только подойдет поезд, включить.

— Мы,— Кузнецов взглянул на Шевчука и меня,— не имеем права запретить вам сделать это. Хорошо, что вы изобретательны. Но будьте очень осторожны, держите связь с нами, ведите наблюдения, прислушивайтесь. Необходимо знать главное — когда и где пройдет поезд.

Леонтий Клименко оказался очень наблюдательным. После осмотра линии немецкие путейцы приказали поменять в отдельных местах тухлые шпалы. Клименко воспользовался этим и лично сам изготовил несколько шпал-мин.

Приказ путейцев был исполнен: шпалы заменили, Клименко осталось только подсоединить все проводки к единой системе. С этим он справился за одну ночь. Оставалось наблюдать за ходом событий и ждать визита «гостей».

В отряде ждали сообщений. Была усилена система связи с тем, чтобы, как только Гитлер появится в Ровно, немедленно сообщить командованию в Москву. Через два-три часа над «столицей» оккупированной Украины появились бы наши бомбардировщики. Группа добровольцев, отобранная командованием отряда, должна была после бомбардировки, в сопровождении местных разведчиков, прочесать город и закончить операцию.

План нашего командования, одобренный Москвой, был дерзкий, рискованный и опасный. Но все наши партизаны сознательно готовы были пойти на смерть ради осуществления операции.

Когда комиссар отряда Стехов пошел в подразделения

и объявил обращение командования, каждый, кто был в силе владеть оружием, изъявил готовность участвовать в операции. Пришлось из всех желающих отобрать в диверсионную группу самых смелых, выдержанных, ловких и сильных.

Наконец, в отряде получено сообщение: «В субботу должен быть...»

Медведев пришел в радиовзвод.

— Как радиосвязь? — поинтересовался.

— Много грозových помех, — ответила Лидия Шерстнева.

— А нашей передаче они не помешают?

— Могут помешать. Москва жалуется на плохую слышимость.

— Кто будет вести сеанс?

— Аня Беспояско.

— А где она?

— Вон там.

Когда командир подошел к девушке, настраивавшей радиостанцию, она спохватилась, чтобы отдать рапорт, но Медведев остановил ее:

— Не надо, не надо. Продолжай свое дело, Веснянка.

Ловкими движениями радистка подсоединила проводку, сняла крышку небольшого ящичка, в который была вмонтирована радиостанция, и, сняв с руки часы, положила их перед собой. Стрелки показывали семнадцать сорок пять.

— Еще пятнадцать минут, — промолвила, не поднимая глаз на командира.

— А твои часы идут правильно? — спросил Дмитрий Николаевич и, не ожидая ответа, сверил со своими.

— Ну, включай, а то с минуты на минуту привезут донесение.

Радистка включила аппарат, надела наушники, настраиваясь на волну. В эфире зазвучали сигналы, но нужного не было.

Командир стоял озабоченный и внимательно следил за пальцами радистки.

— Молчит, — произнесла она.

Еще попытка, еще минута, но Москвы не слышно.

Медведев сосредоточенно принялся рассказывать по землянке.

Радистка нервничала, она знала, что значит эта передача. Ведь за день перед этим она передавала на Большую землю список товарищей, вошедших в диверсионную группу,

и знала, что вот-вот придёт донесение с «маяка», которое она должна передать в Москву. А связи не было. На нужной волне потрескивали только грозовые разряды.

Наконец в наушниках послышалось далекое, еле уловимое, но такое родное «ти-ти-та-ти-та»...

— Есть позывные! — радостно воскликнула девушка. И сразу же радость пропала на ее лице. — Дмитрий Николаевич, оператор просит прекратить сеанс. В Москве страшная гроза, он почти не слышит меня.

— Ни в коем случае! Передай, что срочное донесение...

Но московский оператор, послав в эфир последние сигналы, прекратил передачу и прием.

— На когда назначен следующий сеанс? — спросил командир.

— Сказал: попробуем через час, — ответила радистка.

— «Попробуем»... — нервничал командир. — А если и через час будет гроза, тогда... Что же делать? Есть какой-то выход?

— Нет, товарищ командир, — сказала Лидия Шерстнева.

— Вы понимаете, что значит не передать сегодня, сейчас, сообщения?..

Но передавать сообщение действительно не пришлось. И не потому, что помешала гроза, связь была восстановлена. Помешало другое. В Ровно приехал не Гитлер, а Розенберг. Он пробыл всего два-три часа и выехал в Берлин. Осуществить операцию не было возможности. Розенберг прибыл самолетом, с аэродрома в город проехал совсем по другой дороге. Обо всем этом сообщил Николай Иванович в специальном донесении, доставленном на партизанский «маяк» Леонтием Клименко.

ПИСТОЛЕТ №...

Однажды Лидия Ивановна Лисовская пригласила обер-лейтенанта Пауля Зиберта на вечеринку. Пришло около десятка немецких офицеров: штабистов и гестаповцев. Мне, как «родственнику» и большому «стороннику» оккупационного режима, тоже нашлось местечко на краю стола. Во время таких вечеринок чего только не выбалтывали пьяные «завоеватели». Каждый из них старался ошеломить других чем-то новым, оригинальным, необычным. Завязался приблизительно такой разговор:

— Я был с фюрером на одном вечере во Франкфурте-на-Майне.

— А я в Париже охранял Версальский дворец.

— Я дважды летал в Турцию. Сопровождал оружие.

— Неделю назад я отправлял на Восточный фронт ценный груз. Говорят, появились новые, шестиствольные минометы. Большевикам теперь не поздоровится!..

На этот раз собрались «сливки» гитлеровского офицерства. Провозглашали тосты.

— Господа! — прервал шум пьяных офицеров Николай Иванович. — Я вам сейчас покажу такое, чего, наверное, никто из вас никогда не видел.

Заинтересованные гости жадно уставились на него. А он ловким движением выхватил из кобуры пистолет и азартно воскликнул:

— Смотрите! Прогресс Германии! Новая немецкая марка «вальтер», четырнадцатизарядный девятимиллиметровый пистолет образца 1942 года! Как видите, наш фюрер любит не только шестиствольные минометы. У него вкус ко всему! Наша работа требует элегантности, господа. Из такого пистолета приятно в одну минуту укокошить четырнадцать коммунистов. Скажите, не так ли, господа? Четырнадцать!

Офицеры начали аплодировать и восхищаться ораторскими способностями обер-лейтенанта.

Но не всех удивил Пауль Зиберт. Майор Вайнер, впервые попавший на вечеринку к фрау Леле, косо взглянул на Николая Ивановича, отпил из рюмки ликеру, медленно, словно раздумывая, прошелся по комнате и произнес:

— Вы, господин обер-лейтенант, спрячьте эту игрушку. Я вам сейчас расскажу очень занимательную и в то же время грустную историю с таким же пистолетом.

Майора слушали внимательно, терпеливо, хотя и говорил он слишком нудно, время от времени подливая себе ликеру, чтобы прополоскать горло.

— Было это в декабре прошлого года. Мы с подполковником Райсом, имперским советником связи, возвращались из Киева с совещания...

Я сразу же догадался, о чем идет речь. А Николай Иванович, хотя и услышал фамилию Райса, но не подал вида, что она ему знакома. Он еще ближе придвинулся к рассказчику и сосредоточенно слушал.

— ...на киевском шоссе на нас напали партизаны,—

продолжал майор.— Все погибли в перестрелке. А меня ранили в руку, и я потерял свой пистолет.

— Каким образом вы остались живы? — спросил офицер, сотрудник гестапо.

Майор Вайнер зло посмотрел на гестаповца и продолжал:

— Не буду преувеличивать — это привычка охотников и рыболовов, но, благодаря тому, что я прямо в партизан выпустил две обоймы, мне удалось вызвать среди них панику, и они разбежались...

Дальше он начал выдумывать всякие небылицы. Майор не был скуп на слова и дал волю своей бурной фантазии.

— А как же вы все-таки выбрались живым из этой ловушки? — переспросил гестаповец.

— Можете быть уверены: партизанам я не сдался, и они меня не завербовали, — сердито отрубил Вайнер. — Раненный в руку, я по кювету добежал до моста, расположенного в полукилометре от места нападения, и под ним спрятался от партизан. Тут поднялась пурга. Партизаны постреляли и уехали. А я на попутной машине, добрался до Ровно. Я даже номер своего пистолета помню. Он у меня записан в офицерской книжке.

Вайнер достал из кармана книжку и назвал номер.

— Как видите, господин майор, — спокойно сказал Николай Иванович, — мое оружие чувствует себя намного лучше. А номер... — Кузнецов посмотрел на свой пистолет, — номер гораздо больший, чем у вашего.

Он положил пистолет в кобуру и перевел разговор на другую тему.

Нужно было быть свидетелем этой сцены, чтобы еще раз убедиться в выдержке, уверенности, чрезвычайной силе психического равновесия Николая Ивановича Кузнецова и в его умении встречать любые неожиданности.

После этого случая командир отряда запретил Кузнецову пользоваться «опасной» новинкой.

КРАХ «ПЛАНА АЛЕКСАНДЕРА»

Как-то на одной из вечеринок у Лидии Ивановны я встретил старого знакомого — Александра. Изрядно хлебнув, этот франт, как всегда, начал хвастаться своим мастерством выявлять партизан и всех, кто борется против оккупантов.

— Нам известно, что в Ровно действует шайка большевистских агентов. Но мы их скоро накроем. Увидите, как они будут болтаться на виселице. Я обязательно это вам покажу. Мой шеф поручил операцию нашей группе. А мы... Заверяю вас, не пройдет и месяца, как мы их всех накроем. Выпьем за победу, господа! — воскликнул Александр и залпом осушил бокал.

— За нашу победу! — добавила Лисовская.

Она пригубила бокал, осторожно поставила его на стол и, незаметно подморгнув мне, вышла на веранду. Воспользовавшись тем, что мой болтливый собеседник что-то горячо начал доказывать своему соседу — долговязому лейтенанту из гебитскомиссариата, я оставил шумную компанию и тоже вышел на веранду.

— Стоит ли этого типа тянуть за язык? — спросила она. — Что-то он сегодня чересчур словоохотливый.

— Конечно, стоит. Но делать это надо осторожно... Интересно, какой сюрприз готовит нам гестапо?

— Тогда я быстренько выпровожу своих гостей, и мы займемся этим мерзавцем.

Вскоре гости ушли, мы сидели втроем за столом и играли в карты. Перед нами — бутылка коньяку, Лидия Ивановна все время следила, чтобы рюмка гестаповца не оставалась пустой, а он дал волю своему языку.

— Вы понимаете, почти каждый день в Цуманские леса убегают советские военнопленные. Берут с собой оружие, снаряжение и все, что попадает под руку. Шеф хотел устроить засаду, но я его отговорил. Лучше помочь одной из таких групп свободно добраться к партизанам и забросить к ним кого-нибудь из доверенных людей. Шеф не только одобрил мой план, но и обещал вознаградить за блестящую идею. У Александра золотая голова. Александр еще никогда не ошибался. Вот увидите: скоро мы с вами, пани Леля, культурненько посидим в «Дойчер гоф» и кутнем на денежки, полученные от шефа.

— Ну и хвастун! — рассмеялась Лисовская. — Ты лучше смотри, чем бьешь моего туза.

— А-а-а... Простите, мадам. Я думал, что это козырь. Минуточку... Сейчас этому тузу будет крышка... А относительно того, что я хвастун, посмотрим!

— Ничего у тебя с тузом не выйдет, — смеялась Лидия Ивановна. — Эх ты, золотая голова! Запутался в шести картах, а еще хочешь провести операцию против партизан!

— Осторожней на поворотах, мадам! — рассердился гестаповец. — Я еще докажу тебе, какой я хвастун. Пан Богинский — мой приятель (Александр похлопал меня по плечу), и он будет нашим арбитром. Предлагаю — на американку. Согласны?

— Согласна!

— Разбейте пари, пан Богинский!

— С удовольствием, — ответил я, — но при условии, что и мне достанется бокал шампанского.

— Конечно! Готовьтесь, фрау Леля!

Мы пытались еще что-либо выведать у гестаповского агента, но, вероятно, он спохватился, что уже и так наговорил много лишнего, и начал снова, в который раз, рассказывать о своих цирковых способностях.

Утром следующего дня я поставил в известность о «плане Александра» Николая Ивановича.

— Вообще-то, — сказал он, — этот враль редко говорит правду. Но на сей раз, мне кажется, он не соврал. Представьте себе: немцы, и не просто немцы, а гестаповцы, принимают вариант, предложенный их холоум. Холоум торжествует, он не может скрыть своего восторга, ему хочется, чтобы все знали, какой он находчивый, умный. И он не сдерживается, он не может упустить случая, чтобы не сказать о своем превосходстве очаровательной женщине, пренебрегающей его настойчивыми ухаживаниями. «О, ты еще услышишь, кто я такой! — думает он. — Со мной считаются большие люди, и ты тоже вынуждена будешь поднять руки вверх». Представляю себе, с каким нетерпением этот мерзавец ждет осуществления своего плана! Во-первых, он выслужится перед своими хозяевами, во-вторых, получит обещанную награду, а в-третьих, фрау Леля сделает все, что ему захочется. И пан Богинский будет доволен. Все будут довольны: гестапо будет иметь своего человека в партизанском отряде, Александр — Лелю, а пан Богинский — бокал шампанского. Или, может, один бокал тебя не устраивает? — закончил свои размышления Кузнецов.

— Ты прав, — сказал я. — На этот раз Александр, по-видимому, сказал правду. Нужно немедленно предупредить наших и принять необходимые меры предосторожности.

— Обязательно, — согласился Кузнецов. — А я по-

пробую выяснить через знакомых гестаповцев некоторые подробности «плана Александра».

Но Паулю Зиберту так и не пришлось ничего выяснять, так как не прошло и двух дней, как нам самим довелось стать участниками осуществления этого плана.

Была у нас явочная квартира у Яблонских. Ее хозяин до войны работал шофером, эвакуироваться не успел, остался в Ровно и продолжал водить свой автобус. Но, кроме этого, мы еще устроили у него на квартире что-то вроде штаба, через который отправляли в партизанский отряд советских военнопленных. На квартиру Яблонских часто заходил Михаил Шевчук. Там мы должны были с ним встретиться и на этот раз. Я переступил порог комнаты и от неожиданности застыл на месте: человек двадцать в новой немецкой форме сидели и чистили оружие. Увидев меня, один из них вскочил и, щелкнув каблуками, отрапортовал:

— Товарищ командир! Группа советских военнопленных в количестве восемнадцати человек прибыла в ваше распоряжение и готова к отправке в партизанский отряд. Ждем ваших приказаний.

Откровенно говоря, я растерялся. Этого еще не хватало! Среди бела дня вооруженная группа на явочной квартире! Кто им рассказал об отряде? Кто они? И нет ли среди них «доверенного лица» Александра?

Вошли Яблонский с Шевчуком (они были в соседней комнате). Яблонский рассказал, что знает товарищей давно, что они просили его установить связь с партизанами, помочь добраться в отряд и что он выполнил их просьбу.

Поздно было придумывать другой вариант: люди ушли из лагеря большой группой и, если они к вечеру не возвратятся, их будут искать. Они долго готовились к этому дню, потратили много усилий, и им нельзя отказывать, если даже среди них и есть предатель. Мы вышли с Шевчуком и Яблонским на кухню:

— Ты с ними беседовал? — спросил я Михаила.

— Да. Мне кажется, что ребята надежные. Правда, Пискунов... Уж очень он разговорчивый и какой-то скользкий. Всем интересуется, старается угодить. Даже зажигалку мне подарил. Все норовил куда-то пойти, говорил — за махоркой, но ребята его не пустили.

— И я тоже хорошо не знаю его, — сказал Яблонский. — А впрочем, ребята уверяют, что он человек надежный. Они говорят: «В нашей группе мы знаем друг

друга. Это — гвардейская группа». Среди них — разведчики, саперы, пулеметчики и танкисты. Последние даже вздумали выкрасть у фашистов танк и на нем убежать к партизанам, но я им отсоветовал.

— Что ж, отправим всех, но сначала предупредим наших. Пусть они немного подождут, а я тем временем свяжусь с отрядом. Только смотрите, чтобы никто не отлучался.

Послав в отряд сообщение, я возвратился к Яблонскому, и мы отправили военнопленных на «маяк».

А на другой день в самом центре Ровно мы с Шевчуком неожиданно встретили Пискунова. Увидев нас, он обрадовался:

— Как хорошо, что я вас нашел! Вот уже битых два часа ищу вас по городу и не могу найти. Мне никто не дал адреса квартиры, где мы были, а я не запомнил. Нам срочно надо поговорить.

— Что произошло? — перебил его Шевчук. — Почему вы тут?

— Зайдем на какую-нибудь квартиру, и я обо всем расскажу. Случилось большое несчастье. Мне даже страшно вспомнить эту ночь. Идемте же куда-нибудь.

Я осмотрелся: не прицепился ли к нам «хвост». Нет, все, кажется, в порядке. Теперь действительно нужно с этим Пискуновым куда-то пойти. На квартиру? Нет, это опасно. Сесть на лавочке в сквере? Тоже неудобно.

— Пошли на пляж, а по дороге все расскажешь, — предложил я.

Рассказ Пискунова был коротким:

— Мы прибыли на «маяк». Партизаны встретили нас хорошо. Особенно старший. Семенов — его фамилия. Валентин Семенов. Дождались сумерек и двинулись в отряд. По дороге наскочили на вражескую засаду. Но это были не немцы. Вероятно, националисты. Всех наших перебили, только мне посчастливилось убежать. Я не стал блуждать по лесу, а решил вернуться в город, разыскать вас и предупредить, что на «маяк» идти опасно. Всех, кто в городе, нужно об этом немедленно оповестить. Всю ночь я не спал, очень устал. И ноги натер...

Рассказ Пискунова казался правдоподобным. И впрямь места вокруг Оржевских хуторов кишели националистическими бандами. Пискунов был на «маяке», видел наших, Валу Семенова. Все это так. Но почему только один Пискунов остался в живых? Пискунов, который и рань-

ше казался нам подозрительным. Но ведь могло случиться, что именно ему удалось убежать. И вот он возвращается в город, чтобы предупредить нас об опасности. Обвинять Пискунова в измене? Нет, мы не имеем права. У нас нет доказательств. Подозрения, догадки — это еще не доказательства. Как быть?

Если Пискунов говорит правду, мы отрезаны от отряда. Если врет — значит, он предатель. Но как его проверить, если на каждом шагу подстерегает опасность? Терять время нельзя. Нужно решать. Задержать Пискунова нет возможности. Придется отпустить его и договориться о встрече вечером на одной из конспиративных квартир. Если Пискунов предатель, гестапо обязательно устроит там засаду. Дать ложный адрес. Нет, лучше назвать квартиру Марчука — Кислицы, агента уголовной полиции. Пискунову же сказать, что мы встретимся на улице или на берегу речки, а оттуда уже пойдем на конспиративную квартиру, где состоится экстренное совещание всех наших разведчиков.

До вечера необходимо увидеть Николая Ивановича, Марию Левицкую, других наших разведчиков. А может, кто из наших прибыл с «маяка»? Возможно, Лидия Ивановна кое-что знает? Вчера вечером она должна была встретиться с Александром, а этот болтун не выдержал бы, если имеет какое-то отношение к Пискунову.

Так думал я, пока мы шли втроем вдоль берега реки. Шевчук с Пискуновым впереди разговаривал, а я держался в нескольких шагах сзади и мысленно взвешивал все «за» и «против».

Обдумав все как следует, я ускорил шаг, догнал Шевчука и Пискунова и сказал:

— Пока что нам придется расстаться. Известим наших, чтоб собрались на одной из квартир, а мы с вами встретимся здесь и пойдем туда вместе.

— А может, нет необходимости встречаться у реки? — возразил мне Пискунов. — Вы лучше дайте мне адрес квартиры и пароль, и мы встретимся там. И пусть туда придет ваш старший, я ему должен кое-что сообщить.

«Ишь, куда гнет! — подумал я. — Подавай ему адрес, пароль да еще старшего! Адрес дать нужно, но без пароля. И встреча у реки тоже необходима».

— Адрес мы дадим, — сказал я. — Малокавказская, 4. Это наша главная явочная квартира. Там живет Марчук,

наш лучший подпольщик. А пароль... Нужно о нем условиться с товарищами. Но может случиться, что у Марчука мы не сумеем сегодня встретиться.

— А где же тогда? — не выдержал Пискунов.

— Не знаю. Необходимо договориться с другими подпольщиками, со старшим. Поэтому мы и встретимся с вами раньше на полчаса у реки. А уже оттуда пойдем на квартиру. На вас немецкая форма, поэтому вам лучше будет идти с нами.

— В котором часу встречаемся?

— В семь тридцать на этом же месте. А на квартире у Марчука или на другой — в восемь. У нас еще останется время до комендантского часа.

Несколько минут мы шли вместе. Неподалеку от квартиры Левицкой я распрощался с Шевчуком и Пискуновым. Они пошли дальше, а я, убедившись, что за мной никто не следит, зашел к Марии.

— Нужно проследить за человеком, который только что пошел с Шевчуком. Они идут медленно, ты их догонишь.

Левицкая поспешила в указанном направлении, а я пошел на квартиру, где должен был быть Кузнецов. Вскоре пришел сюда и Шевчук. Заметив Марию, он расстался со своим спутником.

Наш рассказ взволновал Николая Ивановича.

— Очень плохо, если все, о чем рассказывал Пискунов, правда, — проговорил он. — Но еще хуже, если он предатель и гестапо напало на наш след. Отрубить концы будет не так-то легко.

— Сегодня мы раскусим Пискунова, — сказал Шевчук.

— И что сделаете с ним?

— Если он окажется агентом гестапо, мы сделаем то, чего заслуживают изменники.

— Но это же вам не в лесу, не в отряде, где можно устроить допрос и выяснить все подробности.

— Конечно, — вмешался я в разговор, — обо всем мы не сможем узнать, но нам хватит одного, что он подослан к нам гестапо. А об этом мы узнаем от Лисовской. Она вчера должна была встретиться с Александером.

— Ты думаешь, что Пискунов — это тот самый тип, о котором говорил гестаповец?

— Почти уверен.

— А что, если нам не удастся это выяснить? Что тог-

да? Смотрите хорошенько, ребята. Вы имеете дело с человеком. Его судьба в ваших руках. И не делайте необдуманных шагов. Пока не убедитесь в том, что это провокатор, ничего не предпринимайте. Если же вас будут мучить сомнения, найдите другой выход и проверьте Пискунова как следует.

От Кузнецова я пошел к Лидии Ивановне.

— Какие новости? — нетерпеливо спросил я. — Был?

— Да, был, но очень спешил. На ходу проглотил рюмку коньяку, хвастался, что «американка» им уже почти выиграна, и куда-то ушел. Я пробовала его задержать, но напрасно.

— А когда он обещал прийти?

— Завтра. Сказал, что сегодня вечер у него, очевидно, будет занят. При этом он ехидно усмехнулся.

— Занят? — переспросил я. — Интересно. Значит, у него на сегодняшний вечер намечается что-то важное, иначе бы он не отказался от вашего общества.

Я попрощался с Лидией Ивановной и направился к Левицкой. «Александр вчера почти торжествовал победой, — думал я. — Значит, его план начал осуществляться. А сегодня вечером у него важные дела. По всей вероятности, они тоже связаны с его планом. Завтра он собирается прийти к Лисовской и сообщить о своем триумфе. Все совпадает. Пискунов — провокатор. Вчера Александр не мог задержаться у Лидии Ивановны, потому что ему необходимо было проследить, прошел ли вариант с отправкой Пискунова к партизанам, возможно даже организовать у «маяка» ловушку. Сегодня гестаповец надеется накрыть всю нашу подпольную группу. Вероятно, так оно и есть. А если нет? Это ведь догадки, предположения. Что, если Александр имел в виду не Пискунова, а кого-то другого, и сегодня у него совсем иное, но тоже важное дело?»

Левицкая еще не вернулась, и я сидел, с нетерпением ожидая ее прихода, и думал, думал... Наконец она, очень взволнованная, почти вбежала в комнату и, не переводя дыхания, начала рассказывать:

— Я не успевала за ним, так он страшно торопился. Все оглядывался, но на меня не обращал внимания. В парке его ожидал на скамейке какой-то элегантный франт.

«Александр», — мелькнуло в голове. Мария продолжала:

— Они долго разговаривали. Причем больше говорил тот, который шел с Шевчуком. Франт о чем-то спрашивал, потом достал блокнот и что-то записал. Когда они пошли к выходу, я решила проследить за франтом. Он направился на Дубенскую, а я за ним. И представляешь: он пошел в гестапо.

Теперь уже никаких сомнений не было: Пискунов — провокатор, и гестапо готовит нам ловушку. Искать новые доказательства предательства Пискунова не было необходимости, и в тот же вечер мы с Шевчуком покончили с ним. Михаил прицепил к шее провокатора табличку: «Всем предателям — смерть!»

В карманах Пискунова было найдено много денег, две пары золотых часов, пистолет и удостоверение, в котором подтверждалось, что он, Пискунов Александр, имеет право на досрочное освобождение из лагеря военнопленных для выполнения особого задания немецкого командования.

Поздно вечером связной с партизанского «маяка» принес срочное распоряжение командира: «В ночь с 20 на 21 июля убежал с «маяка» военнопленный Александр Пискунов. Установлено, что он предатель, завербованный гестапо. Приказываю принять необходимые меры осторожности и уничтожить изменника. Об исполнении донести. Медведев».

На обратной стороне записки мы с Шевчуком написали: «Обстановка в городе нормальная. Предатель Пискунов уничтожен. Направляем его личные вещи и документы. Смерть немецким оккупантам и изменникам Родины!»

Утром мы узнали, что домик Марчука — Кислицы был окружен немцами и всех, кто в нем находился, арестовали. Гестаповцы задержали и пьяного агента уголовной полиции Седого уса; вскоре он бесследно исчез.

Александр оказался довольно «честным». Он принес к Лидии Ивановне две бутылки шампанского и грустно сказал:

— Партизаны меня перехитрили. Вся операция провалилась. Больше того, моего агента нашли мертвым. Я проиграл пари и ставлю шампанское. Выпьем за ваше здоровье, фрау Леля!

— Нет, лучше выпьем за тех, кто перехитрил «золотую голову», за тех, кто побеждает, — кокетливо глядя в глаза гестаповца, предложила Лисовская.

Александр не поднял глаз, подумал немного и едва слышно, неуверенно произнес:

— Не возражаю.

Еще раньше Лидия Ивановна неоднократно предлагала мне:

— Давайте поработаем с этим Александром. Вот увидите, мы его завербуем. Он служит немцам не из каких-то побуждений. Просто любит легкую жизнь, деньги... Мне кажется, его можно перетянуть на нашу сторону и неплохо использовать.

Я возражал:

— Нет, таким, как он, нельзя верить. Он человек без идей, без убеждений, даже без родины. Слишком много крови на его совести, чтобы простить ему.

Но Лидия Ивановна, не обращая внимания на мои возражения, решила поиграть на чувствах опьяневшего и загрустившего гестаповского агента.

— Слушай, Саша...

— Я тебе не Саша, а Александр,— рассердился он.

— Ну, пусть будет Александр, скажи, разве тебе стало легче от того, что ты послал своего приятеля к партизанам? Наверное, они правильно поступили, что убили его. Иначе немцы сделали бы с ними то же самое.

— О-о! Я бы с ними поговорил! Я мечтал об этом,— прошипел Александр.— Для меня эта неудача — просто катастрофа. Шеф мне этого не простит. Он уже предложил мне самому идти в лес и разыскивать партизан. А, в конце концов, черт с ним! Пойду и в лес. Мне не впервой ходить. Пойду и в этот раз.

— И тебе не надоела такая жизнь? — перебила его Лисовская.— Вечно в опасности, вечно рисковать собой. И ради чего? Чтобы заработать на жизнь? Нет! Ты сильный, здоровый, мог бы зарабатывать деньги другим путем. Ради славы? Но ведь эта слава полита кровью.

Откровенность Лидии Ивановны немного смутила меня, и я попробовал перевести разговор на другую тему. Но Лисовская не любила, когда ей в чем-то мешали, и резко оборвала меня:

— Не мешайте мне, пан Богинский. Вы плохой джентльмен, не умеете держать себя в обществе... Я хочу, чтобы Александр откровенно сказал, что он думает об этой войне и задумывается ли он над судьбой тех несчастных, которые с его помощью попадают в руки его шефа.

— Пани Леля, кажется, добирается до моих чувств,— сказал Александер.— Возможно, она хочет убедить меня в том, в чем я сам давно убедился, а возможно, просто хочет пробудить во мне гуманность, милосердие, любовь к ближнему. Мне безразлично, что обо мне думают, но я делаю то, что могу. Меня уже не перевоспитаешь. И, уважаемая пани, мне нечего задумываться над судьбой тех несчастных, которые проходят через мои руки. Не сделаю этого я—сделают другие. Не я выдумал эту войну, и не мне оплакивать ее жертвы. И, если хотите знать, не я один грешен. Я работаю в гестапо, и за это мне хоть платят хорошие деньги... А что скажет тот, кто из чувства мести или страха предаст своих знакомых, а иногда даже и родных?! Я знал одного интеллигентного субъекта, который бросил свою невесту беременной только потому, что она оказалась еврейкой. Она попала туда, куда попадают все евреи. Мне было ее даже жаль. Из-за такой красавицы, пожалуй, стоило рисковать. Или другой случай, когда сын отказался от родного отца, да еще и свидетелей привел, подтвердивших, что это не его отец. И все потому, что старика заподозрили в семитском происхождении. А сын еще и сейчас жив...

— Оставь свою философию, а то я в самом деле перестану считать тебя человеком,— не выдержала Лидия Ивановна.— А впрочем, у тебя ничего не осталось человеческого.

— Я делаю то, что приказал фюрер: «Вы можете убивать, уничтожать, сжигать, а ответственность за это несу я».

Когда он ушел, я сказал Лисовской:

— Не стоило уговаривать этого выродка. Разве вы не знали, что это все напрасно?

— Знала. Но все-таки думала: попробую. Было бы неплохо иметь в гестапо своего агента! Неплохо!

— Сегодняшний разговор был слишком рискованным. Еще неизвестно, какие выводы сделает из него Александер. Он нас и так устраивает. И, если все обойдется, не следует с ним рвать приятельские отношения. У него длинный язык, и этот язык еще может нам оказать не одну услугу.

— Согласна. Пока получается неплохо. А предателей нужно уничтожать и физически, и морально.

После провала своего плана Александер продолжал изредка наведываться к Лидии Ивановне. От своего шефа

он получил хороший нагоняй и теперь искал только момента, чтобы выслужиться. Своей привычке много говорить он не изменил, хотя самовосхвалений в его рассказах стало меньше. И никогда он уже не предлагал пари Лисовской.

Месяца через три он совсем исчез, и Лидия Ивановна высказала мысль, что его где-то настигло возмездие партизан. Я согласился с ней, но через некоторое время судьба снова свела меня с Александром.

После освобождения Ровенщины и Волыни Советской Армией я оказался в Луцке. И тут, зайдя однажды в кабинет следователя Управления государственной безопасности, я увидел моего старого «приятеля». Он сразу же узнал меня и обрадовался этой встрече, но скоро его взгляд стал грустным и на вопрос следователя, признает ли он себя виновным перед советским народом и родиной, ответил:

— Он вам расскажет обо мне больше, чем я сам.

И безнадежно опустил голову.

ПАРОЛЬ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНИМ

Николай Иванович удивлялся:

— Ну и интересный же человек эта Леля! Что ее заставляет столько времени проводить в обществе немецких офицеров? Вот хотя бы со мной. Раньше я открывал ей много «секретов». Тогда я был для нее полезен. А теперь, когда заходит разговор о фронтовых делах, я стараюсь молчать. Говорю: «Извините, это военная тайна». А она даже и не проявляет никакого интереса. Будто ей все безразлично. Если это из осторожности, то из нее может получиться неплохой разведчик.

— Она жаловалась, что Пауль Зиберт стал неразговорчивым. Или он ничего не знает, или ему досталось за излишнюю «болтливость», говорит.

— Не могу же я ежедневно сочинять новые небылицы. Пора принимать решение.

Я был согласен с Кузнецовым. Но из отряда получили приказ еще раз тщательно проверить Лисовскую и изложить свои соображения относительно возможности использования ее на разведывательной работе.

Снова пришлось мне идти на улицу Легионов, 15, Лидия Ивановна, как всегда, начала рассказывать, что

ей удалось услышать от посетителей казино. Я уже хотел было спросить о Зиберте, но Лисовская сама вспомнила о нем.

— А этот верноподданный генерала Кицингера Пауль Зиберт все молчит и молчит. Последний раз принес флакон французских духов. Был не в настроении. Жаловался, что ему отказали в отпуске. А накануне обещал взять с собой в Кенигсберг. Даже говорил: заедем в Берлин. А здорово было бы побывать в Берлине! Я не против даже устроиться там на работу. Представьте: советская разведчица в рейхстаге!

— У вас слишком большие аппетиты, Лидия Ивановна. Оставьте эти глупости. Для вас и тут достаточно работы.

— Так-то оно так, но почему бы не попробовать, если подвернется случай.

— Я не люблю тратить время на пустые затеи.

— Почему пустые? Я давно уже составила себе такой план. Если не выйдет с Паулем Зибертом, попробую с другим немецким офицером. Для этого у меня есть кое-какие данные.

— А какие именно?

— Какие? — переспросила она. Потом задумалась, встала, прошла по комнате, остановилась передо мной, пристально посмотрела мне в глаза и спросила:

— Скажите правду, верите вы мне или и до сих пор еще сомневаетесь в моей честности?

— Что вы, Лидия Ивановна! Мы вам верим, и никаких сомнений относительно вашей честности у нас не было, — не задумываясь ответил я.

— А я чувствую, что это не так. Хотя, правда, осторожность в разведывательной работе никогда не повредит. Так вот, послушайте, какой у меня возник план. Пауль Зиберт, хотя он и не из высших чинов немецкого офицерства, но, мне кажется, имеет возможность увезти меня в Германию как свою невесту. Побывать в Берлине в то время, когда идет война, когда все подчинено фронту — очень важно.

— Но ведь это будет обыкновенная экскурсия! — воскликнул я. — Экскурсия, которая почти никакой пользы нашей разведке не принесет.

— Я еще не все сказала, — гневно произнесла Лисовская. — В Германию поеду не ради прогулки. Мне нужно лишь оказаться там и завести некоторые знакомства.

А потом... Можете не беспокоиться: все пойдет как по маслу. Немцы, какие бы высокие чины они не носили, любят хорошеньких, веселых дамочек.

— Хотя вы и красивы, и веселья у вас хоть отбавляй, но этого недостаточно, чтобы сделать себе карьеру в Берлине.

— А вы еще не все обо мне знаете. Вы думаете: «Захотелось ей романтики. Берлин манит ее!» Но я уже давно утратила все романтические иллюзии и, если хотите знать, я была в Берлине. Да, да, не удивляйтесь: этим ножкам уже приходилось топтать по Унтер-ден-Линден.

— Что же вы раньше об этом не говорили?

— Вы и так смотрите на меня с подозрением. А узнали бы, что я была в Берлине, представляю, как осторожно вели бы себя со мной!

— Напрасно так думаете...

— Не оправдывайтесь. Лучше слушайте. Если я уже решила рассказать вам о своих приключениях, то не мешайте мне. Было в моей жизни одно чрезвычайное событие: я убежала из дому и поступила в балетную школу. Глупая, взбалмошная девчонка! Я очень любила танцевать и мечтала об артистической карьере. А разве мой отец — бедный почтальон — мог мне эту карьеру устроить? Вот и убежала в Варшаву. Пришла в балетную школу. Ее хозяин оглядел меня со всех сторон и сказал: «Из гебя, девочка, выйдет настоящая звезда». Так я стала ученицей балетной школы.

— А платить за обучение не надо было? — спросил я.

— Конечно, надо. Но у меня не было чем. Поэтому я заключила договор с хозяином школы о том, что после окончания обучения он имеет право распоряжаться моей судьбой по своему усмотрению. Это означало, что без моего согласия он может отдать меня в любой театр или кафешантан. А владелец этого кафешантана оплатит ему все затраты на мое обучение. Короче, меня имели право продать тому, кому я понравлюсь и кто больше заплатит.

Лидия Ивановна замолчала, собираясь с мыслями, потом продолжала:

— В школе я делала успехи. Преподаватели мной были очень довольны, предрекали блестящее будущее. Я даже выступала в театре. Не солисткой, конечно, а в кордебалете, но не раз слышала, как за кулисами говорили, что из меня выйдет прима-балерина. Возможно, я бы осталась в Варшавском театре, если бы не нашелся

на меня более выгодный покупатель. Устроили конкурс на лучшее исполнение танцев. После него нас выстроили в ряд, и какие-то люди начали нас рассматривать. Потом несколькими девушкам, в том числе и мне, велели остаться, а остальным — выйти. «Вам, — обратился к нам хозяин школы, — повезло. Мистер Стендли, — он сделал поклон в сторону сухощавого седого человека, который перед этим внимательно рассматривал нас, — согласился взять вас в Америку. Вы продолжите свое обучение в Голливуде, а потом будете сниматься в кинофильмах. Это большая честь для нашей школы и еще большая честь для вас. Вас ждут слава, карьера, деньги. Соглашайтесь. А впрочем, — он ехидно усмехнулся, — никаких «нет» быть не может, так как мистер Стендли платит мне за ваше обучение. Мы подготовим контракты, а вы завтра их подпишете».

Лидия Ивановна снова задумалась. Глаза ее стали влажными. Наверное, этот случай оставил тяжелый осадок на сердце.

— Ну, а дальше?

— Дальше пришлось подписать контракт. Подруги поздравляли меня с началом большой карьеры, завидовали. И нужно сказать, что попасть в Голливуд было действительно лучше, чем стать танцовщицей в каком-нибудь захудалом кабаре. Но после подписания контракта мне стало очень грустно. Я уже не была легкомысленной девчонкой, бросившей своих родителей и убежавшей навстречу романтическим приключениям. Годы, проведенные в Варшаве, то, что мне пришлось там увидеть и услышать, — все это заставляло меня задуматься над своей судьбой. «Что ждет меня в Америке? — думала я. — Слава? Долгой ли она будет? Ведь я не всегда буду молодой. Пройдет несколько лет — и мое место займет другая юная красавица, так же, как и меня сейчас берут на чье-то место. А я останусь далеко-далеко, за океаном, в чужой стране, среди чужих людей, никому не нужной, лишней. А мама, моя бедная мама? Как я буду без нее? Как я буду жить на чужбине без родных?» Знаете, возможно, тогда я впервые почувствовала, что значит для меня родная земля и родительский дом. Раньше ко всему этому относилась легкомысленно, и лишь когда меня навсегда захотели разлучить с родиной, поняла, что без нее не смогу жить.

— И что же вы сделали?

— Через несколько дней нас посадили в поезд Варшава — Париж, и в сопровождении мистера Стендли мы отправились в далекий путь. Только для меня он оказался не очень далеким. Ночью наш поезд прибыл в Берлин. Мистер Стендли и девочки спали. Я набросила на себя плащ и сошла на перрон. Людей было мало. На меня никто не обратил внимания. Вышла на привокзальную площадь. Что я буду делать в этом большом, незнакомом городе? Может, вернуться назад, пока поезд не тронулся? Нет, отсюда еще можно добраться домой, а вернусь — и все пропало. И я пошла. Шла улицами ночного Берлина, и на сердце было очень легко, будто сбросила с себя тяжелый-тяжелый груз. Не удивляйтесь: я совсем не чувствовала опасности. В политике я тогда ничего не смыслила, и Берлин был для меня не логовом фашизма, а просто огромным, загадочным городом, в котором жили обыкновенные люди. О, теперь бы мне туда! Я бы знала, что делать. А тогда я думала лишь о том, чтобы как-то пережить ночь и потом добраться домой. Добрела до парка. Ночь была теплой. Я устроилась на скамейке и заснула. Проснулась, когда уже рассвело. Очень хотелось есть. А в сумочке — лишь несколько злотых. Никому они тут не нужны! Продать серьги? Нашла ювелирный магазин и предложила его хозяину свои серьги. Он поинтересовался, кто я и откуда. Я рассказала ему выдуманную историю о том, что я полька, живу в Силезии, в Берлин приехала, чтобы поступить в артистическую школу. В дороге меня обворовали... Потом зашла в кафе, хорошо позавтракала и отправилась на вокзал — нужно было как-то возвращаться домой. Ехать в Варшаву было опасно, мистер Стендли, наверное, сообщил уже о моем бегстве, и потому пришлось избрать другой путь: из Берлина поехала в Бреслау, оттуда — в Оппельн и перешла границу вблизи Битома. Представьте себе, как обрадовались дома, когда я неожиданно вернулась! Но оставаться в Ровно было опасно: меня могли разыскать, и я несколько месяцев пряталась в Костополе.

— Ну, и вас больше не искали?

— Возможно, на меня было бы заведено уголовное дело, но я познакомилась с капитаном Лисовским. Мы полюбили друг друга. Когда я рассказала ему о своих приключениях, он поехал в Варшаву и заплатил за мое обучение. Вскоре мы поженились. Ну, а дальше вам все известно.

— Да,— задумчиво произнес я, когда Лисовская закончила свой рассказ.— И все-таки мне непонятно, какую связь имеет эта история с вашим желанием поехать в Германию.

— Какой вы недогадливый! Я рассказала все это, чтоб вы могли оценить мои возможности. Очевидно, вы плохо себе представляете, что такое разведчица в роли балерины. Мне достаточно лишь один раз появиться на сцене перед офицерами, как моя карьера начнет подыматься быстрее, чем цены на продукты с приходом оккупантов в Ровно. А если расскажу им, что у меня был подписан контракт с Голливудом, газеты разрекламируют меня на всю Европу. Я присматривалась ко многим офицерам и думала, кого бы «осчастливить», с кем бы махнуть в Германию в роли, ну, пусть даже любовницы. Черт с ним! И пришла к выводу, что лучшей кандидатуры, чем Пауль, не может быть...

— Обер-лейтенант Зиберт? — переспросил я.

— Да, Пауль Зиберт. Только не обер-лейтенант, а гауптман. Нужно быть внимательнее, товарищ разведчик,— поддела меня Лисовская,— уже неделя как ему присвоено звание гауптмана.

«Что ж, в этом нет ничего удивительного,— подумал я,— что Лидия Ивановна избрала объектом для осуществления своего плана Николая Ивановича. Значит, он блестяще исполнял роль офицера. Но напрасны ее усилия: Пауль Зиберт в Германию не поедет». Мне захотелось сразу же открыть Лисовской нашу тайну, но сделать это я не имел права. И поэтому только сказал:

— Стоит ли об этом думать?

— Стоит и нужно. Прошу сообщить о моем плане командованию отряда. Уверена — Медведев даст согласие.

— Вы же сами говорили, что Зиберту не дают отпуска.

— Об этом я не беспокоюсь. У меня в штабе Кицингера есть хорошие знакомые. А Пауль работает там. Все беру на себя. Стоит мне попросить начальника штаба, и все будет в порядке. Он почти ежедневно обедает у нас.

— А вы уверены, что сможете составить протекцию гауптману?

— Даже больше чем уверена,— категорически заявила Лисовская.

Эти слова меня ошеломили. В штабе Кицингера никакого понятия не имели о гауптмане Зиберте. И не хватало только, чтобы Лидия Ивановна завела о нем разговор. «Далеко же мы зашли,— подумал я.— С этой игрой нужно немедленно кончать, поломать все планы Лисовской, иначе могут быть большие неприятности. Возражать ей нельзя — это только усилит ее желание помочь Паулю Зиберту получить отпуск». И я пошел на тактический маневр.

— А знаете, Лидия Ивановна — сказал я, — вы гениальная женщина. Склоняю голову перед вашей находчивостью. И как это я раньше не оценил ваши возможности!

— Вы шутите, смеетесь надо мной! — вспыхнула она.

— Наоборот, восторгаюсь вами и уверен, что командованию ваш план понравится.

— Да? — В ее глазах вспыхнула веселая искорка. — Вы в самом деле мне верите? Тогда завтра же я начну хлопотать об отпуске для Зиберта.

— А вот этого пока делать не следует. Спешить некуда. Возможно, есть более срочные дела для вас. Подождем несколько дней, пока прибудет ответ от Медведева. Я сегодня же отправлю в отряд донесение о вашем плане.

— Хорошо. Только передайте, что от этой идеи я никогда не откажусь. Пусть не сегодня, не завтра, но я должна, так и напишите, должна поехать в Германию и доказать, на что способна.

Когда на следующий день я рассказал об этом Кузнецову, то уловил в его голосе волнение:

— Мы слишком увлеклись этой игрой. Пора открыть Лисовской все карты.

— Но ведь необходимо согласие командования?

— Уверен, что оно будет. Надо отправить в отряд сообщение о том, что проверка Лисовской закончена.

Он немного помолчал, потом усмехнулся и проговорил:

— Сообщение отправим. Но еще одну, последнюю проверку устроим. Это не помешает. Так сказать, последний и решающий экзамен.

— В чем же он будет заключаться?

— Пойду и представлюсь Леле не как офицер из штаба Кицингера, а как тайный сотрудник гестапо.

— И что это даст?

— Посмотрю, как она ко мне отнесется. Я даже предложу ей сотрудничать со мной. Интересно, как она будет реагировать на предложение гестаповского офицера. И расскажет ли она об этом советскому разведчику.

— Желаю успеха, герр гауптман гестапо,— иронически сказал я.

— Благодарю, господин коммерсант. Надеюсь, вы осчастливите своим присутствием фрау Лелю, чтобы узнать о визите Пауля Зиберта.

— Обязательно, Николай Иванович! — рассмеялся я.— Когда ты у нее будешь?

— Завтра в десять. У нее выходной. Я задержусь часа на два, не больше. Так что после двенадцати ты можешь смело идти.

— Хорошо.

...Лидия Ивановна была в необычном настроении. Она сидела на диване, подобрав под себя ноги, и о чем-то думала. Лицо ее было печально, взволнованно, неприветливо. Она даже не обратила внимания на меня, а когда я вторично произнес: «Добрый день!», не подымая глаз, процедила:

— Садитесь.

«Ну,— подумал я,— задал же ей загадку Николай Иванович».

— Что с вами? — спросил.— Вы заболели?

— Со мной?.. Почти ничего. Больна? Нет, я никогда не болею.

— Но я не привык вас видеть такой. Право же, с вами что-то случилось. Может быть, неприятности?

— Никаких неприятностей! Просто одно обстоятельство заставило меня серьезно задуматься. Я всегда умела найти выход из положения, каким бы сложным оно ни было. А вот сейчас стала в тупик и не знаю, как поступить.

— В чем дело, Лидия Ивановна? Скажите, возможно, я вам помогу. Одна голова — хорошо, а две — всегда лучше.

— От вас я уже не надеюсь получить путный совет. Для вас — «разведка», «осторожность», «бдительность» и снова «разведка», да к тому же еще «дисциплина», а

тут...— Она не выдержала, отвернулась к стене и заплакала.

Вероятно, последний визит Пауля Зиберта совсем вывел ее из равновесия. Такой мне еще никогда не приходилось видеть Лисовскую. Я всегда считал, что имею дело с человеком, у которого железные нервы, твердый и решительный характер. А оказалось, что и ее нервы не всегда выдерживают. Нет, видать, я не так хорошо знаю характер этой женщины.

Я подал ей воды. Она отставила стакан, подошла к окну, вытерла глаза. Потом села в кресло и закурила.

— Вот вы спрашиваете, что случилось. А я даже не знаю, как вам объяснить. От меня только что ушел Зиберт. И знаете, что это за птица?

— Почему же не знаю? Обыкновенный фриц. Ничем не отличается от других гитлеровцев. Правда, у него, возможно, немного меньше нахальства и больше выдержки. Но это, вероятно, под влиянием вашего общества.

— Я и сама так думала. А оказывается, что он не обыкновенный офицер, а тайный сотрудник гестапо.

— И что в этом удивительного? Стоит ли переживать? Все они наши враги — и обычные гитлеровцы, и гестаповцы. Мне непонятно, чего вы впали в отчаяние.

— Вы ничего не знаете. Заходит он ко мне такой радостный, веселый, напевает свою любимую песенку «Во бист ду, либе клейне Моника». А я вижу — у него на руке кровь. «Что это?» А он: «Дайте, пожалуйста, теплой воды и мыло». Помыл руки, вытер полотенцем и, смеясь, начал мне рассказывать, что выиграл сегодня приз за стрельбу по живым мишеням. Целую обойму выпустил в советских военнопленных и — ни одного промаха. «Лично, — говорит, — проверял. Все мертвые». Вот и пришел ко мне, чтоб руки помыть. Палач! Как можно все это выдержать? А вы спрашиваете, почему я плачу...

— Я понимаю вас, Лидия Ивановна. Это действительно ужасно. Но мне кажется, для вас не секрет, что гестапо каждый день на улице Белой расстреливает наших людей. И нужно не оплакивать несчастных, а бороться.

— Разве это борьба? Мы только наблюдаем, и все. А они убивают людей да еще и нас хотят вовлечь в свою компанию. Эта самая сволочь, Зиберт, похвалившись своим «подвигом», попросил чашку кофе, потом уселся в кресло и начал осыпать меня комплиментами. «Вы,—

говорит,— нравитесь мне, фрау Леля. Вы такая, каким в наше время должен быть каждый человек, независимо от его национальной принадлежности и веры. Давно собирался вам это сказать, но не было случая. Вы должны нам больше помогать». И принялся уговаривать меня, чтобы я стала гестаповским агентом. Даже подsunул какую-то анкету, чтоб заполнила и подписала. Обещал золотые горы. Я сначала было растерялась, не знала, что делать. А потом взяла себя в руки и пообещала ответить завтра. Я знаю, что если гестапо пристанет, то уж не отцепится... Но я нашла выход.

— И что вы думаете делать? Дать подписку, стать агентом гестапо? Над этим стоит подумать. Возможно, надо запросить мнение командования.

— О, нет! Пауль Зиберт никогда не дожидается этого от меня. Фрау Леля не станет компаньонкой этого головореза. Я с ним рассчитаюсь!

— Что вы задумали?

— А тут и думать нечего. Завтра же я с ним покончу.

— То есть?

— Уничтожу гада.

— Как именно? У вас для этого нет условий. И если это необходимо сделать, мы сами с ним расправимся.

— Ничего вы с ним не сумеете сделать. Он с вами никуда не пойдет. Да и вообще мне не верится, что вы способны на что-то подобное. Для вас существует разведка, и больше ничего.

— Если вы такого мнения обо мне лично, то я не стану вас переубеждать. Но среди нас есть парни, способные на все.

— Нет, я сама с ним покончу. И завтра же! — выкрикнула она.

Меня потрясло это известие. А она спокойно продолжала:

— Я уже все обдумала. Он придет завтра вечером на чашку кофе. А я возьму да и подолью ему того зелья, которое вы мне дали. Через полчаса я его провожу, а через час он отдаст богу душу, чтоб и ноги его не было в моем доме и чтоб не хвастался, как он метко стреляет в невинных людей.

Лисовская не шутила. Зная, что она не изменит своего решения, я начал думать, как уберечь Николая Ивановича от опасности.

— Стоит ли, Лидия Ивановна, пачкать руки и рисковать из-за какого-то плюгавого гестаповца? Будьте благоразумны, не вызывайте к себе подозрений. Оттого, что вы уничтожите одного немца, ход войны не изменится. Не делайте глупостей.

— Обязательно сделаю!

— Вы странный человек, Лидия Ивановна! Каждый день вы преподносит нам все новые и новые сюрпризы. Только позавчера вы говорили, что собираетесь с Зибертом в роли невесты ехать в Германию, мы уже об этом поставили в известность командование, а сегодня вы решаете отравить своего жениха.

Но переубедить Лисовскую было невозможно. Тогда я категорически заявил:

— Я запрещаю вам это делать!

— А что может случиться? — резко спросила она.

— Вы не имеете права нарушать нашу дисциплину. Существует порядок, и я требую от вас подчиниться ему.

— Я никогда ничего плохого не делала. Всегда выполняла и в дальнейшем обещаю выполнять ваши приказания. А что касается Пауля Зиберта, то я твердо решила с ним покончить. Если даже и будет ваш приказ этого не делать, я позволю себе один раз нарушить дисциплину и сделать то, что мне захочется. За то, что я отправлю на тот свет гестаповца, да еще такого, как гауптман Зиберт, и сам Медведев мне, женщине, ничего не скажет. А что Зиберт не генерал, небольшая беда. Все равно фашистский офицер. Он стоит генерала. Если вы ведете учет уничтоженным врагам, добавьте завтра вечером в этот список еще одного.

Никакие уговоры и требования на Лисовскую не действовали. Она твердо решила отравить Кузнецова. Необходимо было предупредить его об опасности. Но найти Николая Ивановича нелегко. Я обегал все явочные квартиры, поднял на ноги всех наших людей, знавших Кузнецова, но поиски были напрасными. Можно себе представить наше настроение!

Что делать? Николай Иванович будет у Лисовской вечером. Единственный выход — прийти заранее к ней и не дать ему выпить кофе с ядом. Так мы и решили сделать. Я уже было собрался идти на Легионов, 15, как вдруг открылась дверь и в комнату вошел гауптман Пауль Зиберт. Мы облегченно вздохнули.

Вслушав мой рассказ, он усмехнулся:

— Ну и Леля! Этого я от нее не ожидал. А вообще — она молодец! Такие люди нам и нужны: отчаянные, смелые, решительные. Нужно кончать маскарад. Сейчас же я пойду к ней.

— На чашку кофе? — спросил я.

— Нет, от кофе, наверное, придется сегодня отказаться. Зайду минут на пять, извинюсь, что не могу остаться, скажу: неотложные дела, и пообещаю навестить в следующий раз. А после меня придешь ты, Николай. Известишь, что уезжаешь на длительное время из города и договоришься, по какому паролю явится к ней другой разведчик.

...Лидия Ивановна встретила меня радостно, пригласила поужинать и хотела что-то рассказать, но я извинился и сказал, что у меня очень мало времени.

— Что случилось? — спросила Лисовская.

— Ничего особенного. Просто командование посылает меня в другое место, и нужно собираться в дорогу.

— А со мной как будет? — взволнованно молвила она.

— К вам придут.

— Мне очень хочется познакомиться с другими людьми из отряда, — сказала Лисовская, — но жаль расставаться с вами. А что, мы больше не увидимся?

— Кто знает... Работа наша такая, что, возможно, и не придется. Но я приблизительно через два месяца снова буду в Ровно... Давайте условимся о пароле.

— Пароль? Пусть останется прежним.

— «Привет от Попова»?

— «Привет от Попова». Этот пароль мне нравится. Он напоминает мне Гену, по этому паролю я познакомилась с вами, по нему хочу познакомиться с другими разведчиками. А все-таки интересно, кто ко мне придет? Не скажете, как его звать, молодой или старый?

— Точно не знаю, кого именно решит командование послать. Но кто бы ни пришел по этому паролю, вы должны встретить его как должно. Имейте в виду: может прийти человек, которого вы уже видели и даже очень хорошо знаете. Пусть вас это не удивляет. А может прийти и совсем незнакомый человек. Может прийти женщина. Может прийти даже немец. Для вас не должно быть неожиданностей. Словом, пароль остается прежним. Всего хорошего!

— До свидания! А когда ждать?

— Дней через пять...

— Желаю успеха. Берегите себя!

И снова в глазах этой мужественной женщины блеснули слезы. И я сам почувствовал, как комок подкатывается к горлу.

— До свидания, дорогая Лидия Ивановна! Я всегда буду помнить о вас.

Мы обнялись как близкие друзья.

А через пять дней к ней пришел Пауль Зиберт.

«ЧАРЛИ ЧАПЛИН» ИЗ ВАРШАВЫ

Условившись с Лидией Ивановной о пароле, я после беспрерывного двухмесячного пребывания в городе вернулся в отряд. Сюда же прибыли Николай Иванович Кузнецов — для последних консультаций перед началом совместной работы с Лисовской — и Михаил Шевчук с Жоржем Струтинским — для короткого отдыха.

Лукин, как обычно в таких случаях, подолгу беседовал со всеми нами и с каждым в отдельности: ведь ему необходимо было детально проанализировать все обстоятельства, все взвесить, определить место каждого из нас в сложном разведывательном лабиринте.

Кроме нас, как я уже говорил раньше, в Ровно действовало несколько других подпольных групп, с которыми мы не были непосредственно связаны, но действиями которых, так же, как и нашими, руководило командование отряда.

Подполковник Лукин должен был знать и помнить обо всем, иначе могли возникнуть большие осложнения. Вот и на этот раз Александр Александрович спас одного из наших разведчиков — Мишу Шевчука от серьезной опасности.

Михаил Макарович Шевчук был старым подпольщиком. Уроженец Западной Белоруссии, он во времена польского владычества стал членом КПЗБ¹ и почти восемь лет просидел за решеткой равицкой тюрьмы как «политически опасный элемент».

Великая Отечественная война привела Шевчука в наш отряд. Он не проходил специальной разведывательной

¹ Коммунистическая партия Западной Белоруссии.

подготовки, но командование отряда учло, что у него немалый опыт подпольной борьбы и прекрасное знание польского языка, и направило его вместе с нами в Ровно.

Спокойный характер, рассудительный ум, выдержка, находчивость и отвага давали ему возможность отлично выполнять сложнейшие задания.

Одно было мне непонятно. Когда нас отправляли в город, с нами советовались в штабе, кому какие документы изготовить. Каждый старался подыскать себе какую-то подходящую «биографию», а вот Михаил, неизвестно почему, облюбовал себе профессию тайного агента СД Болеслава Янкевича, уроженца Варшавы (хотя там ему никогда в жизни не приходилось бывать).

По городу он всегда ходил с букетом в руках, в черных очках, в костюме темного цвета и черном котелке. Внешне он напоминал героя старых чаплинских фильмов, и когда Николай Иванович впервые увидел его в таком наряде, он от души рассмеялся и сказал:

— Ну и Шевчук! Ему бы еще усики — был бы настоящим Чарли Чаплиным!

Михаил снял комнату у соседки Ивана Приходько — Анны Родзевич и почти все время не менял места жительства. Все его знали как пана Болека, тайного агента гестапо, все боялись его, никто — ни оккупанты, ни полиция — никогда его не трогали, и никому даже в голову не приходило, что под этим котелком, за букетом цветов и темными очками ловко маскируется советский разведчик.

Соседи Анны Родзевич находили в лице Янкевича своего защитника. Если кто-либо из полицейских заходил к ним и пытался своевольничать, они поднимали шум и начинали угрожать, что пойдут жаловаться пану Болеку.

Однажды поругались две соседки из-за курицы. Одна говорит: «Моя». Вторая возражает: «Нет моя». Когда обе поняли, что спор ни к чему не приведет, пошли к пану Болеку. Внимательно выслушав их, он взял курицу в руки, подул между перьев и сказал:

— А курица и в самом деле жирная, вы за нее недаром поругались. — И, обратившись к своей хозяйке, добавил: — Возьмите-ка ее, пани Анна, и приготовьте мне обед.

— А как же мы? — в один голос спросили удивленные соседки.

— Не разорву же я вам курицу на две части,— ответил Михаил,— вот возьмите деньги и идите.

Получив по равной доле марок, женщины поблагодарили «мудрого пана» и ушли от него довольные.

Один из полицейских решил как-то проверить пана Болека, и когда тот под вечер вышел на улицу подышать свежим воздухом,— а Михаил очень любил такие прогулки,— неожиданно услышал над своим ухом хриплый голос:

— Ваши документы.

Шевчук не растерялся.

— Пожалуйста, подержите,— сказал он полицейскому и протянул ему букет. Тот удивленно посмотрел на цветы, однако, ничего не сказав, взял их.

Михаил спокойно достал из кармана блестящий никелированный «вальтер», покрутил им перед носом у полицейского, потом не спеша спрятал его и спросил:

— Вам этого мало?

— О! Простите, пан, за беспокойство. Я ошибся. Извините меня.

— Хорошо, идите,— сказал Шевчук,— только перестаньте мять цветы. Вы что, никогда не держали в руках букет? Дайте его сюда.

Перепуганный полицейский отдал грозному пану цветы и, еще раз попросив извинения, пошел прочь. После этого случая никто и никогда не проверял больше у Михаила документов.

Анна Родзевич, работница ликеро-водочного комбината и хозяйка пана Болека Янкевича, была тоже связана с партизанами. Она помогала подпольщикам из другой группы, и, конечно, ни Шевчук, ни Николай Иванович, ни я об этом не знали.

Когда мы с Кузнецовым зашли к Лукину, чтобы рассказать ему о Лисовской, мы застали у него разведчиков Бушнина и Мажуру, которые действовали в Ровно независимо от нас.

— Знаете, Александр Александрович,— говорил Мажура,— у нас все в порядке, есть надежные люди, хорошие конспиративные квартиры, мы еще раз можем пойти на задание. Но позвольте устранить одного типа. Он нам очень мешает.

— А кого именно и почему это так необходимо? — спросил Лукин.

— На одной из наших явочных квартир поселился

тайный агент гестапо. Отъявленная сволочь! У него всегда полные карманы денег. Видно, недаром гитлеровцы так щедро платят ему. Рассказывают, что он в Варшаве раскрыл большую подпольную организацию и после этого был переведен в Ровно. И этот негодяй облюбовал себе комнату у нашей подпольщицы,— сказал Мажура.

— И какая наглая морда, противно глядеть на него! — продолжал Бушнин. — Как оденет черный котелок да еще нацепит черные очки, ужас берет. Это он маскируется, чтобы его не узнали. Но нас не обманешь, мы хорошо знаем повадки этих выродков.

— Все-таки мне непонятно, почему именно возникла необходимость уничтожить какого-то тайного агента гестапо, который к вам никакого отношения не имеет? — переспросил Лукин.

— Понимаете, Александр Александрович, к нам он действительно непосредственного отношения не имеет, и мы избегаем с ним встреч. Но он живет у нашей подпольщицы Анны Родзевич...

Лукин поднял глаза и многозначительно посмотрел на нас с Кузнецовым. Мы поняли его взгляд и улыбнулись.

— У кого, говорите? — переспросил он. — У Анны Родзевич? Ходит в черном котелке, с букетом цветов?

— Точно, точно, — обрадовались ребята. — Он часто с цветами прогуливается по городу.

— Николай Иванович! Вам не приходилось встречать в Ровно этого субъекта? — обратился подполковник к Кузнецову.

— Как же, приходилось! Он всегда со мной очень вежливо раскланивается.

— Еще бы! — сказал Бушнин. — Вы же для него — хозяин, немецкий офицер, и он рад выслужиться. Мы давно уже держим его на прицеле. Однажды сидим у Анны. Видим в окно — идет эта сволочь. Анна быстрее спрятала нас в другой комнате и говорит: «Сидите тихо, я его сейчас накормлю, он ляжет отдыхать, и вас тогда выпущу через кухню». — «А что он у тебя делает?» — спрашиваем. «Как что? — отвечает. — Живет». Мы притаились, не шелохнемся. А он зашел на кухню, начал бриться, наводить лоск, потом подошел к двери комнаты, где были мы, и нажал на ручку, но двери были закрыты. Слышим, Анна зовет: «Пан Болек, садитесь кушать». А он: «А мне некуда спешить, я еще успею пообедать». Наверное, целый час чавкал. А потом вышел во двор,

сел на лавку возле окна и курит, курит. Нам уже нужно идти, а он, как назло, не ложится отдыхать и никуда не идет. Так мы просидели под замком часа четыре, не меньше. Если бы до комендантского часа он не дал нам возможности уйти, мы бы его прикончили.

— Правда,— добавил Мажура,— Анна не советует это делать. Она говорит, что лучше, если у нее живет гестаповский агент: она вне подозрений. Безусловно, она права, но слишком уже несимпатичный этот тип. Сидит себе тихонечко, спокойненько, а там, гляди, и накроет всех нас. От таких тихарей всего можно ожидать. Вот мы и решили попросить разрешения у вас. Мы его раз-два, тихо. Он невысокий: в мешок и — в реку. Разрешите, Александр Александрович. Одной сволочью на свете меньше будет.

Мы с Кузнецовым еле сдерживались, чтобы не рассмеяться, старались быть серьезными. Мы знали, что Шевчук с минуты на минуту должен прийти сюда, и с нетерпением ждали неожиданной для наших товарищей встречи.

Они увидели его раньше, чем он вошел в землянку — через окно,— и в один голос изумленно воскликнули:

— Вот он, Александр Александрович, идет сюда! Ей-богу, он!

— А может, вы ошиблись? — усмехнулся Лукин.

— Да нет! Что он у нас делает?

— А вы спросите у него сами.— И, обращаясь к Шевчуку, показавшемуся в дверях, сказал: — Вот эти ребята рассказали мне смешную историю, как твой котелок чуть-чуть тебя не подвел.

Смеху было много. Но Бушнин с Мажурой еще долго после этого с недоверием посматривали на Шевчука. Да разве они одни! Часто советские военнопленные, прибывавшие в отряд, увидев Михаила, заходили в штаб и докладывали, что он служит в гестапо и является фашистским шпионом. Лукину приходилось выступать в роли защитника «пана Болека».

А еще больше хлопот было с ним после освобождения Ровно. Органы государственной безопасности не раз задерживали его по заявлениям местного населения, и мы разыскивали его, чтобы спасти от безосновательных обвинений.

ОПЕРАЦИЯ «ПРОЗОРОВСКИЙ МОСТ»

Шли дни. Николай Иванович после консультации с командованием снова возвратился в Ровно, а я остался в отряде. Но отдыхать долго не пришлось: меня срочно вызвали в штаб.

— А, Гнидюк! Заходи, заходи,— встретил меня командир.— Ну, как, не надоело тебе в Ровно? Или жаль было разлучаться с панной Лелей?

— Откровенно говоря, жаль, Дмитрий Николаевич. Она будет чудесной разведчицей, я бы охотно работал с нею.

— К сожалению, тебе не скоро придется с ней увидеться. Сегодня ей нанесет визит Пауль Зиберт, и вся дальнейшая ее деятельность как разведчицы будет связана с ним. Конечно, ты еще будешь иметь возможность встретиться с Лелей, но сейчас тебе предстоит другое задание. Очень важное задание. Ты Прозоровский мост знаешь?

Еще бы, мне, в прошлом железнодорожнику, не знать этого моста! Ведь не раз самому приходилось до войны водить по нему составы.

— Конечно, знаю,— ответил я командиру.

— Что ты можешь о нем сказать?

— Мост как мост. Двухпутный. Между Здолбуновом и Шепетовкой через реку Горинь других мостов нет...

— И значит?..

— Значит, в данном районе это единственная транспортная артерия, связывающая вражеский тыл с действующей армией.

— Верно,— перебил меня Стехов,— и гитлеровцы его берегут, как зеницу ока.

— По данным разведки, мост через Горинь охраняет рота солдат. На обоих берегах реки установлены зенитные орудия. Кроме этого, вблизи моста тщательно замаскированы несколько минометных батарей и десятка два пулеметов. Ночью местность между мостом и лесом простреливается из пулеметов и непрерывно освещается ракетами, опускаемыми на парашютах,— сказал Лукин.

— Получен приказ: как можно быстрее взорвать этот мост,— добавил Медведев.— Как ты смотришь на эту операцию?

— Только положительно,— ответил я.

— Тогда тебе придется отправиться в Здолбунов и с помощью местных подпольщиков выполнить ее. Только учти: это задание поручено и другим партизанским отрядам и группам. Смотри, чтобы тебя не опередили. Поспешных решений не принимай. Все надо хорошо взвесить. Иди, обдумай все детально и завтра утром приходи сюда. Всего хорошего!

И днем, и ночью я не переставал думать о новом задании. В голове рождались десятки планов и вариантов, однако в каждом из них были свои «но», и ни один не мог гарантировать полного успеха. Со стороны леса подойти к мосту невозможно. Отпадает и другой путь — по реке. Вероятно, придется среди бела дня сбросить на мост мину с паровоза или вагона. Но как это осуществить? Необходимо посоветоваться с здолбуновскими товарищами, может, они подскажут приемлемый вариант.

Ну, допустим, мой план примут. А как быть с миной? Чтобы взорвать мост, необходимо килограммов пятьдесят, а то и больше взрывчатки. Такую гигантскую мину, конечно, изготовить можно, но как пронести ее на поезд? И кто сбросит ее? Как кто? Я сам. И взлечу на воздух вместе с обломками моста? И вспомнились слова Николая Ивановича: «Задание только тогда считается выполненным, когда сохранишь себя для выполнения нового задания».

Где он теперь, мой добрый советчик? Как бы хотелось поделиться с ним своими мыслями! Он придумал бы, он бы обязательно придумал, как лучше взорвать этот проклятый мост.

Вероятно, он сейчас у Лидии Ивановны. Интересно, как она встретила его? То-то был сюрприз! Представляю себе ее лицо... Ох, Лидия Ивановна, если бы вы знали, какую головоломку надо мне решить!

Значит, мина сбрасывается с поезда. В нее вмонтирован часовой механизм. Она падает на мост, часы начинают отстукивать секунды, за это время вагон, с которого сброшена мина, успеет отдалиться от моста и тогда — взрыв! Все как будто просто и ясно... Просто... Нет, сложно, очень сложно...

Прибыв в Здолбунов, я остановился у Шмерег. Сергей, узнав о цели моего приезда, немедленно приступил к изготовлению мины. Он раздобыл большой чемодан, нагрузил его толовыми шашками, вмонтировал устройство ударного действия, рассчитанное на то, что взрыв

произойдет через восемь-десять секунд после падения мины.

Пока Сергей Шмерег занимался изготовлением, я установил связь с местными подпольщиками. Они предложили несколько вариантов подрыва моста.

Жорж Жукотинский со своей группой, состоявшей в основном из работников цементного завода, взялся пустить мину на специально оборудованном контейнере, который должен плыть по течению реки. Вторая группа, во главе с Леонтием Клименко, должна была инсценировать нападение на гарнизон, отвлечь внимание охраны моста, снять часового и заложить мину. А Дмитрий Красноголовец согласился отправить мину на мост с машинистами или кондукторами какого-нибудь состава. Все эти группы должны были действовать независимо одна от другой. Откровенно говоря, шансов на успех в первом, втором и третьем случаях было не очень много, и я настойчиво искал новые варианты выполнения этого ответственного задания.

Шли дни, а никаких реальных возможностей для взрыва моста мы пока не видели. Ситуация в городе и на железнодорожной станции усложнялась. Движение поездов на восток участилось и одновременно с этим усилилась их охрана. Каждую паровозную бригаду сопровождал немецкий солдат, гражданским лицам без специального разрешения категорически запрещался проезд в сторону Шепетовки. Больше того: перед отправлением все паровозы тщательно обыскивали.

В Здолбунове начались облавы и проверки. Появление каждого нового человека вызывало подозрение, и, конечно, как только я приехал, меня заметили. «Засек» меня сосед Шмерег (очевидно, завербованный гестаповцами), живший на противоположной стороне улицы. И вот как-то ночью мы проснулись от пулеметной стрельбы возле самого окна, под которым я спал. Прильнув к щели в ставнях, я увидел нескольких гитлеровцев в касках. Установив на заборе пулемет, они стреляли по дому, стоявшему в одном дворе с домом Шмерег.

— Что бы это могло значить? — спросил Михаил.

— Вероятно, немцы ошиблись адресом, — ответил Сергей.

— Скорее всего, выродок, живущий напротив, приметил, как Николай заходил в нашу калитку, и решил, что он очередной посетитель одной из дамочек того дома.

— Не исключено, что фашисты интересуются и нашим домом,— сказал я.— Надо подготовиться к встрече.

Сергей вскочил с места:

— Я мигом приготавливаю мину. Немцев забросаем гранатами через окно, подожжем бикфордов шнур, а сами убежим в темноте.

— Куда ты пойдешь с детьми? — откликнулась Анастасия Тарасовна.

Как быть? До рассвета еще далеко. Я, безусловно, мог бы бежать: пробил бы себе дорогу гранатами — ищи меня среди ночи. Но это значило поставить под угрозу семью Шмерег, лишиться склада боеприпасов, сорвать выполнение задания.

Стрельба на улице не прекращалась. И что удивительно: из дома, куда были направлены пулеметные очереди, тоже стреляли.

«Любопытно,— подумал я.— Кто бы мог оттуда стрелять? Ведь, кроме двух подружек сомнительного поведения, там никто не живет. Вероятно, они принимают у себя вооруженных клиентов. Скорее всего, у них немцы или полицейские. Но каждую минуту ствол пулемета может быть повернут на наше окно. Надо немедленно что-то решать, иначе будет поздно».

— Давайте поднимемся на чердак,— предложил Михаил,— а оттуда, если фрицы станут стрелять по нашему дому, забросаем их гранатами.

Так и сделали. Но наш дом по-видимому оказался вне всяких подозрений, и, настрелявшись досыта, гитлеровцы успокоились. Идти ночью в дом, по которому велась стрельба, они не осмеливались и решили дожидаться рассвета. А утром гитлеровцы были неприятно поражены, застав там, вместо партизан, двух немецких солдат. Один из них был убит, а второй — тяжело ранен. Ранило также одну из подружек, а вторая, растрепанная, забилась от страха под кровать.

В тот же день гестаповцы арестовали соседа Шмерег. Больше он домой не возвращался: видно, расплатился за желание выслужиться перед оккупантами.

Я понял, что оставаться у Шмерег мне нельзя. Их квартира была для нас особо важной и не должна была вызывать ни у кого никаких подозрений. Возникла новая проблема — квартирная. Где мне остановиться? Я начал перебирать в памяти знакомые адреса и дома, но ничего

подходящего не мог вспомнить. «А почему бы не пойти к Ванде?» — подумал я.

Ванда Пилипчук и ее брат Владек — родственники Жоржа Жукотинского. Владек выполнял наши поручения, активно помогал партизанам, но привлекать к подпольной работе Ванду он категорически не хотел.

— Не стоит этого делать, — говорил. — Хотя она и моя родная сестра, но у нее в голове — ветер гуляет. Молодозелено. Думает только, как бы поскорее выскочить замуж. Нет, от нее никакой пользы не будет.

Сестру он считал пустой, легкомысленной девчонкой, совсем не учитывая, что для своих лет Ванда уже успела многое пережить. Вместе с другими юношами и девушками гитлеровцы насильно угнали ее в Германию. Но она нашла в себе мужество не испугаться фашистов, убежала с поезда и, несмотря на опасность, возвратилась домой.

Это обстоятельство заставило меня присмотреться к Ванде. Девушка знала меня как «пана Богинского, коммерсанта из Бреста», не раз видела в обществе «пана Болека», которого здесь тоже считали агентом гестапо, и, вероятно, надеясь, что знакомство со мной может спасти ее от неприятностей, связанных с побегом с поезда, не избегала моего общества, а наоборот — относилась ко мне даже с некоторой симпатией. Я часто беседовал с нею, но на откровенность не шел, хотя и видел, что Ванда совсем не такая, как о ней отзывался Владек.

В Здолбунове я давно не был, и поэтому со дня нашей последней встречи с Вандой прошло много времени. «Как встретит она меня? — думал я, идя от Шмерег на Длинную улицу. — Теперь придется открыть перед ней все карты. Согласится ли работать с нами? А может быть, Владек прав? Может, действительно не стоит даже намекать ей о нашей работе?»

Мое появление в квартире Пилипчуков было неожиданным. Мать Ванды, открывшая дверь, хотела было что-то сказать, но я уже переступил порог комнаты и остановился, пораженный увиденным. За столом, уставленным бутылками с вином, водкой и закусками, сидела Ванда, а рядом — какой-то человек в форме гестаповского офицера. Увидев меня, он смущенно взглянул на Ванду и, не услышав от нее ни слова (настолько мое появление ошеломило ее), поднялся. Я ловко щелкнул каблуками и выкрикнул:

— Хайль Гитлер! Разрешите представиться: Ян Бо-

гинский, родом из Бреста, коммерсант хлебных изделий, двоюродный брат Ванды. С кем имею честь?..

Услышав, что он имеет дело с «двоюродным братом Ванды», гестаовец облегченно вздохнул (очевидно, он до этого предположил, что встретил в моем лице соперника) и заговорил на чистом польском языке:

— Ясневский Генек, штурмфюрер бангофжандармерии, родился в Литве, дворянского происхождения, сорок лет, холост, жених несравненной панны Ванды...

— Очень приятно! — сказал я, вытаскивая из портфеля две бутылки. — Выпьем за наше знакомство.

Мы чокнулись с гестаповцем и опорожнили рюмки. Потом налили по второй, по третьей... Ясневский становился все разговорчивее. Поскольку у него были серьезные намерения относительно Ванды, он не жалел слов на самовосхваление и даже начал кое-что рассказывать «под секретом».

Ванда молчала. Мое внезапное появление и то, что я назвался ее двоюродным братом, заставило девушку серьезно задуматься. Она почти не реагировала на беспрерывную болтовню своего соседа, и по сосредоточенному взгляду Ванды я понял, что найду в ее лице верного помощника.

Неожиданное знакомство с Ясневским было мне на руку. Ведь он не просто служил в немецкой жандармерии, а охранял железнодорожные объекты. «Этот «жених», — подумал я, — может нам помочь взорвать мост. Обязательно надо его использовать».

Сильно захмелев, гестаовец стал столь откровенным, что, если бы не слезы на его глазах, можно было бы подумать, что он говорит с целью провокации.

— Поймите меня, пан Богинский, — жаловался он. — Не от хорошей жизни пошел я в эту проклятую жандармерию. Я знаю: мне, как поляку, не следовало этого делать. Вижу, как на меня смотрят мои земляки. И моя обожаемая Ванда очень холодно меня встречает, а еще холоднее провожает. В течение двух месяцев я ежедневно прихожу сюда и не могу получить желаемого ответа. А ведь я не так плох собой. Но этот мундир... О, если бы не он, Ванда уже давно дала бы согласие выйти за меня замуж.

Я принялся успокаивать его:

— Что вы, пан Ясневский! Зачем так себя унижать! Мундир штурмфюрера бангофжандармерии вам очень к лицу, и мне было весьма приятно с вами познакомиться.

Я коммерсант и привык при каждом новом знакомстве спрашивать себя: «А что я с этого буду иметь?» Знакомством с вами я очень доволен. Оно может увеличить мои доходы. Надеюсь, вы окажете мне кое-какие услуги?

— Ну, конечно, конечно! — обрадовался мой собеседник. — Я к вашим услугам. Могу даже достать вагон для перевозки зерна. Сам буду сопровождать его, чтобы ничего не произошло. Я понимаю: сейчас очень тяжело перевозить по железной дороге такие товары, как зерно, крупу или сахар. Но положитесь на меня. Для двоюродного брата моей дорогой Вандуси я готов сделать все, что можно, и даже то, что невозможно.

«А вы отвезите чемодан с толом на мост и сбросьте его там!» — едва не вырвалось у меня. Я понял: этот старый кавалер по уши влюблен в Ванду и ради нее готов пойти на все. «Нужно его слегка подбодрить», — решил я и, налив еще по рюмке, предложил:

— Выпьем за будущую свадьбу такой чудесной пары, как пан Ясневский и панна Ванда. За ваше счастливое будущее!

«Жених» весь просиял, а Ванда вспыхнула:

— Я против такого тоста! Кто дал тебе право распоряжаться мною? — сердито спросила она меня. — Кто ты такой, чтобы...

Но в этот момент я наступил ей на ногу, давая понять, чтобы она замолчала. Она не договорила, только гневно взглянула на меня, но, встретившись с моим взглядом, покраснела и опустила глаза.

Я повторил тост:

— За вашу будущую свадьбу с Вандой, пан Ясневский!

— О! — воскликнул он. — За это я готов выпить целую бочку не только водки, но и дегтя. — И, благодарно глядя на меня, продолжал: — Какой вы, пан Богинский, хороший человек! Вы первый сказали, что Ванда должна выйти за меня замуж. Надеюсь, что вы, как двоюродный брат, повлияете на нее и на всех тех, кто возражает против нашего брака.

— Можете положиться на меня, пан Ясневский. Все будет хорошо.

Гестаповец совсем расчувствовался:

— Поверьте, я такой же добрый поляк и католик, как и вы, пан Богинский, как и моя дорогая Вандуся. Понимаете ли вы, как теперь трудно жить? Платят гроши, на

которые ничего не купишь. Хорошо, что я свободно владею немецким языком и сумел выскочить в офицеры, а то... Нет, вы не думайте, что все это делалось от души, ради любви к рейху. Мне не так уж сладко в этом мундире. Деньги небольшие, и даром их не дают. Сначала работал на такой должности, что едва остался живым. Все время разъезжал по линии и однажды попал под обстрел партизан. Был ранен в ногу, и меня освободили от поездок. Охраняю станционные объекты.

Время было позднее, а гестаповец и не думал уходить. «На сегодня достаточно, — решил я. — Надо еще откровенно поговорить с Вандой и подумать, как лучше использовать Ясневского». Я сделал Ванде знак глазами: дескать, пора кончать. Поняв меня, она предложила:

— Выйдем на улицу. В доме душно. Да и спать пора.

Гестаповец попытался встать, но хмель, казалось, приковал его к стулу. Мы с Вандой взяли его под руки. Почувствовав прикосновение Ванды, Ясневский вскочил, едва не опрокинув стол.

Мы вышли во двор. Летняя ночная прохлада немного освежила опьяневшего Ясневского.

— Я сам, я сам, — пробормотал он и, держась за плечень, дотоптался до калитки. Потом он схватил меня за рукав, притянул к себе и, озираясь по сторонам, произнес: — Знаете, что я вам скажу, пан Богинский? Не такие уж хитрецы эти партизаны. На их месте я бы показал, как нужно лупить швабов! Пся крев!

Простившись с «женихом», мы с Вандой вернулись в дом. Я не знал, с чего начать разговор с девушкой, но она сама нарушила молчание.

— Я все поняла. Не такая дура, как тебе кажется, — сказала она. — И раньше догадывалась, какой ты «коммерсант». Вы с Владеком шептались, а я думала: «Ну и пусть». Только обидно было, что от меня скрывались. Что же, я должна быть благодарной этому немецкому холуе за то, что ты решил пойти со мной на откровенность? Зачем он тебе?

— Есть одно дело.

— Не думаю, чтобы он мог принести какую-то пользу.

— Сначала придется выдать тебя за него замуж...

— Оставь эти шутки! — вспыхнула Ванда. — Ты считаешь, что я сразу же выскочу за этого идиота? Он мне давно опротивел. Ходит за мной по пятам, всем объявляет что я его невеста, обещает устроить на работу в депо или

на станцию. А мне ничего не остается, как водить его за нос, чтобы спастись от Германии.

— Я совсем не требую от тебя оправданий. Очень хорошо, что тебе на крючок попался этот гестаповец. Он должен нам помочь.

— Он сделает все, что я скажу.

— Именно это нам и нужно. Понимаешь, надо провезти в поезде мину и сбросить ее на мост через Горинь. Ясневскому это не трудно сделать.

— Сделает, — сказала Ванда. — Вот увидишь: он подчинится любому моему желанию.

Спустя несколько дней в моем присутствии состоялась торжественная церемония посвящения гестаповца в «народные мстители». Он стоял на коленях перед образом и, сложив ладони на груди, повторял за Вандой слова клятвы:

— Именем матки боски, именем родных своих, именем народа польского, стонущего под ярмом гитлеровской оккупации, твоим именем, прекрасная Вандзя (последние слова исходили от самого Ясневского), клянусь точно выполнять все поручения подпольной организации имени Тадеуша Костюшко, мстить фашистским захватчикам.

Смешно было смотреть на этот «ритуал», но вместе с тем я не мог представить, что эта еще совсем юная, нежная девушка так мастерски придумает и выполнит его.

— И если я изменю своим товарищам, — продолжал за Вандой гестаповец, — пусть меня настигнет кара божья и народная месть.

— Целуйте образ матки боски, — приказала Ванда.

— А для большей формальности, пан Ясневский, поставьте здесь свою подпись и отпечаток пальца.

Когда торжественная процедура была закончена, Генек облегченно вздохнул:

— Теперь я будто заново родился.

Потом, вдруг словно чего-то испугавшись, спросил:

— Скажите, а своей клятвой я не теряю право на руку моей дорогой Вандзи?

— Наоборот! — ответил я.

— А что скажет панна Ванда?

— Безусловно, теперь у вас больше шансов на успех, чем раньше, — ободрила гестаповца девушка. — Но помните: прежде всего борьба, а потом любовь. Если вы будете точно выполнять все наши поручения, я обещаю вам быть более благосклонной.

В тот же день Ясневский раскрыл нам свою агентуру и рассказал, где расположены секретные посты. Потом он принес график движения поездов через Эдолбуновский узел и планы гестаповских операций. Сообщил ночные пароли, по которым можно было свободно ходить по железнодорожной линии, и наши подпольщики пользовались ими для проведения диверсий. Наконец, от командования отряда пришло согласие использовать Ясневского для подрыва моста через Горинь. —

— Генек,— сказал я ему.— Вам дается последнее поручение. После его исполнения вы с Вандой будете отправлены в партизанский отряд, и она станет вашей женой. Нужно взорвать железнодорожный мост через Горинь.

Ясневский долго не раздумывал.

— Хорошо,— ответил он.— Мне на эту операцию понадобится три дня, две тысячи немецких марок, мина и ваше, Вандзя, благословение...

— За этим дело не станет. А как вы думаете взорвать мост?

— О, тут ничего сложного нет. Не забывайте: среди моих ребят есть такие, которые за деньги и водку не то что мину, но и родную мать с поезда сбросят.

— А все-таки, кому вы это поручите?

— Скорее всего Ходаковскому. Он работает кондуктором и готов для меня сделать все. Тем более, что он почти никогда не бывает трезвым. Сегодня же я с ним увижусь и договорюсь.

— Только смотрите, чтобы он вас не выдал.

— О нет! Он на деньги жадный, а я ему наперед дам задаток. Пообещаю, что потом ему перепадет солидный куш.

— Хорошо, завтра ждем окончательного решения.

Распрощавшись с Ясневским, я попросил Ванду пойти к Шмерегам и забрать у Сергея чемодан с миной.

Через два часа она пришла на квартиру Жукотинского с большим чемоданом. Я взял его: тяжелый. И как эта девушка пронесла через весь город такой груз? К тому же толковые шашки не прилегают плотно друг к другу и та-рахтят. Нужно их переложить.

Мы с Жоржем разложили желтоватые бруски тола на полу. В это время в комнату вошли мачеха Жоржа и жена — Мария. Увидев тол, они решили, что это мыло, и набросились на Жоржа:

— Ишь какой! В доме нечем белья постирать, а здесь

столько мыла! Еще и прячет от нас в чемодан. Ну и хозяин! Хотя бы один кусочек дома оставил, так нет! Спекулянт несчастный!

Чем было их успокоить? Возразить? Сказать, что Жорж не спекулянт и это не мыло, а взрывчатка? Нет, пожалуй, придется ему походить в спекулянтах и выслушать упреки родных, ничего не напишешь.

— Пани Марися, — сказал я, — не беспокойтесь. Завтра же я вам принесу мыло, а это необходимо срочно отправить: очень выгодные покупатели нашлись.

На следующий день пришлось потратить немало времени, пока я купил десять кусков мыла. Принес его к Жукотинским и снова услышал упрек:

— За мыло спасибо, но вчерашнее было намного лучше, желтее.

А в это время «желтое мыло» ехало на восток.

Утром Генек Ясневский в присутствии Ванды вручил чемодан Ходаковскому. Как и всегда, тот был под хмельком.

— Смотри не проспи мост! — строго приказал Ясневский.

— Не беспокойтесь, пан, я вас не подведу, — ответил Ходаковский. — Как только мой вагон выскочит на мост, я сброшу этот багаж из тамбура. А когда можно будет получить остальное? — спросил, пряча в карман аванс.

— Если все сделаешь, как договорились, и вернешься — получишь сполна.

Ходаковский не подвел: 12 августа 1943 года в два часа дня мост через Горинь взлетел на воздух. Первыми об этом сообщили мне Красноголовец и Клименко. Они прибежали возбужденные, раскрасневшиеся и в то же время чем-то обеспокоенные.

— Мост взорван! — воскликнул Дмитрий. — На станции страшная паника. Никто толком ничего не может объяснить. Говорят, недели три-четыре придется ремонтировать. Ну, ничего, пусть только наладят движение, мы им опять покажем!

— А все-таки жаль, что это сделали не мы, — перебил его Леня. — Оказывается, в Здолбунове есть люди, более ловкие и умелые чем мы. Да? — с интересом посмотрел он на меня, ожидая ответа.

— Выходит... — Я сделал многозначительную паузу и улыбнулся. — Но вы не разочаровывайтесь в своих силах, товарищи. Все мы делаем общее дело.

Однако видно было, что мои слова не успокоили самолюбие ребят. Так закончилась операция «Прозоровский мост».

С чувством удовлетворения возвращался я в отряд. Но вместе с тем мысли мои были охвачены тревогой. Генек Ясневский, штурмфюрер бангофжандармерии, «жених несравненной Ванды», сыгравшей существенную роль в подрыве моста, бесследно исчез. Куда? Что с ним случилось? Этот вопрос оставался для меня загадкой. Ясно было только одно: необходимо предпринять все для безопасности Жукотинских и Пилипчуков. И медлить с этим нельзя.

«ПРИВЕТ ОТ ПОПОВА!»

Лена открыла дверь и увидела перед собой немецкого офицера — того, который часто приходил к ее старшей сестре и засиживался допоздна.

— Наша девушка, — сказал он, медленно подбирая русские слова, — что слышно у вас?

— Данке шен, — ответила Лена. — Ничего нового...

— Фрау Лея есть?

— Да, дома.

Пауль потрепал девушку по щеке узкой ладонью (это он проделывал всегда, когда Лена открывала ему), она отклонилась, пропуская немца в комнату сестры.

Лисовская встретила гостя неприветливо, даже резко.

— Извините, — сказала она холодно, — но прошу меня оставить. Я вас сегодня не приглашала.

— Может, вы ждете какого-то гостя?

— Это вас не касается. — И, немного подумав, добавила: — Да, жду. Даже очень жду. А вам тут нечего делать.

— Не заменю ли я вам того, кого вы ждете?

— Не думаю, чтоб это вам удалось. До свидания!

— А я постараюсь сделать все, чтоб его заменить.

С этими словами Зиберт бесцеремонно уселся в кресло и, достав из кармана маникюрную пилочку, начал приводить в порядок ногти.

Лисовская вспыхнула:

— Вы считаете, что вам все можно! Ну, конечно! Вы завоеватель, и это дает вам право врывать в чужой дом и вести себя как угодно. Ну, чего вы расселись? Оставьте меня одну. Мне опротивело ваше общество.

Зиберта даже передернуло, однако он сдержался и вежливо, но сухо проговорил:

— Я не узнаю вас, фрау Леля.. Еще неделю тому назад вы настойчиво добивались встречи со мной, даже были не против стать моей спутницей в поездке по Германии, и вдруг такая враждебность. Не верится, что это вы. Словно вас подменили. Вы забываете, с кем имеете дело, и позволяете себе много лишнего. Смотрите, не пожалейте потом.

Лидия Ивановна продолжала нервничать, но в выражениях стала осторожней.

— Простите, герр гауптман, если я вас обидела. Но мне действительно хочется спокойно отдохнуть одной.

Она не успела договорить, как открылась дверь, и Лена пальцем поманила ее к себе.

— Извините,— бросила Лисовская Зиберту,— я сейчас...

Она выбежала на кухню и увидела незнакомого немецкого солдата с винтовкой за плечами. Лисовская было совсем растерялась, но немец неожиданно заговорил по-русски:

— Вы — Лидия Ивановна Лисовская?

— Да!

— Мне нужно с вами поговорить.

— Прошу, проходите сюда.

Она провела незнакомца в комнату сестры и плотно прикрыла дверь.

— Слушаю вас.

— Я пришел сюда от партизан. Привет от Попова!

— Наконец-то! — почти воскликнула Лисовская. — Если бы вы знали, как я жду вас. Но что мне делать? У меня в комнате сейчас непрошенный гость, черт бы его побрал. Немецкий офицер, тайный агент гестапо. Никак не могу от него избавиться. Чего доброго, еще увидит вас тут. Вы хотя бы немецкий знаете?

— Нисколько!

— Плохо, плохо.. Тогда давайте сюда вашу «игрушку». — Она выхватила из рук «немца» винтовку и спрятала ее за шкаф. Потом выбежала на кухню и вскоре вернулась, держа в руках какую-то одежду.

— Возьмите переоденьтесь. А то в солдатском мундире вы выглядите слишком подозрительно. Только побыстрее. Не стесняйтесь, я отвернусь. — Она отвернулась к стене и продолжала: — Это костюм отца. Когда Гитлер

вторгся в Польшу, отца взяли на фронт. Больше мы его не видели. Осколок снаряда контузил его в голову, он потерял сознание и умер в госпитале в Радоме... Мне можно обернуться? Ну вот, теперь у вас вполне приличный вид. А это барахло давайте сюда.

Лисовская спрятала солдатскую форму и сказала:

— Мои нервы уже не выдерживают. Я больше не могу. Хорошо, что вы пришли. И хорошо, что этот палач здесь. Вы поможете мне с ним покончить, а то раньше...

Она не договорила, открылась дверь, и на пороге появился Пауль Зиберт.

— Что-то долго вы заставляете себя ждать, фрау Леля, — недовольно промолвил он и, увидев незнакомого человека, спросил:

— А это кто? Тот, кого вы ждали?

— Да, это он...

— Кто он такой?

— Это мой родственник из...

— Костополя, — перебил ее Зиберт. — Не много ли у вас кузенов, уважаемая Леля?

Она покраснела, но не растерялась.

— Да, это мой родственник. И в конце концов, не все ли вам равно? Лучше идемте выпьем по чашке кофе. Мой родственник в дороге страшно устал и хочет отдохнуть.

— Ладно. Поверю вам и в этот раз.

— Тогда идемте ко мне.

Они зашли в ее комнату. Лисовская накрыла на стол.

— Подождите немного, я сейчас, кофе у нас готов, я его только разолью.

— А мне не мешало бы с дороги сполоснуть руки, — обратился к ней «кузен».

— Идемте со мной на кухню.

Пока «родственник» возился возле умывальника, Лидия Ивановна зашла в соседнюю комнату и сразу же вернулась, держа в руке ампулу. Она разбила ее и вылила несколько капель прозрачной жидкости в чашку. Потом налила туда кофе, положила сахар и начала размешивать.

— Что вы собираетесь делать? — тихо спросил Лисовскую «кузен».

— Отправить на тот свет этого гитлеровца. Я уже давно решила с ним покончить, но ваш предшественник категорически запретил. А вы, думаю, не против избавиться от этого фашиста?

— Может, сегодня не стоит? Мы только начинаем с вами работать, и сразу такой рискованный шаг. Подумайте, смерть этого немецкого офицера может нам все испортить.

— Не беспокойтесь. Все будет хорошо. А для нас с вами эта операция послужит неплохим началом. Пошли.

Пауль Зиберт, не подозревая, какая опасность ему грозит, сидел за столом и рассматривал иллюстрированный французский журнал.

— Наконец! — произнес он, увидев хозяйку с подносом в руках и ее подозрительного «родственника». — Что-то долго вы там мыли руки и разливали кофе... Но оставим неприятные разговоры на следующий раз. А сейчас, — он открыл свой портфель, достал оттуда бутылку коньяку, — фрау Леля, подайте нам, пожалуйста, рюмочки. Настоящий кофе вкусен с коньяком. Правда, вы, кажется, разучились его подавать. Разлили по чашкам на кухне, вместо того, чтобы принести сюда кофейник. Да уж на этот раз придется вас извинить.

— Не будьте таким придирчивым, герр гауптман, — смутилась Лисовская. — Я обещаю исправить свою ошибку.

Зиберт разлил коньяк и поднялся с рюмкой в руке:

— Разрешите, господа, выпить за нашу очаровательную хозяйку, за то, чтобы она никогда не впадала в отчаяние, а всегда оставалась жизнерадостной и приветливой.

Он посмотрел улыбающимися глазами на Лисовскую, кивнул головой и пригубил рюмку. Потом он опустился в кресло, двумя пальцами осторожно взял чашку с кофе.

В то же мгновение «кузен» вскочил с места и закричал:

— Не пейте! Там яд!

Лицо Лидии Ивановны смертельно побледнело, она схватилась за голову и, не понимая, что здесь происходит, рванулась к человеку, пришедшему к ней с «приветом от Попова».

— Провокатор! Продажная тварь! — вырвалось из ее уст.

Силы покинули Лисовскую. «Кузен» поддержал ее за руку, но она отдернула ее. И неожиданно услышала:

— Лидия Ивановна! Успокойтесь! Это на вас так непохоже...

Она была поражена; «Что это?» Голос такой знакомый, но он всегда звучал по-немецки, а сейчас... Не может

быть! Это ей мерещится! Пауль Зиберт и русская речь? Наверное, она сошла с ума... А может, это сон?..

Николай Иванович подошел к ней.

— Лидия Ивановна! Садитесь, выслушайте меня...

Нет, это не слуховая галлюцинация. Это действительно говорит Зиберт, гауптман Пауль Зиберт, офицер штаба Кицингера. Тот самый, который совсем недавно пришел сюда с окровавленными руками и пытался завербовать ее в агенты гестапо.

Она смотрит на него большими изумленными глазами, рот ее полуоткрыт, но она не в силах шевельнуть губами. И глаза, и руки застыли, будто ее поразил паралич.

Пауль Зиберт подошел к ней и положил руку на плечо. Она отшатнулась.

— Довольно, дорогая Лидия Ивановна, играть в прятки. Мы и так измучили вас. Я — советский разведчик из отряда Медведева, Кузнецов. — А этот товарищ — тоже разведчик... Знакомьтесь, Валентин Гаврилович Семенов. А это, Валя, — Кузнецов обратился к Семенову, — та чудесная женщина, от которой без ума Коля Гнидюк.

Услышав мою фамилию, Лисовская вздрогнула:

— Где он? Вы, наверное, его схватили и заставили все рассказать? Скажите, он живой?

— Да, живой, здоровый и скоро снова будет в Ровно. Передавал вам привет. Только просил, чтоб я не пил вашего кофе, пока вы не убедитесь, что имеете дело не с гестаповским офицером, а с советским разведчиком.

— Ничего не понимаю, что происходит... — Лисовская взглянула на Кузнецова, потом на Семенова. — Как хочется, чтобы все это оказалось правдой! Как хочется вам верить!

— А вы верьте, Лидия Ивановна, — ласково сказал Валя Семенов.

— Извините меня, товарищи. Я немного разнервничалась. Я была готова к любой неожиданности, но только не к этой.

— Это мы должны извиниться, — возразил Николай Иванович, — что так долго не были с вами откровенными...

— Но ведь вся эта игра в прятки могла окончиться трагически для гауптмана Пауля Зиберта и для всех нас.

— Нет, дорогая Лидия Ивановна. Я хорошо знал, что вы не откажетесь от своего намерения отомстить фашистскому офицеру за его злодеяния. А когда мы с Вале́й Семеновым шли сюда, я намеренно об этом ему не сказал.

Еще раз хотел убедиться в вашей решимости и ненависти к врагам.

— И убедились!

— Да, убедился! И рад, что у нас есть такая отважная разведчица, как вы.

— Не надо комплиментов. Вы же хорошо знаете, что я не люблю их.— И, помолчав немного, добавила: — Теперь я вижу, как работает наша разведка. Что ж, будем бороться вместе, друзья!

— Будем бороться, Лидия Ивановна, — ответил Кузнецов. — Бороться, пока хватит сил, пока победим.

Прошло немного времени, и я снова оказался в Ровно. Мне было известно, что на Легионов, 15, приезжает на «Опель-капитане» гауптман Пауль Зиберт со своим шофером Николаусом (так Кузнецов называл Колю Струтинского), что из этого дома после веселых вечеринок иногда «исчезали» высшие офицерские чины и на том же такси «Опель-капитане» доставлялись в партизанский отряд. Что диван, на котором когда-то я спал, а теперь часто отдыхают «друзья» Зиберта, превратился в небольшой склад оружия, а квартира Лисовской — в своеобразный партизанский штаб. Я знал также, что с нами работает двоюродная сестра Лидии Ивановны — Майя Микота, которую Лисовская прятала от отправки в Германию.

Командование не разрешило мне заходить к Лидии Ивановне, чтобы не навлечь на ее дом подозрений. Но я не выдержал и в один из осенних дней постучал в дверь знакомого дома. Как обычно, открыла Лена.

— Ой! — воскликнула она. — Это вы! Проходите, Лиды нет, а Майя дома. Вы знакомы с ней? Майечка, это наш Коля. Помнишь, я тебе о нем рассказывала?

Майя — красивая, русоволосая, зеленоглазая девушка — поздоровалась со мной.

— Я ненадолго, девчата, у меня тут много дел. Просто проходил мимо вашего дома — дай, думаю, заскочу. А Лидия Ивановна скоро будет?

— Да, да, — зашебетала Лена, — она должна сейчас прийти. А вы садитесь. Чаю выпьете?

— Нет, спасибо. Чаю не надо.

— Тогда, может, в карты сыграем, в подкидного, а?

— В карты можно.

Минут через двадцать слышу: кто-то поднимается на крыльцо.

— Это Лида! — весело кричит Лена и бежит встречать сестру. — Лидочка! А у нас гости! Угадай кто? Не угадаешь, не угадаешь!

— Не угадаю — скажешь, не скажешь — увижу.

Не успела Лидия Ивановна переступить порог комнаты, как Лена воскликнула:

— Партизан Коля Гнидюк пришел!

Вот так неожиданность! Лена, которой никто не открывал нашей тайны, вдруг называет меня партизаном.

— Откуда ты это взяла? — удивилась Лидия Ивановна. — Кто тебе сказал?

— Никто мне ничего не говорил, и никого ни о чем я не спрашивала. Но я все знаю и все буду знать. Мне нравится, что вы партизаны, и я тоже хочу быть партизанкой.

Лисовская рассердилась:

— Прикуси язык, а то...

— Уже прикусила, — перебила ее Лена, — и можете от меня не прятаться. Майя, идем!

Мы остались вдвоем с Лисовской.

— Ну, теперь здравствуйте! — сказала она.

— Здравствуйте, Лидия Ивановна!

— Мы снова вместе будем работать?

— Как вам сказать?.. Конечно, вместе, ведь мы делаем одно дело. Но встречаться, наверно, нам не придется. У меня теперь другое задание, не связанное с вашим. И зашел я к вам просто так, по пути, говоря откровенно, без разрешения командования. Захотелось вас увидеть...

— Надеюсь, вы уже успели познакомиться с Майей?

— Да, успел. Они с Леной даже дважды оставили меня в дураках, — рассмеялся я.

— Майя — молодец! Она нам хорошо помогает. Николай Иванович ею очень доволен.

— И Лукин — тоже, — добавил я. — В отряде он мне рассказывал и о вас, и о вашей сестре. Хвалил. Я за вас очень рад. Я и раньше говорил, что из вас получится чудесная разведчица.

— И играли со мной в прятки...

— Но ведь...

— Не оправдывайтесь. Мне все понятно. Но правду вы могли мне сказать немного раньше. Ведь вы первым

пришли сюда, первым мне доверились, вам первому я открыла свою душу. Так? Скажу откровенно: в вашем лице я нашла не только товарища по борьбе, но и настоящего друга... Ну, не смотрите на меня так, я на вас не сержусь. Наоборот, даже довольна всем этим. Имейте только в виду: если вам с Николаем Ивановичем придется еще когда-нибудь разыграть подобный спектакль, будьте более осторожны. Я собиралась его отравить, и вы об этом ему рассказали. Но ведь я могла уничтожить его другим способом. И потом могла вас не предупредить. Я и тогда жалею, что рассказала вам о своем намерении. Думала: «Уничтожу гада и преподнесу нашим сюрприз». Ну и сюрприз был бы!

— Думаю, теперь вы не жалеете, что ваш план не удался?

— Конечно, нет! Николай Иванович — блестящий разведчик, и работать под его руководством очень интересно. Вообще, у вас чудесные ребята — и Коля Струтинский, и Валя Семенов...

— «Провокатор»? — смеясь, спросил я.

— А вы знаете? Он вам рассказывал?

— И он, и Николай Иванович. Мы все очень смеялись.

— Теперь и мне смешно. А тогда я думала, что все кончено. Никак не могла представить себе, что Пауль Зиберт — не немец, не фашист, а русский партизан. Семенову, когда он передал «привет от Попова», я поверила сразу и думала, что он мне поможет избавиться от Зиберта. И вдруг он предупреждает Зиберта, что кофе отравлен.

— Когда мы с вами договаривались о пароле, — сказал я, — мы думали, что Николай Иванович придет к вам один. Но потом Лукин возразил. Он сказал, что паролям не всегда верят, тем более, что вы хорошо знаете Зиберта как немецкого офицера, гестаповца и ненавидите его. Поэтому Лукин решил послать с Кузнецовым Валью Семенова. Да и Валя все время просился в город.

— А что, он до этого не был в Ровно? — спросила Лисовская.

— Нет, он выполнял другие задания. Он никогда не знает отдыха. Если отряд переходит из одного места на другое и преодолевает, скажем, тридцать километров в день, то Валя со своими ребятами проходит вдвое больше: нужно ведь сначала все разведать и проверить — местность, обстановку. В отряде и на стоянке партизаны несут

караульную службу, а разведчики ежедневно отмеряют по полсотни километров — на «маяк» и назад, доставляя донесения от городских разведчиков, таких, как мы с вами. Валя рвался в город, но его не пускали.

— Почему?

— Как же было ему, человеку, все время живущему в Москве и, кроме русского языка, никаким другим не владевшему, появиться в «столице» оккупированной Украины? Он сразу бы вызвал подозрение и, чего доброго, попал бы в лапы гестаповцев.

— Но все-таки его пустили?

— Да. Лукин нашел чудесный выход из положения. Он сказал Семенову: «Наденешь форму немецкого солдата, сделаем тебе удостоверение «дойчказака»¹, и ты будешь иметь право ходить по городу с оружием. Это для тебя будет лучшей униформой. Только хорошо научись козырять и выкрикивать «хайль Гитлер!». Вот так и пришел он к вам, на помощь Кузнецову.

— И очень хорошо, что пришел, иначе бы я Зиберту не поверила.

— А что Лена? — спросил я. — Она тогда ничего не слышала?

— Нет. К счастью, она куда-то ушла, и дома никого не было. А вообще, она очень наблюдательная девушка. Кстати, она не впервые ставит меня в затруднительное положение. Недавно она сказала: «Знаешь, Лида, мне кажется, что этот шофер, который приезжает с Паулем Зибертом... ну тот, Николаус, наверное, партизан». — «Ты откуда это взяла?» — крикнула я на нее. А она спокойно рассуждает: «Если он не настоящий партизан, так все равно немцев ненавидит. На него Зиберт кричит, а он ни слова в ответ. Я у него подметила два пистолета. Для чего шоферу два пистолета и полный портфель гранат? Это только партизаны так вооружены. Он когда-нибудь завезет этого Зиберта, где Макар телят пасет. Вот увидишь!» Ну что ты с ней поделаешь? А сегодняшний случай... Знаете, от нее все труднее прятаться...

— Она девушка сообразительная, и сердиться на нее

¹ Гитлеровцы на временно оккупированной территории формировали подразделения из военнопленных. Их называли «дойчказаками». Позднее часть их перешла к предателю Власову. Немало же «дойчказаков» убегало в леса, в партизанские отряды, где они включались в борьбу с захватчиками.

из-за этого не стоит. Уверен, что она никому не проговорится, — попытался я успокоить Лисовскую.

— Я знала, что вы ее будете защищать. Вы ей очень симпатизируете. Вас долго не было, а она все время спрашивала, что с вами, почему не приходите. Все вспоминала, как вы дергали ее за косички.

— Каюсь, было такое, — сказал я. И добавил: — Это очень хорошо, что у нас растет такая молодежь. Иногда посмотришь на девчонку: кажется, еще ребенок. Что с нее взять? А потом оказывается, что этот ребенок способен совершить настоящие подвиги. Вот недавно с помощью одной девушки мы взорвали железнодорожный мост. Придет время, и Лена, так же, как и мы с вами, как ваша Майя, включится в борьбу. Может, только не успеет — гитлеровцев прогонят с нашей земли.

Я посмотрел на часы: пора идти. Поднялся.

— Ну, бывайте.

— Да посидите еще немного! Ох, какая я негостеприимная, даже не предложила вам кофе!

— Спасибо. Не нужно. Я уже и так засиделся, а меня ждут.

— Вы еще навещаетесь к нам?

— Обязательно, но пока не обещаю. Завтра я покидаю Ровно. Возможно, скоро вернусь сюда и тогда увидимся.

На крыльце стояла Лена. Увидев меня, она спросила:

— Почему так быстро?

— Нужно, Леночка.

— Заходите!

В ответ я весело подмигнул и дернул ее за косички. Она рассмеялась и беззвучно, чтоб никто, кроме меня, не услышал, одними губами прошептала:

— Пар-ти-зан!

И быстро исчезла за дверью.

ИЛЬГЕН ДАЕТ ЗАДАНИЕ

В Ровно находился штаб тыла войск особого назначения. В его распоряжении были отборные пехотные и моторизованные части войск СС, авиационный полк, оснащенный средствами для борьбы с партизанами. Это были специальные контейнеры, наполненные небольшими бомбами и ручными гранатами. Когда такой контейнер гитлеровцы сбрасывали над лесом, бомбы и гранаты разле-

тались в стороны, поражая все живое на большой территории.

В подчинении штаба были подразделения связи, пеленгационной службы, саперные части и минеры, бронепоезда, танки...

О существовании этого штаба нам стало известно с первых же дней нашего прибытия в Ровно. Мы знали численность, техническую оснащенность и дислокацию войск. А когда наши разведчики, особенно Николай Иванович, перешли к активным действиям в оккупированной «столице» и завязали «дружеские» отношения с работниками гестапо, тайными агентами службы СД, нам стали известны отдельные операции, проводимые карательными отрядами на оккупированной территории.

И сколько фашисты ни пытались посылать свои отборные части на борьбу с партизанами, их замыслы и планы кончались провалом.

Давно было известно нам и то, что штабом войск особого назначения командует опытный гитлеровец, уже немолодой генерал-лейтенант Ильген. Этот фашист неплохо устроился в «столице». В живописной части города, по улице Мельничной, он занял небольшой особняк, обставив его дорогой мебелью, награбленной по всей Европе.

Генерал Ильген, как и все немецкие генералы, любил блеск, элегантность, вел роскошный образ жизни, требуя строгости и дисциплины по службе. Его действиями были довольны и рейхскомиссар Украины Эрих Кох, и командующий войсками тыла генерал-полковник Кицингер. Позже, когда на территории западных областей Украины активнее начали действовать партизанские отряды и целые соединения, Ильген забеспокоился и начал проявлять даже нервозность. Частые вызовы в генеральный штаб, рейхскомиссариат, многочисленные директивы и приказы, телефонные звонки вывели из равновесия самодовольного генерала.

Однажды в разговоре с командиром отряда Николай Иванович сказал:

— Давно собираюсь, Дмитрий Николаевич, просить у вас разрешения заняться фон Ильгеном...

— Что вы имеете в виду? — спросил Медведев.

— Ну как вам сказать?.. Генерал живет на тихой, безлюдной улице, охрана небольшая, гарнизонов вблизи нет... Мы подробно изучили распорядок дня этого фашиста. Разрешите, мы его с Колей Струтинским живехонького

доставим в отряд. По всей вероятности, он знает о планах и замыслах верховного командования.

— Это что-то новое? — спросил командир.

— Ничего нового, просто уведем генерала, и все. Это легко сделать, никому и в голову не взбредет, куда делся генерал.

Но сколько ни просил Николай Иванович у командира разрешения, чтобы украсть Ильгена, Медведев был неумолим. И не потому, что в этом не было необходимости или Дмитрий Николаевич сомневался в успехе дела. Просто вся наша деятельность в Ровно была подчинена единой цели — разведка, разведка и еще раз разведка.

Николай Иванович не случайно просил у командования разрешения на такого рода операции. Мы, разведчики, находились между двух огней. С одной стороны — оккупанты, с которыми, чтобы добыть интересующие нас данные, необходимо было общаться, любой ценой заводить знакомства, когда сердце горит жгучей ненавистью к врагу, когда руки тянутся задушить ненавистного захватчика. А с другой стороны — наши непокоренные советские люди. Как тяжело было на душе, как хотелось подойти к старушке, которая обожгла тебя ненавидящим взглядом, приняв за врага, и объяснить ей все, обнять нежно, сказать: «Дорогие, мы не те, за кого вы нас принимаете».

Особенно глубоко воспринимал и тяжело переносил подобные сцены Николай Иванович. Возвратясь на квартиру, где мы собирались, он говорил:

— Нет, не могу я, товарищи, спокойно глядеть на все это. Хочется чего-то такого, что успокаивало бы нервы. Хочется мстить этим гадам, принесшим столько горя человечеству, мстить беспощадно.

Вот почему каждый раз Николай Иванович или кто-либо из ребят, прибыв в отряд, просили разрешения перейти к более активным действиям. Но Медведев неизменно отвечал:

— Нельзя. Москва не разрешает. Ваше задание — разведка, и нечего открывать охоту на генералов. Можно только Коха...

Вале Довгер, как одной из наиболее исполнительных и безупречных рассыльных рейхскомиссариата, приходилось иногда бывать и на квартирах высокопоставленных

чинов, присутствовать на офицерских собраниях и вечеринках. Молодая, симпатичная девушка, немного наивная (да еще и фольксдойче!) не вызывала никаких подозрений. Наоборот, ей симпатизировали и охотно приглашали в свои компании.

Валя часто приносила Ильгену почту не только в штаб, но иногда и на квартиру. В генеральском особняке наша разведчица чувствовала себя как дома. Старому генералу нравилось беседовать с молоденькой красавицей, не скупившейся на похвалу в адрес «великого рейха», немецких офицеров и самого фюрера. Часто, когда Валя приносила Ильгену пакет на дом, он просил девушку приготовить кофе, поджарить яичницу, приглашал к столу, делился своими мыслями.

— Не могу терпеть, когда мужчина возится с кастрюлями. Женщина приготовит, то и еда вкуснее, — намекал генерал, когда ему хотелось задержать на часок Валю, чтобы она приготовила ему ужин.

— А почему вы не подыщите себе экономку или кухарку? — спрашивала Валя.

— Понимаете, фрейлейн Валя, не так-то легко найти подходящего человека. Для этого нужен человек надежный. Уже пробовали подыскать, но все кандидатуры отпали, гестапо не рекомендует. Если бы такую девушку, как вы, фрейлейн Валя, я с удовольствием взял бы.

— Что вы, господин генерал, разве я смогу быть экономкой, я только умею кофе заварить да яичницу поджарить. А картошка у меня обязательно подгорит.

Подобные разговоры не раз заводил генерал с нашей разведчицей, и кончались они обычно тем, что Валя обещала подыскать подходящую кандидатуру в экономки.

Как-то под вечер генерал встретил Валю на пороге своего дома и немного обеспокоенно промолвил:

— О, фрейлейн Валя, битте, битте! Как хорошо, что вы пришли, а то сегодня у меня будет гость из самого Берлина. Услышав шаги, я подумал, что это полковник фон Пиппер. Уже час жду, а его все нет. Что там у вас? Давайте!

Генерал взял пакет, положил его на стол, посмотрел на часы, и еще больше начал сетовать на опаздывавшего полковника.

Полковник фон Пиппер... Кто бы это мог быть? Валя никогда не слышала этой фамилии. «Вероятно, какая-то

очень важная персона,— подумала Валя,— иначе Ильген не стал бы его так нетерпеливо и долго ожидать и, уж конечно, не выбежал бы навстречу. Обязательно надо выяснить, кто он, этот Пиппер, и зачем он понадобился генералу».— И Валя, будто невзначай, поинтересовалась:

— А почему это, господин генерал, какой-то полковник заставляет вас ждать больше часа?

— Это не обыкновенный полковник, фрейлейн Валя. Полковник фон Пиппер — знаменитая личность. За его плечами громадный опыт борьбы с коммунизмом и вообще со всеми теми, кто выступает против нас. О, его хорошо знают французские «маки», партизаны Чехословакии, Польши, Югославии, Греции... Наше высшее офицерство восхищается его способностями, мужеством и воинственностью. Сам фюрер знает о нем, и его называют «мастером смерти». Вот кто он — фон Пиппер! Побольше бы нам таких полковников! Многие генералы согласны ждать его не один час. Он мне сегодня очень нужен... Садитесь, фрейлейн Валя, ваше присутствие украсит нашу компанию... А вот, кажется, и полковник идет...

Дверь открылась, и на пороге появился полковник с суровым, самоуверенным лицом.

— Господин генерал-лейтенант! Командир части особого назначения, полковник фон Пиппер по вашему приказанию прибыл. Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! Садитесь, полковник. Мы тут с фрейлейн Валентиной уже заждались вас. Это — курьер рейхскомиссариата, знакомьтесь! Надеюсь, и для вас будет приятным общество моей юной гостьи?

Полковник Пиппер склонил голову и любезно поздоровался с Валей. На его лице мелькнула едва уловимая усмешка.

— О, конечно, конечно! Я очень рад познакомиться с таким ангелочком. Она напоминает мне мою дочку Луизу. У нее даже такая же прическа.— Фон Пиппер опустился в кресло напротив Ильгена.

— Вам коньяк или ром? — любезно спросил генерал у полковника.

— Все равно, господин генерал, я буду пить то, что и вы,— ответил Пиппер.

— Фрейлейн Валя,— обратился генерал к нашей разведчице,— поухаживайте, пожалуйста, за нами — приготовьте что-нибудь перекусить, налейте горячего кофе и сами присаживайтесь к столу.

— Вам, полковник,— начал генерал, осушив рюмку,— вполне заслуженно присвоено звание «мастера смерти». Любой из офицеров армии фюрера может вам позавидовать.

Лицо Пиппера расплылось в самодовольной усмешке:

— Благодарю вас, мой генерал, за признание.

— Но,— Ильген глубоко затаился и стряхнул пепел с сигары в пепельницу из красного мрамора, напоминавшую листок лотоса,— каждая вещь требует обновления. Вы должны подкрепить свою репутацию свежими делами.

— Готов к вашим услугам, господин генерал-лейтенант! — приподнялся «мастер смерти».

— Сидите, сидите, полковник.

— Прошу прощения.

— Добавлю только,— продолжал Ильген,— что на этот раз вам поручается дело, от которого ваша карьера станет более блестящей.

— Готов выполнить любой приказ! — не сдерживая радости, выпалил фон Пиппер и снова поднялся с кресла.

— Не торопитесь,— остановил его генерал.— Нам стало известно, что в Ровенских лесах действует очень опытный и опасный для нас партизанский отряд полковника Медведева. Наши попытки уничтожить эту банду не имели успеха. Люди, которых мы посылали на эти операции, не возвращались из леса. Именно так, полковник, не возвращались...— Он пристально поглядел на Пиппера, вероятно желая узнать, как будет реагировать полковник на последние слова, и, оставшись довольным, продолжал: — Не дали никаких результатов и воздушные операции. Больше того, до сих пор мы не знаем численности отряда и его расположения. Гестапо ничего толком о нем не знает. Эти гореразведчики, вероятно, лучше ориентируются в том, где есть хороший шнапс и красивые девочки.

Ильген улыбаясь взглянул на Валью, потом перевел взгляд на полковника.

— Район действий этого отряда близко, ориентировочно — Сарненские и Цуманские леса. Гаулейтер проводил специальное совещание по борьбе с бандитами и рекомендовал поручить это дело вам. Я охотно поддержал его предложение.

— Уверяю вас, господин генерал-лейтенант, через месяц от банды Медведева останется лишь воспоминание.

— Этого мало,— остановил самоуверенного полковника Ильген.— Постарайтесь Медведева взять живым. Я хочу

встретиться с этим хитрым советским разведчиком. Я должен поговорить, понимаете — по-го-во-рить (на последнем слове генерал сделал ударение) с ним тут, у себя дома, за чашкой кофе, а фрейлейн Валя нам его подаст...

— Я вас очень хорошо понимаю, господин...

— Не перебивайте старших, полковник, — немного раздраженно оборвал его генерал.

— Прошу прощения...

— Так вот: поймать Медведева живым и доставить ко мне. А отряд... Ну, не вас учить, что с ним делать. Это уже ваше дело.

— Слушаюсь, господин генерал-лейтенант. Ваше желание будет исполнено. Для великой Германии, для фюрера я готов сделать все. Полковник Медведев будет доставлен лично к вам.

— Желаю удачи, — Ильген протянул руку.

— У меня к вам одна просьба. Если позволите, господин генерал-лейтенант?.. — Пиппер уставился глазами в Ильгена, словно желая угадать, своевременно ли задает он вопрос.

— Я готов на любые условия, — на этот раз поспешил Ильген. — Если будет необходимость, дам целую дивизию.

— Сил у меня достаточно, господин генерал-лейтенант... — И снова замолчал, будто не зная, с чего начать.

— А, понимаю! Наверное, давно не были в отпуске. Чем скорее закончите операцию, тем быстрее разрешу поехать домой, даже на два месяца.

И снова не то, хотя и отпуск неплохо было бы получить.

— Дело в том...

— Говорите, говорите, господин полковник, не стесняйтесь, — ободрил его Ильген.

— Прошло уже более полугода, как подписан приказ о представлении меня к генеральскому званию. Нельзя ли как-нибудь ускорить решение этого вопроса? — произнес, краснея, Пиппер и облегченно вздохнул.

— Согласен. Считайте себя генералом. Как только уничтожите банду и приведете Медведева сюда, сразу же оденете генеральские погоны. Это я вам гарантирую.

— О-о! Тогда я обещаю ускорить операцию. Не пройдет и двух недель, нет, десяти дней, как полковник Медведев будет в этой комнате! — восторженно и гордо почти воскликнул «мастер смерти».

— Будем надеяться...

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер!

Фон Пиппер уже закрывал за собой дверь, когда Ильген остановил его:

— Только живым, полковник!

— Есть живым, господин генерал-полковник! А генеральские погоны я завтра же куплю...

— Забавный разговор,— сказал Дмитрий Николаевич Медведев, когда Кузнецов со всеми подробностями передал ему рассказ Вали.— Что же, я не возражаю против встречи с генералом Ильгеном. Жаль только, что Пипперу не удастся так быстро нас разыскать. Но мы можем оказать генералу услугу и ускорить эту встречу. Только, очевидно, состоится она не в его кабинете, а тут, скажем, в Цуманских лесах, где-то вблизи от села Берестяны, в партизанской землянке или чуме. Неплохо, ребята?

Мы обрадовались: значит, командир разрешает нам заняться в Ровно, кроме разведки, еще кое-какими делами.

— Дмитрий Николаевич,— обратился к Медведеву Кузнецов,— если позволите, мы завтра же доставим сюда Ильгена, целого и невредимого.

Командир, подумав, ответил:

— Позволю. Только не теперь. Генералу Ильгену придется немного обождать. Пока что Москва рекомендует занять заместителями Коха. Если сам гаулейтер не рискует появляться в своей ровенской резиденции и его функции выполняют заместители, нужно обезвредить их. Я имею в виду в первую очередь Даргеля и Функа. Это они причиняют много горя нашему народу и должны ответить за все.

— А Ильген? — спросил Николай Иванович.

— Ильген пусть подождет. Его черед еще придет. Иначе, если он вдруг исчезнет из города, неизвестно, останутся ли в нем другие важные персоны. Повторяю: в первую очередь — Даргель и главный судья на Украине доктор Альфред Функ. С них и начинайте.

— Кстати,— обратился командир к Николаю Ивановичу.— Говорите, генерал не может подыскать себе экономку?

— Да, очень настойчиво пристает к Вале, обещает

высокую оплату, даже предлагает забрать ее в фатерланд.

— Нет, Валя нам нужна в рейхскомиссариате. А вам советую помочь господину генералу подыскать экономку. Не мешает иметь своего человека в этом фашистском логове. Посовещуйтесь с Александром Александровичем, кого из наших девушек порекомендовать на эту должность. Если в доме Ильгена будет свой человек, можете считать, что он уже в наших руках.

В этот же вечер мы с Николаем Ивановичем сидели в чуме Александра Александровича Лукина. Кузнецов еще раз повторил со всеми подробностями разговор Ильгена с фон Пиппером.

— Об этом обер-карателе я много слышал,— сказал Лукин.— Он опытный волк. И хитер. Но мы постараемся перехитрить его. А относительно экономки...— Лукин взглянул на меня: — Как ты считаешь — Лисовская подойдет?

— Мне кажется, лучшей кандидатуры и быть не может. Представляю, как она обрадуется, получив это задание.

— Тогда, Коля, поручаю тебе поговорить с ней. Только ничего пока о наших намерениях украсть Ильгена не говори. Просто скажи, что нам необходимо иметь в доме генерала своего человека.

— Ладно,— ответил я.— Но тогда придется познакомиться Лисовскую с Вале́й.

— Это было бы нежелательно. Постарайтесь найти какую-нибудь другую лазейку в дом генерала. Помните: что бы ни случилось, Валя должна оставаться в стороне.

— Понятно, Александр Александрович.

Через несколько дней я встретился с Лисовской.

— Лидия Ивановна,— сказал я.— Нам стало известно, что командующий штабом войск особого назначения генерал Ильген ищет себе экономку...

— И вы предлагаете мне...— перебила Лисовская.

— Да, было бы неплохо...

— Тогда считайте, что перед вами уже экономка генерала Ильгена.

Я удивленно посмотрел на Лидию Ивановну.

— Не удивляйтесь. Генерала Ильгена я хорошо знаю. Почти ежедневно он приходит обедать в наше казино и не скупится на комплименты. Он не раз жаловался мне, что от нашей пищи у него скоро будет язва желудка, и инте-

ресовался, умею ли я готовить. Стоит лишь мне произнести «так», и он возьмет меня в спасительницы своего желудка.

— Тогда желаю успеха.

— А что мне делать у Ильгена?

— Пока ничего. Устраивайтесь и постарайтесь угодить ему. А когда дойдет до него черед, Николай Иванович скажет вам, что нужно сделать.

— Хорошо.

Вскоре директор офицерского казино написал письменное распоряжение, в котором значилось, что метрдотель фрейлейн Лидии Лисовской поручается по совместительству исполнять обязанности экономки у командующего штабом войск особого назначения тыла — генерала фон Ильгена.

Старый генерал был доволен: наконец, ему удалось подыскать себе в экономки красивую молодую женщину, к тому же, как свидетельствовало гестапо, вполне благонадежную.

Не знал он, что в списке тех, над кем должно было свершиться народное возмездие, стояла и его фамилия. Она была последней в этом списке, но первый шаг к осуществлению акта возмездия уже был сделан.

ОШИБКА НЕБОЛЬШАЯ

Осень сорок третьего года была теплой. Стойко установилась солнечная погода, лишь изредка выпадали небольшие дожди. В такую погоду не сидится в городе, тянет к природе, на свежий, напоенный ароматом трав, воздух.

Пользуясь услугами Вацка Сакраменты, мы совершали иногда «вылазки» за город, чтобы встретиться с местными подпольщиками, от которых получали информацию, да и нервы немного успокаивались. Однажды такая «прогулка» за город из приятной едва не превратилась для Николая Струтинского в роковую.

Хозяйка оставила Николая в доме, а сама отправилась в город за покупками. Гость решил воспользоваться отсутствием хозяйки и заняться туалетом. Он почистил оружие и принялся гладить костюм, разложив на столе все содержимое своих карманов: пистолет, гранаты, документы.

Выглянув через окно на улицу, он увидел, что к дому со всех сторон с автоматами наперевес приближаются гитлеровские солдаты. Офицер с пистолетом в руках отдавал распоряжения.

«Жаль, мало гранат,— подумал Николай,— а то задал бы я им жару. Прятаться им негде, вокруг поле».

Тем временем немцы, сбившись в кучу, о чем-то начали советоваться. Николай уже приготовился бросить в окно противотанковую гранату, но увидел, что гитлеровцы собрались уходить.

«Да это же у них учебные занятия!» — отлегло от сердца.

Возвратясь в Ровно, Николай рассказал о происшедшем Николаю Ивановичу. Кузнецов рассердился.

— Бросьте эти шутки, ребята. Надо быть осторожным и не увлекаться вылазками за город. Из города нужно уходить только тогда, когда в этом есть необходимость. Дисциплина прежде всего, запомните это, ребята. Мы не имеем права рисковать.

И мы понимали, что Николай Иванович прав, понимали, что ему намного труднее, чем нам. Ведь он почти все время находится среди врагов, и круг своих людей, с которыми он встречался, был очень ограничен. Даже попасть из города в отряд или на партизанский «маяк» Кузнецову было значительно сложнее, чем нам. Мы шли селами, полями, добирались на попутных машинах, подводах, велосипедах, пешком. А как быть ему, одетому в форму немецкого офицера?

— Неплохо было бы обзавестись машиной,— поделился с нами своей мыслью Кузнецов.

При слове «машина» глаза Коли Струтинского загорелись: все знали его пристрастие к автомашинам.

— Разрешите мне заняться этим, Николай Иванович,— попросил он.

— Займись, я не возражаю.

Николай скоро наладил дружеские связи с водителями гаража гебитскомиссариата, а с одним из них — Степочкиным — пошел на откровенность.

— Я вижу, ты наш парень и ненавидишь гитлеровцев,— обратился к нему Струтинский.— Хочешь помочь партизанам?

— А как? — не раздумывая, спросил тот.

— Нам нужна легковая автомашина.

— Ее не так трудно достать,— ответил Степочкин.—

Только какая вам нужна машина — во временное пользование или на постоянно?

— Пока во временное, а потом можно и на постоянно.

Вскоре Пауль Зиберт уже разъезжал на черном «адлере» — на том, на котором разъезжал ровенский гебитс-комиссар Беер.

— Не очень удобно так пользоваться автотранспортом, — сказал Кузнецов Струтинскому, когда тот рассказал ему, что заведующий гаражом сделал замечание Степочкину за опоздание.

— Я вынужден ждать, пока господин гебитскомиссар освободит машину, а тут оказывается, что герр Беер должен ждать, пока мы освободим его лимузин. Нужно одолжить его навсегда.

И черный «адлер» исчез из гаража гебитскомиссариата. А вместе с ним исчез и Степочкин. Как ни старалась полиция, уголовное и политическое СД и другие службы разыскать водителя и автомашину — их усилия оказались тщетны. Степочкин благополучно отдыхал в отряде, а лимузин, перекрашенный в другой цвет, с военными номерными знаками разъезжал по улицам Ровно. Рядом с шофером Николаусом — Колей Струтинским — гордо восседал гауптман Пауль Зиберт.

Теперь Николай Иванович имел возможность выезжать за пределы города — в Эдолбунов и даже на партизанский «маяк».

— Прекрасная машина, — не мог нарадоваться Коля Струтинский. — Просто сама идет. Я давно о такой мечтал...

— Но нам придется, вероятно, расстаться с ней, — заметил Кузнецов.

— Почему?

— А не кажется тебе, что для рядового офицера такой «адлер» слишком большая роскошь?

— Оно-то, конечно, но...

— Никаких «но» не может быть. Удивляюсь, как до сих пор они не обратили на это внимания? Нужно найти другую машину, скромнее.

— Думаю, это не трудно сделать. В гараже гебитскомиссариата достаточно машин. Взяли эту, возьмем еще. Там есть надежные ребята, они готовы не только машину, а и самого гебитскомиссара украсть и доставить в отряд, — ответил Струтинский.

— Этого вам не разрешат. Беер не такая уж важная

персона, чтобы из-за него рисковать. В Ровно есть поважнее. А другую машину достать нужно.

Не прошло и трех дней, как Николай приехал на почти новеньком «Опель-кадете».

— О, именно на такой машине и разъезжать гауптману! — воскликнул Кузнецов.

— Но «адлера» не нужно бросать, — сказал Коля. — Отправим его на «маяк», пусть постоит. Он еще может пригодиться.

— Не возражаю, — одобрил Николай Иванович.

С тех пор на партизанском «маяке», замаскированный ветками, стоял резервный комфортабельный лимузин. А в селе Тытьковичи Василий Бурим организовал своеобразную мастерскую-гараж, где, кроме профилактического ремонта, еще перекрашивали «оппель». После каждой очередной операции он из серого превращался в кофейный, из кофейного в зеленый, из зеленого в черный.

— Теперь, товарищи, можно братья за большие дела, — радовался Кузнецов.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовалась Валя Довгер.

— Дмитрий Николаевич рекомендовал заняться лицами, близкими к Коху — его заместителями, начальниками штабов. Сам рейхскомиссар вряд ли появится тут. Очень уже неважны дела у немцев на фронте. Сталинград. Курск. Гитлер не в шутку струсил. И Кох тоже. Он чувствует себя лучше в своей резиденции в Восточной Пруссии. Тут же всеми делами ведают Даргель.

— Да, этот палач считает себя полновластным хозяином Украины, — добавила Валя. — В рейхскомиссариате он завел строгие порядки, словно сам фюрер. Даже в кабинет Коха перебрался.

— Ты, Валя, займись изучением его распорядка дня: когда приходит на службу, когда обедает и возвращается с обеда, кто его сопровождает...

Через несколько дней мы получили от Вали подробную информацию: заместитель рейхскомиссара по политическим вопросам Пауль Даргель почти безвыездно находится в Ровно, живет в одном из лучших особняков по Шлесштрассе. Изредка выезжает в Киев, Днепропетровск, Одессу, Винницу для решения вопросов, связанных с режимом оккупации. Он резкий, даже грубый, вспыльчивый, ежедневно учиняет разносы тем, кто не очень четко выполняет распоряжения оккупационных властей, особенно если это

касается борьбы с партизанами. Это он подписал предписание всем местным властям соорудить виселицы, на которых время от времени менять повешенных. В личной жизни он очень аккуратный, все делает с немецкой пунктуальностью. На службу и домой ходит пешком в сопровождении личного адъютанта, который носит под мышкой желтую кожаную папку. Ежедневно в четырнадцать тридцать Даргель обедает. С такой же точностью ровно через час возвращается.

Внимательно выслушав Валу, Николай Иванович произнес:

— Один раз на обед проводим его мы.

— А как и когда будем проводить операцию? — поинтересовался я.

— Очень просто. Подъезжаем машиной в определенное время и ждем, пока президент будет идти на обед. Днем лучше всего. С утра многие работники рейхскомиссариата спешат на службу, а на обед Даргель ходит отдельно от всех. На улице почти никого не будет. А когда? Откладывать не станем. Какой сегодня день?

— Суббота, 18 сентября.

— Ну вот, в понедельник, 20 сентября, мы и встретимся с господином Даргелем. Так, Николаус? — обратился он к Струтинскому.

— Конечно, — ответил Николай, — машина в полной боевой готовности.

— А мне, Николай Иванович, можно с вами? — спросил я Кузнецова.

— Нет, Николай. Я не могу тебе этого разрешить, да и не имею права. Командование поручило эту операцию мне и Струтинскому. Нет необходимости ехать втроем. Ты лучше проследи за тем, что будет делаться в городе, как будут реагировать на убийство фашисты. А мы тут не задержимся, сразу же на «маяк». Нужно будет нашего «Оппель-кадета» переодеть, потому что немцы, вероятно, станут охотиться за его серыми двойниками. Дня два-три отдохнем в отряде, а потом снова в Ровно.

Я еще попытался что-то говорить о необходимости моего участия в этой операции, меня даже поддержал Струтинский, но Николай Иванович был неумолим.

— Поймите же, нас должно быть только двое: шофер и я. Третьему делать нечего. Гнидюк пусть предупредит некоторых товарищей, а главное — достанет газету с сообщением о смерти Даргеля.

В воскресенье Кузнецов еще раз встретился с Валей. Узнав о предстоящей операции, она сказала:

— Надеюсь, с Даргелем ты не будешь заводить длинный разговор, как с Кохом. Кстати, да он и не твой земляк.

— Брось шутки, Валя. Разговор с Кохом пригодился. Ты же слышала сообщение об Орловско-Курской операции. А с Даргелем завтра будет покончено. Ты лучше скажи, не ходит ли кто-то другой в это время на обед. Даргеля я видел только один раз, когда он выступал на параде. Не очень-то всматривался в него.

— Нет, Николай, его трудно спутать с кем-то другим. Во-первых, за ним, словно тень, ходит адъютант с желтой папкой. Во-вторых, он идет на обед позже других работников рейхскомиссариата. Выходит из кабинета в четверть третьего с таким расчетом, чтобы ровно в четырнадцать тридцать сесть за стол. Идет медленно, не спеша, вернее,— не идет, а прогуливается перед обедом. Все другие чины ездят в машинах.

— Хорошо, Валюшка. Все понятно. Завтра попытаемся проводить на обед президента мы с Колей. Пожелай нам ни пуха, ни пера. До свидания!

— До свидания, друзья. Желаю удачи. Не забудьте же: вдвоем, желтая папка, четырнадцать тридцать, по Шлесштрассе.

Николай Иванович повторил последние слова Вали, но с небольшой поправкой:

— Вдвоем, желтая папка, четырнадцать двадцать пять.

* * *

На следующий день, сидя на квартире Марии Левицкой, я с нетерпением ожидал наступления часа, когда смогу выйти в город, чтобы узнать новости. «Удастся ли нашим товарищам осуществить операцию? Не подведет ли мотор, ведь Коля иногда жаловался, что мотор барахлит? Смогут ли запутать следы и уйти?» — эти мысли не давали покоя. Вопросы, вопросы... Если бы можно было на все сразу получить ответ, разгадать все загадки!

Мария Титовна, возвратясь из города, сообщила, что видела серый «оппель» с Кузнецовым и Струтинским. Разъезжают по центральным улицам города. Ее словно не узнали, даже не ответили на приветствие.

— Вот прогоним швабов,— говорила она,— соберемся все вместе отпраздновать победу, я тогда припомню, какие вы джентльмены. Даже на приветствие женщины не хотите ответить.

— Ты уж извини, Мария,— успокаивал я.— Если Николай Иванович сегодня не ответил на твое приветствие, значит, у него были на то причины.

Она вопросительно взглянула на меня, но, поняв, что я больше ничего не скажу, перевела разговор на другое.

Около двух часов дня я предложил:

— Давай пройдемся по городу. Может, еще раз встретим Николая Ивановича.

— С удовольствием. А относительно того, что он не поздоровался, вы ему ничего не говорите.

Несколько минут спустя мы уже прогуливались неподалеку от места, где Кузнецов и Струтинский должны были встретиться с Даргелем. Не успели мы подойти к Шлесштрассе, как услышали два выстрела. Мария вздрогнула:

— Что это?

— Успокойся, так должно быть,— сквозь зубы процедил я.

— Значит...— произнесла она и вопросительно взглянула мне в глаза.

В тот же момент где-то вблизи пронзительно завывала сирена и на сумасшедшей скорости пронеслось несколько машин с полицейскими.

— Идем домой,— сказала Левицкая.— Сирены воют... Тут что-то неладно.

— Раз воют, значит все в порядке,— ответил я.— А возвратиться нам и правда лучше.

Выстрелы на Шлесштрассе вызвали в Ровно страшную панику. Гестаповцы, жандармы, шуцполиции шныряли по городу, задерживали «подозрительных», останавливали и проверяли все легковые машины. С молниеносной быстротой по городу разнеслись слухи, что неизвестный немецкий офицер подъехал на автомобиле на Шлесштрассе, когда из рейхскомиссариата вышел генерал со своим адъютантом, метким выстрелом из пистолета убил обоих и скрылся в неизвестном направлении. Слухи начали обрастать фантастическими предположениями и догадками. «Немецкий офицер убил генерала за то, что тот понизил его в звании»,— говорили одни. «Он был родственник генерала, даже очень близкий, и надеялся получить

большое наследство»,— предполагали другие. Но наибольшее распространение получила версия, будто генерал стал жертвой любовной истории. Непонятным осталось только то, почему был убит генеральский адъютант.

Мария Левицкая, догадываясь, что мне были известны причины убийства, все же не решалась расспрашивать и, делая вид, что верит последней версии, все же высказала недоумение по поводу убийства адъютанта.

— Нечему удивляться,— сказал я.— Убили гада и его холоуя. Меня удивляет другое: мы услышали выстрелы на пятнадцать минут раньше предвиденного. Николай Иванович сказал: в четырнадцать двадцать пять. Взглянул на часы — четырнадцать десять. Я подумал, что мои часы отстают, проверил — нет, идут верно.

— Так этот офицер — Николай Иванович! — воскликнула Мария.— Струтинский был с ним?

Я утвердительно кивнул головой.

— Теперь я понимаю, почему они со мной не поздоровались. А кого они должны были прикончить?

— Заместителя Коха — Пауля Даргеля.

— Это того, который выступал на параде?

— Того самого!

— Так ему и надо! А Николай Иванович молодец. Где он сейчас?

— Должен был поехать в отряд.

— А когда сюда возвратится?

— Если все будет благополучно, скоро.

Муж Марииной соседки и подруги Веры Гамонь — Иосиф, возвратясь с работы, сообщил, что убиты министр финансов доктор Гель и его помощник. На месте происшествия нашли документы какого-то украинского националиста, недавно прибывшего из Германии и исполнявшего поручения самого Бандеры. На улицах задерживают всех украинцев, и даже полицейских, на которых падает подозрение. То же повторил и муж Марии — Феликс. Эти сообщения встревожили меня. Николай Иванович ошибся и вместо Даргеля уничтожил Геля. А сегодня в Москву отправят сообщение, что убит Даргель. Неправильная информация грозит многими недоразумениями а, возможно, и неприятностями для Кузнецова. Я вспомнил, как он накануне просил меня:

— Ты, Николай, постарайся поточнее узнать, как будут оккупанты реагировать на убийство заместника Геб-

бельса на Украине. И обязательно достань газету с некрологом.

А тут — ошибка, о которой нужно немедленно сообщить в отряд. Я собрался уходить.

— Куда ты сейчас пойдешь? — всполошилась Мария. — Ты же слышал, что у Феликса дважды проверяли документы.

— Ну и что же? Они ищут подозрительных лиц из украинского националистического центра, а я Ян Богинский, чистокровный католик, уроженец Костополя.

— А разве обязательно надо идти?

— Да. Произошла ошибка. Вместо Даргеля убит министр финансов Гель. Об этом необходимо немедленно сообщить в отряд. Попробую разыскать Мишу Шевчука, посоветуюсь с ним.

— Тогда и я пойду с тобой. Хоть проведу через центр. Так будет безопаснее.

— Благодарю, не беспокойся.

Но в таких случаях Левицкую трудно было уговорить. Мы вышли с ней на улицу, и она, взяв меня об руку, принялась по-польски весело тараторить мне на ухо. Встречным казалось, что идет пара влюбленных, и лишь один патруль, стоявший у железнодорожного переезда, остановил нас и строго потребовал предъявить документы.

Мария кокетливо заглянула немцу в глаза и вынула из сумочки свое удостоверение. Но патруль не стал добрее.

— Я не у вас спрашиваю документ, а у вашего кавалера! — сердито крикнул он.

— Прошу вас, — чисто по-польски произнес я и протянул свое удостоверение.

Проверив аусвайс, патрульный потребовал мельдкарту и, лишь убедившись, что документы в порядке, вполне вежливо поблагодарил и сказал по-польски:

— Скажите своей мадам, чтобы она меньше скалила зубы. Сегодня не время для веселья.

— А чего это я должна грустить? Мы с Янеком так любим друг друга...

— Любите себе сколько угодно, но в такой грустный момент держите свою радость при себе. Вы разве не слышали, что сегодня убит генерал?

— Слышали, уважаемый пан, — ответила Мария, —

как же, слышали, но и вы, вероятно, знаете, что генерал пал жертвой любовной истории.

Патруль строго посмотрел на мою попутчицу и сказал:

— Слухи об убийстве министра финансов на почве любовной интриги распространяют такие, как вы, уважаемая мадам. Потому что в вашей голове, вероятно, ничто не держится, кроме...

Он взглянул на меня и добавил:

— Благодарите бога, что у вас такой хороший парень и что он с вами. Идите лучше, куда шли. Только помните, что до комендантского часа осталось сорок минут.

Пройдя переезд, мы расстались. Я пошел к Вале Довгер. Там уже был Михаил Шевчук.

— Хорошо, что ты пришел. Что делать? Тебе известно, что операция Кузнецову не удалась?

— Почему не удалась? — возразил я. — Наоборот — прошла блестяще. Ты бы видела, что делается в городе, послушала бы, что говорят!

— Ты слышишь? — Валя обернулась к Шевчуку. — Он, вероятно, еще ничего не знает.

— Почему не знаю?

— Что же ты знаешь?

— То, что вместо сенатс-президента Даргеля убит имперский советник министр финансов доктор Гель.

— Как тебе это нравится?

— А что в этом плохого? Не стало еще одного фашиста. К тому же немцы дезориентированы. Гестаповцы нашли документы какого-то агента Бандеры, и в городе уже не видно шуцполицаев.

— Но Даргель ходит живой!

— Придет и его черед.

— Я тоже говорю Вале, что ничего страшного не произошло, — сказал Шевчук. — Хуже всего, что Николай Иванович уверен в смерти Даргеля.

— Нужно немедленно идти в отряд, — заспешила Валя.

— Я тоже об этом думал и пришел к вам посоветоваться.

— Сегодня выходить из города опасно, — сказал Шевчук, — на всех дорогах расставлены патрули.

— Пойдем завтра. Утром выйдут газеты, и мы их захватим с собой. А все же интересно, почему Кузнецов поспешил?

— Непонятно,— ответила Валя.— Я несколько раз повторила ему, когда именно Даргель идет на обед. И надо же было, чтобы Гель, который всегда едет на машине, пошел пешком. Кузнецов, наверное, перепутал его с Даргелем, решив, что тот немного нарушил свой распорядок.

— А кто он такой, этот Гель?

— Тоже крупная рыба. Заместитель рейхскомиссара по финансам. В рейхскомиссариате его не любят за скупость. Говорят, он не всегда слушался даже самого Коха. Мой шеф, узнав о смерти Геля, вздрогнул и пустил слезу. Но по выражению лица легко можно было понять, что в душе он рад. Дня два тому назад он проклинал Геля за то, что тот не разрешил ему приобрести новую автомашину.

— А как остальные реагировали?

— Сначала страшно перепугались. Бросились доставать из сейфов пистолеты и патроны. А узнав, что Геля застрелил немецкий офицер, подъехавший на машине, начали говорить, что убийство совершил кто-то из близких родственников в корыстных целях. У Геля не было детей, но он владел солидным капиталом и был вкладчиком нескольких банков. Поэтому считают, что кто-то из родственников помог ему умереть. Но все равно это убийство отнесут за счет партизан и большевистских агентов. Жена получит страховку и даже пенсию. А ошибиться Николай Иванович мог. Гель и Даргель чем-то напоминают друг друга. А тут еще и адъютанты с желтыми папками. Но Даргель никогда не нарушает свой распорядок. У нас даже на этот счет шутят: «По Даргелю можно сверять часы».

На следующий день утром мы с Шевчуком раздобыли несколько газет с траурным сообщением и портретом доктора Геля в черной рамке и двинулись в отряд. Благополучно добрались до Оржевских хуторов и вскоре встретились с разведчиками «маяка».

Борис Сухенко, дежуривший на «маяке», был удивлен нашему появлению.

— А мы час назад отправили Николая Ивановича и Колю Струтинского и вас не ждали.

— Разве они здесь ночевали?

— Да, пришлось тут провести ночь. Валя Семенов, дежуривший перед нами, не знал, куда перебазировался отряд. А мы на рассвете его сменили.

— Нам тоже немедленно нужно в отряд,— сказал Шевчук,— возможно, мы даже попадем туда раньше Николая Ивановича.

— Мы не можем вам помочь,— возразил Борис.— Идти опасно. В отряд далеко, а без охраны идти лесом командир категорически запретил. На «маяк» и с «маяка» сопровождает специальная рота. И дня не проходит без стычки. А чего так срочно вам нужно в отряд, что-то случилось?

— Ничего особенного,— спокойно ответил Шевчук,— просто Николай Иванович ошибся, уничтожил не того заместителя Коха.

— А он был так рад! Шутил с Колей, смеялся, что им легко удалось уничтожить фашиста и скрыться. Жалел только, что не удалось забрать желтую папку, которую нес адъютант. А кого же он уничтожил?

— Министра финансов доктора Геля.

— Тоже персонала!

— Так как же все-таки сегодня попасть в отряд? — спросил я Бориса.

— Как хотите, ребята, приказ командира я не нарушу. Да и дело не в приказе. Лесом да еще днем идти небольшой группой опасно. Бандитов много.

Борис был прав. Стараясь выслужиться перед гитлеровцами, предатели Родины — националисты — охраняли все дороги, ведущие в Ровно. Они шныряли по лесам в поисках партизан, устраивали засады, и нередко нам приходилось вступать с ними в бой.

Мы целый день пробыли на «маяке», а вечером в сопровождении роты Александра Базанова пошли в отряд.

И на этот раз бандиты устроили нам засаду. Они расставили свои силы так, чтобы замануть нас в «мешок», окружить и уничтожить. Но Базанов, изучивший повадки националистов, при первых же выстрелах приказал нам остановиться, а бойцы начали прочесывать лес, пока от вражьих засад не осталось и следа.

К утру пошел дождь. Идти было тяжело. Мы только в полдень прибыли в отряд.

Николай Иванович удивился, увидев нас.

— Что случилось? Рассказывайте!

— Ничего особенного. Просто произошла ошибка.

— Какая?

— То был не Даргель.

— А кто же?

— Доктор Гель.

— А-а, знаю, этот руководитель финансов... Не может быть, чтобы я ошибся. Они шли вдвоем... Желтая папка...

— Да, вдвоем, и папка была, только на пятнадцать минут раньше Даргеля. Как раз, когда вы стреляли, Даргель собирался выйти из своего кабинета.

Подошли Медведев, Лукин и Струтинский. Я повторил свой рассказ.

— Я же вам говорил, Николай Иванович, не спешите,— вырвалось у Коли.

— Но все шло, как и должно было быть. Мы прибыли своевременно, остановились на углу и видим — идет генерал, а за ним — адъютант с желтой папкой? А время? Могло же случиться, что в этот день Даргелю надо было быстрее пообедать... Нет, вы шутите, ребята. Просто не верится, что это был не он.

Я достал из кармана газету и передал командиру. Дмитрий Николаевич прочел вслух траурное сообщение, потом, похлопав Кузнецова по плечу, произнес:

— Ошибка небольшая.

КОНЕЦ «МАСТЕРА СМЕРТИ» ФОН ПИППЕРА

Свыше двух месяцев «мастер смерти», без пяти минут генерал, фон Пиппер со своими штурмовыми карательными войсками рыскал по Ровенским лесам в поисках нашего партизанского отряда и полковника Медведева.

Генерал Ильген настойчиво подгонял его — на то были свои причины. В Ровно происходили тревожные для оккупантов события. Убийство доктора Геля и других высших чиновников гитлеровской верхушки не давали покоя не только Ильгену и службе безопасности. Эти события обеспокоили самого гаулейтера Коха, отсиживавшегося в подземельях Кенигсберга, и главнокомандующего войсками тыла генерал-полковника Кицингера. Фон Пиппер был их надеждой на то, что партизанский отряд будет уничтожен, а опасный чекист Медведев пойман, и они, наконец, обретут покой.

Словно гром среди ясного дня, гитлеровских головорезов поразил слух о том, что немецкий офицер, убивший доктора Геля, снова, через 10 дней, на той же автомаши-

не и на том же месте, около особняка по Шлесштрассе, бросил гранату под ноги правительственного президента, заместителя рейхскомиссара по политическим делам генерала Пауля Даргеля. Этот фашист чудом остался жив, но, тяжело раненный, навсегда покинул Ровно и выехал в Берлин.

Кто возглавит правительственные дела на Украине? Срочно прибыл сам Эрих Кох. Он вынужден был даже заночевать в Ровно. Был отстранен от службы начальник ровенского гестапо и почти вся тайная служба.

Узнав об этом, Николай Иванович шутя сказал:

— Из старых тайных агентов остался только один — Михаил Шевчук. Для нас, разведчиков, это очень хорошо. Старая тайная служба кое-что знала о партизанах, а эти пока освоятся, мы сможем свободно действовать.

— А Михаил Шевчук как же? — спросил Коля Струтинский.

— А что Шевчук? Нам его бояться нечего.

— Возможно, ему тоже необходимо сменить профессию, раз его «коллег» так жестоко наказали? — шутил Коля.

— Да, — сказал Кузнецов, — нам всем время от времени придется менять профессию. Пусть беснуется гаулейтер, пусть не спит Ильген, а мы свою профессию наблюдателей сменили на профессию мстителей. На активных мстителей за кровь и слезы, за горе и унижения, которые принесли на нашу землю эти головорезы.

Когда стало известно, что гаулейтер поручил обязанности рейхскомиссара временно выполнять генералу Кнуту, Кузнецов и этого фашиста внес в свой список.

Вскоре состоялась еще одна встреча генерала Ильгена и «мастера смерти», уже в кабинете командующего, без кофе и рома, без похвальбы и комплиментов. Генерал учинил «разнос» фон Пипперу за его несостоятельность выполнить приказ командующего.

— Вы хвастун, господин полковник! — кричал Ильген. — Мы на вас возлагали надежды, а вы бродите больше двух месяцев по Ровенским лесам безрезультатно. Мы вынуждены будем доложить о вашей несостоятельности не только гаулейтеру, но и самому фюреру...

К тому времени в Ровенских лесах действовали партизаны из соединения Федорова, Сабурова, Наумова, отрядов Карасева, Прокопюка; во второй половине сорок третьего года появился боевой партизанский отряд так

называемого ровенского Федорова из соединения генерала Бегмы и многие другие. Но фон Пиппер избегал встреч с ними. «Только отряд Медведева, только живым самого Медведева»,— таков был строгий приказ Ильгена.

Осень сорок третьего года была, как говорится, «золотой». Не оттого, что стояла хорошая погода, а еще и потому, что настроение у нас было хорошее — наши войска успешно наступали на всех фронтах. Не только мы, партизаны, чувствовали уже близкую победу, но и население на временно оккупированной территории. На полях появились дружные всходы, крестьяне старательно готовились к зиме. Собранный урожай население старалось спрятать, не дать увезти оккупантам. «Скоро придут наши»,— говорили они. Начал готовиться к зиме и наш отряд. Неподалеку от села Берестяны Цуманского района отряд облюбовал себе красивый сосновый бор. В бору Лопатень подразделения нашего отряда и развернули капитальное строительство землянок, рассчитанных на длительное пребывание. Приближались Октябрьские праздники, и каждое подразделение старалось закончить строительство землянок и достойно, торжественно отметить двадцать шестую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Партизаны подготовили и другие подарки. Накануне праздника в фашистских штабах и учреждениях начали взрываться мины, заложенные подпольщиками и нашими разведчиками. Было пущено под откос несколько воинских эшелонов, уничтожено ряд важных мостов, а железнодорожные линии Ковель—Сарны, Сарны—Лунинец выведены из строя. Но самой большой радостью для нас было сообщение об освобождении столицы Украины — Киева.

Вот почему двадцать шестую годовщину Октября мы готовились встретить с особой радостью и торжественностью.

После длительного пребывания в Здолбунове и Ровно я снова был в отряде, среди друзей. В восемнадцать часов наши радистки приняли Москву — транслировали торжественное заседание, посвященное славной годовщине. Затаив дыхание, мы слушали доклад. Радость охватила наши сердца, когда мы услышали о трудовых достижениях советского народа, об успехах наших войск на фронтах, об успешной борьбе народных мстителей. А когда была провозглашена здравица: «партизанам и партизанкам слава»,— громкое партизанское «ура» огласило лес.

Торжественная часть закончилась. Мы аплодировали нашим самодеятельным актерам, выступавшим с большим концертом, пели песни, танцевали, веселились.

Около полуночи прибывшие разведчики доложили, что в соседнем селе Берестяны появилась большая группа вооруженных до зубов карателей. Пока что они разместились в селе на ночь, но, по рассказам местных жителей, утром собираются прочесывать лес.

— Очевидно, это и есть карательная экспедиция «мастера смерти»,— сказал Медведев.

— По всей вероятности,— подтвердили Стехов и Лукин.

— Долго же господин фон Пиппер искал нас. Ну что же, друзья, сегодня мы повеселились, а завтра продолжим наш праздник в бою. Отступать не будем. Мы никогда этого не делали. Да и день завтра такой, что нельзя отступать. Встретим врага как и положено.

— Видно по всему,— добавил Лукин,— что фон Пиппер жаждет этой встречи. Говорят, давно охота нацепить генеральские погоны.

Несмотря на то, что во всех позразделениях была объявлена тревога, партизаны продолжали веселиться.

Утром разгорелся бой. Гитлеровцев было вдвое больше, чем нас, они были вооружены тоже лучше, и все-таки командование отряда решило вступить в бой.

Каратели поливали нас градом пуль из пулеметов и автоматов. Бесперывно палили пушки и минометы. Гитлеровцы поднимались в психическую атаку, но меткие выстрелы наших снайперов вынуждали их поворачивать назад. Фашистские мины и снаряды пролетали над нашими головами и разрывались за пределами расположения отряда — очевидно, каратели не смогли точно определить наше местонахождение.

Кому приходилось воевать в лесу, тот знает, что каждый взрыв, каждый выстрел кажется тут в несколько раз громче. В воздухе — непрерывный грохот. Он несется со всех сторон; поэтому иногда трудно определить, откуда враг ведет огонь. Гитлеровцы стреляли настолько интенсивно, что пулеметные очереди словно косою срезали молодые деревья. День подходил к исходу, вечерние сумерки окутывали землю, а бой не прекращался. У нас были на исходе боеприпасы.

— На каждого фрица не больше пяти патронов! — пронесся по цепям приказ командира.

Некоторые наши подразделения совершали опасные вылазки, отбивая у гитлеровцев пулеметы и патроны. Но враг не отступал, его атаки непрерывно повторялись.

И тогда Лида Шерстнева передала в Москву радиограмму:

«Ведем бой с крупным карательным отрядом противника. Боеприпасы на исходе. Медведев». Москва ответила: «Если враг не прекратит атак и будут крайне необходимы оружие и боеприпасы, срочно вышлем самолетом. Поддерживайте с нами связь».

Еще в начале боя одна рота партизан под командованием старшего лейтенанта Виктора Семенова замаскировалась на фланге карателей. Она должна была в самый критический момент неожиданно ударить по фашистам. Беспокоило лишь одно: с самого утра с этой ротой не было никакой связи. Все попытки разыскать ее были безуспешны. Кто-то высказал опасение, что каратели обнаружили ее и уничтожили. Другие предполагали, что Семенов, заметив опасность, не решается вступить в бой.

Кончались последние патроны, а связи с Семеновым не было.

Я в это время находился в штабе. Медведев нервничал, взволнованно ходил по землянке. Связные приносили неутешительные вести с передовой. Уже собрали все патроны в хозроте, санчасти, у штабных работников, у радистов, а бой не прекращался.

— Долго не продержимся, — решил Дмитрий Николаевич. — С наступлением темноты придется отойти.

Лукин, немного подумав, предложил:

— А может быть, еще раз попробуем связаться с Семеновым? Надо послать на розыски кого-нибудь из опытных разведчиков.

— Кого именно? — спросил Медведев у своего заместителя.

— Разрешите, Дмитрий Николаевич, пойти мне, — не выдержал я.

Медведев смерил меня внимательным взглядом и задумался. Нас, «городских» разведчиков, на такие операции не посылали. Не разрешалось нам принимать участие и в обычных боевых стычках с врагом. На вооружении у нас были только гранаты и пистолеты. Мы так и назывались — «пистолетчиками».

Посоветовавшись с Лукиным и Стеховым, Медведев решил все-таки послать меня на розыски роты Семенова, установить с ней связь и передать приказ о немедленном вступлении в бой.

Местность я знал хорошо и поэтому даже не взял с собой карты. Знакомыми тропками, под непрерывный аккомпанемент пуль я незаметно выбрался за пределы расположения отряда. Определив, откуда стреляли немцы, я по густым зарослям добрался до широкой просеки, приблизительно в двух километрах за которой должна была находиться рота Виктора Семенова.

Почти вся просека была заполнена карателями, а «лысые» места простреливались из пулеметов. Идти в обход не было времени и к тому же рискованно. Нужно было как можно быстрее перебраться через просеку. Каждый неосторожный шаг мог быть для меня последним. Я решил проскочить просеку именно там, где были немцы: незаметно подползти к пулеметному гнезду, бросить в него противотанковую гранату и, пока враг опомнится, перебежать. Уже было подполз к фрицам, как вдруг услышал в стороне украинскую речь.

Кто бы это мог быть? Ползу вправо по густым зарослям и, наконец, добираюсь до просеки. Вижу: стоят несколько подвод, навьюченных какими-то тряпками и продуктами, а на земле возле них — крестьяне. Один поднял голову и заметил меня. Знаком я подозвал его к себе.

— Мне необходимо перебраться на ту сторону, — прошептал я.

— Надевайте мой пиджак и шапку. Осторожно только, этих гадов тут очень много. Они все слева, а правее выставлены пулеметные заслоны.

Поблагодарив дядьку, я переоделся и почти во весь рост спокойно перешел между подводами на другую сторону просеки. Какова была моя радость, когда примерно через километр я встретил двух партизан из роты Семенова! Оказывается, они уже трижды пытались перейти через просеку и связаться с нами, но безуспешно.

Едва мы встретились с бойцами Семенова, как увидели, что с места, где находились немцы, в сторону партизанского отряда поднялись одна за другой две ракеты — белая и красная.

— Что бы это могло значить? — спросил один из бойцов.

— Смотри, еще ракеты, только теперь в сторону немцев! — крикнул второй.

Над нами со страшным ревом пронеслись немецкие бомбардировщики. Еще миг — и в стороне послышались разрывы бомб.

Значит, каратели попросили помощи с воздуха. Когда самолеты появились над лесом, каратели подали им ракетами условный сигнал. Семенов понял, в чем дело, и начал выпускать в сторону просеки красные и белые ракеты. Увидев подводы и людей, суетившихся на поляне, летчики решили, что это партизаны, и принялись сбрасывать груз. Этого им показалось мало, и они направили на землю шквальный пулеметный огонь.

Сделав свое дело, летчики повернули назад, а Семенов, не дав карателям опомниться от неожиданного небесного сюрприза, поднял роту в атаку.

Мы встретились с ним в конце боя, когда ничтожные остатки карательного отряда разбежались по лесу.

— Передаю приказ командира: «Роте старшего лейтенанта Семенова немедленно вступить в бой с врагом», — шутя сказал я.

Виктор рассмеялся, и мы крепко обнялись.

— Понимаешь, — сказал он, — никак не мог связаться с нашими. А выступать без приказа не решился: хорошо — фашисты сами помогли. Ну что ж, пошли к командиру. Победа за нами.

Гитлеровская карательная экспедиция была разбита наголову. Только на месте боя мы обнаружили свыше трехсот вражеских трупов. Еще два дня партизаны прочесывали лес и вылавливали перепуганных фрицев. Одних вытаскивали из кустов, других снимали с деревьев. Были захвачены большие трофеи: около ста подов с боеприпасами и разным воинским снаряжением, три орудия, одиннадцать минометов, более пятисот автоматов и пулеметов, две радиостанции, около двух миллионов патронов, сотни мин и снарядов. На тех подводах, между которыми я пробирался через просеку, оказалось награбленное у мирного населения добро: костюмы, отрезы, мануфактура, женские платья, обувь, дверные и оконные замки, медная проволока, человеческие волосы — грабители ничем не брезговали.

Среди врагов, нашедших свою смерть в лесу, был и фон Пиппер. На одном из листочков его записной книжки мы обнаружили текст радиogramмы, которую кандидат в

генералы так и не передал своему шефу: «Командующему войсками особого назначения генерал-лейтенанту Ильгену. Самолеты прибыли. Спасибо за помощь. После бомбардировки завершаю операцию. Отряд Медведева уничтожен. Подробности доложу утром лично. Хайль Гитлер! Полковник фон Пиппер».

В полевой сумке «мастера смерти» лежали аккуратно завернутые в целлофан генеральские погоны, которые ему так и не пришлось нацепить.

— А теперь, Николай Иванович,— обратился к Кузнецову Медведев,— можно встретиться и с генералом Ильгеном. Фон Пиппер уже не может устроить свидание, и придется эту миссию выполнить вам. Желаю успеха.

И Пауль Зиберт вместе со своими друзьями снова отправился в Ровно.

НЕЛЕГКО ЖИЛОСЬ ПАРТИЗАНАМ

За месяц-полтора пребывания в городе настолько напрягались наши нервы и переутомлялся организм, что нужно было обязательно «отойти», отдохнуть, набраться свежих сил для дальнейшей работы. Кажется, ничего особенного в нашей разведывательной деятельности не было: встречи, беседы, получение и отправка сообщений. Разве это может утомить? Но каждая встреча или беседа требовала большого внимания, чрезвычайной осторожности и так натягивала «струны» нервной системы, что человек через несколько недель утрачивал сон и душевное равновесие. Внешне же надо было оставаться всегда свежим, бодрым, спокойным, чтобы ни у кого из окружающих не вызвать подозрения.

Какой радостью наполнялись для нас дни, когда мы возвращались в отряд, к друзьям и товарищам по борьбе! Тут все были свои, родные, близкие. Здесь еда казалась в сто раз вкуснее, а аромат соснового леса действовал на нас исцеляюще. На душе становилось так хорошо, что мы даже не замечали ни едкого дыма от костров, ни монотонного назойливого комариного писка.

— Тут настоящий курорт,— шутили разведчики.

Но это не означало, что в партизанском отряде не было своих трудностей, своих хлопот и проблем.

Едва ли не самой сложной была проблема соли. Це-

лыми месяцами партизанам приходилось есть пищу или недосоленную, или совсем без соли. Когда мы прибыли в отряд, в рационе партизан почти ежедневно была несоленая конина. Что уж говорить о нас, не привыкших к этому мясу, если оно даже партизанам-татарам казалось противным. Ведь для них конина — деликатес, но, конечно, когда она хорошо приготовлена. Мы отваривали ее и, чтобы остудить (так как холодная конина напоминала буженину), заматывали в тряпки от парашютов и закапывали на час-два в землю. После такой «кулинарной» обработки конина казалась вкуснее.

Из-за отсутствия соли были случаи заболевания цингой. Нужно отдать должное нашему «медицинскому богу» Альберту Цессарскому. Несмотря на молодость, он весьма умело победил эту опасную болезнь.

По рецепту Цессарского в отряде начали готовить специальный напиток. В ведро кипятка сыпали размельченные сосновые иглы. Через двенадцать часов хвойная настойка была готова. Но она была такой горькой, что партизаны отказывались ее пить.

— Лучше цинга, чем эта отравка, — ругались они, когда Альберт предлагал им стакан своего «нектара».

Уговоры врача оставались напрасными, и тогда он обратился за помощью к Медведеву. Командир отдал строгий приказ, которым обязал всех партизан выпивать ежедневно по два стакана хвойной настойки.

Приказ есть приказ, пришлось подчиняться и заставлять себя пить эту горечь. Но позже мы были благодарны Альберту: с цингой в отряде покончили.

Вообще, проблема соли во время гитлеровской оккупации была настолько острой, что люди умирали от недостатка в организме обыкновенной соли. Изменялся цвет лица, организм становился слабым и истощенным...

Пишу эти строки, и в памяти возникает такой эпизод. Много времени в отряде я проводил среди радисток. У них всегда можно было узнать о последних событиях на фронте, о том, что делается на Большой земле. И еще одно обстоятельство заставляло меня быть частым гостем на радиоузле: знакомство с Аней Беспояско.

Однажды я зашел в землянку радисток. Все они находились на своих местах. Все, за исключением той, ради которой я пришел. Заметив меня, девушки многозначительно переглянулись, но ничего не сказали. «Может, что-нибудь случилось с Аней? — подумал я. — Спросить?

Как-то неудобно». Они, конечно, хорошо понимали, что меня тянуло в их землянку, но откровенно на эту тему нам не приходилось говорить. Это считалось несерьезным. Шла война, кругом были враги, надо было беспощадно бороться с ними, а тут на тебе: разведчик влюбился в радистку! Нашел время!

Чтобы не выдать себя, я начал разговаривать с девушками, шутил, рассказывал им о своих коммерческих делах, а в мыслях было одно: «Где же Аня?»

Наконец, Мария Ких, вероятно чувствуя, что я обеспокоен, сказала:

— А наша Аня стала инвалидом.

Она сделала паузу, и все девушки уставились на меня: как подействует это известие.

— Что с ней? Где она? — вырвалось у меня.

— Страшного ничего нет. Просто она решила похозяйничать на кухне, — рассмеялась Лидия Шерстнева. — А ты же знаешь, какая из нее хозяйка. Варила чай с черникой в котелке и ошпарила себе руку. Вот и побежала к Цессарскому.

Я представил себе, какую неимоверную боль терпит в это время девушка, и мне даже самому сделалось больно. Но вдруг слышу знакомый голос. И звучит он не печально, а радостно:

— Девчата, девчата! Ура! Сегодня у нас праздник!

Ну, думаю, обманули меня Анины подруги, напугать захотели. Разве может человек, обваривший себе руку, так радоваться?

Вот и Аня. Ее лицо сияет. А рука? Девушка придерживает ее другой.

— Девчата, смотрите! Сегодня будем обедать с солью! — И она высыпала на стол немного соли.

Оказывается, в санчасти ошпаренную руку Ани посыпали солью, и девушка, забыв о боли, обрадовалась этому случаю. Надо было видеть, с какой осторожностью каждый кристаллик соли стряхивался на бумагу! У девушек в самом деле был праздник.

Разгромив карательную экспедицию фон Пиппера, партизаны захватили некоторые запасы соли. Но их нам хватило ненадолго, тем более, что мы помогали солью и местному населению.

И люди помогали нам. Эдолбуновский подпольщик Леонтий Клименко не раз, когда ему приходилось перевозить соль или сахар, сворачивал на партизанский

«маяк» и сбрасывал там свой груз. А чтобы оправдаться перед хозяевами, он основательно «расправлялся» с машиной: разбивал кузов, в нескольких местах простреливал его, ну кто не поверит, что напали партизаны и все забрали, а ему едва удалось бежать и спасти машину. Однажды Леонтий так увлекся, что поджег свой газогенератор и еле потом потушил. На неделю машина вышла из строя. А хозяева вынесли благодарность «отважному» водителю, который так верно им служит.

Как правило, соль со складов попадала к спекулянтам. Их называли «чумаками». Ходили они по селам и все меняли на соль. Наживались эти паразиты порядочно, последнее отбирали у крестьян. Как-то в конце 1943 года Медведев поручил Шевчуку и мне хорошенько потрепать спекулянтов, отобрать у них соль и раздать крестьянам. Стояли мы тогда в селе Великие Целковичи, расположенном на стыке Ровенщины, Волыни и Белоруссии. В силу этого обстоятельства село и стало своеобразным перевалочным пунктом соли.

Несколько дней пришлось вести «следствие» среди «чумаков». Они не сдавались и твердили:

— У нас соли нет.

Но подходит ко мне одна женщина, отзывает в сторону и говорит:

— А вы позвольте нам поговорить с ними на сельской сходке. Мы заставим «чумаков» сказать, куда они девали соль.

Ну и накинулись тогда крестьяне на спекулянтов!

— Надо их, обжор, кормить одной солью и ничего пить не давать,— предложил кто-то.

А другой ему возразил:

— Нет, лучше посадить их на несоленую пищу, пусть узнают, что это такое — хлебать борщ без соли!

Долго ругали люди «чумаков». И они вынуждены были сдаться. Стали называть тайники с солью. Тоннами лежала она в погребах. Мы открывали тайники и раздавали соль. Из всех близлежащих сел тянулись в Великие Целковичи крестьяне с сумками. Они обращались к партизанам за помощью, они видели в нас своих спасителей, поддерживали нас, придавали решимости в борьбе с врагами. Люди знали: раз действуют партизаны, значит, скоро придет победа, скоро снова заживут они свободной и счастливой жизнью. И ничто не могло сломить в народе веру в победу над захватчиками.

Тяжело, очень тяжело жилось на оккупированной земле простым людям. А особенно безрадостно чувствовала себя молодежь. Если ты молодой и здоровый — значит, поезжай на каторгу в Германию. Не хочешь? Силой заставят. Оставалось скрываться от фашистов и полицейских, прикидываться больным, а то и намеренно калечить себя, лишь бы не погнали из родительского дома на чужбину. И рождались тогда печальные песни о загубленной молодости и разбитой любви. Вот одна из них:

Бувай здоров, коханий мій,
Мені пора в дорогу.
Розвіються квітки цих мрій
Без тебе, молодого.

Надія, мов вишневий цвіт,
Розвіється з вітрами.
А я піду в далекий світ
Незнаними шляхами...

Эту грустную песню я услышал в первые дни пребывания в партизанском отряде, когда мы с Колей Приходько, пробираясь в Ровно, остановились отдохнуть в небольшом хуторе недалеко от Александрии. Сошлись девушки в одной из хат, сели в потемках (где же было достать керосин?) и затаили протяжно, тоскливо:

Бувай здоров, коханий мій,

Мне очень понравилась песня, но записать ее не удалось. Не сумел я тогда понять ее содержания. А вот через год пришлось услышать снова. Пела Наташа Богуславская — комсомолка, которая вместе с несколькими парнями разоружила бандеровскую сотню и пришла в наш отряд.

У Наталки был чудесный голос, и знала она много песен. Партизаны любили слушать ее пение: на душе становилось как-то теплее, и настроение улучшалось.

Советская Армия наступала широким фронтом. Уже были освобождены Киев и Житомир, оккупанты поспешно начали эвакуировать свои учреждения из Ровно. Отряд наш пополнялся, почти ежедневно к нам приходили все новые и новые люди, главным образом — военнопленные. Постоянного места расположения на Ровенщине отряд не имел: большое движение вражеских частей приводило к частым стычкам с ними. Мы получили приказ из Москвы: перебазироваться на запад, в леса Львовской

области, и там продолжать свою работу. Этот период был для нас очень тяжелым. Дмитрий Николаевич заболел острой формой радикулита, и его приходилось перевозить на специальной подводе в полулежачем состоянии.

Холод, нестача продуктов, частые переходы с места на место, стычки с карателями и националистами, болезнь командира — все это очень усложнило обстановку. Но партизаны не падали духом, не теряли веры в победу. Они жили своей жизнью, и, вероятно, если бы не было этих трудностей, она, эта жизнь, казалась бы не интересной, лишенной боевой романтики, героики.

Соберутся партизаны около костра и весь вечер поют песни — украинские, русские, польские, чешские — каких только здесь не услышишь! В один из таких вечеров и спела Наташа «Бувай здоров, коханий мій».

— Что это за песня? — спросил я у девушки.

— Ее сочинил неизвестный поэт, — сказала Наташа. — Неизвестный композитор создал музыку. Девушку увозят в неволю, и она прощается со своим любимым.

— Уж очень грустная песня, — заметил кто-то из наших ребят. — Надо ее переделать.

И наш партизанский поэт Борис Зюков сочинил к ней концовку:

Ти не журись, кохання,
Я йду вже на підмогу.
Тебе з ганебної тюрми
Я поверну додому.

Додому ми повернемось,
Ти не вдавайся в тугу.
Тебе кохаю, як кохав,
І не шукаю другу.

Всегда песню мы заканчивали этими словами. И интересно, что слова эти стали известны за пределами отряда, и мы слышали, как поют их деревенские парни и девчата.

Песня! Она была нашим добрым и дорогим спутником. Зимний вечер. Развесистые сосны и стройные ели, одетые в белый наряд. Мерцают огни партизанских чумов и костров, льются песни. Вот гремит над лесом могучая мелодия «Ермака», это значит — ищи среди поющих Николая Ивановича Кузнецова. А услышишь задушевную «Вьется в тесной печурке огонь» — так и знай: сидит у костра Лукин. Если же зазвучит «Таня, Танюша,

Татьяна моя...» — всем известно: поет Володя Ступин.

У каждого была своя любимая песня. Однажды командиру понадобилась радистка Мария Ких. Нигде не могли ее найти. В свободные часы она ходила по подразделениям и рассказывала бойцам о новостях, которые передавали по радио, проводила задушевные беседы, а раненым — просто пела. Все были рады, когда Мария появлялась в подразделении. Командир поручил мне найти Марию. Иду по отряду. Ночь. Сколько костров разбросано по лесу, сколько чумов! И всюду партизаны. Где искать девушку? Иду по лесу, слушаю, как поют ребята. Вдруг слышу нежный женский голос:

Не питай, бо нічого я тобі не скажу...

Да ведь это любимая песня нашей Марии! Где поют? Вот в этом чуме. Захожу. Так и есть: она тут.

В каждом подразделении был музыкальный инструмент — баян или гитара: под аккомпанемент лучше пелось. Не на чем было играть лишь в подразделении Мити Лисейкина. И вот однажды он узнает, что в соседнем селе — помещичье имение.

— Значит, и гитара там есть, — сказал Митя своим ребятам. — Надо сходить за ней.

И без разрешения командира Лисейкин вместе с несколькими партизанами отправился за гитарой. Возвратились партизаны не скоро. Пришли мрачные, грустные. Гитару принесли — новенькую, чешской фирмы. А вот командира своего потеряли: в имении были гитлеровцы, завязался бой, и вражеская пуля скосила Митю. Хотя и было уничтожено больше десятка фашистов, но не могли партизаны себе простить необдуманного шага, за который поплатился жизнью чудесный разведчик Митя Лисейкин.

Партизаны боролись не только против гитлеровских захватчиков, но и против их прислужников — украинских националистов. Борьба была беспощадной и суровой. Но были у нас еще и другие «враги», казалось бы, менее злостные, но бороться с ними было очень тяжело, — болезни. Во время оккупации в селах не проводилось никаких санитарно-профилактических мероприятий. Людей начал косить тиф, распространялась дизентерия. Мы должны были не только следить, чтобы эти враги не проникли в отряд, но и оберегать от них население. Этой борьбой, которая выглядит не такой героической, как,

скажем, бой с карателями под Берестянами или разгром бандеровского штаба в Деражно, руководил наш «лесной профессор» Альберт Цессарский.

Мы выиграли в этой борьбе, но не обошлось и без жертв. Умерли начальник штаба майор Пашун, разведчик Новиков и наш боевой товарищ, командир батальона старший лейтенант Саша Базанов.

Как-то пришли наши разведчики из одного села и докладывают командиру:

— В селе много больных тифом.

Это известие заставило Медведева задуматься. Продолжать поход без отдыха нельзя, а разместить отряд в селе, в хатах, где есть больные — нет, это очень большой риск. И Дмитрий Николаевич приказал:

— Отряду разместиться в сараях и на дворах, заходить в дома запрещаю.

А на улице — мокрый снег с дождем, ветер, пронизывающий до костей. Как хочется зайти в теплую хату, погреться возле печки, высушить одежду. Хочется, но нельзя. К Медведеву подходит Цессарский.

— Дмитрий Николаевич, — говорит он обеспокоенно. — Мы спасем отряд от тифа, но есть другая опасность. Люди измучены, все промокли. Они уснули на сене в сараях. Могут простудиться, тогда будет беда.

— А что вы предлагаете?

— Прежде чем спать, надо развести костры и хорошо обсушиться. А потом уже не страшно, зарывшись в сено, и поспать. Хотя не очень будет тепло, но опасность заболевания отпадет.

— Согласен, Альберт Вениаминович. Отдайте приказ по отряду.

Через полчаса по всему селу запылали костры. Ребята торжествовали. Но сушиться долго не пришлось. В соседних селах было несколько сотен бандеровских вояк, и они решили на нас напасть. Все три наших батальона вступили в бой. После первых же выстрелов партизанских орудий и минометов бандеровские горе-войки разбежались кто куда.

Так и не пришлось нам в эту ночь отдохнуть. Да разве только в эту! Ведь в обыденной жизни партизан было не меньше трудностей, чем и во время выполнения боевых заданий.

НАРОД ПРОКЛИНАЕТ ИЗМЕННИКОВ

Украинские националисты всегда с пеной у рта пытались доказать, что они пекутся о судьбе «родного края и народа». «Свободная», «соборная», «ни от кого не зависимая» Украина не выходила из голов этих горе-патриотов. Но история уже не раз доказывала ложность их демагогии, не имеющей ничего общего с подлинными стремлениями украинского народа к свободе и независимости. Немцы приходили на украинские земли в восемнадцатом году. Пришли они и в сорок первом. Украинцы вместе со всеми народами Советского Союза громили захватчиков. Националисты же вместе с оккупантами расстреливали своих отцов, братьев, сестер во имя... «свободной Украины».

Смерть и слезы, руины и пожарища несли гитлеровцы на советскую землю. Люди умирали от голода, болели, а фашисты отправляли в свой «фатерлянд» награбленное народное добро. Суровые приказы категорически запрещали резать скот и птицу, молоть зерно, перерабатывать какую бы то ни было сельскохозяйственную продукцию. Даже жернова и те не разрешалось держать крестьянам. По этому поводу народ, который никогда не теряет бодрости, юмора и всегда, даже в беде, умеет найти острое словцо, пел частушку:

Стоїть Гітлер над рікою,
Держить жорна під рукою.
Ні змолоти, ні спекти,
Ні з України втекти.

Фашистские власти создали специальную организацию «Пакетаукцион», занимавшуюся изготовлением тары, упаковкой и отправкой в Германию посылок, багажей, контейнеров с награбленным добром и продовольствием. Кроме этого, существовали всякого рода «заготовительные» организации. Руководил этими «хозяйственными» делами один из заместителей Коха генерал в отставке Герман Кнутт.

Люди не могли выдержать этих «порядков», они вступали в борьбу с врагами. Сначала в отряды приходили по одному, по двое, затем группами по двадцать-тридцать человек, а потом уже действовали целые партизанские отряды, стихийно создававшиеся из местного населения.

Героически сражались они с гитлеровцами за освобождение родной земли.

Но были и такие, которым пришлось по вкусу «новый порядок». Это они с чердаков и крыш зданий стреляли по отступающим советским войскам. Это они выходили с цветами навстречу фашистским танкам, хлебом-солью встречали захватчиков, видя в них своих «спасителей от большевизма». Это они выслуживались перед оккупантами, выискивая и расстреливая коммунистов и комсомольцев, солдат и офицеров Советской Армии, советских активистов. Это они молились за победу фашистской армии и крепкое здоровье Адольфа Гитлера.

Однажды в Ровно один из моих «друзей» по коммерции дал мне националистическую газету «Самостійна Україна» от 10 июля 1941 года, издававшуюся в Станиславе. В этом продажном желто-блакитном листке был напечатан так называемый «Акт провозглашения Украинской державы».

Бандеровская присяга верности нацистской Германии была принята украинскими буржуазными националистами на их сборище 30 июня 1941 года в здании «Просвиты» во Львове.

Что это было за «суверенное соборное государство» и как «сотрудничали» его главари с Гитлером, нам было хорошо известно. Предатели украинского народа шли на службу в фашистские карательные отряды, «шущполицию», «криминальное СД» и другие разбойничьи организации. Они рядились в черные шинели, одевали на рукава повязки с изображением черепа и надписями «шущманшафт», «шущполицай». Их руками гитлеровцы устанавливали виселицы города и села, с их помощью фашисты силой угоняли в Германию юношей и девушек. Народ с презрением смотрел на выроdkов, народ их ненавидел.

Когда гитлеровцы увидели, что их дела на Восточном фронте ухудшаются, а в лесах все шире разворачиваются действия партизан, они дали своим националистическим холоуям приказ уйти в подполье. Вот тут и выползли на арену бульбовцы, бандеровцы, мельниковцы и всякая другая шваль. За несколько недель наводнили они леса и села. Вооруженные до зубов бандиты, прикрываясь лозунгом борьбы за «самостийную Украину», устраивали налеты и погромы, выдавая себя за партизан. Этим они думали подорвать авторитет народных мстителей у населения, вызвать ненависть к нам. Но во что волка ни ряди—

зубы у него все равно остаются волчьи. Люди знали, кто в действительности защищает их интересы, кто сражается за их освобождение. Люди верили партизанам и слали проклятия изменникам.

Сначала мы надеялись повлиять на националистов мирными средствами. Велись даже переговоры с так называемым «атаманом Полесской Сечи» Тарасом Бульбой, — он же Боровец, — который клялся, что будет действовать вместе с партизанами против фашистов. Однако на деле бульбовские головорезы устраивали нам засады, грабили и истребляли население, сжигали дома.

В конце февраля 1943 года группа наших разведчиков, возглавляемая Николаем Ивановичем Кузнецовым, возвращалась с очередного задания. Нас было двадцать три человека. Ехали, как обычно, на подводах, пели песни. Наступили сумерки, когда мы достигли переправы через Случ. По узенькому понтонному мосту перебрались на противоположный берег реки, где раскинулось небольшое село Хотин. Не успела наша первая подвода поравняться с крайней хатой, как кто-то из-за угла крикнул:

— Стой! Кто едет? Пароль!

— Свои!

— Стой! Ни с места, а то буду стрелять!

Подводы подъехали вплотную друг к другу и остановились. Кузнецов приказал залечь и выяснить, с кем имеем дело. Но темнота мешала.

— Выходи на переговоры! Кто вы такие?

— Мы партизаны соединения Сабурова! — прозвучало в ответ.

— А мы — медведевцы! Где ваш командир? — спросил Коля Струтинский, находившийся на первой подводе.

В ответ щелкнули затворы.

— Вы окружены! Сдавайтесь без боя! — послышался голос из темноты.

И как бы в подтверждение этого позади нас, со стороны реки, застрочил пулемет. Струтинский еще раз повторил:

— Мы партизаны полковника Медведева. Кто вы такие? Выходите на переговоры!

Но вместо ответа со всех сторон сверкнули огоньками пулеметные и автоматные очереди.

— Кто бы это мог быть? — спросил меня Кузнецов. Но мне самому хотелось обратиться к Николаю Ивановичу с таким вопросом.

Коля Струтинский и Валя Семенов в это время вскочили в одну из крайних хат. Она оказалась пустой. Потом Струтинский огородами подполз к соседнему двору и услышал чей-то радостный голос:

— Попались голубчики! Иди передай атаману, что партизаны окружены.

Когда Николай сообщил об этом Кузнецову, тот немедленно скомандовал:

— Вперед!

Мы открыли ураганный огонь из двадцати одного автомата и двух пулеметов и с криками «ура» ворвались в село. Жорж Струтинский зарядил автомат диском трассирующих пуль и выпустил их вслед удиравшим бандитам. На одном загорелась ватная фуфайка. Он не понял, что это могло быть, и закричал:

— Братцы, они стреляют огненными пулями! Спасайтесь!

Поднялась паника. Пьяные, перепуганные выскакивали бандиты из домов и кидались наутек.

Михаил Шевчук считался у нас мастером гранатометания. Когда он попал в окно хаты, где горел свет, изнутри послышался дикий крик:

— Спасайте! У них минометы!

Мы заняли село без потерь. Атаман убежал. Десятков пять пьяных и полусонных бандитов ребята вытащили из погребов и сняли с чердаков. Среди трофеев оказались ржавые обреза, топоры, вилы и даже сделанные из дерева макеты винтовок, покрашенные в темный цвет.

— Это для того, чтобы пугать население,— сказал Михаил Шевчук.

Допросили нескольких пленных. Оказывается, в Хотин прибыл сам атаман Бульба. Он знал, что через это село ездят партизаны, и хотел раздобыть новые советские автоматы.

— Разрешите мне и Сухенко поговорить с этими мерзавцами,— обратился к Кузнецову Семенов, показывая на трех перепуганных бандитов с трезубцами на бараньих шапках. Нам было понятно, что это означало, и Николай Иванович категорически возразил:

— Нет, этого делать не следует. Возможно, они просто заблуждаются. На первый раз их лучше отпустить.

До самого утра мы с Колей Струтинским занимались пленными. Их насобиралось около сотни. Мы выстроили всех в колонну и провели в нижнем белье с деревянными

винтовками на плечах через все село. Люди выходили из домов, смотрели на этих горе-воjak и от души хохотали.

После «парада» к «войскам» обратился Николай Иванович:

— Сегодня мы вам прощаем,— сказал он,— так как понимаем, что вас обманули. Но помните: если повторится что-нибудь подобное, живыми не выпустим...

В ответ послышалось:

— Мы больше не будем...

— Отпустите нас...

Но после хотинской встречи стычки с националистами повторялись почти ежедневно.

Как-то бульбовцы устроили засаду, и одна из наших групп понесла большие потери: несколько партизан погибло, многие были ранены. Среди тех, кто не вернулся в отряд, был один из наших лучших товарищей — комсомолец Петя Голубь. Пулеметная очередь прошила ему живот, и он, истекая кровью, сражался до последнего вздоха, косил из автомата врагов. Возвратившиеся партизаны рассказывали, что в селе Богуши расположился штаб националистов во главе с самим Бульбой.

Командир приказал уничтожить эту банду. И мы отправились в Богуши.

Бандиты торжествовали победу. По всему селу слышались их пьяные песни и дикие крики. Появление партизан было для них неожиданностью. Богушевский националистический «гарнизон» был уничтожен. Избежало расправы только несколько бандитов, в том числе их атаман.

Действия националистических банд настолько осложняли обстановку, что наши разведчики уже не могли идти в город в одиночку или небольшими группами: до шоссе-ной дороги нас обязательно сопровождали рота или взвод хорошо вооруженных партизан. И все-таки бандеровцам иногда удавалось захватывать наших товарищей. Их мучили, пытали, а потом, если они не умирали от нечеловеческих страданий, убивали.

Жестоко расправлялись бандиты и с теми, кто питал к нам симпатии. Зверски уничтожали они целые села только потому, что в них жили поляки.

Было такое село Поляны. Было — потому, что когда мы пришли на его место, то увидели страшную картину: догорали дома и сарай, на деревьях раскачивались трупы мужчин и женщин, на земле валялись отрубленные дет-

ские головы, руки и ноги, а в воздухе стоял запах паленого человеческого мяса.

Картина была настолько неимоверной и ужасной, что командир не решился вести весь отряд через село.

В соседней деревне мы остановились на отдых, и люди рассказывали нам, что в Полянах жили преимущественно поляки и что незадолго перед нами здесь проходили бандиты, называвшие себя партизанами.

— Надо найти этих головорезов! — сказал Медвед. — Найти и уничтожить! Приказываю сделать это немедленно!

Группа партизан ушла на поиски националистов. Пошло нас немного — человек двадцать пять, так как бандеровцы были храбрыми лишь перед безоружным мирным населением, а стоило только партизанам неожиданно налететь с криками «ура» и автоматной стрельбой, как бандиты пускались наутек или «делали трезубец» (поднимали руки вверх).

Мы двинулись в направлении села Знамировка. Прошли несколько километров, видим: идет навстречу какой-то мужчина. Спрашиваем, откуда он и куда идет.

— Не спрашивайте, люди хорошие, — отвечает. — Я едва убежал из села. Ворвались те, в черных шинелях, начали людей убивать, даже малышей не жалеют...

— Так они же, говорят, только поляков убивают? — спросил я.

— Неправда! Убивают всех подряд. Сам я украинец, и жена моя украинка. А убили ее изверги. Слава богу, сестра детей успела забрать... И все потому, что мой сын на фронте против немцев воюет. А за что они поляков убивают? Разве поляки не люди? Такие же бедняки, как и мы. Чем они провинились? И нет божьей кары на этих выродков проклятых!

— Ничего, дядька, бог их не покарает, если мы не отомстим, — сказал Шевчук.

Расспросив, где именно хозяйничают националисты, мы пошли дальше. Минут через сорок добрались до хутора и видим: едут навстречу подводы, а на них — бандиты с трезубцами на шапках. Увидев нас, они соскочили и с радостными криками побежали нам навстречу.

— Они приняли нас за своих, — сказал Коля Струтинский. — Не стрелять! Мы возьмем их живьем, «мирным путем». Разговаривать только по-украински!

— Здорово, хлопцы! Слава Украине! — заорал один из бандитов.

— Здоровеньки были! Героям слава! — не спеша ответил Струтинский. — Вы из какой сотни?

— Мы — служба безопасности из сотни Лиса. А вы из какой?

— А мы не из сотни, соколики. Нас целый курень, и мы — куренная служба безопасности.

— Кто же у вас куренной? Может, Дубовой? Или Клим Савур?

— Во-первых, Клим Савур не куренной, а во-вторых, мы с целью конспирации не назовем вам нашего командира, — ответил я бандитам.

— Вполне резонно кажет наш начальник оперативного отдела, — поддержал меня Коля Струтинский. — Мы можем обо всем рассказать только вашему сотенному Лису. Где он сейчас?

Наш замысел удался: бандиты поверили нам и все как один вытянулись, словно по команде смирно. Не ожидая, пока они скажут, где их вожак, Коля обратился к Шевчуку:

— Пан Шевчук, возьми пять боевиков и иди на связь с Лисом.

— Наш сотенный тут недалеко, километра два будет, не больше, в соседнем хуторе. Он с группой боевиков пошел туда, а нам приказал прочесать эти хаты. Бьем ляхов и большевиков. Давайте вместе позабавимся, — сказал здоровяк с усами, очевидно старший группы.

— Постойте, хлопцы! — остановил его Коля. — На этом хуторе вам делать нечего. Здесь живой души не осталось, мы хорошо поработали. Лучше скажите, правда ли, что вы из сотни Лиса? Может быть, вы красные партизаны?

— Побойся бога, нет! Святой крест, мы из сотни Лиса. А ну, Чуб, ты, Хвалько, и ты, Печенка, идите с этим паном (усатый показал на Шевчука) к нашему сотенному!

Потом он засмеялся и объяснил:

— Это у них клички такие: Зенон — большой чуб носит, Филипп любит прихвастнуть, а Степану, кроме жареной печенки, ничего не подавай. Вот и окрестили мы их Чубом, Хвальком и Печенкой.

Трое бандитов вышли из строя, щелкнули каблуками и снова вытянулись по стойке смирно.

— Ну, ладно, — сказал Струтинский, — идите к Лису.

Шевчук с пятью партизанами в сопровождении трех бандитов двинулся к соседнему хутору.

— А вас,— обратился Коля к оставшимся (их было десятка полтора),— мы сейчас поведем в наш штаб.

— О! — довольно воскликнул здоровяк.— Мы с большим удовольствием пойдем. Я еще никогда не видел куренного.

— Но знайте: законы у нашего куренного железные. И не знаю, будет ли вам приятно, но придется сдать оружие, пока не придет Лис.

— Неужели вы нам не верите? — удивился бандит и, не дожидаясь ответа, положил на землю свой автомат. Потом обратился к своим: — Сдавайте, хлопцы!

Через минуту все оружие было сложено в одну кучу. Тем временем партизаны окружили бандитов. Коля Струтинский командовал:

— Смирно, кругом!

Бандеровцы послушно подчинились его приказу.

— А ну, Гнедой, — обратился ко мне Коля, — перепиши все их клички и кто с какого времени в сотне Лиса. Только, слышите, говорите правду нашему начальнику оперативного отдела.

— Да мы все скажем. Даже кто сколько ляхов убил. Можете проверить...

Я начал переписывать, но партизаны по сигналу Струтинского бросились на бандитов и крепко связали их парашютными стропами. Один из бандеровцев успел захватить из кармана гранату, но Борис Сухенко с такой силой ударил его по руке, что она хрустнула и повисла. Вскоре связанные бандиты лежали на подводах с кляпами во рту и только стонали.

— Быстрее за Лисом! — командовал Коля.

Мы догнали Шевчука и вместе подошли к хутору, где был Лис. Бандиты, увидев Чуба, Хвалька и Печенку, стали расспрашивать, кто мы такие. Потом позвали Лиса. Он не заставил себя долго ждать, с радостной улыбкой вышел из хаты в сопровождении нескольких головорезов.

— Не двигаться! — вдруг крикнул Струтинский. — Оружие на землю!

Один из бандитов поднял винтовку, но тут же был скошен автоматной очередью. Сам Лис вынужден был первым «сделать презубец», а за ним — и остальные националисты...

В отряде во время допроса выяснилось, что это была

специальная группа, созданная фашистами из бывших полицейских для разжигания вражды между украинским и польским населением. Лис упорно твердил, что они не трогали украинские села, а расправлялись только с поляками, чтобы вызвать у них ненависть к украинцам. Но позже мы узнали, что под видом поляков бандеровцы совершали налеты на украинские села.

Однажды Шевчук и я возвращались из Ровно в отряд. В лесу недалеко от села Красная Руда мы оставили в условленном месте записку дежурным разведчикам с «маяка», а сами решили зайти в какую-нибудь хату выпить кислого молока или просто холодной воды. Я открыл дверь хаты, стоявшей у самого леса, и увидел трех бандитов, которые сидели за столом и играли в карты. Сразу заметил, что оружия около них не было: винтовки стояли в углу. Раздумывать не было времени. Я скомандовал:

— Встать!

И, обернувшись к Шевчуку, отрапортовал:

— Пан хорунжий! Здесь только трое, и те играют в карты.

Шевчук сразу же понял меня и сказал:

— Вольно! Сидите, хлопцы. Слава Украине! Почему не выставили охрану? Где остальные?

— Героям слава! — хором ответили бандиты и пояснили, что на шесть часов назначено совещание, что скоро сюда должны сойтись все, а что касается часовых, то выставлять их нет необходимости, так как в этих местах совершенно безопасно.

— Как безопасно? — возразил Шевчук. — Разве вам неизвестно, что здесь ходят красные партизаны?

— Почему неизвестно? — ответил один из наших новых знакомых. — Я думаю, — он засмеялся, — что после сегодняшнего совещания ни один партизан не отважится сюда заглянуть.

А его дружок, который молча, с интересом глядел на Шевчука, произнес:

— Мне еще отроду не приходилось видеть хорунжих. Видел сотенных, куренных, а хорунжих... — Он развел руками. — Что это за звание?

— Много будешь знать — быстро состаришься! — не растерялся Михаил. — Вот что, хлопцы, двое пусть останутся здесь, а один пойдет с нами. Надо привести сюда наших...

Бандита, который пошел с нами в лес, мы связали и допросили.

— В шесть часов, — сообщил он, — должны прийти люди из сотни Цыгана и устроить засаду на партизан.

Валя Семенов, с которым мы встретились на «маяке», решил не упустить бандитов. Со своими разведчиками после шести часов он окружил дом, где собрались националисты, и уничтожил их. А вскоре рота партизан во главе с комиссаром Стеховым разгромила всю сотню Цыгана.

В небольшом городке Деражно националисты с благословения фашистов свили себе гнездо. Возглавлял его «полковник» Клим Савур, именовавший себя командующим группы «Север». Здесь, в Деражно, и его окрестностях существовала целая сеть всякого рода районных и межрайонных «учреждений».

Деражно стало настоящим бандеровским центром с такими организациями, как служба безопасности, хозяйственная и военная службы, суд, который никаких приговоров, кроме смертных, не выносил.

Дмитрий Николаевич приказал уничтожить националистическое гнездо в Деражно. Выполнение этого задания было поручено партизанам под командованием старшего лейтенанта Ивана Соколова.

Среди бумаг, найденных в штабе Клим Савура, были списки коммунистов, партизан и советских активистов, казненных бандитами. Они были аккуратно подшиты в папки. Сколько ни искали, мы так и не нашли ни одного списка с немецкими фамилиями: националисты не боролись с гитлеровцами, а, как верные псы, служили им.

НА ПОЛЕСЬЕ

После боя под Берестянами наш отряд вынужден был оставить уютные землянки в Цуманских лесах. В тот же вечер, восьмого ноября, командование отдало приказ всем подразделениям готовиться к далекому и трудному походу. На месте оставался небольшой отряд для поддержки связи с «маяками» и разведчиками, действовавшими в Ровно и Здолбунове.

Разгром карательной экспедиции «мастера смерти» Пиппера пополнил партизанский обоз. В бою было захва-

чено около сотни подвод, нагруженных всяким добром. Чего только там не было! И продукты, и одежда, и обувь, и даже дверные ручки... Награбленное оккупантами имущество командир распорядился раздать населению, а оружие и боеприпасы оставить в отряде. Брать их в поход было нелегко. К тому же после боя у нас оказалось немало раненых, и это тоже усложняло наш поход.

Командование приняло решение уйти в глубь Полесья, где базировалось соединение Алексея Федорова и в отдельных селах даже были восстановлены органы Советской власти. Каратели не осмеливались появляться в партизанском краю.

Мы двинулись в бассейн рек Стохода и Припяти. Шли всю ночь, изредка останавливаясь на кратковременный отдых. Изнуренные тяжелым походом и бездорожьем, молча брели партизаны. Снег слепил глаза, отяжелела намокшая одежда, разбухшая обувь натирала ноги, каждый шаг причинял боль. Но никто не жаловался — все понимали, что надо идти.

Прекрасно понимал это и я, хотя мысли мои были не тут, а там, в Ровно, где остались мои товарищи — Николай Иванович, Михаил Шевчук, Коля Струтинский. Как там они? Скоро ли мы снова встретимся? И где — в отряде или в городе? Когда я снова буду в Ровно?

Мне пришлось задержаться в отряде, так как командование поручило выполнение задания особого характера. Дело в том, что наш отряд все время пополнялся новыми людьми. К нам приходили бывшие военнопленные, бежавшие из фашистского плена, отдельные группы людей, которые не подчинились «новому порядку» и, взяв оружие в руки, поднялись против оккупантов, и даже вчерашние участники оуновских банд — люди, несознательно или случайно попавшие к националистам. Поняв свою ошибку, они приходили к нам, чтобы искупить свою вину перед народом. Конечно, случалось, что среди новичков оказывались люди, специально подсланные гестапо в наш отряд. Поэтому ветеранам отряда приходилось быть особенно бдительными, подолгу беседовать с новичками, чтобы убедиться в их честности и преданности общенародному делу.

Медленно двигался отряд, наконец, на рассвете остановился в селе. Днем идти было опасно — немцы посылали на поиски партизан самолеты. В лесу, вблизи населенного пункта, мы устроили ложный отряд, зажгли костры.

Как и следовало ожидать, гитлеровцы сразу же заметили их и начали сбрасывать на лес свой смертоносный груз.

Еще одна ночь изнурительного перехода — и мы пришли в Велковичи Велики. Командование решило задержаться в этом селе и выслать группу для связи с соединением дважды Героя Советского Союза Алексея Федоровича Федорова. На Ровенщине рядом с нашим отрядом действовал один батальон его соединения. Пользуясь нашими разведывательными данными, федоровцы проводили блестящие операции по разгрому фашистских гарнизонов, уничтожению автомобильных колонн, поездов. Мы много слышали о генерале Федорове и горели желанием встретиться с этим отважным человеком.

Командование нашего отряда должно было передать федоровцам боеприпасы, захваченные у карателей; кроме того, Москва предложила нам договориться с ними о том, чтобы федоровцы взяли под свою опеку наших раненых, женщин и детей подпольщиков, вынужденных оставить Ровно и Здолбунов.

Однажды вызывает меня командир и спрашивает:

— Не имеешь желания побывать в Ковеле?

Вопрос был неожиданным и обрадовал меня. Как же не хотеть, если с Ковелем, с его железнодорожной станцией связаны годы моей молодости?

— Наш отряд будет тут не меньше месяца, — продолжал Дмитрий Николаевич. — На днях должны вернуться из Ровно Кузнецов, Шевчук и Струтинский, и мы приступим к выполнению нового задания. Пойдем на Львовщину. Конечно, нужно подготовиться. Неплохо было бы побывать на Ковельском железнодорожном узле, узнать, чем дышат фрицы.

— Я готов хоть сейчас идти в Ковель, — ответил я, — и выполню любой ваш приказ.

— Погоди, я еще не закончил, — остановил меня командир. — Наши войска готовятся к решающему удару по врагу, чтобы выбросить его с советской земли. Ковель становится важным стратегическим объектом, именно теперь, когда фронт приближается с каждым днем. Необходимо разведать оборонные средства на этом большом железнодорожном узле: сколько войска, каких родов, какому фронту подчинены, готовятся ли сопротивляться. Постарайся изучить обстановку на станции, в депо, пропускную способность узла. Нам нужно иметь полное представление о враге на этом направлении. От нас Москва ждет

сообщений, они будут играть не последнюю роль в организации наступления советских войск.

— Когда прикажете идти?

— Пойдешь через два-три дня. Подбери себе группу, человек десять-двенадцать. Дорога будет нелегкой, придется не только выставлять охрану, но и вступать в бой с оуновцами. Лучше обходить опасные места. Каждый километр вашего пути должен быть разведан. Возьмите с собой запас продуктов. Кстати, вас будут сопровождать связные из соединения генерала Федорова. Под Ковелем вам придется выйти из-под опеки федоровцев и действовать самостоятельно.

Я поднялся и, по-военному щелкнув каблуками, четко произнес:

— Понятно, товарищ командир! Разрешите идти!

— Еще одно. Забыл тебе сказать. В Ковеле у тебя много знакомых. Особенно среди железнодорожников. Да и родные живут возле Ковеля. Твое появление может вызвать нежелательные последствия. Постарайся никому не попадаться на глаза. Встречайся только с теми, кому доверяешь, в ком уверен, и только на конспиративной квартире. Ни в коем случае не заходи к родным. Ты же сам понимаешь, что может произойти с ними после твоего появления.

— Вы правы, Дмитрий Николаевич, я постараюсь все сделать, как вы советуете.

— Относительно товарищей, которые пойдут с тобой, посоветуйся с Лукиным. Согласуй с ним и маршрут.

— Хорошо, Дмитрий Николаевич.

Разговор с командиром, новое задание взволновали. Меня посылали туда, где прошло мое детство, где мой отчий дом, такой дорогой и близкий, где мне был знаком каждый уголок, каждая тропинка. Оттуда я два года тому назад под вражьими бомбами и пулями выехал на восток. Как сейчас в Ковеле? Как выглядит город? Куда девались мои приятели? А родные? Мама, мама! Сколько бессонных ночей ты провела в тревоге! Не знаешь, где твой Микола. Думаешь, наверное, что я далеко-далеко вожу поезд... Когда закрадывается тревожная мысль, ты ее гонишь прочь. Веришь, что твой сын жив, придет, обязательно придет. А я не могу прийти, хоть и совсем близко. Не могу, потому что идет война. А я разведчик. Мое появление в селе сразу же вызовет подозрение, и кто знает, чем все это кончится.

Вместе с Лукиным мы отобрали группу партизан из одиннадцати человек. С каждым из них я переговорил. Саша Яцук — уроженец Ковеля, вместе со мной прибывший в отряд, когда он узнал о задании, сказал:

— Жаль, что с нами не пойдет Петя Голубь. Он так мечтал снова побывать в Ковеле. В последний раз я его видел за день до его гибели.

— Я тогда был в Ровно. Хороший был парень Петр.

— Он пожал мне руку и сказал: «Завтра иду на задание. Будь здоров, Саша. Может, не вернусь, передай привет хлопцам. Когда будешь в Ковеле, расскажи, что Голубь не подвел ковельских железнодорожников». Ушел и не вернулся.

— Зачислим его посмертно в нашу группу. Отомстим гитлеровцам за его гибель.

Саша уже собрался идти, но задержался. Я понял, что хочет что-то сказать, но не осмеливается.

— Хочешь что-то спросить? Говори.

— Попроси командира, чтобы разрешил зайти домой.

— Нет, спрашивать об этом сейчас не стоит. Все вопросы будем решать на месте.

— Как бы я хотел увидеть маму и сестру!

— Постараемся устроить встречу. Возможно, даже у тебя остановимся. Мне тоже хочется заглянуть к своим.

— Ты говорил об этом командиру?

— Он сам догадался.

— Значит, разрешил?

— Наоборот, предупредил, чтобы я не показывался никому на глаза в родном селе.

— Значит, и мне нельзя?

— Ковель — город, а мои живут в селе, где каждый знает, что происходит в хате соседа. Оставим пока этот разговор. Иди, Саша, готовься в путь. Отдохни хорошенько, идти придется далеко.

К выполнению каждого задания разведчики тщательно готовились. Так и в этот раз. Почистив оружие, пересмотрев свой вещевой мешок, я отобрал лишние вещи. Кому же их оставить на хранение? Мимо проходила радистка Аня. Она не знала, что я готовлюсь уходить и, увидев меня, сконфузилась, опустила глаза.

— Подожди Аня, — обратился я к девушке.

— Ты хотел что-то сказать? — она остановилась.

— Я хотел тебя о чем-то попросить.

— А что именно?

— Возьми, пожалуйста, эти вещи к себе, пока я вернусь...

— Ты уходишь? Надолго? — в голосе ее слышалась тревога.

— Да. Задание сложное. Я буду отсутствовать около месяца.

— Так долго? А отряд будет ждать вас тут?

— Командир говорит, что до вашего возвращения вы будете здесь. А впрочем, может статься, что отряд вынужден будет перебазироваться в другое место.

— Волнуешься?

— Немного.

— Когда идете?

— Завтра.

— Береги себя, — сказала девушка, на глазах ее блеснули слезы.

— Ну что ты, Аня. Я иду не первый раз, не первый раз расстаемся.

Девушка взяла мои вещи, потом достала из кармана компас.

— Возьми, пожалуйста. Я все равно им не пользуюсь. В пути пригодится. Может, вспомнишь, что в отряде тебя ждут...

— Спасибо, Аня. Все будет хорошо...

На следующий день мы двинулись в путь и через несколько часов были в зоне штаба партизанского соединения Федорова. Нас поместили в чуме, специально отведенном для гостей. Кто-то из наших разведчиков пошутил:

— Гляди, это же настоящий партизанский готель.

Не успели мы освоиться в новых условиях, как меня вызвали к командиру. Когда я переступил порог землянки, коренастый, смуглый мужчина с казацкими усами, в генеральской форме и с Золотой Звездой на груди, встретил меня приветливо, непринужденно и просто.

— Здравствуй, казак! Рад видеть тебя.

Я, откровенно говоря, смутился и, став по команде смирно, отрапортовал:

— Здравствуйте, товарищ генерал! Разведчик отряда полковника Медведева — Николай Гнидюк с группой партизан прибыл в расположение вашего соединения.

— Садись. Не надо этих официальных формальностей, не люблю их. Расскажи лучше, как вы там уводите генералов...

Федоров слушал внимательно, разговор затянулся до вечера.

На следующий день в сопровождении федоровцев мы двинулись на Ковель. Решили дотемна форсировать реку Стоход. Русло этой довольно капризной речушки было расчленено на несколько рукавов, поверхность покрывала тоненькая пленка льда. Выбирая покрепче места на гладком ледяном покрове, мы переползли реку. Но как мы ни старались бесшумно перебраться на противоположный берег, не удалось избежать «аварии».

Был в нашей группе боец Мамадзянов. Родом он из Азербайджана, перед войной служил в Ковеле, хорошо знал город и рассказывал, что имеет в нем знакомых и даже невесту. Был он отважным партизаном, дисциплинированным и находчивым разведчиком, преданным товарищем. Добравшись на середину реки, Мамадзянов остановился и оперся на карабин. Лед под ним треснул, и разведчик провалился в ледяную воду. Сам он как-то выбрался на берег, но карабин ушел под лед.

— Ну, как ванна? — шутили хлопцы.

Но Мамадзянову было не до шуток. Он страшно переживал, что потерял оружие.

— Успокойся, карабин достанем тебе другой. Разве у нас в отряде мало оружия? Плохо, что ты весь мокрый, еще заболешь в пути. Что тогда нам с тобой делать?

Но успокоить разведчика было нелегко. Как мы ни уговаривали, он все-таки прыгнул в воду и, ломая лед, принялся ногами ощупывать дно. В неглубокой речушке он скоро нашел карабин, но двигаться в мокрой одежде, покрывшейся тонким льдом, не мог. Нужно было немедленно переодеться или высушить одежду. Как это сделать? До ближайшего села километров двадцать, и заходить туда опасно, можно нарваться на бандеровцев. Позади — Стоход. Может, вернуться к федоровцам? Но тогда мы потеряем целые сутки, а нам необходимо быть в Ковеле. Как быть? Как помочь товарищу?

И тогда кто-то из ребят предложил:

— Пусть каждый из нас даст Мамадзянову одну сухую вещь.

Это предложение всем понравилось, и, постукивая от холода зубами, мы начали раздеваться. Одели потерпевшего, а потом все пробежали километров пять, чтобы согреться. Процедура помогла, согрелся даже наш «утопленник». Все обошлось благополучно.

Остановились мы не в самом Ковеле, а неподалеку, на одном из хуторов вблизи села Колодяжно. Линейный обходчик, хороший знакомый Саши Яцюка, встретил нас гостеприимно и без колебаний принял в свою хатенку, стоявшую недалеко от железнодорожной линии Ковель — Киверцы. Тяжелый переход изнурил ребят, и они быстро уснули.

На следующий день, разведав обстановку, мы решили квартиру линейного обходчика превратить в партизанский «маяк», откуда можно будет проводить всю работу.

— Здесь, хлопцы,— говорил нам железнодорожник,— можете жить хоть целый год. Никакая бестия не додумается, что под самым носом у швабов разместились партизаны. Вы тут не первые. Были и от Федорова, и от Сабурова, и от «дяди Пети», а вы от кого?

— От Медведева, слышали?

— Слышать слышал, но в наших краях медведевцев не было.

— А немцы к вам не заходят?

— Что им тут делать? Живу я — сами видите как,— ничего у меня нет. Они идут туда, где есть сало, яички, куры...

Отдохнув после дороги, мы разработали подробный план наших действий.

Первыми в город ушли Мамадзянов и Яцюк, за ними отправились еще два товарища, остальные устроились на чердаке возле дымохода, хорошо нагревавшегося, когда топили печку. В крыше сделали отверстия для наблюдения. Хозяину дали деньги, поручив купить в городе продукты...

Наш поход в Ковель оказался полезным. Мы добыли ценные сведения об этом большом железнодорожном узле, который немцы старались превратить в опорно-стратегический пункт.

Дольше всех в городе был Саша Яцюк. Он узнал, что гитлеровская железнодорожная администрация особое внимание уделяет двум направлениям: Любомль — Люблин — Варшава и Владимир-Волынский — Рава-Русская — Львов. В течение недели тут была заменена вся служба на более надежную из числа фольксдойче и приехавших из Германии железнодорожников.

Мамадзянову не удалось встретиться с невестой, зато

он разведаль и приблизительно определил по карте линию обороны города, которую спешно строили гитлеровцы. Я удивился:

— Как тебе удалось об этом узнать?

— Очень просто. Потеряв всякую надежду встретиться с кем-либо из знакомых, я решил пойти к казарме, где проходил службу. Возле одной из казарм увидел толпу. Решил подойти посмотреть, что там происходит. Оказалось, оккупанты согнали народ на работу: копать траншеи и противотанковые рвы. Пока я рассматривал, людей разделили на группы. Один из полицейских дернул меня за рукав и крикнул: «Чего рот раскрыл, йолоп? Давай в третью бригаду!» Я сначала растерялся, потом думаю: «Чего бы и не пойти в третью бригаду? Узнаю, что они будут делать». И пошел. Траншею почти не копал, но рассмотрел, где проходит. Переночевал у одного из своих новых знакомых по бригаде, а на следующее утро снова пошел на работу, только уже в первую бригаду. Она сооружала дзоты. А сейчас я из второй бригады. Пришлось немного помахать лопатой до обеда. Когда сели есть, сбежал.

— А как же ты без разрешения?

— Нет, отпросился у бригадира. Пообещал ему принести бутылку самогона.

Ребята шутили: вот, мол, Мамадзянов, вместо того, чтобы причинить гитлеровцам вред, работал на них. Азербайджанец не понимал шуток. Когда все улеглись спать, он подошел ко мне и спросил:

— Скажи, и ты так думаешь?

— Как?

— Ну, как все. Что я на фашистов работал.

Я рассмеялся.

— Да что ты, дружище! Они шутят. Ты настоящий разведчик и добыл ценные сведения.

— Спасибо. Но ты все-таки не говори командиру.

— О чем?

— О том, что я три дня...

Ходили в город и другие разведчики — Глинко, Зубрилов, Мурашко... Каждый добыл какие-то сведения. Зубрилов, например, сообщил о том, что на станции Ковель-2 сосредоточено большое количество паровозов и вагонов. Все в полной готовности. Это сообщение нас особенно заинтересовало. Что бы это могло значить? Вер-

нувшийся из города Яцюк рассказал, что на станции гитлеровцы устанавливают дополнительные грузовые кра-
ны — переделывают железнодорожную колею.

— Вот в чем дело! — воскликнул я. — Колею переделывают. Понимаешь, Саша! С востока колея идет широкая, а из Ковеля на Варшаву — узкая. Стоит только ликвидировать этот пункт — и транспортная связь между востоком и западом прекратится.

Так и случилось. Пользуясь нашими данными, партизаны соединений Федорова и Наумова особое внимание уделили станции Ковель-2 и парализовали движение железнодорожного транспорта. Выполнив задание, мы вернулись в отряд. Я доложил командиру о нашем прибытии. Он внимательно выслушал меня, поблагодарил и спросил:

— А ты был в городе?

— Был.

— Встречал знакомых?

— Нет.

— Как же тебе удалось избежать встреч?

— Я только один раз прошел по городу. Все разрушено, ничего не узнать. Еле нашел место, где стоял дом, в котором я жил.

— О родных что-нибудь узнал?

— Нет. Даже и не старался.

— Если хочешь, заберем их в отряд.

— Нет, Дмитрий Николаевич, не надо этого делать. Пусть живут, как жили до этого. Они ничего не знают обо мне, а я о них. Закончится война, тогда будем разбираться в семейных делах, а сейчас и без этого есть работа.

Медведев посмотрел на меня сочувствующе, сказал:

— Ты прав. Партизан, а особенно разведчик должен быть выдержанным. Уметь сдерживать свои чувства.

Я попрощался и уже сделал несколько шагов, как Дмитрий Николаевич остановил меня:

— Не забудь сейчас же зайти к Ане. Я заметил — переживает. Почти ежедневно заходила ко мне, спрашивала, нет ли известий... Обязательно зайди.

— Спасибо, Дмитрий Николаевич. Зайду...

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Представьте себе зимний хвойный лес, величавые сосны и ели в сказочном белом наряде и костры, костры, костры... А надо всем этим льется песня — широкая, протяжная, как бы рожденная самим человеческим сердцем.

В один из таких чудесных зимних вечеров начала 1944 года мы долго бродили с Николаем Ивановичем Кузнецовым по лесу, любовались его красотой и, прислушиваясь к пению партизан, мечтали о будущем.

— Представляю, Коля,— говорил Кузнецов,— какой прекрасной будет жизнь после войны! Вот увидишь: пройдет несколько лет — городов и сел, разрушенных оккупантами, нельзя будет узнать. Ты что собираешься делать после войны?

— Я железнодорожник и, вероятно, снова пойду на паровоз...

— А я считаю, что тебе, да и другим ребятам надо будет учиться.

— Об этом я еще не думал, Николай Иванович. Пока война...

— Ничего, Коля, победа близка. Песенка Гитлера уже спета. Знаешь, вот я смотрю на эти заснеженные деревья и думаю об Урале, Сибири. Тебе не приходилось там бывать, и ты не можешь себе представить, какая она — сибирская зима. Когда победим, обязательно возьму ребят и повезу к сибирским медведям. Станем на лыжи и пойдем в тайгу. Что этот лес в сравнении с тайгой! Там — красота! А мороз! Знаешь, как сказал Некрасов:

Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит...

Вот вы тут одеваете на себя шубы, шапки и то дрожите от холода. А попробовали бы попариться в сибирской бане! Ты знаешь, что это такое? Нет? Залезешь под самую крышу и крикнешь оттуда банщику: «А ну, поддай парку!» И как зашипят горячие камни, как пойдет пар вверх. А он не такой, как ты думаешь, не влажный, а сухой, горячий, даже дух захватывает! Тогда березовым веником начинаешь стегать себя, кажется, даже кости становятся мягче. Потом — выскочишь в чем мать родила на улицу, плюхнешься в снег, как на пуховую перину, и давай кататься по нему... И это еще не все. Приходишь из бани домой. Изба деревянная, рубленая из круглого

соснового леса, смолой пахнет. Мать ставит на стол самовар. Он шипит, а мы пьем чай вприкуску. И не одну, не две чашки, а десять. Что, не веришь? А бывает и больше. Пот льет ручьем. У каждого на коленях — полотенце. Вытираешься и пьешь. Вот это — по-сибирски, вот это — здорово! Никакая холера не пристанет... А вы — шубы... Ну, кажется, я немного увлекся. Не могу, понимаешь, не могу оставаться равнодушным, когда вспоминаю Сибирь.

— А нас, — вставил я, — раньше Сибирью пугали. Все говорили: «Советы всех украинцев загоняют в сибирские леса, и там они умирают от холода».

Кузнецов рассмеялся:

— Что же, я обещаю — силой затяну тебя в сибирский лес. Только боюсь, что тебе не захочется оттуда ехать назад. Пойми: это край будущего. Он еще покажет себя. Вот закончится война — и Сибирь прогремит на весь мир. Ты не можешь себе представить, сколько сокровищ спрятано в сибирской земле. И эти сокровища будут служить людям. Я вижу это время!

Он говорил увлеченно, даже с пафосом, но в его словах не было ничего искусственного, наигранного. В такие минуты я всегда думал о том, как этот человек, который до самозабвения любит свою Родину, свой народ, может спокойно выслушивать хвастливые рассказы фашистских офицеров о их «веселых забавах» на нашей земле? Как у него выдерживают нервы? Ему очень тяжело. В тысячу раз тяжелее, чем нам. Но он никогда не жалуется на свою судьбу, никогда не теряет присутствия духа. Он и нас всех подбадривает, зажигает на борьбу...

— Николай Иванович, — сказал я, — как бы хотелось потом, после войны, работать вместе!

— Что же, я не против. А пока что нам, очевидно, придется расстаться.

Я удивленно посмотрел на него.

— Понимаешь, наша миссия в Ровно уже закончилась. Пройдет месяц-второй, и сюда придет Советская Армия.

— Но ведь отряд перебазируется на запад, и мы еще будем иметь возможность поработать вместе, ну хотя бы во Львове, — возразил я.

Боюсь, что не успеем. Отряду предстоит совершить большой переход, и вряд ли он будет легким. К нему надо хорошо подготовиться. А если даже и успеет отряд

до прихода наших войск перебраться в район Львова, то сразу там не развернешь широкой разведывательной работы. Потребуется время.

— И что же решили?

— Я решил не идти с вами по лесам и болотам, а немедленно отправиться во Львов и начать действовать. Уж очень хочется мне встретиться с губернатором Галиции Вехтером или хотя бы с кем-нибудь из его заместителей.

— А командование знает об этом?

— Я уже говорил с Медведевым и Лукиным. Пока они не дали согласия. Но и не отказали. Обещали все обдумать, посоветоваться с Москвой. Думаю, что Москва разрешит. Кстати, Лидия Ивановна тоже обещала поехать во Львов. Там у нее есть знакомая, и она дала мне ее адрес. Кажется, во Львове живет сестра Марии Ких. Словом, для начала есть где остановиться. И нужно спешить, так как не исключена возможность, что, добравшись до Львова, гауптман Зиберт попадет в плен к советским войскам.

Это был последний разговор с Николаем Ивановичем. Через несколько дней мы провожали его в путь. «Оппель-капитан», не раз колесивший по ровенским улицам, был сейчас как новенький, его перекрасили и отполировали до блеска — не к лицу франтоватому немецкому гауптману развезжать на грязном, обшарпанном лимузине.

Как всегда, Николай Иванович был подтянут, строен. Высокого роста, с продолговатым, волевым лицом, с большим лбом, над которым аккуратно зачесаны вверх густые светло-русые волосы, с серыми холодными глазами, ровным носом и слегка выдавшейся нижней челюстью, Пауль Зиберт даже нам казался «чистокровным арийцем». Он блестяще владел искусством перевоплощения, и не раз товарищи говорили ему, что театр потерял в уральском инженере редкостного актера. Кузнецов сел с Яном Каминским и Ваней Беловым в автомобиль и, улыбнувшись уже не равнодушно-холодными, «зибертовскими», а теплыми, ласковыми, кузнецовскими глазами, помахал нам рукой и воскликнул:

— Не вешать носов, хлопцы! До скорой встречи!

Машина, сопровождаемая конными разведчиками, тронулась, а мы стояли, глядели ей вслед, и мысли каждого в это мгновение были о нем. Что ждет его впереди? Какие подстерегают неожиданности? Ни у кого из нас

даже и в мыслях не было того, что больше не придется встретиться с Кузнецовым. Но все мы очень хорошо понимали, что положение, в которое он ставит себя, чрезвычайно рискованное. Однако мы были уверены, что он победит. Ведь он всегда побеждал; находил выход из любой ситуации.

И вспомнилось, как мы доставляли в Ровно нашу радиостанцию Валу Осмолу — «казачку», вместе со всей ее радиоаппаратурой.

И еще один случай возник в памяти. Мы едем в «Опель-капитане» на партизанский «маяк». На переднем сиденье, рядом с шофером Колей Струтинским, — Николай Иванович Кузнецов в форме гауптмана, прикрытой дождевой накидкой, сзади — Миша Шевчук и я. Уже наступили сумерки, и Коля включил фары. При выезде из города луч света упал на большой щит, на котором выделяются слова: «Ахтунг! Ахтунг!».

— А ну останови, — говорит Кузнецов Струтинскому.

Он читает объявление, и тут же переводит его нам:

— «Внимание! Внимание! Всем офицерам, солдатам и другим немецким гражданам ехать в Луцк после восьми часов вечера не разрешается. Это опасно: на дорогах действуют бандиты. Ровенский гегитскомиссар Бер».

— Что делать? — спросил Струтинский.

— Как что? — удивился Кузнецов. — Газуй дальше. Это нас не касается.

Не успели мы отъехать от города километров пять, как наскочили на фашистов. Они суеились вокруг сожженного моста, пытались отремонтировать его. Заметив нашу машину, окружили ее со всех сторон и стали горланить:

— Какого черта претесь? Не видели предупреждения гегитскомиссара? Тут полно бандитов, а они ночью едут в Луцк. А ну, поворачивай назад!

Надо было видеть, как вспыхнул Кузнецов. Он стрелой выскочил из машины и накинулся на саперов:

— Вы чего орете? Не видите, кто едет? — С этими словами он откинул полу накидки, и под ней заблестели ордена и медали. — Вы — тыловые крысы! Я еду с фронта, где ежедневно гибнут сотни лучших сынов фатерланда, а вы испугались трех бандитов и по всей дороге развесили предупреждения! Кто у вас здесь старший? Давайте его сюда!

Но «старший» подходил уже сам. Это был уже немощный

лодой, сутуловатый подполковник саперных войск, видать, из инженеров-интеллигентов, так как обратился он к Николаю Ивановичу очень вежливо — совсем не так, как должен разговаривать высший офицерский чин с низшим:

— В чем дело, герр гауптман? Чем вы недовольны? Кто вас оскорбил?

— Герр подполковник, — Кузнецов снова отбросил накидку, — я офицер немецкой армии, еду с фронта в Луцк, очень спешу. Прошу помочь мне перебраться на ту сторону.

Подполковник не стал больше ни о чем расспрашивать, приказал своим подчиненным немедленно оказать нам помощь. Николай Иванович сел на свое место. Немцы настелили досок, и Коля Струтинский стал потихоньку газовать. Но эта услуга доблестному фронтовому офицеру показалась для подполковника недостаточной.

— А ну, давайте! — сказал он своим солдатам и вместе с ними принялся подталкивать наш «оппель».

Смешно было наблюдать эту сцену. Смешно... А могло быть для нас очень грустно. Стоило лишь подполковнику поинтересоваться, каким грузом заполнен багажник машины (а там были ценные разведывательные материалы), как из вежливого интеллигента он превратился бы в безжалостного врага. Но этого не случилось. Не случилось благодаря находчивости, сообразительности нашего бесстрашного разведчика Николая Ивановича Кузнецова.

Мы знали, что и в новой обстановке он будет чувствовать себя так же уверенно и действовать с еще большей решимостью.

Мы втроем в ночном зимнем лесу: Миша Шевчук, Коля Струтинский и я. Время уже позднее, давно пора спать, но нам не до сна.

— Помните, ребята, — спрашивает Струтинский, — как говорил Николай Иванович: «Мы с вами хотя и беспартийные, но выполняем важное партийное поручение»? И знаете, о чем я подумал сегодня? Я подумал о том, чтобы вступить в партию.

Я и сам не раз думал об этом. Совсем недавно пришла к нам в отряд большая группа советских военнопленных — человек сто, если не больше. Они не покорились врагу, разоружили охрану и всем лагерем ушли в парти-

заны. Перед новичками выступает Сергей Трофимович Стехов. Он рассказывает об отряде, о порядках в нем, о задачах и долге каждого партизана, о положении на фронте.

— Нас сюда направила партия, товарищи,— сказал комиссар,— чтобы не давать оккупантам покоя ни днем, ни ночью, чтобы вести с ними беспощадную борьбу. Это священное поручение нашей партии мы успешно выполняем. Вступая в наш отряд, вы должны помнить, что вы становитесь исполнителями воли партии.

В тот же день я прочитал объявление:

«Сегодня в 18.00 состоится закрытое партийное собрание.

Повестка дня:

1. Прием в члены партии.
2. Задачи партийной организации отряда по воспитательной работе среди прибывших из плена.

Докладывает комиссар отряда С. Т. Стехов. Партбюро».

«А почему я до сих пор беспартийный? — подумал тогда я.— Ведь я тоже принимаю участие в выполнении заданий партии... А Николай Иванович? Разве я знаю человека, который бы больше, чем он, был достоин звания коммуниста?»

Я пошел тогда к нему и спросил:

— Скажите, Николай Иванович, почему вы до сих пор не вступили в партию?

— Знаешь,— ответил он,— не ты первый спрашиваешь меня об этом. А разве быть коммунистом — значит, только заполнить анкету и получить билет? Нет, надо быть коммунистом душой и сделать что-то такое, чтобы стать частицей партии, заслужить это высокое звание. А я еще молод и ничего особенного, ничего необыкновенного не сделал. Я большевик, всем сердцем, всеми мыслями большевик, а подавать заявление в партию, считаю, мне еще рано. Вот исполню свой долг перед Родиной, тогда и подам.

«Где уж там мне,— подумал я,— если Николай Иванович считает, что надо подождать, испытать себя». Так и не пошел тогда к комиссару, но мысли мои окончательно захватила мечта стать коммунистом — членом великой ленинской партии.

И когда узнал, что и Струтинский думает о том же, не мог не поделиться с друзьями своей мечтой и своими

сомнениями. Мы с Колей ждали совета от Шевчука: ведь он был старше нас и имел за плечами солидный опыт подпольной борьбы.

— Я считаю, ребята, что нам нужно поговорить с Сергеем Трофимовичем,— поддержал нас Михаил.— Пойдем к нему все вместе.

На следующий день мы пришли в штаб.

— Что вам, ребята? — встретил нас с улыбкой Медведев.— Наверное потянуло снова в разведку?

— Да нет, мы к комиссару с вопросом...

— Так, может, мне выйти? — рассмеялся командир.

— Не будем шутить, Дмитрий Николаевич,— сказал Стехов.— Вижу: у ребят серьезные намерения. Слушаю вас, товарищи.

— Да мы...— начал было Коля Струтинский, но заппнулся на полуслове.

— Оба Николая,— смело сказал Шевчук,— решили стать коммунистами. И вот пришли к вам, Сергей Трофимович, за советом.

— Садитесь,— сказал Стехов. Он не спеша набил свою трубку пахучим табаком, прикурил, крепко затянулся и, немного подумав, сказал: — Надеюсь, каждый коммунист нашей партийной организации не откажет вам в рекомендациях. Вот вам Устав. Внимательно его почитайте. Кстати, я и сам могу дать вам рекомендацию.

Мы с Николаем не рассчитывали услышать такое и молчали, не зная, что ответить. А Сергей Трофимович продолжал:

— Николай Иванович пошел на новое задание, и я уверен, что, когда вернется в отряд, мы и его будем принимать в партию. У нас с Дмитрием Николаевичем был уже разговор об этом. Рады, что наша партийная организация растет, что в ее ряды вступают смелые и отважные люди.

Медведев, присутствовавший при этом разговоре, сидел в стороне и писал. Казалось, он даже не слышит, о чем идет речь. А как хотелось знать мнение командира!

— Спасибо вам, Сергей Трофимович,— сказал Струтинский,— за доверие спасибо...

— И вам, Дмитрий Николаевич,— добавил я и обернулся к командиру, ожидая, что он ответит.

Медведев поднял голову, посмотрел на меня и Николая, потом взял со стола два исписанных листа бумаги и, протягивая нам, сказал:

— Сергей Трофимович прав: каждый из нас даст вам рекомендацию. Пусть одной из них будет моя. Вот вам, ребята, мое благословение.

Я держал в руках этот небольшой листок, как бесценное сокровище, которое откроет передо мной новые горизонты, ясные и широкие. Волновался ли я тогда? Да. Волновался и радовался. Пожалуй, больше, чем когда бы то ни было до этого.

Что-то подобное я чувствовал весной сорок второго года, когда в военкомате, после неоднократных настойчивых просьб, наконец, услышал долгожданный положительный ответ. Военный комиссар, уже немолодой, на первый взгляд суровый человек напутствовал тогда меня, словно паренька, делающего первые шаги в жизни. Он, коммунист, покрытый сединой, на теле которого оставили следы сабля белогвардейца и пуля самурая, поверил, что из меня, никогда в жизни не державшего в руках оружие и не встречавшегося лицом к лицу с врагом, выйдет разведчик. И сколько раз потом, когда приходилось попадать в сложные ситуации, я вспоминал комиссара и его искренние отеческие наставления!

Военный комиссар... Дмитрий Николаевич Медведев... Александр Александрович Лукин... Сергей Трофимович Стехов... Все они — мои отцы, мои учителя, мои воспитатели. Они научили меня жить, бороться, научили побеждать. И все они — коммунисты, сыны великой партии.

— Спасибо, Дмитрий Николаевич, — сказал я. — За все спасибо.

В ответ командир крепко пожал мне руку.

А через несколько дней — партийное собрание. Стою перед товарищами и кажется, что сама Родина принимает у меня экзамен на верность.

«Я знаю, — говорит она, — тебе пришлось нелегко, но из трудностей, встающих на твоём пути, ты выходишь победителем».

«Да, — отвечаю я, — как бы силен не был враг, мы побеждаем его. И это тебе, родная мать, обязаны мы своими победами. Я горд, что могу служить тебе!»

«Помни: то, что ты делаешь, — это лишь начало. Впереди еще много дел. Враг еще не разбит, и добровольно он не сложит оружия».

«Клянусь тебе, Родина, в этот торжественный для меня день, что не пожалею ни сил, ни жизни ради победы над врагом».

«Я верю тебе: ты — победишь. А потом?»

«Потом я буду делать все, чтобы ты стала еще краше, чем была раньше, чтобы колосилась золотая пшеница на твоих полях, чтобы на месте пожарищ выросли новые прекрасные города и села, чтобы засверкали мириадами ярких электрических огней твои необозримые просторы, чтоб никогда-никогда вражеский сапог не топтал нашей родной земли, чтобы дети и внуки наши с благодарностью говорили о нас, как о достойных твоих сыновьях, настоящих коммунистах, борцах за народное счастье...»

ОТРЯД ДВИЖЕТСЯ НА ЛЬВОВ

Новый 1944 год мы снова встретили в Цуманских лесах. Фронт молниеносно приближался к Ровно. Каждый час радио приносило радостные вести, и наши радистки не успевали переписывать сводки Совинформбюро об освобожденных городах.

Из Ровно и Здолбунова возвращались наши разведчики, приходили подпольщики — они приносили все новые и новые радостные вести.

В начале 1944 года Ровно уже ничем не напоминало ту «столицу», о которой так мечтали не только гитлеровцы, но и их прислужники — украинские буржуазные националисты. Оккупанты утратили прежнюю самоуверенность и бодрость. Гитлеровских «деятелей» всех мастей и рангов охватила страшная паника. Даже разведке в такой обстановке было очень трудно работать. Спешно эвакуировались многочисленные управления и отделы рейхскомиссариата, воинские части, представители всевозможных фирм и контор. Вместе с оккупантами старались унести ноги целыми предатели и бандиты разных мастей. Смелые действия народных мстителей и победоносное, стремительное наступление Советской Армии повергли в прах оккупантов. Взлетает в воздух ровенский вокзал, битком набитый гитлеровскими солдатами и офицерами. Эту операцию осуществил «пан Болек» — наш разведчик Михаил Шевчук при помощи своих друзей. Мины рвутся в ортскомендатуре, офицерских казино, на железнодорожных путях, переездах, шоссе, дорогах. А фронт стремительно приближается, уже слышна артилле-

рийская канонада. В лесах и селах действуют партизанские отряды, активизируется подполье.

Тихий, спокойный город Ровно столько неприятностей причинил наследникам кайзеровских баронов! Не случайно в начале 1944 года Геббельс, выступая по случаю тотальной мобилизации для спасения рейха, заявил, что среди городов, причинивших много неприятностей гитлеровской армии, особо выделяются Париж, Варшава, Прага, Минск, Ровно... В это время наш отряд получил из Москвы приказ оставить Ровенскую и Волынскую области и спешно перебазироваться на территорию Львовской области. Командование отряда дало распоряжение немедленно эвакуировать из всех городов, в том числе и из Ровно, основные разведывательные силы и подпольщиков. В отряде готовились к переходу на Львовщину.

Гитлеровцы, оккупировав Украину, искусственно отрезали эту область от Украины и называли ее «дистриктом Галицией».

Там были установлены свои оккупационные порядки и режим, даже курсировали другие деньги. Между Галицией и другими областями Украины была установлена специальная граница.

Николай Иванович Кузнецов в сопровождении разведчика Яна Каминского и шофера Ивана Белова уехал во Львов в начале января. Вскоре под Львов была направлена группа партизан под командованием Бориса Крутикова. Через несколько дней двинулся в поход и наш полуторатысячный отряд. Перед походом отряд был полностью реорганизован в комплектное воинское подразделение. После отправки с помощью федоровцев раненых, больных, стариков и детей в тыл, за линию фронта, на базе отряда было создано три боевых батальона, а отряд разведки, во главе с Валентином Семеновым, превращен в кавалерийский эскадрон. Взятые у карателей пушки и минометы дали возможность создать артиллерийский дивизион.

13 января наш отряд в новом составе пересек железнодорожную линию Киверцы—Ровно и вышел по направлению на Бродовский район Львовской области. Путь, который предстояло нам пройти,—свыше двухсот километров—был тяжелый. Вокруг густонаселенная местность, много гитлеровских гарнизонов, почти во всех селах хозяйничали разные предатели украинского народа—бандеровцы, мельниковцы, полицейские, подразделения

из дивизии «СС-Галиция». Поэтому уже в первом попавшемся на пути селе нам пришлось иметь с ними дело. Нас встретили шквалом автоматного и пулеметного огня. Но все наши попытки найти, где засели националисты, оказались тщетны. Местные жители подсказали нам, что по приказу гитлеровцев в каждом селе создана группа из националистов, которая должна оказывать сопротивление советским партизанам, регулярным войскам, при необходимости прятаться в подземельях и переходить на подпольные методы борьбы. Когда все это стало нам известно, в отряде была создана специальная оперативная группа, в обязанности которой входило — обнаруживать националистические группы и их подземные убежища. В оперативную группу входили почти все городские разведчики — я, Михаил Шевчук, Николай и Жорж Струтинские и др. Возглавлял группу Лукин. В походе работы нам хватало. В националистических подземельях прятались не только предатели. Мы обнаруживали там огромные запасы — оружие, амуницию, печатные станки и машинки, бумагу, одежду, продукты, советские паспорта. В одном из складов были найдены даже две легковые автомашины. Оккупанты оставили нам хитрого, коварного и неплохо оснащенного врага.

Часто приходилось выкуривать, в полном смысле этого слова, националистических головорезов из подземелий дымовыми шашками. Случалось, что фанатики в критический момент кончали самоубийством, подрываясь на гранатах.

Отряд наш приблизился к Бродовскому району. Искусственно созданную гитлеровцами границу мы перешли.

Когда мы заняли село Бордуляки, я зашел в штаб гитлеровского пограничного гарнизона. В комнате стоял телефон, который беспрестанно звонил. Я поднял трубку и услышал:

— Алло! Вер ист да? Вер ист да?

Я спросил, откуда звонят. В трубке послышалось:

— Шприхт Берлин, шприхт Берлин. Вер ист да?

Поскольку мне нечего было больше сказать, я крикнул:

— Дас ист партизан! Ферштейн?

— Ферштейн... — послышалось, и трубку повесили.

Оказывается Бордуляки были соединены телефонной связью с селом, носившим название Берлин, где тоже

находился гитлеровский гарнизон. Командование приказало овладеть этим населенным пунктом. Однако штурмовать Берлин нам не пришлось, так как гитлеровцы, услышав пушечные выстрелы по Бордулякам, поспешно исчезли. О том, чтобы на Полесье, в этом партизанском крае, телефонная связь между селами и даже между областными центрами не работала, заботились партизаны. А тут — звони из села в село. В дальнейшем мы это учли и позаботились о том, чтобы это средство связи не было использовано против нас.

Очередной привал для отдыха был запланирован в селе Нивица. Прибыли мы туда после полуночи. Для жителей наше появление было большой неожиданностью. Это было первое село, в котором никто не услышал ни единого выстрела. Чистые, аккуратные домики радовали глаз. После тяжелого пути все подразделения отряда быстро разместились по дворам.

Меня вызвал Лукин.

— Беспокоит эта тишина, — сказал он.

— Ночь, все спят, — ответил я.

— Я понимаю, но это не значит, что здесь все в порядке. Почти в каждом селе нас встречали бандиты градом пуль, а тут тишина. Ты, Коля Струтинский и Михаил Шевчук не ложитесь спать. Необходимо разведать обстановку, поговорить с людьми. Тут что-то не так.

Мы разошлись по селу в разных направлениях. Не успел я пройти и сотни метров, как ко мне приблизился мужчина и тихо сказал:

— Мне необходимо что-то вам сказать...

— Зайдем в любую хату и поговорим, — предложил я.

— Нет, не надо, пан-товарищ, — с галицким акцентом возразил незнакомец, — лучше где-нибудь за сараем поговорим...

— Ладно! — согласился я, и мы зашли за угол ближайшей постройки.

— Несколько дней тому назад я узнал, что идет советская партизанка. Я не из этого села, при панах поляках сидел в бригадах, преследовали за подпольную деятельность. Пришли немцы, боюсь дома жить, все время скрываюсь. А тут в Нивице мои родственники, живу у них нелегально. Имейте в виду — в селе много бандеровцев и галицких эсэсовцев, услышав, что вы идете, они бежали в соседнее село Троицу. Там — немцы, и они гото-

вятся на вас напасть. Я решил предупредить вас. Будьте осторожны. Они готовятся вас разгромить. У них много оружия — все автоматическое. Сообщите об этом вашему командиру. Я должен идти, чтобы никто не увидел.

Я хотел что-то еще уточнить у этого человека, но он, пожав мне руку, быстро исчез в вечерней темноте, даже не сказав своей фамилии.

Первая мысль была вернуться в штаб и доложить обо всем командиру, потом решил сначала посмотреть, где разместились наши основные подразделения. Перед рассветом ночь была темная, дул холодный февральский ветер. То тут, то там слышались голоса наших партизан — дежурные несли вахту да патрули прохаживались по селу.

Я поспешил в штаб. Неожиданно тишину разорвали выстрелы, за ними послышались автоматные и пулеметные очереди, начали рваться гранаты. Партизаны заняли выходные позиции для обороны. Никто не мог ответить — кто стреляет, откуда? Возле штаба я увидел Бориса Сухенко и Дарбека — они залегли для обороны.

— Где командир? — спросил я у них.

— В штабе его нет, — ответил Сухенко. — Куда-то ушел.

Домик, в котором разместился штаб, — в глубине усадьбы, к нему вела узенькая тропинка.

Оттуда слышалась стрельба, свистели пули. Мы поняли, кто-то ведет огонь по штабу. Партизаны, охранявшие штаб, перебрались через часток, залегли и вели огонь по врагу. В предрассветной темноте можно было различить людей,двигающихся по мокрому снегу к штабу. Партизаны автоматным огнем заставили залечь неприятеля. В наступившей минутной тишине мы услышали:

— Хлопцы, не стреляйте, мы свои...

Было ясно, что бандиты хитрят. Снова послышались выстрелы. Дарбек, лежавший слева от меня, поднялся и крикнул:

— Там кажется командир!

И упал, скошенный автоматной очередью.

Вдруг Борис Сухенко, дернув меня за рукав, тихо произнес:

— Смотри, смотри, Коля. Кто-то ползет прямо на нас. Давай я брошу гранату...

— Не надо, Боря, подожди, я сейчас... — И, прицелившись по силуэту, который приближался к нам, пригото-

вился нажать на спусковой крючок, как вдруг мы услышали голос командира:

— Ребята, стреляйте через меня, тут я. Позади меня бандиты...

Автомат выпал из моих рук. Не мог и слова произнести. Доля секунды — и я послал бы автоматную очередь в своего командира, который оказался в сложной ситуации.

Услышав голос командира, партизаны, словно по команде, поднялись и с криками «ура» кинулись на бандитов. Тридцать два трупа осталось на снегу в зеленой форме так называемого войска дивизии «СС-Галиция». Как нам стало известно, бандиты решили напасть на наш штаб ночью, когда мы отдыхали. На штаб напали молодчики из дивизии «СС-Галиция» при поддержке предателей-бандеровцев. К утру должен был подойти гитлеровский гарнизон из Топорова. Но нам не впервые давать отпор бандитам. Когда бандеровцы увидели хорошо вооруженных наших партизан, у них не хватило духу устроить тут резню. Пока подошли гитлеровские регулярные войска, Медведев дал приказ отойти в лес. Немецкая пехота без боя овладела юго-западной частью села, надеясь захватить тут партизан. Но получилось наоборот. Разоружив остатки бандеровской банды, мы закрыли их в сарае. Немцы, овладев этой частью села, приняли бандеровцев за партизан и жестоко расправились с ними. Когда оккупанты разобрались, что произошло, было уже поздно. Отряд благополучно отошел в лес, в Нивице еще долго продолжалась стрельба — фашисты приняли своих за партизан и обстреляли их.

Я застал командира возле умирающего Дарбека, который, оказываясь, первым заметил бандитов, первый услышал голос командира и бросился вперед, но был скошен вражеской пулей.

Медведев склонился над бойцом. Тот открыл глаза, и его бледное лицо озарила радость. Он еле проговорил:

— Командир, ты живой? Не ранен?

— Живой и не ранен, видишь, стою возле тебя, — спокойно ответил Медведев.

— Очень хорошо, очень... А я так боялся, — закрыв глаза, прошептал Дарбек.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил командир.

Дарбек еще раз открыл глаза, посмотрел на командира, на Бориса Сухенко, на меня, стоявших рядом, и произнес:

— Я умираю, товарищи... Берегите командира...— Он положил слабеющую руку на руку Медведева. Дмитрий Николаевич попробовал пошутить:

— Что ты, Дарбек, ты не умрешь. Мы еще не раз будем есть твою болтушку по-казахски, как в Брянских лесах...

Дарбек ничего не ответил, силы оставили его; через минуту перестало биться сердце чудесного товарища, который прошел вместе с нашим командиром большой путь.

После похорон Дарбека я зашел к командиру и рассказал ему обо всем.

— Свет не без добрых людей. Жаль только, что сообщил этот добрый человек поздно, и мы не смогли своевременно подготовиться, хорошего товарища потеряли.

— Оно-то так, но мы с Борисом Сухенко чуть было не...— Я запнулся на полуслове.

— Хочешь сказать — чуть не прикончили своего командира вместо бандита?

— Да. Я уже прицелился, Борис приготовил гранату...

— Что ж, все могло случиться. Очевидно, я тоже поступил опрометчиво. Мне что-то не спалось, и я решил пройтись, вышел на лужайку. Задумался, вдруг слышу голос: «Хлопцы, ложитесь. Нам надо поближе подойти незаметно». Я все понял — бандиты. Залег за дерево, но не успел вынуть маузер. Они меня заметили. Начали стрелять из автоматов. Пули засвистели над головой. Мне ничего не оставалось, как ползком побыстрее добираться к своим. Понимал, что могут принять меня за бандита... Но все обошлось хорошо... Жаль только Ибрагима.

Я глядел на командира и удивлялся его мужеству и выдержке, вся его шинель была изрешечена пулями.

— Кстати,— продолжал Медведев,— подобное со мной случилось не впервые. Осенью сорок первого года в Брянских лесах наш отряд попал в окружение карателей. Меня ранило в ногу, и я совсем не мог идти. Чтобы сохранить людей и отряд, приказал разбиться на небольшие группы и выходить из окружения. Определил место сбора и время всем тем, кому удастся вырваться из ловушки. Адьютантом у меня был мастер спорта по боксу Николай Королев, человек богатырской силы и неповторимой ловкости.

Мы остались с ним вдвоем. Королев взвалил меня на плечи, взял под руку сумку, два автомата и нес как ни в чем не бывало. Мы прошли около километра и добрались до широкой просеки. Но перейти через нее не было возможности, гитлеровцы соорудили временные дзоты и простреливали всю просеку. Что делать? Я приказал адъютанту оставить меня в густых кустах, взять планшет с документами и одному пробираться к своим.

— Я этого никогда не сделаю, — категорически возразил Николай. — Вас одного, да еще раненого, оставить? Ни за что, лучше смерть...

— Я дам письменное распоряжение...

— Что вы, товарищ полковник! Никакому распоряжению — ни устному, ни письменному — я не подчиняюсь. Или оба погибнем, или пройдем через просеку.

Я принялся уговаривать Королева, что у нас безвыходное положение, что в таком случае глупо идти на самопожертвование, когда есть возможность одному выйти. Я убеждал своего адъютанта, что если он меня перетянет в кусты и хорошо замаскирует, смогу пролежать двое суток, пока немцы закончат операцию. Но Николай был непреклонен. Он встал, повесил на шею автомат, поднял руки вверх и, выйдя на просеку, пошел к фашистскому дзоту. Успел крикнуть на прощанье:

— Вы тут полежите, а я скоро вернусь...

«Что он задумал? Что делать?» У меня промелькнула нехорошая мысль, схватился было за маузер, хотел крикнуть: «Назад!», но опомнился. Королев этого не делает. Я был в нем уверен, как в самом себе.

Гитлеровцы, увидев советского партизана с поднятыми руками, идущего на дзот, перестали стрелять; навстречу ему вышел офицер и довольно ласково, не без иронии сказал:

— О, гут рус, гут рус, битте автоматен!

Королев спокойно отдал автомат офицеру и вместе с ним пошел в дзот. Там было всего пять солдат во главе с офицером.

Двое торчали возле пулемета, установленного в амбразуре, двое начали обыскивать Королева, а один остался у дзота. Офицер принялся звонить по телефону и докладывать, что у них в дзоте советский партизан. Королев не растерялся, выбрал подходящий момент и неожиданным боксерским ударом нокаутировал офицера. Несколько минут, и немцы уже лежали. Взял свой автомат, вышел из

дзота, прикончил последнего фрица. Бросив в амбразуру гранату, Королев уже докладывал мне:

— Товарищ командир! Вражеский дзот уничтожен, пять солдат и офицер ликвидированы, пулеметная точка выведена из строя. Можем продолжать свой путь. Надо спешить.

Действительно, медлить нельзя было, не было и вопросов. С минуты на минуту могли появиться гитлеровцы.

Когда просека осталась далеко позади, Королев перебинтовал мне ногу, и я, опираясь на плечо своего спасителя, смог двигаться дальше. Мысль о героическом поступке Николая Королева придавала мне сил. И хотя нам пришлось идти всю ночь и почти целый день, мы все-таки добрались к условленному месту. Успешно прибыли и другие группы; наш отряд снова действовал...

Медведев задумался, присутствующие тоже молчали, вошла радистка Лидия Шерстнева и подала командиру телеграмму из Москвы. Медведев прочитал ее вслух:

— «Отряду «Победители» приказываем прекратить поход на запад. Немедленно возвращайтесь на соединение с регулярными частями Советской Армии. Телеграфируйте подтверждение...»

— Я так и знал, — сказал командир, что Москва не разрешит продолжать поход.

Надо было спешить. Мы все разошлись, думая о нашем командире — отважном чекисте, коммунисте Дмитрие Николаевиче Медведеве, который подобно герою-богатырю зажигал наши сердца отвагой, вселял твердую веру в торжество нашего дела, во имя которого мы шли на борьбу с врагом и побеждали.

**ГДЕ ТЫ,
ПАУЛЬ ЗИБЕРТ!**

— Лида! Лидочка!

Майя заметила сестру издалека. Да, это — Лида! Это — ее Лида! Она вернулась! Она снова в Ровно!

— Лидочка!

— Майка!

Сестры бросаются в объятия друг другу, целуются, громко смеются и, как маленькие дети, схватившись за руки, кружатся посреди улицы, не обращая внимания на прохожих, которые останавливаются и удивленно смотрят на них.

- Ты с поезда?
- Да.
- Откуда?
- Из Львова.
- Давай сюда свой чемодан.
- Оставь, я сама.
- Ты, наверно, устала.
- Нисколечко.

Майя почти силой выхватывает из рук сестры ношу.

- Ух, какая ты упрямая!.. — смеется Лида.
- Упрямая не упрямая, а тебе тяжело. Ну что, идем домой?
- Идем.

Они идут по залитым ярким солнечным светом улицам города. Словно два ручейка, несутся они в людском потоке, и никому до них нет дела. Да и кто бы мог подумать, что эти красивые, стройные женщины еще совсем недавно готовы были в любую минуту пожертвовать своей жизнью ради того, чтобы никогда над родной землей не висели черные тучи войны, а всегда ярко светило солнце, как и в этот радостный августовский день.

- Ну, рассказывай же, как там было?

— Постой, Майка, какая ты нетерпеливая. Еще успеем наговориться. Ты лучше скажи, как дома? Мама здорова?

— Уже почти ничего не слышит. И так ждет тебя, так ждет! Ленка плачет, говорит: «Пропала наша Лида», а мама сердится: «Как это так — пропала? — говорит. — Вот увидишь, скоро вернется. Чует мое сердце, что придет». А сама вытирает слезы.

— Бедная мамочка! Сколько хлопот ей причинила ее Лидка. Всегда она куда-то исчезает. Помнишь, Майка, как я убежала в Варшаву? Да нет, откуда тебе помнить, ты же была в Костополе. Так она тогда тоже всех наших успокаивала: «Никуда Лида не денется». А сама тайком рыдала... Лена, говоришь, плачет?

— Ты же знаешь, как она тебя любит... Она относится к тебе, как ко второй матери. Говорит: «Лида меня воспитывала. И я хочу во всем быть похожей на нее». Теперь она самостоятельная. Работает машинисткой в обкоме. Ее устроил туда Лукин.

- А он здесь?

— Нет. Когда освободили Ровно, Александр Алек-

сандрович разыскал меня и забрал в отряд. И насчет Лены побеспокоился.

— Так ты была в отряде?

— Была.

— Как я тебе завидую! Мне так и не пришлось отвещать партизанского кулеша...

— Дмитрий Николаевич все расспрашивал о тебе. Представляешь, и тебя, и меня в отряде давно хорошо знали и считали своими.

— Жаль, очень жаль, что я не успела познакомиться ни с Медведевым, ни с Лукиным.

— Еще успеешь. Дмитрий Николаевич, правда, заболел — радикулит его скрутил, кончится война — махнем с тобой в Москву.

— Да, обязательно поедем. Я еще до войны об этом мечтала. А тут немцы напали. В Варшаве была, в Берлине была, а вот в Москве — нет.

— Что ж, долго ждать не придется.

— А здорово будет: соберемся мы все у Дмитрия Николаевича. И Николай Иванович придет. В гражданском костюме. Интересно, как он будет выглядеть в пиджаке и галстуке? Я, например, представляю его себе только в форме немецкого офицера. А ты? Ты же видела его в отряде? Какой он?

— Я? Нет мы с ним в отряде не встречались. А разве он там должен быть?

— Когда мы встретились во Львове, он сказал, что собирается пробираться к своим.

— Так во Львове вы снова были вместе?

— Были?.. Нет, там было не так, как в Ровно. Там...— Она замолчала, будто силась что-то припомнить.

— Что там?..— переспросила ее Майя.

— Подожди. Я потом. Все это не так просто...

Они ускорили шаг.

— А куда это мы поворачиваем? — спросила Лисовская. — Нам же сюда, на Легионов?

— Я и забыла тебе сказать. Когда Лена начала работать в обкоме, нам дали новую квартиру на улице Хмельницкого.

— Лучше старой?

— Конечно. И на работу ей совсем близко.

Вот он, небольшой особнячок, утопающий в зелени деревьев. Сестры почти одновременно берутся за ручку двери. Она открывается и...

— Доченька!

— Мама!

Они плачут обе — раньше времени поседевшая, оглохшая от бомб мать, у которой война отняла мужа и угнала на далекую чужбину сына, и дочь — молодая, красивая женщина, успевшая дважды стать вдовой и пережить столько, сколько с избытком хватило бы еще не на одну человеческую жизнь.

— Успокойся, мама, успокойся! — утешает старуху дочь. — Все будет хорошо. И Володя вернется. Я его буду искать и найду. Перестань плакать. — А у самой большие серо-голубые глаза полны слез.

— Я сейчас позову Лену, — говорит Майя и выбегает из комнаты.

Лена, услышав по телефону радостную весть, на ходу кричит девушкам:

— Лида приехала! Вы тут постучите за меня.

Они знают, что значит для Лены Лида: сколько раз в этой маленькой комнатке машинописного бюро, когда выпадали свободные минуты, девушка рассказывала машинисткам о своей старшей сестре. Лена выбегает на улицу.

— Майка, рассказывай же, какая там она? Изменилась?

— Лицо немного усталое. А вообще — такая, как была.

Они спешат, и Майя, запыхавшись от быстрой ходьбы, глотая слова, рассказывает, как она неожиданно встретила на улице Лиду.

А дома, после теплых объятий и поцелуев, после вкусного обеда, сестры устраиваются на диване, подобрав под себя ноги, и, затаив дыхание, слушают Лиду...

Николай Иванович был у нее в последний раз еще перед новым годом. Она предложила ему ужин, но он отказался: очень спешил. Сказал, что в Ровно его миссия уже закончена, и командование отзывает его в отряд.

— А как же я? — спросила Лисовская. — Как Майя?

— Вы останетесь здесь и будете ждать прихода советских войск.

— И что же, так и будем сидеть сложа руки? — с явной обидой сказала она... — Разве для нас в отряде не найдется дела? Будьте уверены, я умею стрелять не хуже вас. В юности я не раз принимала участие в стрелковых соревнованиях и получала призы. А может быть, вы

думаете, я не умею ездить верхом? Еще как! Дали бы нам с вами хороших скакунов, мы бы посмотрели, чья возьмет. А плавать вы умеете? Да? Ну, не лучше меня, будьте уверены! Я не хвастаюсь, но когда-то в воде меня никто не мог обогнать. Так и скажите в отряде.

— Верю, охотно верю вам, Лидия Ивановна. Но вам придется остаться в Ровно. Нашему отряду предстоит осуществить тяжелый поход, я уверен, что вы выдержали бы его, но представьте себе: вы и Майя неожиданно исчезаете из города. Неизвестно куда девается и Пауль Зиберт. Не вызовет ли это у многих наших «хороших знакомых» из гестапо и рейхскомиссариата подозрений? Начнут сопоставлять некоторые факты, обстоятельства и могут прийти к весьма нежелательным для всех нас выводам. У вас тут останется мать, младшая сестра. Для них переход, который предстоит осуществить отряду, не под силу. Вы понимаете, какой опасности вы можете их подвергнуть? Нет, лучше пока оставайтесь здесь. И знайте: о вас помнят. Дмитрий Николаевич велел передать, что когда будет надо, к вам придут с «приветом от Попова». А теперь — до свидания.

— Я провожу вас...

Они вышли на крыльцо, спустились по ступенькам во двор. В темном морозном воздухе, поблескивая под лунным светом, кружились снежинки. Остановились. Она подняла руку и повернула ее ладонью кверху. Снежинки одна за другой опускались на ладонь и тут же таяли, бессильные перед теплом человеческого тела.

— Хорошо им, снежинкам, — произнесла Лисовская. — Спокойная у них жизнь. Летят себе на землю, совсем не думая о том, что на этой земле гибнут люди. Что для них война? Им все безразлично... Даже то, что, долетев наконец до земли, они будут раздавлены грязным сапогом или растают вот так на чьей-то ладони.

Она помолчала немного. А потом продолжала:

— Нет, не хотела бы я быть снежинкой. Не по мне тихая, спокойная жизнь. Пока идет борьба, я не могу оставаться спокойной. Не могу! Да и вы такой же. Я же знаю вас, как себя. Не в вашем характере блуждать по лесам. Ну, скажите, ведь так?

— Понимаю вас и разделяю ваши чувства. Вы правы и относительно меня. Я и сам думал о том, что делать дальше. И скажу вам откровенно: решил просить командование разрешить мне поехать во Львов. Паулю Зиберту

еще рано на пенсию, он еще может доставить гитлеровцам немало хлопот. Но я не знаю, разрешат ли мне оставить отряд.

— Если разрешат, дайте мне знать: я сразу же приеду во Львов. Договорились?

— Не будем заранее договариваться. Я еще сам не знаю, согласятся ли с моим планом.

— Но обещайте помнить обо мне?

— Обещаю.

— Во Львове живет моя приятельница, пани Рузя. Она работает в «Бристоле», — там есть такой ресторан, на кухне. Вы как-нибудь свяжитесь с ней и скажите, что хотели бы меня видеть. А уж она известит меня. Хорошо?

— Допустим...

— Нет, не «допустим», а да.

— Ну, пусть будет «да».

— Берегите себя. Слышите? Будьте осторожны...

— Хорошо...

Он пошел, а она стояла, грустно глядя ему вслед. Тяжело было расставаться с этим человеком, который стал для нее самым близким другом в жизни и в борьбе против ненавистных врагов.

Нет, она еще не знала в тот чудесный зимний вечер, какая опасность нависла над гауптманом Паулем Зибертом. Узнала о ней почти месяц спустя. А все это время жила в нетерпеливом ожидании: когда же, наконец, Николай Иванович даст о себе знать? Но он словно в воду канул: как ушел тогда вечером, так и пропал неизвестно куда.

Однажды после обеда, когда казино уже должно было закрыться на перерыв и в нем не оставалось почти никого из посетителей, в зал вошел человек в шляпе, с маленькими рыжеватыми усиками. Он обвел прищуренными глазами столики и, остановив взгляд на Лисовской, вежливо проговорил:

— Пани Лидия Лисовская, если не ошибаюсь?

— Да, — ответила она.

— Меня просили сообщить вам, чтобы вы через час явились на улицу Дубенскую, 24, в комнату номер шестнадцать. Только, пожалуйста, не опаздывайте.

И, поклонившись, вышел.

На Дубенскую, 24... Чего это гестапо заинтересовалось ею? Неужели что-нибудь случилось с Николаем Ивановичем? Нет, этого не может быть.

Вот и Дубенская. Оказывается, пропуск для нее уже

выписан. Она поднимается по лестнице, проходит коридором к двери с номером шестнадцать и медленно нажимает ручку.

Навстречу ей из-за стола поднимается долговязый гауптштурмфюрер в темном мундире. Он ехидно улыбается Лисовской тонкими растянутыми губами, открывая два ряда желтоватых зубов. О, она хорошо знает этого гестаповца! Его зовут Конрад. Однажды даже пригласил к себе на вечеринку по случаю «дня рождения Майи» и познакомил с Паулем Зибертом. Тогда же Конрад, сильно выпив, вымолил у нее свидание, и она пришла к нему сразу же после того, как машина с выкраденным генералом Ильгеном помчалась за город. Гауптштурмфюрер был вне себя от счастья, что «фрейлейн» Леля отдала ему предпочтение перед щеголеватым фронтовым гауптманом Зибертом. Конрад и не подозревал, что полчаса назад этот же гауптман вместе с очаровательной «фрейлейн Лелей» и ее сестрой «фрейлейн Майей» среди бела дня выкрали самого фон Ильгена. Они пошли в «Дойчер гоф» и пробыли там допоздна; пили коктейль, шампанское, танцевали. Потом он пытался проводить ее домой, но она по дороге расплакалась, начала ругать всех мужчин, называть их нахалами и сказала, что была бы счастлива, если б он, Конрад, оказался не таким, как другие. Дала ему понять, что сама как-нибудь отблагодарит его за вежливость, и он, победив свою страсть, поплелся ни с чем к себе.

Но «фрейлейн Леля» оставалась неумолимой. Сколько раз после того случая он приходил в казино и просиживал там часами, надеясь на ее милость, но она хотя и позволяла иногда проводить себя домой, обещания не выполняла. Наконец ему, наверное, надоели эти напрасные ухаживания, и, обиженный, он оставил ее в покое.

И вот она в его служебном кабинете в гестапо. Что побудило его вызвать ее сюда?

— Фрейлейн Леля чем-то обеспокоена? — спросил гестаповец, приглашая сесть.

— Да что вы! Просто очень устала. Слишком много работы, и все время приходится быть на ногах.

— Может, выпьем по чашке кофе?

— Благодарю, не беспокойтесь, — ответила Лисовская. — Надеюсь, вы меня пригласили сюда не ради этого? — Наступила минута молчания. Гестаповец взял электрокофейник и наполнил две чашки кофе.

— Фрейлейн Леля, — начал гестаповец, медленно раз-

мешивая ложечкой сахар.— Вы, конечно, знаете как я вас уважаю. И хотя вы принесли мне немало грустных минут, я хочу, чтобы вы знали: в моем лице вы имеете настоящего друга, который желает вам только добра. Возможно, это выглядит не совсем скромно, но я хотел бы напомнить один случай, чтобы вы поняли, как я вам предан. Помните тот день, когда мы с вами ходили в «Дойчер гоф»? В этот же день бандиты выкрали генерала фон Ильгена. В числе тех, на кого пало подозрение в причастности к исчезновению генерала, были и вы, ведь в его доме вы бывали частой гостьей. Не так ли?

— Да. Господин генерал обедал у нас, и ему нравилось, как я обслуживаю. Вот он и предложил мне быть его экономкой.

— И вы согласились?

— О, мне была оказана такая честь! Я с гордостью приняла предложение генерала.

— И вдруг ваш благодетель исчезает. Это случается в тот же день, когда мы встретились с вами в парке. Этот день и этот вечер я никогда не забуду. Вы были тогда очаровательны. И я готов был ради вас пойти на все. Так вот, когда вас на следующий день вызвали сюда, вы сказали, что весь день провели в моем обществе. Шеф тогда спросил меня, правда ли это, я ответил ему: «Да, святая правда, пани Лисовская с утра до позднего вечера было со мной». И этих слов было достаточно, чтобы отвести от вас подозрения. Я так и сказал: «С утра до позднего вечера». — По лицу гестаповца снова пробежала ехидная усмешка. — Хотя встретились мы с вами после обеда. Я, конечно, не хочу вас упрекать в неблагодарности, но...

Гестаповец умолк и уставился на Лисовскую, желая узнать, какое впечатление произвели на нее его слова.

— Не понимаю, — произнесла она, — зачем вы об этом вспоминаете. Я и сама все хорошо помню и благодарна вам за заботу. Только к чему такие многозначительные намеки? Неужели вы думаете, что я причастна к этому темному делу? Уж коль вы считаете себя моим спасителем, я должна вам сказать: среди моих знакомых есть лица, более влиятельные, чем вы, и у них насчет меня не возникло ни малейшего подозрения.

— Кого вы имеете в виду?

— Какое это имеет значение? Скажу только: настоящий мужчина никогда не стал бы через несколько месяцев напоминать о мелкой услуге, оказанной женщине.

— Ну, хорошо, извините. Оставим этот неприятный разговор. Я не предполагал, что вы так обидитесь. И, собственно, не ради этого я вас сюда пригласил.

— Пожалуйста, я готова вас извинить, — успокоилась Лисовская.

— И в доказательство того, что я полностью вам доверяю, — продолжал гестаовец, — попрошу оказать мне небольшую услугу.

— Какую именно?

— Дело касается одного вашего знакомого — гауптмана Зиберта. Вы давно с ним виделись?

— А зачем вам это знать? Если вы считаете, что имеете в его лице опасного соперника, то не ошибаетесь: Пауль мне нравился. Я даже не против была поехать с ним в Германию.

— К сожалению, пока идет война — это невозможно. У вас больше шансов вырваться на запад, чем у него. Что ни говорите, а он — фронтовик. Не то, что вы...

— А где он сейчас?

— Это я у вас должна спросить, где он. Я видела его еще перед новым годом. Он сказал, что едет на фронт, и все... А вы что-нибудь о нем знаете? Может быть, с ним что-то случилось?

— На фронт, говорите? И больше ни о чем он вам не рассказывал?

— Нет. Но вы не ответили на мой вопрос. С ним что-то случилось? — обеспокоенно проговорила Лисовская.

— Нет, ничего не случилось. Просто ему теперь не до вас, дорогая фрейлейн. Наши дела на фронте не блестящи, и, возможно, через несколько дней нам придется оставить Ровно. Временно, конечно. Но пусть только закончится зима! О, фюрер еще покажет большевикам, что значит великая Германия! — Он встал. — Ну хорошо, на этом будем считать наш разговор законченным. Если появится гауптман Зиберт, дайте мне знать. У меня к нему дело. Вот мой телефон.

Он вынул из кармана блокнот, записал номер, потом вырвал листок и протянул Лисовской.

— И вообще, — добавил он, — если я вам буду нужен, звоните. Может, наконец, растает лед вашего сердца?

И, любезно попрощавшись, он проводил Лидию Ивановну к выходу.

Этот разговор взволновал Лисовскую. «Чего это, — думала она, — ему нужно было вспоминать историю с Ильге-

ном? И зачем ему понадобился Зиберт?» Не хотел ли гестаповец спровоцировать ее на неосторожный шаг? Вероятно, для гитлеровцев Пауль Зиберт уже перестал быть обыкновенным офицером, и они пытаются напасть на его след. Что же, в Ровно они его не отыщут. А она не поддастся ни на какую провокацию. Да, Пауль Зиберт заходил к ней. Но ведь не он один был завсегдаем особняка на Легионов. Он был чрезвычайно популярен среди ровенского офицерства, и не удивительно, что хорошенькую «фрейлейн Лелю» можно было часто видеть в его обществе.

Она пыталась отогнать тревожные мысли, но они настойчиво роились в голове, не давая покоя. Эти мысли стали еще тревожнее, когда на следующий день она встретила Леона Метуся, и тот, обдавая ее хмельным перегаром, под «страшным секретом», сообщил, что гестапо арестовало «бывшую невесту Зиберта Валю Довгер и всю семью одного поляка, у которого Пауль снимал комнату».

— Я давно чувствовал, пани Леля, что этот Зиберт не такой,— разошелся Метусь.— Но кто же мог знать, кто мог знать?.. Я еще и вас с ним познакомил, как с порядочным человеком. А он, оказывается, был связан с партизанами. Кто бы мог подумать, что среди немецких офицеров могут оказаться такие! Теперь его всюду ищут и никак не могут найти. Наверное, и я буду иметь неприятности.

Он продолжал еще о чем-то бубнить, но Лисовская уже не слушала его. Мысли ее были заняты совсем другим: если Николай Иванович не в отряде, его немедленно надо предупредить об опасности. Она должна разыскать его во что бы то ни стало! Но где он? Почему не дает о себе знать? Ведь он обещал. Надо ехать во Львов. Немедленно. Ехать, когда со дня на день сюда могут прийти советские войска? Снова оказаться среди врагов? В большом городе? Сможет ли она там его найти? Хорошо, если он воспользуется ее советом и свяжется с Рузей. А если нет? Если его вообще нет во Львове? Все равно она поедет туда. Это необходимо. Но легко сказать: поедет. Добраться до Львова не так просто. Фронт уже подошел почти к Ровно. Все поезда тщательно проверяются. Что делать? И вдруг возникает мысль: Конрад, этот навязчивый гауптштурмфюрер, может ей помочь. Вот листок из его блокнота, вот номер его телефона.

— Это вы, Конрад? Не узнаете? Да, это я, Леля. Мне необходимо вас сейчас же видеть. Пожалуйста, я подожду. На скамейке. Через полчаса? Хорошо.

Когда на аллее показалась долговязая фигура гестаповца, Лидия Ивановна встала и побежала ему навстречу.

— В чем дело, фрейлейн Леля? Чем вы так взволнованы?

— Конрад, умоляю вас... Вы должны мне помочь вырваться отсюда.

— Вырваться?

— Да, да, бежать. Вы же сами говорили, что со дня на день сюда могут прийти большевики. Вы представляете, что они сделают со мной? Я не могу найти себе места. Ночью меня мучают кошмары, просыпаюсь в отчаянии. Иду по городу и вижу, как из разных учреждений грузят на машины бумаги и сейфы. А что делается на вокзале! Вы видели, что там делается! Все хотят бежать. Ни у кого нет желания быть брошенным на съедение сибирским медведям. И я не хочу этого, Конрад! Слышите: не хочу! Я боюсь. Спасите меня из этого ада.

— Нечего так раньше времени нервничать. Видите, мы еще в городе. Я обещаю вас взять с собой, как только нам будет дана команда об эвакуации.

— Не хочу ждать! Тут можно с ума сойти от ужаса. Пока я не почувствую себя в полнейшей безопасности, не успокоюсь.

— Вы что — не верите мне?

— Верю. Но может случиться всякое. Еще неизвестно, успеете ли вы взять меня с собой... И я не собираюсь рисковать. Помогите мне куда-нибудь бежать, ну, хотя бы во Львов. Там меня никто не знает, и я буду чувствовать себя спокойнее.

Гестаповец молчал, вероятно обдумывая, что ответить перепуганной фрейлейн. А Лидия Ивановна решила не прерывать атаки.

— Я причинила вам столько хлопот. Надеялась встретить у вас поддержку, а оказывается... Скажу вам откровенно: вы первый из немецких офицеров, к кому я обратилась за помощью. Выходит, ошиблась. Что же, тогда извините. И знайте: фрейлейн Леля найдет еще среди своих знакомых настоящего рыцаря, который подаст ей руку в трудную минуту. До свидания!

— Подождите! — остановил ее гестаповец, на которого, очевидно, подействовала эта тирада. — Я докажу, что

ваша судьба мне далеко не безразлична, хоть вы и причинили мне немало горьких минут. Завтра вечером я вас посажу на поезд, идущий во Львов. Только с одним условием...

— Согласна на любые условия!

Немец заискивающе заглянул ей в глаза, подумал и произнес:

— На этот раз моя просьба, фрейлейн Леля, будет очень скромной. Оставьте на всякий случай адрес, по которому вас можно будет найти во Львове.

— С большим удовольствием,— ответила Лисовская.— Я еще не знаю точно, у кого остановлюсь, но...— Она взяла листок бумаги, написала на нем какой-то выдуманный адрес и подала гестаповцу.— Будете во Львове — вы легко сможете меня разыскать.

На другой день Лидия Ивановна уже ехала в офицерском вагоне во Львов. Поскольку поезд был переполнен и для нее не нашлось плацкартного места, какой-то майор любезно уступил ей свою нижнюю полку, а сам забрался под самую крышу.

В вагоне было холодно. Да и без того она не могла бы уснуть. Не помогла даже рюмка коньяку, которую пришлось выпить с соседями по купе — штабными офицерами. Из их разговоров она поняла, что во Львове должно состояться важное совещание высших офицерских чинов, связанное с дальнейшими фронтовыми событиями. Она внимательно прислушивалась к каждому слову штабистов, и ей было больно, что нет рядом Николая Ивановича. Он, наверное, сумел бы вместе с этими длинноногими фрицами попасть на совещание. А впрочем, если Николай Иванович во Львове, он все сделает, чтобы проникнуть туда. А если это ему не удастся? Что ж, тогда придется пустить в ход все свои способности и выудить из этих офицеров кое-что. Решила держаться поближе к майору, уступившему ей свое место.

Во Львов поезд прибыл утром, майор и его коллеги собирались ехать к главному вокзалу, но Лисовская, узнав, что офицерам нужно в оперный театр, посоветовала им сойти на Подзамче. Такси не было, и пришлось нанять извозчика.

— Куда вас подвезти? — спросил майор, когда они подъехали к театру и его друзья сошли.

— Благодарю вас,— ответила она,— мне здесь рядом.

Офицер взглянул на часы.

— О, в нашем распоряжении еще полтора часа! Может, позавтракаем?

— Не смею вас утруждать.

— Что вы! В обществе такой прелестной женщины, как вы, завтрак покажется во сто раз вкуснее. Скажите, пожалуйста, этому извозчику, чтоб он нас подбросил к какому-нибудь кафе.

За завтраком гитлеровец продолжал без устали осыпать Лисовскую комплиментами, расспрашивал, что она собирается делать во Львове, нет ли у нее здесь жениха или хорошего знакомого. И, наконец, поинтересовался, не согласится ли она еще раз встретиться с ним.

— Но мне же надо сначала где-то устроиться, — начала возражать Лисовская.

— Вот и хорошо. Сегодня можете устраивать свои дела. Я и сам не знаю, как там сложится на совещании. А вот завтра... Завтрашний вечер вы должны подарить мне.

Немного подумав, Лисовская согласилась. Да, она придет завтра на свидание. Около театра? Хорошо. В пять? Хорошо. Это точно? Слово чести?

Простившись с майором, Лидия Ивановна отправилась в «Бристоль». Рузя, краснощекая полька средних лет, встретила ее с распростертыми объятиями.

— Езус Мария! Кого я вижу! Лидочка! — защебетала она писклявым голоском, который никак не подходил к ее плотной комплекции. — Какими судьбами?

— Попутным ветром.

— И надолго?

— Это зависит от того, удастся ли мне устроиться где-нибудь во Львове.

— А что в Ровно?

— Уже надоело торчать в провинции. Хоть Ровно и считается столицей, но скука там невероятная. Другое дело — Львов! Тут все так же, как было раньше, или, может быть, тоже от скуки мухи дохнут?

— Ну, что ты! Львов остается Львовом! Да что же мы стоим в коридоре? Хочешь есть?

— Нет, спасибо, я уже позавтракала. Ты лучше скажи: меня никто не спрашивал?

— Тебя? — удивилась Рузя. — А разве кто-то должен был спросить о тебе?

— Да так, один знакомый офицер сказал, что будет искать меня во Львове, и я посоветовала ему обратиться к тебе.

— А ты водишь дружбу с немецкими офицерами? — укоризненно спросила Рузя.

— Как тебе сказать? Дружбу не дружбу, но и среди немцев встречаются порядочные люди. И к тому же, мне не хотелось бы оказаться в эшелоне вместе с теми несчастными, которых увозят в Германию.

— Что ни говори, Лидочка, а ты умеешь устраиваться, — засмеялась Рузя. — Ну что мне с тобой делать? Посетель для тебя у меня найдется. А работа... Слушай, ты же работала официанткой?

— Бери выше: метрдотелем в офицерском казино. Ну, конечно, это не львовский «Жорж» или даже твой «Бристоль», но все-таки мелюзга к нам даже носа не показывала. А что?

— Поезжай сейчас ко мне домой, там мама, и отдыхай. А я поговорю с директором, отрекомендую тебя как родственницу, и, может, мне удастся его уговорить взять тебя кем-нибудь к нам.

— Рузенька, это было бы чудесно! — воскликнула Лисовская и поцеловала подругу в щеку. — Как хорошо, что я тебя встретила, и у меня есть где остановиться.

Идя по улице, Лисовская не пропускала глазами ни одного офицера в форме гауптмана. «Где вы теперь, Николай Иванович? — думала она. — Найду ли я вас в этом городе, среди врагов?»

На следующий день в пять часов она подошла к театру. Площадь перед ним была забита легковыми автомобилями. «Совещание еще не закончилось», — подумала она и хотела уже пойти в скверик, предполагая, что придется долго ожидать, как вдруг увидела знакомого майора.

— Извините, что я вас задержал, — сказал он, поздоровавшись. — Вообще, это не в моей привычке, но поймите: не было возможности оставить зал. Я постараюсь купить свою вину.

— Что вы? Я совсем не сержусь. Вы там занимаетесь важными делами, а мне все равно нечего делать.

— Тогда я попрошу вас немного прогуляться. Еще часок, не больше. И мы с вами куда-нибудь пойдём. Не возражаете — в ресторан?

Да, она не возражает. Вероятно, то совещание — не пустая говорильня, если сюда съехался чуть ли не весь цвет гитлеровского офицерства. Интересно, о чем они там совещаются? Она должна заставить майора развязать язык.

Наконец, совещание закончилось. Из массивных дверей двумя потоками полилась непрерывная людская масса. Лисовская стояла на площади, прислонившись спиной к газовому фонарю, и внимательно всматривалась в лица офицеров разных чинов и рангов, выходивших из театра.

Вдруг сердце ее сжалось, неведомая сила подтолкнула ее и, сдерживаясь, чтобы не закричать, Лидия Ивановна рванулась вперед: из театра вышел и направился к серому лимузину стройный, подтянутый гауптман. Это он! Он! Она не ошиблась. Он здесь, во Львове! И он был на совещании.

Решение пришло мгновенно. Она подбежала к машине, в которую только что сел офицер, с силой рванула заднюю дверцу и, упав на сиденье, произнесла:

— Приветствую вас, господин гауптман!

Шофер, ничего не понимая, уставился на нее удивленным взглядом, а офицер, резко обернувшись, улыбнулся с легким укором, но радостно проговорил:

— Ох, беда мне с вами! Ну, что ж, здравствуйте!

Потом, обратившись к шоферу, добавил:

— Это и есть, Ваня, та самая Лидия Ивановна.

— Белов,— представился тот и хотел что-то сказать, но Лисовская, увидев через стекло, как ее знакомый майор растерянно оглядывается по сторонам, сказала:

— Ваня, полный вперед!

Машина тронулась с места и помчалась по центральной улице, обдавая пешеходов брызгами мокрого, грязного снега.

— Ну, рассказывайте, как вы сюда попали? Что нового в Ровно? — спросил Николай Иванович.

Она рассказала о вызове в гестапо и разговоре с Конрадом, и о встрече в Метусем, и о том, как оказалась во Львове. Услышав об аресте Вали и семьи Боганов, Кузнецов помрачнел:

— Новости печальные,— сказал он.— Если бы мы находились в Ровно, можно было бы что-нибудь придумать и освободить их. А сейчас вся надежда на наши войска. Они наступают с такой стремительностью, что могут помешать фашистам учинить расправу над товарищами.

— А как вы? — спросила Лисовская.— Давно уже во Львове?

— С неделю.

— И не дали о себе знать? Вы же обещали,— укоризненно проговорила она.

— Обещать обещал, а приехал и увидел, что вам лучше оставаться дома.

— Но почему?

— Поймите: Львов — не Ровно. Прежде чем начать там действовать, наши ребята провели большую подготовительную работу. У них было для этого время. Ровно считалось глубоким немецким тылом. И наши разведчики, не вызывая подозрений, были в относительной безопасности. А теперь — не те времена. Вы бы посмотрели, как перепуганы эти завоеватели! Они чувствуют неотвратимость своего конца и дрожат от ужаса. А перепуганный хищник еще опасней. Сегодня на совещании выступал вице-губернатор Галиции Бауэр. Слышали бы вы, как он с пеной на губах требовал усиления репрессий против неблагонадежных. Почти каждый вечер здесь устраиваются облавы. Отряды карателей, гестаповцев, фельджандармерии не перестают бесчинствовать. Во Львове немало отважных людей, наших патриотов, и они доставляют много неприятностей оккупантам. Но мне никак не удастся связаться с ними. С нами приехал Янек Каминский, у него тут есть знакомые, родственники. Ян пытается через них разыскать надежных людей. Но пока безуспешно. Если так будет продолжаться, нам придется оставить свои «визитные карточки» и пробираться навстречу своим. При условии, конечно, если советские войска раньше не придут сюда. Так что, дорогая Лидия Ивановна, вам нужно было оставаться в Ровно...

— Нет! — возразила Лисовская. — Как я могла сидеть спокойно, когда идет война! Я не успокоюсь, пока ни одной гадины не останется на нашей земле. Вы тут рискуете жизнью, а я должна отсиживаться дома, зная, что гестапо охотится за вами. Я должна была вас найти и счастлива, что встретила.

— И я рад вас видеть. Но, к сожалению, нам снова придется расстаться. Если возникнет необходимость, мы свяжемся с вами. Вы где остановились?

— У приятельницы Рузи, я вам о ней говорила. Она обещала похлопотать за меня перед своим шефом.

— Хорошо, вот через нее мы вас и найдем. Но повторяю: если только в этом будет крайняя необходимость.

Она понимала Николая Ивановича. Львов действительно не Ровно. И время теперь не то. Там они могли свободно ходить, и ни у кого не возникала мысль, что гауптман Пауль Зиберт и его подруга фрау Леля — советские

разведчики. Это было раньше. Это было в Ровно, в городе, где Николай Иванович имел не одну конспиративную квартиру и не одного помощника. И почти ежедневно он поддерживал связь с отрядом. А здесь? Здесь ему приходится решать все одному, действовать вслепую. Кто знает, не следят ли за ней? Недаром же этот Конрад интересовался Паулем Зибертом. Может, гестапо рассчитывает с ее помощью напасть на его след? Не выйдет! Да, Николай Иванович прав: им нельзя встречаться. Нужно ждать. Ждать и искать связи с местными подпольщиками.

И снова, как в тот снежный декабрьский вечер, они расстались. Серый лимузин поехал, а она стояла и грустно смотрела вслед маленькому красному огоньку, пока тот не растаял в вечерней синеве...

Вскоре по Львову разнеслась весть, что среди бела дня неизвестный немецкий офицер убил вице-губернатора Галиции доктора Отто Бауэра и его президиал-шефа доктора Шнайдера. Услышав об этом, Лидия Ивановна вспомнила, с какой ненавистью Николай Иванович рассказывал ей о выступлении Бауэра на совещании, и поняла, что Пауль Зиберт продолжает борьбу.

* * *

И вот она сидит в своей комнате, за стеной спит старенькая мама, рядом сестры слушают ее рассказ, а она думает о нем. Майя не видела его в отряде. Где же тогда он? Среди наших или снова среди врагов? Где ты, Пауль Зиберт? А может, его зовут уже не Паулем, а Куртом или Гансом? И фамилия у него другая. Все может быть... Может, даже... Нет, нет! Ни в коем случае! Она гонит от себя страшную мысль. Он есть! Он жив! Он должен жить! Такие, как он, не умирают!..

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

А Николая Ивановича Кузнецова уже не было в живых. Вместе со своими боевыми товарищами Яном Каминским и Иваном Беловым он погиб в неравном поединке с врагами, погиб, как герой, до последнего вздоха не выпуская из рук оружие. Случилось это в ночь с 8 на 9 марта 1944 года, через два месяца после того, как расстались мы с ним на заснеженной опушке Цуманского леса:

Два месяца... Где он был на протяжении этого времени? Что делал? Невозможно во всех деталях, шаг за шагом проследить за действиями тройки отважных советских разведчиков, так как нет человека, который бы все это время находился вместе с ними и которому бы они доверяли свои тайны. Тем, кто пытается воссоздать картину последних двух месяцев жизни и борьбы Кузнецова с врагом, приходится пользоваться отрывочными, иногда даже противоречивыми материалами, отбирая буквально по крохам наиболее вероятные факты и делая допустимые предположения.

Когда Дмитрий Николаевич Медведев писал свои книги, еще не были известны обстоятельства гибели Кузнецова, и у многих читателей «Сильных духом» возникало немало вопросов относительно последних дней Николая Ивановича. Многие сомневались, действительно ли его нет в живых. Откровенно говоря, нам, его друзьям и товарищам по разведке, тоже не давала покоя эта мысль. И мы продолжали поиски. Были еще раз тщательно проверены все имеющиеся материалы, просмотрены тысячи архивных документов и газет, опрошены сотни людей, которые в той или иной мере могли оказаться хотя бы случайными свидетелями действий легендарного разведчика.

Большую работу провели Лукин и Николай Струтинский, решили разыскать место гибели Кузнецова, Белова и Каминского. Вместе с другими товарищами — бывшими партизанами — они начали изучать путь группы Кузнецова из Львова в Ганачевские леса. Были искожены все тропинки и дороги, которыми могли пробираться навстречу отряду разведчики, детально исследована местность. И следы привели, наконец, в село Боратин Бродовского района, на Львовщине.

Село Боратин... Как попал сюда Кузнецов? Очевидно, это произошло так.

...Он приехал во Львов в конце января, и большой незнакомый город встретил его загадочной напряженностью. Уже у контрольно-пропускного пункта увидел он строгое предупреждение военного коменданта, написанное большими буквами на фанерном щите:

*«Военным после прибытия во Львов
надлежит немедленно зарегистрироваться в городской
комендатуре.*

Отметка о прибытии или выезде является обязательной!

Без нее устраиваться на квартиры и ночевать в городе запрещается!»

Конечно, гауптман Зиберт не имел намерения отмечать свой приезд в военной комендатуре и все хлопоты по квартирному вопросу возложил на Яна Каминского, у которого во Львове были дальние родственники и знакомые.

Целыми днями Николай Иванович вместе с Иваном Беловым разъезжали по городу в сером лимузине, а Ян Каминский навещал знакомых, надеясь напасть на след местных подпольщиков или, в крайнем случае, подыскать несколько надежных конспиративных квартир. Но его попытки не приносили результатов.

Что касается Пауля Зиберта, то его дела шли успешно. За два-три дня ему удалось завязать несколько знакомств с местными штабными офицерами, и, как всегда в таких случаях, он сразу же покориł сердца своих новых знакомых. Они начали вводить его в курс многих событий, происходивших во Львове и за его пределами, наконец, от них же он узнал о совещании, которое должно было состояться в оперном театре, и с их помощью даже получил на него пропуск.

После совещания быстро покинул театр. Он сел в машину с намерением поехать к Яну: возможно, у того появились хорошие вести, но неожиданно услышал за спиной знакомый женский голос... Это была Лисовская.

Ее рассказ взволновал Николая Ивановича. Валя и Боганы арестованы. Лидии Ивановне тоже грозит опасность. Отряд далеко, в лесах, кто знает, когда удастся установить связь со своими людьми.

Лисовская рассказала, что ровенское гестапо проявляет к его особе немалый интерес, что его разыскивают. Что ж, пусть ищут. Пауля Зиберта не так легко заманить в ловушку. А если это случится, то живым они его не возьмут.

И, наверное, в эти минуты он, как бывало и там, в Ровно, рассказывал своим друзьям легенду об отважном соколе, который истек кровью в борьбе с врагами, но навсегда остался живым в песне смелых и сильных духом.

Нет, он не жалел, что приехал в этот город. Он успел собрать немало полезных разведывательных данных. Беседы с штабными офицерами... Совещание... То, о чем он узнал, дойдет до наших, обязательно дойдет.

Ему стало ясно, что Пауль Зиберт уже перестал быть для гитлеровской контрразведки обыкновенным фронтовым офицером и что здесь, во Львове, он больше не будет иметь возможности с такой же активностью вести разведывательную работу, как в Ровно. Фронт приближается. Поднялась паника. Вокзал переполнен всякими чинами, спешащими отправить свои семьи и награбленное добро. Да и по настроению участников совещания можно было догадываться, что гитлеровцам не придется оказывать во Львове упорного сопротивления советским войскам. Значит, пришло время оставить город и ему, Кузнецову. Если же не удастся встретиться с отрядом, необходимо будет перейти линию фронта. Оккупантам уже недолго осталось хозяйничать на советской земле, но пока жива фашистская гадина, он не может оставаться в стороне от борьбы. Его поле боя — вражеский тыл. И он потребует, чтобы его снова отправили на оккупированную территорию — в Польшу, Чехословакию, Югославию — куда угодно, даже в Берлин.

Надо пробираться на восток. Но перед этим он еще напомним о себе, еще преподнесет врагам прощальный сюрприз.

Утром 9 февраля сторожиха музея Ивана Франко, выйдя во двор, заметила у ворот серый лимузин.

«Наверное, за вице-губернатором», — подумала она, но в то же мгновение закралось сомнение: «Нет, за Бауэром всегда приезжает большой черный автомобиль, а на таком ему ехать не к лицу. Да и останавливается вице-губернаторская машина не здесь, а у ворот следующего особняка. Может, это кто-нибудь к нам?»

Она подошла к ограде. Дверца серого лимузина была открыта, капот поднят, и шофер в солдатской шинели склонился над мотором. Возле него стоял немецкий офицер и что-то сердито бубнил. «Ну и достается парню на орехи», — подумала она, наблюдая эту сцену. Офицер, вероятно, очень спешил и громко подгонял шофера, время от времени поглядывая на часы. А с мотором, видать, дела были плохи.

Вот и черный автомобиль подъехал. Офицер подошел к нему и что-то сказал водителю, очевидно, попросил помочь наладить мотор. Шофер вылез из кабины, но, заметив своего шефа, который вместе с другим немцем вышел из особняка, поспешно открыл перед ними дверцу.

То, что произошло потом, было настолько неожидан-

ным и невероятным, что сторожиха долго не могла опомниться.

Едва Бауэр и его спутник ступили на тротуар, как офицер почти вплотную подошел к ним и спросил:

— Зинд зи доктор Бауэр?

— Я, их бин Бауэр,— послышалось в ответ.

Офицер произнес еще какую-то фразу, и потом один за другим прозвучали несколько pistolетных выстрелов. Часовой, стоявший во дворе вице-губернаторского особняка, вскинул автомат, но упал, срезанный автоматной очередью из серого лимузина. Еще секунда — и лимузин, набирая скорость, помчался вниз по крутому извилистому спуску улицы.

А на тротуаре около длинного комфортабельного автомобиля остались два трупа: вице-губернатора и его спутника.

Известие об этом убийстве облетело весь город. Разные слухи — один удивительнее другого — передавались из уст в уста. На каждом шагу можно было услышать: «Кто этот неизвестный немецкий офицер? Где он? И немец ли он вообще?» Никто не мог дать ответа на эти вопросы — ни тысячи жителей Львова, ни те, кто считали себя его новыми хозяевами. Оккупанты чувствовали, что земля горит под их ногами, что их владычеству приходит конец, и страх охватывал их, страх перед неминуемой расплатой за все злодеяния, учиненные на этой пылающей земле.

Как бы им хотелось закрыть людям рты и уши, чтобы они не могли ни говорить, ни слышать о каждой новой диверсии подпольщиков! К каким только средствам ни прибегали фашисты, чтобы запугать народ. Но напрасны были их старания: никакие угрозы, никакие расправы не могли убить в людях веру в быстрое освобождение. Убийство двух гитлеровских сатрапов вселило в сердца львовян надежду, подбодрило их, прибавило им силы в борьбе с захватчиками.

Газеты и желто-блакитные листки националистических предателей упорно молчали об убийстве Бауэра. Очевидно, оккупанты никак не осмеливались расписаться в своей беспомощности и бессилии: ведь все чрезвычайные меры, принятые гестапо по обнаружению и аресту неизвестного убийцы, оказались тщетными.

Весь аппарат гестапо был поднят на ноги, ни днем, ни ночью не прекращались розыски, эксперты перевернули

ворохи различных секретных документов о террористических действиях подпольщиков в разных местах оккупированной гитлеровцами советской земли. И вот на стол начальника гестапо гауптштурмфюрера СС Петера Краузе легли сообщения, полученные в разное время из Ровно о ранении сенат-президента Пауля Даргеля, об убийствах имперского советника финансов Геля, заместителя рейхс-комиссара Украины Кнутта, оберфюрера СС доктора Альфреда Функа и о похищении генерала фон Ильгена. В последнем, особо секретном сообщении, были описаны приметы опасного большевистского агента и названо его имя — гауптман Пауль Зиберт. Сопоставив все обстоятельства, эксперты пришли к выводу, что убийство во Львове является логическим продолжением ровенских событий. И во все концы Галиции разлетелось срочное распоряжение: любой ценой поймать и уничтожить «террориста». В бумаге указывалась и награда за поимку гауптмана Зиберта — 25 тысяч золотых.

Лишь после принятия решительных мер губернатор Галиции Вехтер дал разрешение на опубликование некролога.

15 февраля 1944 года это известие донесла до советских людей «Правда»: «Стокгольм. По сообщению газеты «Афтенбладет», на улицах Львова среди бела дня неизвестным, одетым в немецкую военную форму, были убиты вице-губернатор Галиции д-р Отто Бауэр и высокопоставленный чиновник д-р Генрих Шнайдер. Убийца не задержан».

Да, убийца не был задержан, несмотря на все меры, принятые службой безопасности. Более того, 12 февраля, в то самое время, когда набирался номер немецкой газеты с некрологом, Пауль Зиберт снова напомнил о себе. За Львовом, недалеко от села Куровичи, на контрольно-пропускном пункте был убит немецкий майор, пытавшийся проверить документы у пассажиров серого лимузина. Вслед за майором отправились на тот свет четверо жандармов — они выбежали из будки, услышав выстрелы. Начальник гестапо, который лично выехал на место происшествия, опросив свидетелей, установил, что в майора стрелял из пистолета немецкий офицер, сидевший рядом с шофером, а по жандармерии выпустил автоматную очередь мужчина в штатском, после этого машина помчалась дальше.

Гестаповец кинулся в погоню, но, проехав с десятков

километров, увидел недалеко от дороги разбитый, обгоревший кузов серого лимузина — такого, какой, по описаниям свидетелей, утром 9 февраля остановился неподалеку от вице-губернаторского особняка. Пассажиры среди остатков машины обнаружены не были. Специально вызванный отряд жандармов осмотрел ров, обыскал каждый кустик, прочесал близлежащий лесок. Пассажиры лимузина исчезли.

Оставив машину, Николай Иванович, Белов и Каминский углубились в лес. Возможно, жандармам и удалось бы их схватить, но разведчики встретили подводу с хвостом; возница был одет в форму полицейского. Заметив немецкого офицера, он струсил и без колебаний взял на подводу пассажиров. По дороге он на все лады восхвалял немецкую власть, «освободившую нашу Украину от большевизма и противных ляхов».

— Вот еще расправятся с партизанами, тогда совсем легко будет дышать,— добавил он.

— Во зинд партизанен? — спросил у него Кузнецов.

— Вон там, в нашем лесу,— дядька показал рукой влево и, вероятно желая доказать свою преданность оккупантам, добавил: — Я старостой тут недалеко. Мне обещали награду, если я выслежу партизан. Вот я и езжу по лесам на подводе. Уже на след попал и, вот увидите: пройдет день-два — я их поймаю.

Он довольно захохотал и хотел еще что-то добавить, но не успел: большие, крепкие руки Каминского охватили его голову и прижали к подводе...

Два дня блуждали Кузнецов и его товарищи по лесам, надеясь встретить партизан, о которых рассказывал староста. А на третий день разведчики случайно набрали на группу беженцев, убежавших из гетто и скрывавшихся в лесу. Беженцам эта местность была хорошо знакома, знали они также, где находятся партизаны.

— Ведите,— обратился к ним Кузнецов.

Идти пришлось долго. Тяжело было уже который день подряд шагать и шагать, почти не зная отдыха. Но они твердо верили в то, что достигнут цели, встретятся с партизанами. И встретились.

Беженцы привели их в шалаш, и здесь разведчики увидели истощенных от болезни двух наших товарищей — Дроздова и Приступу, которые лежали без сознания, накрытые тулупами.

Василий Дроздов чуть приоткрыл глаза, и, как в тумане, перед ним возникло знакомое лицо Кузнецова.

— Николай Иванович! Это вы? — тихо спросил он.

— Да, Вася, я. Что с тобой?

— Тиф свалил меня и Приступу.

— А где отряд, далеко?

— Да... Нашу группу послали вперед. Мы должны были пробраться во Львов и думали встретить вас. Но вот видите: двоих болезнь свалила, радист погиб. Почти каждый день приходилось вести бои. Наши ребята решили пойти дальше. Вы их не встречали?

— Нет, не пришлось.

— Рассказывайте, как там во Львове? Много ли вы им преподнесли «сюрпризов»?

И Николай Иванович рассказал о том, как они приехали во Львов, как пытались установить связь с подпольщиками, как уничтожили Бауэра и Шнайдера и как добрались в эти места.

— Ну, теперь мы уже будем вместе, — обрадовался Дроздов. — Дождемся, пока придет отряд, а там...

— Нет, — перебил его Кузнецов, — я здесь не останусь. Нам необходимо идти дальше, — он посмотрел на Каминского и Белова, — я должен перейти линию фронта. Тут от меня пользы — как от козла молока.

Дроздов уговаривал Николая Ивановича и его товарищей остаться, но Кузнецов даже не хотел об этом слушать. Поняв, что ему не удастся переубедить товарищей, Дроздов пожелал им счастливого пути.

Кузнецов, Ян Каминский и Иван Белов пошли на северо-восток, по направлению к Бродам...

27 июля Советская Армия освободила Львов. Через некоторое время, оправившись после болезни, сюда приехал Дмитрий Николаевич Медведев. Встретились боевые друзья, те, кто два года вместе делили радость побед и горечь утрат. Хорошие вести приходили с фронта: гитлеровцы, терпя поражение за поражением, под напором советских войск откатывались на запад, и ничто уже не могло остановить победоносного движения нашей армии-освободительницы.

Радовались партизаны-медведевцы. Но в то же время беспокоила их судьба Николая Ивановича, Белова и Каминского. «Что с ними?» — не раз спрашивал себя Дмитрий Николаевич. От Дроздова и Приступы он узнал, что Кузнецов пошел в бродовском направлении, сторожи-

ха музея Ивана Франко рассказала об обстоятельствах убийства Бауэра и Шнайдера, свидетелем которого она случайно оказалась. Больше ничего не было известно.

Дмитрий Николаевич решил пересмотреть дела гестапо, которые оккупанты, удирая, не успели уничтожить или захватить с собой. И тут его внимание привлекло несколько документов. В одном из них сообщалось о покушении на вице-губернатора Бауэра и Шнайдера, в другом — об автомашине, найденной в районе Куровичей. («12.2.44 г. был убит военный патруль майор Кантер»), а еще в одном — об убийстве подполковника Ганса Петерса в здании военно-воздушных сил по улице Валовой, 11-а. На этом сообщении была приписка сделанная, очевидно, позже: «Вероятно, это дело рук Зиберта». Слово «вероятно» было несколько раз подчеркнуто. И, наконец, телеграмма-молния в Главное управление имперской безопасности для вручения группенфюреру СС и генерал-лейтенанту полиции Мюллеру «лично». В телеграмме сообщалось, что подразделение украинских националистов задержало трех советских агентов, имевших «фальшивые немецкие документы, карты, немецкие, украинские и польские газеты, а также отчет одного из задержанных о его работе. Этот агент (по немецким документам его имя Пауль Зиберт) опознан представителем УПА. Речь идет о советском партизане, разведчике и диверсante, который долгое время действовал в Ровно, убив, в частности, доктора Функа и похитив генерала Ильгена. Во Львове «Зиберт» собирался застрелить губернатора Вехтера. Это ему не удалось. Вместо губернатора были убиты вице-губернатор Бауэр и его президиал-шеф д-р Шнайдер. Оба эти немецкие государственные деятели были расстреляны недалеко от их частных квартир. В отчете «Зиберта» приведено описание убийства со всеми деталями... Имеющиеся в отчете подробности о местах и времени осуществления актов, о ранениях жертв, о захвате боеприпасов и т. д. кажутся точными. От боевой группы Прицмана поступило сообщение о том что «Пауль Зиберт» и два его сообщника расстреляны на Волыни националистами-бандеровцами. Представитель ОУН подтвердил этот факт и обещал, что службе безопасности будут представлены все материалы.

Начальник полиции безопасности и СС по области Галиция доктор Витиска».

Так мы узнали о том, что Николая Ивановича Кузнецова нет в живых.

* * *

Давно отгремели залпы войны, страна залечила раны, оставленные ею. Вчерашние воины и партизаны стали людьми мирного труда. Почти через пятнадцать лет после разгрома гитлеровской Германии нам стали известны обстоятельства гибели легендарного разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

...Морозной мартовской ночью подошел он со своими товарищами к селу, окруженному старыми дубами и буками. Они решили погреться и постучали в крайнюю хату. Открыл хозяин. Кузнецов обратился к нему по-немецки: — *Вир воллен эссен.*

Вдвоем с Каминским они зашли в дом, а Белов остался на улице. Пока хозяин ходил на кухню за молоком и хлебом, Николай Иванович вытащил из-за пояса гранату и положил ее на скамейку у стены, прикрыв тряпкой.

Не знали разведчики, что в подвале этой хаты засели националисты. Бандиты неожиданно ворвались в комнату, и началась жестокая схватка. Бандеровцы оглушили Каминского ударом приклада по голове и набросились на Кузнецова. Толчком ноги в живот он свалил одного, второму свернул челюсть, третьего ударил головой о стену. Но силы были неравные, и им удалось его схватить.

— Кто вы? Бандиты? — обратился он к бандеровцам по-немецки.

— Нет, мы украинская повстанческая армия, — обиделся один из них.

— Почему же вы тогда нападаете на немецкого офицера?

— С немцами мы живем хорошо. Только у таких, как вы, бродяг, отбираем оружие. А большевиков уничтожаем.

— В таком случае, не держите меня. Дайте отдохнуть.

— Можете сесть, — сказал бандит.

Кузнецов опустился на скамейку. Через несколько минут в комнату вошел здоровяк полицейский в бараньей шапке. В руках он держал удостоверение, отобранное одним из бандитов у Кузнецова.

— Так это ты? — громко пробасил он, уставившись на Николая Ивановича. — Как тебя там?

Он заглянул в удостоверение.

— Зи-берт, да?

Он полез в карман, достал какую-то бумагу, посмотрел в нее и, весело блеснув глазами, заорал:

— Попался! Хлопцы, берите его на мушку! Только смотрите! Вы знаете, что это за птица? Я сейчас пойду позову панов атаманов: пусть увидят, какую птичку я поймал. Пусть позавидуют: двадцать пять тысяч золотых у меня в кармане!

И с хохотом вышел из комнаты. Вскоре с улицы слышались пьяные голоса.

— Ребята, дайте закурить,— попросил Кузнецов. Один из охранявших насыпал на стол немного махорки и положил кусочек газеты. Кузнецов скрутил папиросу и поднес ее к лампе, пытаясь прикурить. Открылась дверь, и в ней показалась знакомая фигура в бараньей шапке. В то же мгновение лампа погасла. Раздался возглас:

— Вот как умирают советские партизаны!

И вслед за этим — взрыв.

Так погибли Николай Иванович Кузнецов и Ян Каминский. А с Иваном Беловым бандиты расправились еще раньше...

Обо всем этом рассказали Николаю Струтинскому и боевым друзьям героя-разведчика жители села Боратин. Они и помогли найти место, где утром 9 марта 1944 года по приказу бандеровских атаманов двое боратинских жителей — Громяк и Олейник — закопали изувеченное взрывом тело немецкого офицера. Так, для них он был лишь немецкий офицер...

А в октябре 1959 года в Москву к известному советскому ученому, доктору исторических наук М. М. Герасимову приехал ассистент кафедры судебной медицины Львовского медицинского института В. Н. Зеленгуров. Он положил перед профессором фотографию молодого человека, не называя его имени, а рядом поставил коробку, в которой находился череп, раздробленный на пятнадцать частей.

— Мы просим вас,— обратился Зеленгуров,— установить, действительно ли это череп человека, изображенного на фотографии.

После кропотливой сложной работы, проведенной М. М. Герасимовым и его ассистентами, оказалось: портрет и череп принадлежат одному и тому же человеку.

Этим человеком был Николай Иванович Кузнецов.

...Он родился 27 июля 1911 года в небольшом русском селе Зырянка на Урале. А 27 июля 1960 года, в тот день,

когда ему должно было исполниться сорок девять лет, в украинском городе Львове, ровно через шестнадцать лет после его освобождения, народ провожал в последний путь бессмертного разведчика.

Через весь город растянулся торжественно-траурный кортеж. На артиллерийском лафете — гроб с останками героя. Впереди венки: от партийных и советских органов, от бывших партизан, от коллектива «Уралмаша», где он работал перед самой войной, от рабочих, колхозников, ученых, воинов Советской Армии, учащихся... Венки, венки... Море цветов... Казалось, сама земля расстилается разноцветным ковром перед своим славным сыном.

А за лафетом — людской поток. Идут друзья и товарищи Кузнецова по борьбе: Лукин, Стехов, братья Струтинские, Шевчук, Семенов, Цессарский, Мария Ких... Идет брат Николая Ивановича — Виктор, тот самый Виктор, о котором Кузнецов нам столько рассказывал и которому незадолго до вылета из Москвы в партизанский отряд писал:

«Витя, ты мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания. Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтобы наш народ жил свободно. Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. Я и хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов на то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. Я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины. Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, и матери с благодарностью и благословением будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизни за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить освобожденные народы Европы. Разве может остановить меня, русского, большевика, страх перед смертью? Нет, никогда наша земля не будет в рабской кабале у фашистов! Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдем, но уничтожим дракона! Храни это письмо на память, если я погибну, и помни, что мстить — это

наш лозунг за пролитые моря крови невинных детей и стариков — месть фашистским людоедам. Беспощадная месть! Чтоб в веках их потомки наказывали своим внукам не совать своей подлой морды в Россию. Здесь их ждет смерть. Перед самым отъездом я еще тебе черкну. Будь здоров, братец. Целую крепко, твой брат Николай».

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Мне и моим боевым друзьям часто приходится выступать с воспоминаниями о партизанских буднях, о нашей разведывательной работе. Поднимаясь на трибуну, я всегда волнуюсь. Волнуюсь не только потому, что меня слушает многочисленная аудитория, но и потому, что нельзя без волнения рассказывать о героическом прошлом нашего народа, о замечательных действиях народных мстителей, о нашем боевом товарище и друге, славном сыне русского народа Николае Ивановиче Кузнецове, чье имя по праву стало легендарным.

Точно так же мы испытываем чувство волнения, поднимаясь во Львове на Холм Славы, где никогда не увядают цветы на его могиле, или же когда проходим по улице Кузнецова, попадаем в пионерский лагерь его имени, когда приближаемся к гранитному памятнику героя, на постаменте которого пламенеют слова из горьковской «Песни о Соколе» — любимого его произведения:

«Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету...»

Навсегда останутся в нашей памяти слова Николая Ивановича, написанные в письме, которое он велел вскрыть в случае его смерти: «Я люблю жизнь, я еще молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть они знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце. Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны...»

Бессмертными останутся в памяти народа патриоты, отдавшие свою жизнь в борьбе с врагом, такие как партизаны нашего отряда Николай Приходько, Петр Голубь, Марта Ильинична Струтинская, Николай Куликов и Василий Галузо, Леонтий Клименко и другие.

Не пришлось дожить до счастливых дней и другим нашим боевым товарищам. Почти вся семья Иосифа Богана была схвачена гестапо и казнена. В первые дни освобождения Ровно Мария Левицкая пошла к своей сестре в соседнее село. Там ее схватили украинские буржуазные националисты и замучили вместе с восьмилетним сыном Ромкой.

Погибла от вражеских рук жизнерадостная Лидия Ивановна Лисовская. Пока нет возможности описать все подробности гибели этой замечательной разведчицы. Много еще неизвестно и требует уточнения. Но ее смерть была такой же необычной и героической, как и вся ее жизнь.

Теперь уже известно, что после освобождения Львова от гитлеровских захватчиков Лидия Ивановна со своей двоюродной сестрой Майей переехала жить в этот город. Лидия Ивановна устроилась работать официанткой, а Майя собиралась пойти учиться.

И вот в один осенний день они получили телеграмму такого содержания:

«...Срочно прибыть город Ровно связи необходимостью выезда Москву получением правительственных наград...»

Девушки знали, что они были представлены к правительственным наградам. Знали, но сомневались, не верили. И вдруг такая телеграмма пришла. Пришлось срочно собираться в дорогу. Надо было, прежде всего, приобрести билет на поезд или подыскать попутный транспорт. Пока обсуждался этот весьма сложный вопрос, кто-то постучал. Лидия Ивановна открыла дверь — на пороге стоял солдат.

— Здесь живут Лидия Лисовская и Майя Микота?

— Здесь, — спокойно ответила Лидия Ивановна, — проходите, пожалуйста...

Солдат козырнул и по-военному отчеканил:

— Наша машина из ровенского гарнизона через полчаса следует в часть. Мне приказано заехать за вами, и, если вы согласитесь, отвезти в Ровно.

Девушки были в восторге от такого внимания и заботы. Через несколько минут сестры, неразлучные подружки во многих самых опасных ситуациях жизни и борьбы, сидели в кузове военного студебеккера.

Они не знали, что над ними нависла смертельная опасность, что это был последний путь в их жизни.

15 сентября 1944 года колхозники села Каменки Изяславского района Хмельницкой области, работавшие на уборке сахарной свеклы, заметили, что по дороге на большой скорости промчался крытый военный грузовик. Из машины послышался душераздирающий женский крик, и тут же из кузова было выброшено тело женщины. За ним с криком выпрыгнула вторая женщина. Последовала длинная автоматная очередь. Машина прибавила газу и, оставив за собой столб пыли, скрылась за поворотом. А на дороге остались лежать трупы двух молодых женщин.

Следствием было установлено, что первой, выброшенной из машины, была Майя Микота, а за ней, вырываясь из лап бандитов, выпрыгнула Лидия Ивановна, но она была скошена автоматной очередью. Сегодня их останки покоятся в братской могиле села Каменки Изяславского района.

После выхода моей повести на украинском языке я получил много писем с просьбой написать более подробно о Лидии Ивановне, о ее замечательной жизни, о ее последних днях. Этого пока я не сделал потому, что не все еще выяснено, не все известно. Но думаю, что если будет создана такая повесть, она привлечет внимание читателей и будет представлять интерес для нашего подрастающего поколения. Надеюсь, что и читатели, знающие этого замечательного человека, ее загадочную смерть, помогут мне в этом.

Заслуживает благодарной памяти потомков бессмертный разведчик, связной здолбуновского подполья, учитель Авраамий Владимирович Иванов. Он тоже не дождался счастливых дней победы над фашизмом: в конце 1943 года был схвачен гестапо и зверски замучен. Судьба этого замечательного человека, настоящего патриота нашей Родины, также многих заинтересовала. В настоящей книге я не смог больше написать о разведчике Авраамии Ивановне, но в скором времени читатели смогут познакомиться с новой документальной повестью о здолбуновском подполье, о самоотверженной борьбе его участников, о бесстрашном разведчике-комсомольце учителе Иванове.

Хочется отметить, что большую моральную помощь автору в работе над воспоминаниями оказывают дружеские, теплые письма нашей молодежи: пионеров, комсомольцев, воинов Советской Армии. Эти письма проник-

нуты гордостью за наш народ, за нашу непобедимую армию, за советских партизан, разведчиков и подпольщиков, за всех тех, кто вынес всю тяжесть войны, отстоял честь и независимость матери-Отечизны.

Очень многих интересуют более глубокие подробности жизни и деятельности легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова.

Правда, нашлись читатели (их, конечно, очень мало), которые поставили вопрос несколько иначе: не слишком ли много уже написано и продолжают писать о Н. И. Кузнецове? Не много ли для одного человека?

Что ответить на этот вопрос? Если рассматривать сугубо количественно, так в самом деле о разведчиках-медведцах, о Н. И. Кузнецове написано много: «Это было под Ровно» и «Сильные духом» — Д. Н. Медведева; «Записки партизанского врача» — А. Цессарского; «Разведчики», «Операция Дар», «Операция Дальний прыжок» — А. Лукина; «Подвиг» — Н. Струтинского и др. Но это ведь не означает, что написано все, что больше нечего сказать об одной из замечательных страниц борьбы советских людей в годы Великой Отечественной войны, о Н. И. Кузнецове и его соратниках.

Николай Иванович Кузнецов со своими товарищами в городе Ровно провел огромную работу по сбору ценнейших разведывательных данных, которые сыграли важную роль в разгроме врага, а некоторые из них имели даже большое международное значение.

Разведчик Николай Кузнецов прожил короткую, но замечательную жизнь и отдал ее во имя счастья Родины, когда ему было всего 32 года. В этом человеке, в его жизни, в его борьбе нашли воплощение все те хорошие качества советского патриота, которые могут служить неповторимым примером для всех поколений. И не случайно в докладе Первого секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Москве, посвященном 20-летию победы над гитлеровским фашизмом, имя Кузнецова было названо рядом с такими именами, как Р. Зорге, Р. Абель.

Есть еще страницы из жизни легендарного разведчика, очень мало кому известные — это последние два месяца, когда он покинул отряд и уехал в город Львов.

Еще многое предстоит вспомнить, восстановить, ибо

ничего не должно быть забыто из того, за что заплачено жизнью и кровью многих бойцов.

Читателей интересует и судьба тех партизан, разведчиков, которые сегодня живы и трудятся на мирном поприще. Когда я бываю в городе Ровно, обязательно стараюсь повидать наших партизан, своих боевых товарищей: Петра Марковича Мамонца, Ивана Тарасовича Приходько, Гришу Волкова и других.

Братья Шмереги и поныне живут в Здолбунове, на той же улице и в том же доме, и работают на прежнем месте. Несколько лет назад умерла жена Михаила — Анастасия Тарасовна — чудесная женщина, не раз рисковавшая семьей, детьми и собственной жизнью, помогая партизанам.

Я всматриваюсь в лица моих друзей. Что и говорить, время наложило на них свой отпечаток. Но каждый раз я ловлю так хорошо знакомые мне веселые искорки в глазах Марии Ких, узнаю мудрую лукавинку Михаила Шевчука, суровую сдержанность Коли Струтинского...

Семья Струтинских осталась такой же дружной, как и прежде. Правда, это уже не одна семья, живущая под одной крышей. Самый старший из Струтинских, Николай, стал опытным чекистом, его младшие братья — Ростислав, Жорж, Василий работают в различных львовских организациях. А недавно с целинных земель, почти с противоположного конца нашей Родины, переехала во Львов их сестра Катя.

Михаил Макарович Шевчук, хотя и стал уже персональным пенсионером, не оставил работу.

С первых дней освобождения Львова от фашистских захватчиков в активную общественную и политическую деятельность включилась наша радистка Мария Ких. Трудящиеся Львовщины избрали ее депутатом Верховного Совета Украинской ССР, и Мария Семеновна до сегодняшнего дня с честью оправдывает их доверие. Работает она директором мемориального музея Ивана Франко.

В городе Каменка-Бугская на Львовщине можно увидеть на улице высокого, крепкого человека в милицмейской форме — нашего бесстрашного разведчика Бориса Сухенко. И как-то спокойнее становится на душе: охрана общественного порядка в надежных руках.

Сергей Трофимович Стехов уже на пенсии, живет в Виннице. Часто выступает с интересными воспоминаниями о боевом прошлом перед молодежью. Там же живет

и одна из подпольщиц-связных отряда Полина Ивановна Козачинская-Наркович.

На пенсии и Александр Александрович Лукин. Живет он в Москве, занимается литературным трудом. Его книги: «Тихая Одесса», «Разведчики», «Операция Дар» пользуются широкой популярностью. На экранах кино-театров демонстрируется фильм по его книге «Сотрудник ЧК».

Советские читатели знакомы с книгами нашего врача Альберта Цессарского «Записки партизанского врача» и «Чекист». Последняя книга — повесть о жизненном пути Дмитрия Николаевича Медведева.

Встречаю я также неутомимого и отважного командира кавалерийского эскадрона Валентина Семенова. Он — геолог, разведывает богатства Севера, работает в Норильске. Туда переехала и его подруга жизни — наша смелая радистка Валя Осмолова.

Нашей самой молодой разведчице Вале Довгер, ближайшей помощнице Николая Кузнецова, полюбился город Воронеж. Недавно, к 20-летию победы над фашизмом, она награждена орденом Ленина.

В столице нашей Родины живут и работают Владимир Ступин и его жена, здолбуновская подпольщица Ванда Пилипчук, командир батальона Виктор Семенов, командир радиовзвода нашего отряда Лидия Васильевна Шерстнева. Много хотелось бы сказать хорошего об этой душевной женщине, которая в отряде руководила самым сложным делом — радиосвязью. Под ее непосредственным руководством наш отряд непрерывно поддерживал связь с Большой землей. И если сегодня она на пенсии, так не возраст тому причина а то, что много здоровья потеряла Лидия Васильевна в тылу врага.

В Москве живут и трудятся Всеволод Попков, Иван Строков, Борис Черный, Лев Ермолин, Григорий Шашков, Владимир Григорьевич Фролов, Сергей Рошин, Иван Сидоров.

Невольно вспоминаются слова из эпилога книги Д. Медведева «Это было под Ровно».

«...А в самом деле, неужели же это были мы, сидящие сейчас в гражданской одежде, в уютной квартире, полностью увлеченные мирными делами? Неужели это мы провели так много боев, были участниками самых опасных операций? Неужели это мы, больные, раненые, тряслись на подводах по заболоченным, неровным дорогам, не ду-

мая о чистых постелях, о кипяченой воде?.. Как много силы и бодрости было у каждого из нас...»

Но не только сила и бодрость руководили нами. Нас вдохновляла на борьбу, любовь к своей Родине, к родной Коммунистической партии, глубокая вера в нашу победу.

В этой книге названы лишь немногие товарищи. Наш отряд, если учесть всех, кто с оружием в руках сражался против врагов и кто помогал нам, насчитывал свыше тысячи человек. И невозможно написать книгу, где было бы рассказано обо всех этих людях и их героических делах.

Однако хотелось бы вспомнить добрым словом тех, о ком не сказано в книге, но которые своими отважными действиями завоевали всеобщее уважение и авторитет. Они и сегодня, не жалея сил и энергии, трудятся на благо народа. Это Серафим Гаврилович Афонин, возглавляющий теперь один из передовых колхозов в Мордовии.

В городе Чимкенте живет наш боевой товарищ, партизанский художник Григорий Георгиевич Пономаренко. Его рисунки о партизанской жизни хранятся в музеях.

Немало партизан-медведевцев осталось в Ровно. Среди них: Василий Бурим, Владимир Цехош, врач Григорий Андреевич Клешкань, Пантелей Карпович Терещенко, Сергей Шишмарев и его жена — партизанка Мария Мордвинова, Мария Ивановна Москвитина, Григорий Волков и его жена Ольга Сулимчук, Метек Кон и многие, многие другие.

Во Львове живут и трудятся руководители подпольных ровенских групп Терентий Федорович Новак, Иван Кутковец, партизаны Борис Крутиков, Николай Мазур, неразлучные друзья Михаил Сапир и Михаил Нессен, Василий Багров. Т. Ф. Новаку к 20-летию победы над фашизмом присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Преждевременная смерть вырвала из наших рядов Дмитрия Николаевича Медведева. Он умер 14 декабря 1954 года и похоронен на Ново-Девичьем кладбище в Москве.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Дмитрия Николаевича, удостоив его звания Героя Советского Союза и наградив четырьмя орденами Ленина. Старопименовский переулок в Москве переименован в улицу Медведева, а на доме № 16 по этой же улице установлена мемориальная доска.

Но лучшим памятником всем героям-партизанам, отдавшим жизнь за счастье будущих поколений, является то, что их имена и героизм навсегда останутся в памяти народной, как образец безграничной любви к Родине и беззаветного служения ей.

СОДЕРЖАНИЕ

До свидания, Москва!	3
Перед первым экзаменом	10
Корчма пана Зеленко	22
Семья Струтинских	35
У братьев Шмерег	40
«Подвижная засада»	50
Друзья и враги	59
После «подвижной засады»	68
Поединок Коли Приходько	74
Зурновская операция	82
История одной фотографии	90
«Парад будем принимать мы!»	98
Ресторан «Дойчер гоф»	109
От ефрейтора Шмидта до гаулейтера Коха	114
Аудиенция состоялась	125
Одни неприятности	136
Кто она?	147
Легионов, 15? Леля?	157
Суматоха в «столице»	167
Пистолет №	176
Крах «плана Александра»	178
Пароль остается прежним	189
«Чарли Чаплин» из Варшавы	201
Операция «Прозоровский мост»	206
«Привет от Попова!»	217
Ильген дает задание	226
Ошибка небольшая	235
Конец «мастера смерти» фон Пиппера	247
Нелегко жилось партизанам	254
Народ проклинает изменников	262
На Полесье	271
Борьба продолжается	281
Отряд движется на Львов	289
Где ты, Пауль Зиберт?	297
Герои не умирают	313
Слово к читателям	325

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы и пожелания на нашу книжку просим направлять по адресу: Киев, Пушкинская, 28. Издательство «Молодь». Редакция пропаганды и рекламы книги.

Обложка и титул
художника *В. Савадова*

Гнидюк Николай Акимович
ПРЫЖОК В ЛЕГЕНДУ.

Документальная повесть

Редактор *Г. Т. Ткаченко*
Художественный редактор *Р. Ф. Липатов*
Технический редактор *С. М. Нлюкова*
Корректор *А. Н. Спрогис*

Сдано на производство 9/XII—1965 г. Под-
писано к печати 1/III—1966 г. Формат
84×108¹/₂. Типографская бумага № 3. Физ.
печ. лист. 10,5. Условн. печ. лист. 17,64.
Учетн.-изд. лист. 19,35 + 8 вкл. = 20,2.
Тираж 65000. БФ 04607. Зак. 665. Цена 80 коп.

Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», Киев,
Пушкинская, 28.

Киевская книжная фабрика Комитета по
печати при Совете Министров УССР,
ул. Воровского, 24.

80 нон.

